А.Р. НАСРУЛЛАЕВ

АГУЛЫ – АЛЬФА И ОМЕГА

Махачкала 2009

ББК 63,521 (=603.5)
УДК 391
Н 31

Насруллаев, А.Р.
Н 31 Агулы – альфа и омега. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2009. – 408 с. + илл.

На Всероссийском конкурсе социальных проектов «Наши родители», организованном в 2008 году «Всероссийским советом местного самоуправления», «Союзом пенсионеров России» и РОО «Культура и право» под эгидой Всероссийской политической партии «Единая Россия» книга: «Агулы – альфа и омега» отмечена Дипломом в номинации «Бесценный дар».

Книга представляет собой попытку освещения истории, материальной и духовной культуры одного из малочисленных народов Дагестана – агулов. В ней дана новая интерпретация многих вопросов древней и средневековой истории этноса. Книга хорошо иллюстрирована, красочно оформлена, снабжена картами и богатым справочным материалом.

Расчитана на широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ: «АГУЛЫ – АЛЬФА И ОМЕГА»

Прочитав книгу: «Агулы – альфа и омега», первая мысль, которая приходит в голову, что ее автор не охвачен, пусть несколько наивным, но спасительным и важным чувством первооткрывателя. Его единственное кредо – тяга к познанию родной истории и восстановлению национального самосознания. Задача проделанного труда – не потерять за историческими наслоениями любые драгоценные блестки прекрасного и человечного, с которой автор справился блестяще.

Автора главным образом увлекла, захватила стихия знаний о природе и человеке, стремление к аккумулированию драгоценного социального и нравственного опыта многих поколений агулов. Работая над книгой, автор отдавал себе отчет в том, что невозможно «объять необъятное». Увы, многое и многие даже не упомянуты…

Сегодня, когда мы наблюдаем картину тотальной потери молодежью уважения к обычаям и традициям родного края, к историческому прошлому своего народа, важно появление таких исследований как: «Агулы – альфа и омега». С детских лет, внимая утверждениям школьных учителей о вековой отсталости Дагестана, бескультурье наших предков, отсутствии в «темном» прошлом сколько – нибудь значимых имен и событий, молодой человек неизбежно проникался чувством

ущербности. На уровне подсознания у него вырабатывался комплекс неполноценности, ощущение генетически, якобы обособленной второсортности наших народов, не способных к саморазвитию и нуждающихся во «внешней опеке».

Не глазами безучастного, праздного наблюдателя, который изучает культуру и быт агулов «сверху» или «со стороны», воспринимает автор народную жизнь, но человека сильно и глубоко страдающего от ее несовершенства, чутко отзывающего на ее драмы, кровно заинтересованного в ее улучшении.

От автора не ускользают как высокие духовные порывы народа, воплощенные, например, в собранных и тут же приведенных образцах фольклора, так и мрачные стороны повседневного быта – бедность и нужда, слепая сила предрассудков и суеверий, запечатлены ушедший в прошлое уклад жизни, формы людских взаимоотношений, образа мышлений.

Здесь проявляется гуманизм автора, его вера в душевные силы человека, в незыблемость моральных ценностей, его убежденность в том, что каждая человеческая личность неповторима и вправе, требовать к себе внимания и уважения. В каждом разделе книги мы ощущаем присутствие автора, наблюдательного, умудренного опытом, несомненно, любящего свой край, свой народ.

При изложении материала, автор старается не детализировать факты походов иноземных захватчиков на территории Дагестана, так как, все это подробно освещено в специальных исследованиях и обобщающих работах по истории Дагестана в целом, а акцентирует внимание читателя на локальные вопросы, касающиеся конкретно агулов.

Необходимо, как положительную сторону данной работы отметить сам факт постановки в ней спорных, недостаточно разработанных вопросов, пока не имеющих однозначного ответа. Особое внимание при этом уделяется обоснованию

локализации раннефеодального политического образования «Филан».

Вместе с тем автор напоминает читателю, что предлагаемая книга не претендует на решение всех научных вопросов и исчерпывающее изложение всех поставленных проблем, она не может дать полной картины материального и духовного развития агулов. Можно только надеяться, что появление обобщенного материала по истории и культуре агулов даст импульс научным исследованиям по целому ряду недостаточно изученных вопросов.

Конечно, не всегда и не во всем можно согласиться с автором книги. Однако работа является шагом вперед в исследовании агулов. В этой большой работе много научно-ценных наблюдений, вполне оправдывающих ее публикацию.

Подрастающее поколение в наши дни обычно не заботятся о том, чтобы знать свою родословную дольше третьего поколения. Был дед и ладно. Нет сомнения что, книга: «Агулы – альфа и омега» проделает огромную просветительскую и воспитательную работу.

* * *

Предлагаемая книга «Агулы – альфа и омега»[1] А.Р. Насруллаева посвящена историческому опыту одного из самобытных и интересных народов Кавказа, проживающего в самом сердце его – агулов.

Необходимо сразу отметить, что от других подобных изданий настоящая работа отличается удивительной многоплановостью. Круг, вовлекаемых автором в исследование, вопросов поражает воображение. Список одних только заявленных тем занимает полторы страницы. Здесь и наиболее острые, требующие срочного решения вопросы этногенеза, и вопросы хо-

1 Альфа и омега (книжн.) – самое главное в чем-нибудь, основа, суть. (С.И. Ожегов. Словарь русского языка).

зяйства, и социальных отношений, и народных верований и многие, другие.

А.Р. Насруллаев постарался не оставить не замеченным ни одну из сторон жизни своего народа. Ибо все то, о чем он здесь говорит, будучи плоть от плоти частицей этого народа, в своем сердце выстрадано им самим.

Целью настоящего исследования является на основе данных письменных источников, памятников эпиграфического наследия, фольклора и т.п. дать сводную картину развития агульского этноса с древнейших времен. Книга А.Р. Насруллаева, по сути, является первым опытом последовательного и многопланового исследования истории этого народа. В этом заключается его новизна. И, безусловно, радует то, что, несмотря на сложность поставленной задачи, автору во многом удается решить ее.

Например, отказавшись от шаблонных представлений, которыми отягощена дагестанская историческая литература, вопрос этногенеза агулов А.Р. Насруллаев рассматривает в новом ракурсе, привлекая для его решения сведения не только сугубо исторической, но и других наук, в частности этимологии, топонимии, фольклора и т.д.

По-новому освещает автор отрезок истории агулов, связанный с ее раннесредневековым периодом. В этом плане А. Р. Насруллаева по праву можно назвать первопроходцем. В дагестанской историографии до него этот аспект проблемы, во всяком случае, в том формате, в каком его рассматривает этот автор, никем и не ставился.

Нельзя не отметить постановку в исследовании и, так называемых, спорных вопросов. Автор тем самым нарушает, сложившуюся в дагестанском научном мире, традицию повтора одних и тех же сведений, которые, не принося излишней пользы, не добавляя ничего нового к известной исторической картине, кочуют из книги в книгу.

Еще одной положительной стороной труда А.Р. Насруллаева можно назвать и то, что он стремится своим суждениям и оценкам, подкрепляя их приемлемыми с точки зрения науки доводами и аргументами, придавать системный, обоснованный характер.

Вместе с тем автор далек от того, чтобы претендовать на исчерпывающее изложение поставленных проблем. Но и не считать данное исследование шагом вперед в историческом познании агулов просто невозможно.

Конечно, агулы небольшой этнос. И в общественном сознании дагестанцев, равно как и в науке сложилось ошибочное представление, что подобные народы в истории края не играли существенной роли. Но исторические судьбы народов, никогда не определялись количеством их населения. Наука знает немало примеров, когда большие нации продолжительное время оставались в тени исторических процессов, когда на долю малых приходилось неимоверное количество событий. Эта мысль в полной мере можно отнести и к исследуемому народу. Поэтому хочется верить в то, что новое исследование об агулах вызовет в обществе позитивную реакцию.

Г. Алхасов, лингво-историк.

ВСТУПЛЕНИЕ

Агулы – один из коренных народов Дагестана и населяют Северо-Восточный склон Самурского хребта и его отроги. Сосредоточены они в ущельях Агъул-дере, Къушан-дере, ХӀуппукъ-дере и КӀерен-дере, расположенных в Агульском районе и на сопредельной территории Курахского района.

Всего агульских селений 21. Из них 15 селений в Агульском районе: **Бедюк** (БаӀдуӀхъ, Бедухъ, Ведухъ, ГӀадухъ), **Рича** (ЧӀаъ), **Буркихан** (ГехъуӀн, КкехъуӀн), **Тпиг** (Туппагъ, Типпигъ, Ттиппигъ, Тивагъ), **Хутхул** (Гъудгъул, Худхул), **Мисси**, **Дулдут** (Дулдугъ), **Гоа** (Гъваъ), **Фите** (ФуӀтӀ, ФитӀ), **Кураг** (Курагъ, Куригъ), **Яркут** (ЙаркьуӀгъ, Иаръкугъ), **Буршаг** (Буршигъ, Буршагъ), **Арсуг** (Арсугъ), **Цирхе** (Зирхе, ЦӀерхьеъ, ЦӀирхье), **Худиг** (Худигъ). 5 селений в Курахском районе: **Хоредж** (ХӀурежв, ХӀуӀраж, ХӀураж, ХӀурадж, Хвереж), **Усуг** (Усугь), **Квардал** (Курдал), **Укуз** (Уккудиъ, Ккудиъ), **Хпюк** (ХӀуӀппукь, ХӀуппукь). 1 селение в Дербентском районе – (колхоз им. К. Маркса) – бывшее **Дурyштул** (Дурyштал, Друштал).

На северо-востоке агулы граничат с табасаранцами, на северо-западе – с даргинцами, на юго-западе – с рутулами, на юго-востоке – с лезгинами.

Самоназвание агулов – агъулар. Лезгины, до утверждения этнонима агъул, называли их яхулар, лакцы – агъал-кьушайми [1/19] (композит из агъул и кьушан), цахуры – хывынби. У табасаранцев агульцы-кошанцы, известны как рукьушнар.

Наряду с ними в наши дни у перечисленных и других народов получили распространение этнонимы агьулар, агъалI, агъул. В быту агулы предпочитают именовать себя по названию своего селения – хутхул-шуй «хутхулец», усугь-шуй «усугец» и т.д. В русском языке более употребительно название «агульцы». Помимо общего названия агъулар имеются и локально ограниченные: кIеренар «керенцы» и кьушанар «кушанцы». По А. Дирру словом кIеренар обозначается «дистрикт, обнимающий Рычу и несколько других деревень» [2/17] (кIер – от обозначения «ворона», поскольку форма горы напоминает голову этой птицы). Однако данное название сохранилось лишь в литературе и используется оно в качестве научного термина для обозначения одного из диалектов агульского языка, а сами носители языка с ним незнакомы. Этимологически оно восходит к названию горной гряды КIер, разделяющей собой Агъул-дере и собственно КIерен-дере.

В 30-е, а затем и в 60-70-е годы двадцатого столетия в зоне исконного расселения агулов произошли серьёзные демографические изменения. Первый этап их связан с периодом политических репрессий большевиков и депортацией части агулов в Киргизию. А второй этап – с целенаправленным, так называемым «плановым» переселением их на равнинные (Дербентский, Каякентский, Магарамкентский) районы. Кроме того, в 70-80-е годы часть агулов из-за тяжелых социально-экономических условий на местах самостоятельно перебралась: в Табасаранский (жители с. Фите), Кизлярский, Тарумовский, Дербентский и другие районы. Много агулов и в городах республики – Дербент, Даг. Огни, Каспийск, Махачкала, Кизляр. Многие агулы из-за диспропорциональной национальной политики, проводимой в республике, отсутствия должного внимания со стороны государства и других негативных явлений вынуждены были перебраться в различные регионы Российской Федерации и бывшие союзные респуб-

лики – Киргизия, Азербайджан и другие. И эта практика продолжает иметь место до сих пор. В общем, в результате всех этих изменений сложилась парадоксальная ситуация, когда вне пределов места их исконного расселения агулов оказалась больше, чем в нем самом. И стоит вопрос, что предстоит агулам в будущем – исчезновение как самобытного звена в этнографической структуре Дагестана или выживание с помощью государства?

Разумеется, забота агулов о сохранении своей этнокультурной самобытности не означает, что они, пестуя эту самобытность, перестают быть дагестанцами или россиянами. Принадлежность к особому этническому сообществу не мешает им принадлежать общей для них вместе с другими народами Дагестана – общегражданско-политической падобщности россиян.

По Всероссийской переписи населения 2002 года агулы насчитывают 28,4 тыс. человек, из них в Дагестане проживают 23,3 тыс. человек, в том числе в Агульском районе 10,5 тыс. человек. Однако эти данные не отражают реальную демографическую ситуацию агулов, так как сюда не вошли жители 5 агульских сел, административно входящих в Курахский район. Агульцы, проживающие здесь, записываются лезгинами так же, как и выходцы из этих сел, проживающие в других регионах. Так, согласно данным последней переписи, из 1770 жителей, проживающих в этих пяти сёлах, агулами записались лишь 21 человек. Кроме того последней переписью не охвачены агулы Азербайджана, Киргизии и других республик бывшего Союза.

Агулы преимущественно двуязычны, но немало агулов владеющих и несколькими языками. Благодаря торгово-экономическим и культурным связям, значительная часть населения издревле владела лезгинским, табасаранским, даргинским, лакским, азербайджанским и другими языками. Со дня установления Советской власти в Дагестане обучение в агульских школах велось на лезгинском языке. До 1935 года

в Буршаге преподавание велось на азербайджанском языке, а в Цирхе – на даргинском языке, так как они входили в состав других административных районов. С 1952 года обучение во всех селах ведется на русском языке, а с 1992 года и на родном. Хотя последнее необходимо признать как чистую формальность, так как из-за отсутствия средств и других причин за 17 лет, прошедших после принятия алфавита, кроме букваря не издано ни одного учебника или пособия по агульскому языку. В настоящее время языком межнационального общения для них является русский язык. Однако отмечается и обратный процесс, когда некоторая часть населения, преимущественно представляющая собой молодое поколение, кроме русского не владеют иными языками, даже своим родным. И количество таких людей увеличивается с каждым годом.

Язык агулов – агъул чIал, принадлежит к лезгинской группе дагестанских языков, морфологически один из самых сложных языков Дагестана, но он и один из богатейших в лексическом отношении. Так, например, словарная картотека исследователя языка Г. Алхасова в неокончательном варианте представлена около 100 тыс. карточками. В диалектном отношении агульский язык сильно дифференцирован. Ареальная дифференциация языка исторически обусловлена хозяйственно-культурным укладом и социальными факторами. Фактор естественно-географической пересеченности также сыграл определенную роль. С древних времен существуют диалекты агульского языка – керенский, кушанский, собственно агульский, гехъунский (бурмиханский) и одноаульный фитинский.

Верующие агулы – мусульмане суннитского толка. Но в религиозных представлениях их сохранилось много пережитков языческих верований, элементов древних ритуалов, обрядов и т.д. Изучение их представляет большой интерес не только в познавательном плане, но и чисто научном для раскрытия ряда вопросов по таким сложным проблемам, как

происхождение народа, вопроса их древней истории, проблемы внутрирегиональных межэтнических контактов и взаимоотношений с другими этносами.

До начала XX в. специальных работ, посвященных истории и этнографии агулов не было, хотя отдельные сведения об историческом прошлом их содержатся в ряде работ русских и зарубежных исследователей, вышедших в дореволюционный период. В литературе можно было найти лишь отрывочные сведения, отличающиеся неполнотой фактического материала. Их авторы не выделяли агулов из среды лезгин, табасаранцев, и не оставили о них конкретных исторических и этнографических данных.

Фрагментарные, но очень ценные сведения о народах лезгинской группы оставили античные и средневековые авторы. У греческих и римских историков и географов Геродота, Страбона, Плиния, Птоломея и др. предки народов лезгинской группы были известны под именем племен гели и леги. Под этими этнонимами, а также: леки, лесги, лакзы, лезги, легзи, они были известны средневековым армянским, грузинским и персидским авторам.

Изучение далекого прошлого агулов потребовало привлечение большого круга исторических и географических сочинений арабоязычных авторов. Среди них особо следует выделить сочинения ал-Баладзори, который описывает военно-политические мероприятия VI –VII вв. в связи с арабскими завоеваниями в Дагестане [3]. Абу-Хамид ал-Гарнати, широко освещает вопросы распространения ислама в Дагестане, локализации ряда раннесредневековых политических образований и их социально-экономическое положение [4]. Большой интерес представляют сочинения ал-Куфи, где содержатся интересные сведения об арабо-хазарских войнах, деятельности арабских полководцев, маршрутах арабских завоеваний, о «царствах» Дагестана [5]; географические

сочинения Хордадбеха [6]; историка и географа ал-Масуди [7] и других авторов.

Для освещения борьбы горцев против иноземных завоевателей привлечены труды современников исторических событий XIII – XV веков. Среди них сочинения арабских авторов: Ибн ал-Асира, Рашид ад-Дина; армянских авторов: Киракоса Гандзакеци, Вардана Вардапета; материалы, изданные В. Г. Тизенгаузеном и др.

В годы Кавказской войны и после нее подавляющее большинство среди авторов этнографических описаний составляли российские военные и чиновники. П.К. Услар, В.И. Голенищев-Кутузов, О.И. Константинов и др. писали о народах Дагестана, в том числе народах лезгинской группы. Эта официальная этнографическая литература о народах Кавказа завершается капитальной и как бы полуофициальной сводкой – трудом генерала Н. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» (первый том его «История войны и владычества русских на Кавказе», 1872г.). После окончания Кавказской войны обильные материалы о народах Кавказа появляются в таких официальных изданиях, как «Сборник сведений о Кавказских горцах» (1868-1881гг.), «Сборник сведений о Кавказе» (1871-1885гг.) и сменившем его многотомном «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК, 1881-1929гг.) – 46 томов[8].

Полезные сведения об агулах имеются в сборниках: «Материалы по истории Дагестана и Чечни» [9]; «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века» [10]; «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.» [11], содержащих документы Военно-исторического архива России и Центрального Военно-исторического архива Грузии, выявленные дагестанскими учеными.

За последние годы учеными проделана значительная работа по исследованию истории и этнографии народов Дагестана.

Однако данная проблема до сих пор остается слабо изученной, а некоторые вопросы не исследованы и вовсе. Относительно агульского этноса подобная ситуация объясняется отсутствием в источниках достаточных сведений о них, что позволили бы в приемлемом объеме воссоздать их этническую историю, особенно раннюю. Те же, что содержатся в отдельных исторических документах, географических описаниях, хрониках и других чрезвычайно скудны и фрагментарны.

Первый опыт этнографического описания агулов относится лишь к 50-м годам прошлого столетия и принадлежит Б.А. Калоеву, который опубликовал первые статьи, посвященные изучению их хозяйства, земельных отношений и материальной культуры [12-13]. На основе этих статей и новых полевых историко-этнографических материалов им была издана первая монография об агулах [14].

Ряд сведений о начальном этапе проникновения ислама в Южный Дагестан, процессе образования феодальной верхушки в агульских селениях имеются в памятнике региональной историографии, условно названной – «История Абу-Муслима», переведенной и обнародованной А.Р. Шихсаидовым [15/265].

Наиболее важными источниками для разъяснения картины монгольских нашествий на Дагестан, разработки вопросов крестьянских выступлений против ханов и беков, строительства культовых и гражданских сооружений являются многочисленные надписи, обнаруженные на территории Агула крупными учеными-востоковедами Л.И. Лавровым [16] и А.Р. Шихсаидовым [17].

Важным источником сведений по истории агулов также как и других лезгиноязычных народов служили «Очерки истории южного Дагестана» Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова [18] опубликованные в 1964 году. Существенный вклад в изучении истории лезгинских народов внес и М.М. Ихилов. В 1967 году вышел его труд под названием «Народности

лезгинской группы» [19], в котором он на основе большого количества фактического материала излагает прошлое этих близкородственных народов.

Сведениями об экономическом и социальном устройстве агульского общества XVII-XIX вв., их традиционной одежде, поселениях, пище и других аспектах жизни мы обязаны и Ш.М. Ахмедову, А. Исламмагомедову, А. Булатовой. В 1975 году увидел свет их совместный труд «Агулы» [20]. Собранный и обобщенный ими более тридцати лет назад богатый полевой материал и сегодня является ценным источником, часть которого использован нами при описании материальной культуры агулов.

Для сравнительного этнографического анализа общих и особенных черт в материальной и духовной культуре агулов и других горцев, живущих в адекватных условиях, были привлечены ряд исследований ведущих этнографов Дагестана. Это работы: Агларова М.А .[21], Агашириновой С.С. [22], Алимовой Б.М. [23], Булатовой А.Г. [24], Гаджиевой С.Ш [25], Османова М-З.О. [26] и др.

Ценные сведения при написании данной работы были черпнуты из фундаментальных новейших обобщающих коллективных трудов ведущих специалистов Северного Кавказа: «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» в 2-х томах [27] и «Истории Дагестана с древнейших времен до конца XV века» [28]. В этих работах, с учетом современных достижений развития кавказоведения дана объективная картина сложного многогранного процесса культурно-исторического развития древнего и средневекового населения Дагестана.

Значительным вкладом в этнографическую науку явилась монография Р.М.Магомедова «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII – начале XIX вв.», где автор опроверг концепции М.Ковалевского и его последователей, считавших тухум родом. [29]. Вопросами о социальной сущ-

РАЗМЕЩЕНИЕ
и численность агулов на территории Российской Федерации по данным переписей населения.

Регион	Всего 1989	Всего 2002
Белгородская обл.	34	43
Брянская обл.	21	22
Владимирская обл.	19	10
Воронежская обл.	48	76
Ивановская обл.	20	59
Калужская обл.	45	20
Костромская обл.	24	12
Курская область	23	29
Липецкая обл.	32	18
Московская обл.	49	72
Орловская обл.	186	312
Рязанская обл.	41	88
Смоленская обл.	7	2
Тамбовская обл.	69	28
Тверская обл.	18	26
Тульская область	32	68
Ярославская обл.	5	17
г.Москва	24	175
Республика Карелия	5	18
Республика Коми	25	19
Архангельская обл.	7	4
Вологодская обл.	25	57
Калининград. обл.	3	7
Ленинградская обл.	27	36
Мурманская обл.	17	20
Новгородская обл.	20	16
Псковская обл.	2	7
г.Санкт-Петербург	81	56
Республика Адыгея	—	27
Дагестан	13791	23314
ЧИАССР	32	—
Ингушетия	—	26
Чеченя	—	16
Кабардино-Балкар.	26	18
Карачаево-Черкес.	—	28
Калмыкия	133	98
Приморский край	48	14
Амурская обл.	13	11
Магаданская обл.	9	3
Еврейская АО	—	3
Северная Осетия	39	26
Краснодарский край	252	357
Ставропольс. край	1015	1476
Астраханская обл.	40	51
Волгоградская обл.	81	87
Ростовская обл.	242	270
Башкортостан	2	6
Республ. Марий Эл	2	6
Мордовия	6	3
Татарстан	23	38
Удмуртия	3	2
Кировская обл.	2	4
Нижегородская обл.	11	6
Оренбургская обл.	12	23
Пензенская обл.	14	2
Пермская обл.	5	69
Самарская обл.	36	64
Саратовская обл.	393	489
Ульяновская обл.	10	7
Курганская обл.	6	7
Свердловская обл.	33	32
Тюменская обл.	116	346
Челябинская обл.	8	3
Республика Алтай	—	5
Республика Бурятия	86	—
Республика Тыва	2	40
Республика Хакасия	—	2
Алтайский край	19	9
Красноярский край	81	37
Иркутская область	83	6
Кемеровская обл.	13	5
Новосибирская обл.	6	11
Омская область	3	2
Томская область	6	2
Читинская обл.	55	10
Республика Саха	34	3
Хабаровский край	28	14
Камчатская обл.	19	28
Сахалинская область	14	13
Всего	17751	28433

РАЗМЕЩЕНИЕ
и численность агулов на территории Республики Дагестан по данным переписей населения

ТЕРРИТОРИЯ	Всего		ТЕРРИТОРИЯ	Всего	
	1989г.	2002г.		1989г.	2002г.
ГОРОДА:			Дербентский	1473	1848
Махачкала	1440	3657	пгт Белиджи	39	25
Кировский район	460	919	Мамедкала	225	592
Ленинский район	482	1397	Докузпаринский	—	233
Советский район	343	845	Каякентский	563	846
пгт: Кяхулай	—	22	Кайтагский	1	5
Ленинкент	36	1	Карабудахкентский	13	8
Н. Кяхулай	—	69	Кизилюртовский	39	11
Семендер	—	68	Кизлярский	83	159
Сулак	1	4	Кулинский	5	—
Тарки	1	1	Кумторкалинский	—	216
Шамхал	168	255	пгт Тюбе	100	210
Сельская местность	18	77	Курахский	33	21
Буйнакск	29	9	Лакский	22	16
Дагестанские Огни	633	922	Левашинский	1	—
Дербент	1147	2956	Магарамкентский	168	248
Избербаш	57	135	Новолакский	—	1
Каспийск	451	880	Ногайский	52	—
Кизилюрт	16	22	Рутульский	13	1
пгт Дубки	3	3	Сергокалинский	—	1
Кизляр	15	53	Сулейман-Стальский	17	8
пгт Комсомольский	1	4	Табасаранский	267	328
Хасавюрт	22	8	Тарумовский	74	136
Южно-Сухокумск	47	74	Тляратинский	—	1
			Унцукульский	2	—
РАЙОНЫ:			Хасавюртовский	31	1
Агульский	6720	10447	Хивский	55	47
Акушинский	—	2	Цумадинский	1	—
Ахтынский	109	1	Цунтинский	1	—
Бабаюртовский	12	12	Чародинский	6	1
Буйнакский	3	1	Шамильский	1	—
Дахадаевский	1	—	ВСЕГО:	13791	23314

ности дагестанского тухума занимались также М.О. Косвен, Л.И. Лавров, Х-М.О. Хашаев, С.Ш. Гаджиева, Х.Х. Рамазанов и др.

Для изучения поселений, жилищ, общественных и культовых сооружений агулов большое значение имеют труды С.О. Хан-Магомедова, где эти вопросы освещаются с позиций традиционной архитектуры и зодчества. В 2001 году вышла в свет его монография «Агульская архитектура» [30].

Заслуживают внимания и работы то традиционным промыслам и искусству Дагестана П.М.Дебирова: «Архитектурная резьба Дагестана», «Художественная резьба по камню в Дагестане»; статьи Е.М. Шиллинга: «Ковроткачество Дагестана», «Орнаментальное искусство Дагестана»; Н.Г.Любимовой «Культовые сооружения агульских селений Дагестана» и др.

Ценные сведения о материальной культуре, социальном устройстве, исторических связях, взаимоотношениях с другими этносами содержатся и в работе Г.А. Абдурагимова «Кавказская Албания – Лезгистан». Этнолингвистическому описанию агулов посвящена работа «Агулы: их язык и история» [31] З.К. Тарланова, где автор на основе языковых данных пытается решить некоторые исторические вопросы. Отдельную статью в книге «Загадки этнонимов Дагестана» посвятил этногенезу агулов и М.Р. Гасанов. Интересные сведения по конкретным историческим вопросам содержатся и в публикациях и Г.А. Алхасова. В качестве источников мы также привлекли и газетно-журнальные публикации: «Агулы» Ш.А. Мазанаева (1990г.), «Дагестанцы–потомки Атлантов» Ф. Джамалова, «Агулы» З.К. Тарланова (1994г.), «Агульцы» Н.Д. Сулейманова (1999г.) и другие.

Однако основой данной работы служили материалы в течение многих лет накопленные автором. Мы не ставим себе задачей дать исчерпывающие ответы на все вопросы истории

и этнографии агулов, но полагаем, что работа в какой-то мере восполнит имеющие в этой области знаний пробелы.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность и низкий поклон доктору исторических наук, профессору Амри Рзаевичу Шихсаидову и доктору филологических наук, профессору Шабану Абдулкадыровичу Мазанаеву за ценные советы и пожелания в процессе подготовки книги к изданию.

Однако рукопись не увидела бы свет и осталась пылиться в архиве автора, если бы не содействие Генерального директора межрегиональной энергетической компании, советника Президента РД по вопросам ТЭК Гамзата Магомедовича Гамзатова и заместителя Генерального директора ОАО «Дагюгстрой» Салиха Миилаевича Рамазанова. Большое им спасибо!

ЭТНОГЕНЕЗ И ИСТОРИЯ

ЭТНОГЕНЕЗ

(материалы к проблеме)

Уникальной особенностью Дагестана считается то, что здесь на ограниченной территории (50 тыс. км^2 – 11% территории Кавказа) сосредоточено более 60 народностей, 22 из которых коренные. К различиям языков добавляются редкостные различия условий обитания, хозяйственной деятельности, особенностей культуры. Поэтому к проблеме этногенеза их во все времена был повышенный интерес. Не является исключением и этногенез агулов.

В дореволюционной литературе широко были представлены миграционные теории происхождения дагестанцев. Хотя современная наука давно опровергла их и твердо установила тот факт, что все представители палеокавказской этнической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа, исключить миграционный элемент в формировании современных дагестанцев не совсем корректно. Поэтому представляется целесообразным привести некоторые из существующих в литературе версий, касающихся этногенеза дагестанцев, в том числе и агулов.

Так, согласно Н.Я. Марру основное население Кавказа является пришлым с юга из пределов Ассиро – Вавилонии, Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада малоазиатских стран [1/67]. Другой исследователь, автор

описания «Этнографический состав населения», ссылаясь на П.К. Услара, относительно заселения Дагестана пишет, что «Дагестан заселился не одновременно, не одним многочисленным и сильным племенем. Скорее следует думать, что в нем искали убежище мелкие, слабые племена, потерпевшие крушение на Родине» [2/37]. Некоторые исследователи считают, что в VIII-VII вв. до нашей эры в горско-кавказскую среду проникли через степи Северного Кавказа скифо-сарматские этнические элементы. Некоторые показания источников позволяют считать, что скифы не только оседали на территории Каспийского побережья, но и забрались в горы, и имели экономические связи с горцами. Скифы-скотоводы «поднимались со скотом на лето не только в горы Западного Кавказа, но и Центрального Кавказа» [3/238]. По мнению Е.И. Крупнова «скифы соприкасались со многими народами и племенами, являющимися далекими предками и родоначальниками культур современных нам народов, иногда даже не связанных общностью происхождения. Термин «скифы» распространяется на самые различные племена, объединенные между собой единством культуры скифского облика» [4/10].

По данным Страбона, Плиния, Птолемея, Плутарха и других античных авторов, уже в 1-м тысячелетии до н. э. горские племена Южного Дагестана – «леки, гелы, дидуры, каспии, гаргары, кадусии, албаны, утии» и другие не только тесно контактировали со скифами и сарматами, но и по образу жизни и обычаям были схожи с ними и будто бы находились с ними в родстве.

Языковед З.К. Тарланов [5/15], анализируя лексику агульского языка, приходит к выводу, что ее древнейший, многочисленный, охватывающий все сферы жизни, глубинный исторический пласт составляет древнеиранские слова и на этом основании заключает, что в древности, агулы, как и другие лезгинские племена, занимали территории много южнее тех, какие они занимают ныне. Более того, распад древневосточно-

го лезгинского праязыка он связывает с распадом в середине VI века до н.э. государства Элам, где, возможно, проживали эти народы.

По мнению М.Р. Рамазанова, опирающегося на вышеприведенные сведения «нашествие Ашшурбанипала в 645 году до нашей эры, и падение Элама разбросала лезгиноязычное население страны в разные стороны. Агулы, возможно, определенное время проживали в местах преимущественного проживания народов – носителей персидского и арабского языков, то есть где-то на восточном побережье Персидского залива. В дальнейшем, скорее всего, в результате военных столкновений с более сильными племенами, агулы оттеснились все дальше в горы». В приведенной работе этот же автор указывает на то, чт «в источниках дагестанского ИИЯЛ промелькнула информация о том, что в Табасаране нашли запись (сделанную) на полях Корана, где говорилось о том, что к правителю этого края (Табасарана) обратились люди, называвшие себя выходцами из Кушанского царства, с просьбой беспошлинно пропустить их в горы, и просьба была удовлетворена». Запись, якобы, относится к началу IX века [7/37].

Исследователи Р.И. Гайдаров и С.Н. Гасанова в агульском языке находят многочисленный пласт арабизмов, относящихся к бытовой лексике и несвойственной агульскому языку. Кроме того, они отмечают поразительную близость их по звучанию к языку-источнику, что, по их мнению, свидетельствует о существовании в какой-то период времени непосредственных живых контактов агулов с носителями арабского языка [6/60].

К.М. Курдов, в начале XX века высказал мнение, что кюринцы «подверглись метисации со стороны представителей семитического семейства, главным образом горских евреев» [12/167].

По мнению Аббаскули-Ага Бакиханова «жители части Табасарана, западной части Кубинского уезда, Самурского

округа и Кюринского владения, по большей части, состоят из древних народов, смешавшихся с позднейшими пришельцами» [43/12-15].

Таким образом, существовали различные мнения, ни одно из которых не опиралось на научную базу. По их версиям получалось, что народы Дагестана формировались из различных элементов, вышедших из разных частей света и осевших в горах во времена великих передвижений народов.

На самом деле – территория расселения народов Дагестана, в том числе агулов, была освоена человеком с древнейших времен. Тому благоприятствовали естественно-географические условия. В Дагестане, в отличие от других регионов Кавказа, из-за повышенной сухости климата, так как сюда не доходят ветры Атлантики, снеговая линия стоит выше 3500 метров уровня мирового океана. Поэтому вся среднегорная и почти вся высокогорная зоны здесь открыты для постоянного круглогодичного проживания людей. Кроме того, здесь из-за сильной расчлененности гор, образовались десятки крупных котловин и горных долин, каждая из которых включает 2-3 ландшафтные зоны, имеют условия для замкнутого ведения хозяйства и внутреннего обмена. Обитателям каждой из них просто не было нужды покидать их, и поэтому здесь не происходили ассимиляционные процессы.

В археологическом отношении территория расселения агулов изучена недостаточно. Разведочные работы, проведенные в 1965 году, выявили вокруг современных селений агулов большое количество городищ позднеалбанского времени. Мощный культурный слой раннесредневековых городищ и поселений агулов, а также его насыщенность культурными остатками свидетельствуют о довольно интенсивном и длительном функционировании этих памятников [23/8].

Археологические раскопки и обнаруженный при этом инвентарь свидетельствуют о том, что Дагестан является одним из уголков Кавказа, который был заселен человеком еще в

древнейшие времена. При раскопках на территории Дагестана обнаружены кремниевые орудия, относящиеся к ранней стадии палеолита, (100-40 тыс. лет тому назад), а также к последующей эпохе – мезолиту.

Археологический материал показывает, что отсчет времени заселения людьми территории Дагестана, стабильного и поступательного развития культуры Северо-Восточного Кавказа нужно начинать с послеледниковой эпохи, с мезолита, т. е. около 10 – 9 тысяч лет тому назад (VIII-VII тыс. лет до н.э.). К этому времени следует относить также процессы формирования пранахско-дагестанской этнической языковой общности, начало сложения своеобразных особенностей местной культуры, отличающих ее от культур других регионов Кавказа [36/42].

Новейшие комплексные исследования, проводившиеся в Дагестане, позволили установить, что горный Дагестан является на Кавказе пока единственной горной областью, где выявлены наиболее древние человеческие коллективы, перешедшие к земледелию и скотоводству. В горных долинах Дагестана это произошло в неолите – позднем каменном веке, т.е. на рубеже VII-VI тыс. лет до н.э. [45/158-181].

Следующим шагом вперед было приобщение Дагестана к яркой мощной археологической культуре – эпохе ранней бронзы, так называемой куро-аракcской (конец IV тысячелетия – последние века III тысячелетия до н.э.). Эта эпоха известна по многочисленным материалам более 60 археологических памятников, представляющих собой остатки древних поселений, погребения, местонахождения отдельных вещей, культовые места, т.е. местонахождения наскальных рисунков [37/127-214]. Значительное их число выявлено в горной зоне: в Ботлихском, Ахвахском, Хунзахском и других районах.

На основании приведенных данных исследователи делают вывод: «…можно заключить, что в то время уже были заселены почти все физико-географические зоны Дагестана,

достаточно широко была освоена местными племенами почти вся его территория, пригодная для развития первобытно земледельческо-скотоводческого хозяйства» [37/51].

Культуру эпохи ранней бронзы связывают с племенами, говорившими на языках хурритской семьи: митанни, урарты, алародии и др. Все они исчезли в ходе истории, а из ныне существующих живых языков самым близким к «вымершим» хурритским остаются только языки нахско-дагестанской группы (т.е. языки горцев Дагестана вместе с чеченским, ингушским, аккинским, кистинским).

Отсюда следует вывод, что в III тысячелетии до нашей эры предки этих народов составляли единый этнос с общим, единым языком и единой культурой.

Сведения о раннем этногенезе агулов могут быть почерпнуты и из тщательного анализа языка, его лексики, фразеологии, морфологии, диалектного состава, сопоставления с родственными языками. Так, изучая и сравнивая историю образования языков кавказо-иберийской семьи, ученые И.А. Джавахишвили, А.С. Чикобава, Г.А. Меликашвили [8-10] приходят к выводу, что представители этой семьи языков связаны друг с другом общностью происхождения и являются древнейшими обитателями Кавказа.

Кавказские горские племена были не только родственными между собой, но составляли в древности единый этнический массив. А редкое, не всегда объяснимое возникновение в кавказской среде множества языков, как раз, по мнению ученых-лингвистов, и объясняется распадом с течением времени этого замечательного единства. [61/32]

Уроженец Дагестана, выдающийся языковед профессор Е.А. Бокарев объездил Страну гор для сравнительно-исторического изучения дагестанских языков. Результаты своих поездок он изложил в труде «Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков». В этой работе он пишет, что «существует лексический фонд, общий для

всех дагестанских языков, восходящий к далекому прошлому их истории. Этот лексический фонд характеризуется определенными регулярными звуковыми соответствиями, что свидетельствует об их исконности, а, следовательно, о генетическом единстве дагестанских языков. Иными словами, это свидетельствует об их происхождении из одного и того же праязыка, который впоследствии в процессе исторического развития распался на ряд отдельных языков» [62/67]

Исследователь У.И. Мейланова [11/43] отмечает, что для всех дагестанских языков устанавливается единый лексический фонд, восходящий к дагестанскому языку-основе.

По мнению ряда ученных из народов лезгинской группы агулы по языку ближе всего стоят к табасаранцам и лезгинам, что подтверждается их фонетическими системами, морфологией и лексическим составом. По мнению З.К. Тарланова [5/14] проводившего лексикостатистическую датировку агульского языка по методу М. Сводеша, древневосточнолезгинский язык на самостоятельные диалекты распался в середине – второй половине I тысячелетия до нашей эры.

Близость агулов по языку с другими народами лезгинской группы подтверждается и антропологическими данными. Так, основными антропологическими признаками лезгинской группы считается вышесредний рост, резко выраженная брахикефальность, прямая или выпуклая спинка носа, сильно развитые бороды, темная пигментация волос и смешанный цвет глаз [7/ 3, 4].

Согласно данным А.Г. Гаджиева [13/132] в антропологическом плане «лезгинские группы, за исключением рутульцев, являются в целом представителями южного варианта, (то есть каспийского типа, который относится к южной средиземноморской ветви европеоидной расы) и по сравнению с другими дагестанскими группами более пигментированы. Лицо у них уже и несколько ниже, высота кожной части

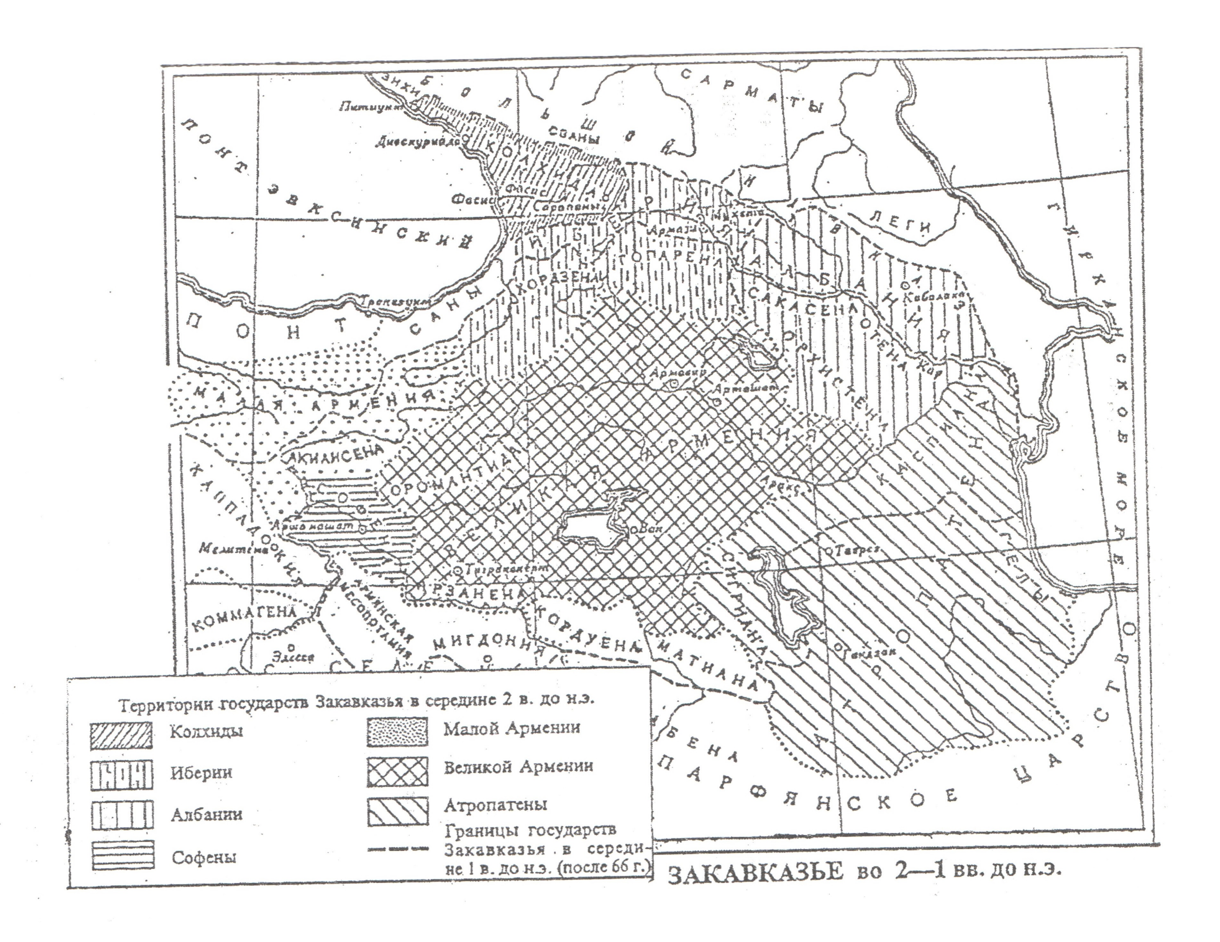
верхней губы ниже, губы несколько толще, третичный волосяной покров на лице и на груди развит слабее».

В.П. Алексеев, исходя из идей автохтонности народов Дагестана, считает, однако нужным не изолировать процесс их формирования с остальными народами Кавказа и Передней Азии. Это особенно касается лезгинской группы народов. Он также указывает, что антропологические данные «настоятельно требуют учета южных связей при рассмотрении их этнической истории» [14/167].

При рассмотрении вопросов этногенеза народов Дагестана, в частности агулов, нельзя сбрасывать с поля зрения следы пребывания здесь гуннов, скифо-сарматских этнических элементов, хазар, арабов, монголов и др. В географических и этнических названиях Агула весьма часто слышится «гун» или несомненные видоизменения их. Например, гьун – боковая сторона объекта, горы, человека, здания; гуны (гун) – живущие у боковой стены, у подножия. Вместе с тем агулам известны и в настоящее время в обиходе сохранились: гунны – карагун; гунны – хайландурки, гунны – масаха (мацаха). Хотя мы далеки, отождествлять эти названия с гуннами, но, имея в виду прямые указания на то, что гунны неоднократно бывали в Дагестане, мы не должны обойти молчанием при исследовании этнической принадлежности наличия в этом процессе отдельных гуннских элементов. Вероятно, некоторая часть их слилась здесь с аборигенами или с позднейшими пришельцами, а главная масса удалилась, оставив след в некоторых местных названиях.

В целом археологические артефакты, обнаруженные на территории Агула, этнографические, эпиграфические, антропологические и лингвистические данные позволяют утверждать, что агулы, как и другие народы Дагестана, являются автохтонными жителями края.

Сравнительный анализ языков жилищ, одежды, домашней утвари и др. народов Дагестана, показывает, что

ЗАКАВКАЗЬЕ во 2—1 вв. до н.э.

различия между ними бесспорные, но сходства более глубокие. При всех различиях этносов Дагестана в их языках, культуре, общественной жизни наблюдается глубокая общая основа, определяющая их отличия от остальных этносов и придающая им органическое начало.

Как видно из вышеизложенного, несмотря на бесспорные успехи в изучении этногенеза дагестанских народов, тем не менее, многое здесь до сих пор остается неясным и требует тщательного анализа. Во многом мнения исследователей расходятся, многие вопросы вызывают споры. Объясняется такое положение вещей, на наш взгляд, как недостаточностью самих сведений о дагестанцах в источниках, так, порой, и субъективизмом исследователей, занимающихся этими вопросами.

Относительно ранней этнической истории агулов принято считать, что первое упоминание о них относится к VII веку прошлого тысячелетия, при этом все исследователи, касавшиеся этого вопроса, неизменно ссылались на армянскую географию, в которой наряду с другими народами упоминается и народ «агутакани» [15/37]. Версия эта пока не имеет должного лингвистического обоснования, у ученых до сих пор нет единого мнения по их локализации. Однако исследователи полагают, что данный факт дает основание предполагать, что агулы уже к VII в. составляли самостоятельную этническую единицу. Этому мнению как будто бы не противоречат и данные языка. Как считает З.К. Тарланов, проводивший эти исследования: «Обобщение имеющихся, пусть даже ограниченных, исторических данных, дополненных анализом языкового материала, позволяет указать на середину-вторую половину I тысячелетия до нашей эры, как на вероятный период распада восточнолезгинского языкового единства, и образования отдельных восточнолезгинских языков» [5/14]. «Десять веков, прошедших после предполагаемого распада праязыка до первого упоминания агулов в литературе – достаточный срок,

– считает языковед Г. Алхасов, – не только для образования отдельных языков, но и этносов со своим четко выраженным самосознанием, территорией, именем и другими этническими атрибутами. В этом случае – пишет он далее, – если мы решили в «агутаканах» видеть агулов, то пальму первенства первого упоминания о них следует отдать древнегреческим авторам Агатису и Теофилу, которые указывают, что в горах Кавказа живут племена «агуры», так как во всех этих терминах выделяется корень агул, агур, агут(д). Разница конечных согласных не противоречит законам агульского языка». Академик В.И. Абаев отмечает, что этноним «агур» упоминается в нартском эпосе как название могучего, воинственного народа. По преданиям, агулы в древности были более многочисленным и пассионарным племенем, о чем свидетельствуют большое количество заброшенных поселений и поразительное множество древних святынь, которые сохранились на их территории до настоящего времени.

II

Ранняя история агулов, как и многих других дагестанских народов, неразрывно связана с историей Кавказской Албании – государства, возникшего в V-VI вв. до нашей эры и просуществовавшего более тысячи лет. Впервые упоминают албанцев в связи с их участием в составе войск Ахеменидов в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. против армии Александра Македонского. Ранние сведения об Албании мы находим у древнегреческих и римских хроникеров. Прежде всего – это Страбон (65 г. до н.э. – 21 г. н.э.) – автор «Географии», Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) – автор «Римской истории», Плиний Старший (23-79гг.) – автор «Естественной истории», римский историк Тацит (55 – 120 гг.), географ и астроном Птолемей (70 – 147 гг.) и другие.

Вопрос о территории и границах кавказской Албании был и остается предметом многочисленных исследований. Если

западная, южная и восточная границы ее устанавливаются легко, то северная граница этого государства точно не установлена до сих пор. Применительно к дагестанским реалиям этот аспект проблемы в конечном итоге сводится к одному: входил или не входил тот или иной регион нынешнего Дагестана, следовательно, и народы, населявшие их, в состав данного государства. Расхождения мнений исследователей по этому поводу объясняется расплывчатостью сведений древних автров, касающихся этой части границ Албании.

Известно, что согласно Положению 1836 года армяно-григорианской церкви албанское патриаршество-каталикосат был упразднен. В 1857 году по уставу духовных дел иностранных исповеданий в России, понятия албанская церковь, албанская епархия были упразднены вообще, а в 1910 году Русский Синод разрешил Эчмиадзинскому армяно-григорианской консистории уничтожить старые архивные дела подведомственных епархий. При этом были уничтожены все архивы албанской церкви [36/238], которые могли бы пролить свет на многие вопросы ранней истории Кавказской Албании.

Страбон, на данные которого, в основном ученые опираются по интересующей нас части проблемы, пишет следующее: «Живут они (албаны) между иберами и Каспийским морем, на востоке примыкая к морю, на западе граничит с иберами. Из остальных сторон, северная ограждается Кавказскими горами, они высятся над равнинами, ближайшие к морю называются Керавнийскими, а южную сторону образует смежная Армения...» [26/4,1]. У этого автора имеется еще одно сообщение по этому поводу: «к югу он (Кавказ) отделяет Албанию и Иберию, а к северу – Сарматские равнины». Эти и другие описания Албании древними авторами, к сожалению, не дают возможности точно определить ее северные границы. Причина расхождения – в отсутствии четких указаний источников о северной границе Кавказской Албании,

обусловленном слабой осведомленностью античных авторов в географии Северо-восточного Кавказа. Они считали, что восточная оконечность Кавказа, подобно его центральной и западной частям, состояла из одной горной цепи, и совершенно не подозревали о существовании здесь еще и Бокового хребта с многочисленными отрогами, образовавшими обширную горную провинцию Северо-восточного Кавказа. Поэтому, основываясь на том, что северными соседями албанов античные географы часто называют сарматов, населявших в ту пору северокавказские равнины, следует думать, что прав был Страбон, проводивший границу между албанами и сарматами через Керавнийские горы (северо-восточные отроги Кавказа), и тем самым признать вхождение части горного Дагестана в состав Албанского государства. Такому заключению не противоречат и другие свидетельства античных авторов (Плутарх, Плиний, Тацит), указывающих, что часть албанов населяли долину реки, тогда как другие обитали в горах.

Но как бы ни решался этот вопрос в широком плане, для агулов после обнаружения в 1999 году в с. Бедюк, а затем и в Тпиге – достоверных эпиграфических памятников, он решается положительно. Агул бесспорно с древнейших времен является частью Кавказской Албании. Кроме эпиграфических памятников здесь обнаружены и другие материальные свидетельства албанского периода. Это могилы – цисты (каменные ящики) с захоронениями в них людей в сидячем положении в селении Бедюк и стилизованные рисунки албанского «древа жизни» в сс. Бедюк, Тпиг, Хутхул, известные до этого лишь в двух-трех случаях и другие.

Некоторые исследователи из-за схожести фонетических структур в качестве доказательства вхождения Дагестана в Албанию приводят и топономические названия Агула. Например, ороним (название горы) Алпанахь и ойконим (название поселения) Алпанар. Однако исследователь Г. Алхасов исключает возможность такого сопоставления [27/6].

На основе семантико-морфологического анализа терминов Алпанахь, Алпанар, Элпендин цIа «Элпена (Алпана) огонь», ЦIайлапан «молния, букв. «огонь Алпана» и цIали (цIарф, цIарп) «молния» он показывает, что в основе всех их лежит имя верховного бога лезгиноязычных народов Алпана – двойника древнегреческого Бога Зевса – громовержца, который восседает на указанной горе, то есть «агульском Олимпе».

Что касается топонима Албан (грекоцизированная форма; армян. Агьванк), то он этимологически восходит к форме Ахьван, основа ахь – которой в лезгинских языках, в том числе и удинском, реализует сему «низ, нижний», а – ван означает «место», то есть Ахьван (Албания) – это нижнее относительно других земель лезгиноязычных народов место [28/28].

Поэтому, исходя из изложенного, существующие в литературе объяснения происхождения названия Албан, как, то: Албания – это эквивалент термина горцы; – это от теонима Алпан; – это страна или царство гор; – это от имени мифического родоначальника Сисако-Алу; – это от латинского слова alb «белый» и т.п., поскольку они не раскрывают его внутреннего смысла, необходимо признать несостоятельными.

Определенное представление о социально-экономическом и культурном развитии ранних агулов, так же как и других дагестанских народов можно составить на основе сведений об албанах, содержащихся в работах древних авторов. Так, армянские историки упоминают об Албании как о богатой и густонаселенной стране. Племена, входившие в албанский союз, различались между собой по уровню как экономического, так и социального развития. Часть из них была занята земледелием, часть скотоводством. «Раз засеянное поле, – отмечает Страбон, – во многих местах дает две жатвы, иной раз три… все это без пара и железных плугов, только вспашкой деревянным плугом…». Однако, исходя из географических особенностей мест обитания агулов, можно предположить, что в их жизни скотоводство имело первоначальное значение,

хотя и земледелие для них не было чуждым. О раннем увлечении их и этим видом хозяйства свидетельствуют многочисленные террасные поля, сохранившиеся до сих пор вблизи агульских сел.

Древние авторы, говоря об албанах, отмечают их красоту, высокий рост, светлые волосы и карие глаза. Это, как полагают антропологи, характерные черты древнейшего аборигенного населения этого государства. Агулы, еще на ранних этапах своего развития были знакомы с городами. Авторы древних источников (Страбон, Плиний, Птоломей) называют более тридцати городов и других поселений на территории исторической Албании. Но сами агулы, надо полагать, в основном жили в аулах, основу которых составляли коллективы близкородственных людей.

До принятия христианства у древнего населения Кавказской Албании были различные, религиозные представления. Албаны, по словам Страбона, «почитали богов: Гелиоса (Солнце), Зевса (Небо), Селену (Луна)» и т.д. Он же сообщает, что «есть святилище ее (богини Селены) недалеко от Иберии». В этой связи следует отметить, что агулы до сих пор в устойчивых словосочетаниях как – Рагь хIарам хьурай «клянусь Солнцем», Зав хIарам хьурай «клянусь Небом», Ваз хIарам хьурай «клянусь Луной» и т.д. продолжают упоминать своих древних богов, которым покланялись. Кроме того, агулы, наряду с мусульманскими праздниками, сохранили немало праздников и обычаев, практиковавшихся ими в албанский период. К таким религиозным пережиткам, например, можно отнести почитание ими, как и албанами в целом, «священных рощ», символизировавших представления народа силы природы, огня, гор, различных демонических существ и т.п. В этом плане этнографический материал дает широкое поле деятельности для исследователя.

Но, постепенно, вследствие взаимодействия с христианскими государствами (Византией, Арменией, Грузией и др.)

в Албанию постепенно проникает христианство. По утверждению Моисея Каганкатваци [29/91], первым проповедником христианства в Албании был Елисей, который «был рукоположен первым патриархом Иерусалима, братом Господнем Иаковым, получив себе в удел, восточные страны и направился через Персию, избегая Армению, зашел в страну мазкутов. Он начал свои проповеди в Чоге (в районе Дербента) и привлек много учеников во многих различных местах, заставив их познать спасение, откуда отправился в Согари, провинцию Ути с тремя учениками». В 415 г. н.э. армянский писатель-просветитель Месроп Маштоц создает албанский алфавит. Его биограф Корюн сообщает о том, что после создания алфавита «блаженый Иеремей немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых дикомыслящие, праздно бродячие и суровые люди страны Агванк быстро узнали пророков, апостолов, унаследовали евангелие, были осведомлены во всех божественных преданиях» [30].

Наиболее достоверным источником сведений о наличии у албанов в V в. письменности А. Шанидзе считает «Книгу писем». Во втором письме армян к единоверцам Персии сказано: «Мы писали вам раньше о согласии с грузинами и албанами письмо каждой страны. А теперь повторяем то же самое (Книга переписи. Древнеармянский текст. Тифлис. 1901). Для агулов вопрос вхождения в состав Кавказской Албании решался однозначно фактом обнаружения на их территории в сс. Бедюк, Тпиг эпиграфических памятников албанского периода, о которых говорилось выше.

III

В период между III и VI вв. на юге Прикаспия происходили значительные события. В начале III в. в Иране возникло новое государство во главе с сасанидами и государственной религией стал зороастризм. Упрочив господствующую власть в самом Иране, сасаниды начали обширные завоевания, об-

разовав вскоре Сасанидскую империю, включавшую часть Средней Азии, Атропатену, Месопотамию, Сирию и Закавказье. Они также были заинтересованы и в Албании. Армянский историк М. Хоренский сообщает о битве лезгинских народов с персами, прошедшей в царствовании армянского царя Баба (370-377), в которой погиб царь леков по имени Шаргир [31/67]. «А после достижения соглашения в 390 году с Римом, с которым Иран длительное время вел борьбу, почти вся Албания и восточные области Армении, Грузии перешли под владычество сасанидов» – сообщает Моисей Хоренский [32/73]. Территория Албании была необходима сасанидам не только как сырьевой придаток, где было много хлопка, зерна, нефти и т.д., но и для использования в стратегических целях. Особое значение они придавали Дербентскому проходу, где при Йездигерде II (439-497) впервые начали строительство оборонительных укреплений. Кроме возведения различных оборонительных сооружений, иранцы для упрочнения своего положения на вновь обретенных территориях проводили и другие мероприятия, например, переселение на земли албанских народов ираноязычного населения. Политика сасанидов в завоеванных регионах была жестокой, особенно это было заметно при царствовании Йездигере II. Так, согласно армянскому летописцу V в. Егише [33/92] политика сасанидов была «настоящим грабежом». Кроме того «иранский шах Йездигерд насильно насаждал в Албании зороастризм, требуя от местной власти, чтобы она содействовала распространению этой религии. Шах пригнал сюда 700 магов, которые стали разрушать христианские церкви».

Недовольство гнетом сасанидов охватило крестьян, ремесленников, духовенство, представителей местной знати. В 450 году в Закавказье началось мощное восстание. Оно охватило Албанию, Армению и Иберию. Близ города Халкал повстанцы одержали победу. Летописец Егише говорит, что из всего вражеского войска спасся лишь одни всадник, принесший

Ездигеру II весть о поражении. Отряды восставших освободили значительную часть Албании от захватчиков, уничтожили иранский гарнизон в Дербенте и заняли город.

Напуганный событиями Йездигерд II двинул против повстанцев огромную и хорошо вооруженную армию под командованием визиря Михнерсеха [34/94]. В 451 году произошло крупное сражение. Вот как описывает его Егише [33/98]: «Когда обе стороны были готовы, полные гнева, с великим ожесточением и неимоверной яростью бросились друг на друга. Крики с обеих сторон раздавались, как раскаты грома в потемневших облаках. От страшного шума содрогались горные пещеры. От бесчисленного множества шлемов и от вооружения исходили ослепительные лучи, которые кололи глаза. Битва продолжались долго; вечерело, близко было и наступление теплоты. Многих постигла смерть.... Те, которые остались живы, рассеялись по горам и укрепились в вечных чащах, и когда встречались с врагами, продолжали сечу с ними». Несмотря на все усилия и мужество, с которыми они сражались, повстанцы не смогли устоять против регулярной армии персов и потерпели поражение. Ездигерд II послал в Албанию, Армению и Иберию карательные отряды, которые чинили беспощадную расправу над населением. Однако борьба угнетенных народов против иноземных завоевателей не прекратилась.

В 467 году в Албании вспыхнуло новое восстание. Его возглавил албанский царь Ваче [31/68]. Повстанцы взяли крепость Дербент и заключили союз с горскими народами. Тогда сасаниды наняли войско гуннов, которое прорвалось через Дербентский проход, и принялись опустошать Албанию. По словам Егише гунны «целый год сражались с царем Албанским, и, хотя армия Ваче была разбита, и воины его рассеялись, но Ваче оставался непокорным и непреклонным».

Стремясь окончательно ликвидировать самостоятельность Албании, сасаниды в 461 году упразднили здесь царс-

кую власть, превратив страну в свою провинцию, и передали управление ею марзбапам, резиденцией которой была избрана Барда. Моисей Каганкатваци пишет об этом времени: «От Ваче до благочестивого Вачагана в продолжении 30 лет Агвания оставалась без царя, потому что злобный и нечестивый царь персидский неистовствовал» [29].

Для дагестанских народов все эти события закончились тем, что на их землях, входивших в состав Албании, персами были образованы подвластные себе мелкие феодальные княжества, которые пережили Албанию на несколько сот лет.

Однако иранским завоевателям не удалось сломить сопротивление народов Албании, Армении, Иберии. В 481-484 гг. произошло новое антииранское восстание, охватившее эти страны. Под влиянием непрекращающихся народных волнений сасаниды вынуждены были пойти на некоторые уступки, в частности, обещали сохранить привилегии местной феодальной знати. Царская власть в Албании была восстановлена. Царем Албании был объявлен Вачаган III (487-510 гг.).

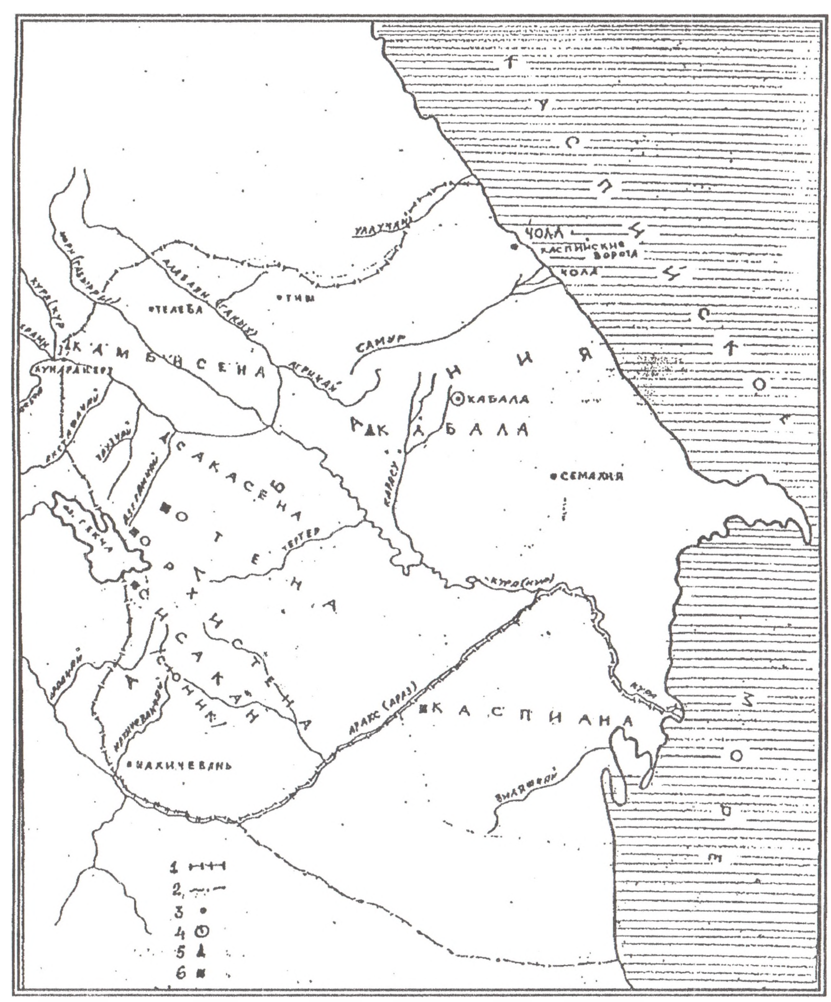
С середины VI в. Албанские цари опять утратили власть. Страной стали управлять иранские наместники – марзбапы и гнет сасанидов вновь усилился. Ответом народа на непосильные налоги, и усилившиеся притеснения явилось новое восстание, которое вспыхнуло в Армении, Иберии и Албании в 571-572 гг. Как сообщает грузинская летопись «Картлис-Цховреба», при армянском царе Хосрове Великом «армяне, грузины и оссы, леки и хазары совместно выступают против персидского царя Ануширвана и проникают в Персию» [35/12]. Это восстание также было подавлено с большой жестокостью.

В самом конце VI – начале VII вв., царская власть в Албании восстанавливается. Но, власть уже, становится персидского происхождения, из династии Михранидов.

Таким образом, захват Албании Ираном привел не только к неисчислимым бедствиям для ее населения, но и к

Кавказская Албания в I-II вв. до н. э.

(по Ф. Мамедовой*)

1 – граница; 2 – сферы влияния; 3 – город; 4 – столица; 5 – области (Гавары); 6 – провинция (Наханги).

* *Мамедова Ф.Д. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. Книга Ф.Мамедовой снабжена несколькими картами, где учитывается подвижность границ государства.*

нарушению ее целостности. Имеется в виду образование на ее северных территориях самостоятельных государств-княжеств Лакз, Филан, Табасаран и др. Следы влияния иранцев на культуру и быт агульцев прослеживаются в языке, религиозных представлениях, обрядах и других сферах их жизнедеятельности.

IV

Однако, прежде всего, вызывает интерес происхождение самого названия Агъул, а не хронология упоминания этого народа в источниках. Относительно этого аспекта проблемы между учеными также нет согласия. Самоназвание агулов означает «жители Агула, живущие в Агуле». Первая, корневая часть выступает и как компонент географического наименования Агулдере – территория Агул, уже – ущелье Агул. Этимологический смысл его неясен, но он вполне может быть соотнесен с другими названиями, в первую очередь географическими. «Агул» первоначально было названием географическим, топонимическим, лишь в производной форме, то есть позже ставшим этнонимом – агъулар» – считает З.К. Тарланов [5/8].

К терминам с неясным этимологическим смыслом относит название Агул и М.Р. Гасанов. Как считает исследователь – «это мнение поддерживают и другие исследователи» [16/17].

Ф. Джамалов, напротив, приводит немотивированное с точки зрения структуры агульского языка членение этого термина на сегменты аг «наверху» и ул «глаз» и на этой основе этимологизирует его как «Мир наверху» или «Небесная страна» [17/91].

Существует ряд и других подобных гипотез, объясняющие происхождения агульских топонимических названий через данные других языков.

Исследователь языка Г. Алхасов [19/19] опровергает как

сами подобные теории происхождения агульской топонимики как квазинаучные, так и стремление некоторых авторов объяснить его средствами иных (перс., араб., тюрк.) языков. При этом он считает, что «организация всей агульской топонимики, как по семантике, так и по морфологической структуре представляет собой систему аналогичных построений. В семантическом плане они выражаются в том, что носят гипсометрический характер, и поэтому, объяснение их требует топонимической коррекции, а в плане морфологическом – их структуры образуются с помощью локативных формантов языка, конкретизирующих местоположение объекта относительно рельефа». Проще говоря, по законам языка агульские топономические названия образуются с помощью показателей, так называемых, местных падежей от различных природных объектов, как, например, БаӀдуӀкъ (с. Бедюк). букв. «Загорск» от старого названия горы «багӀ» с помощью частицы – укъ, имеющей значение «за кем, – чем-нибудь» и т.д. С учетом этого положения он предложил этимологию ряда подобных образований, в том числе и названия Агул, который исследователь возводит к термину двойного обозначения Йахул – так агулов называют родственные лезгины. В свою очередь агулы этим, словом обозначают соседей – лакцев. «Термин агьул, – считает Г. Алхасов, – является модификацией термина йахул, возникший в результате типичных для агульского языка фонетических изменений, произошедших в нем – выпадения классного показателя й – в начальной позиции слова и озвончения заднеязычного -х-. Что касается собственно этимологии йахул, то он исторически восходит к праоснове – *арх, который в зависимости от языка или диалекта, оформляясь классными показателями б-, й-, в-, обозначает понятие даль, длина, дальний, то есть выражает сему дальности. Ср. лезгинский «йаргˇал» вдалеке.

«Таким образом, – полагает автор, – лексическим содержанием названия йахул является значение «расположенный,

находящийся дальше, на дальнем расстоянии». Этим объясняется и двойное использование этого термина, так как географически агулы расположены дальше лезгин, а лакцы – дальше агулов». Как видим, позиция исследователя Г. Алхасова подтверждает гипотезу З.К. Тарланова об изначальной соотнесенности названия Агьул с географией.

Общеизвестно, что южный Дагестан отличается этнической пестротой (лезгины, агулы, цахуры, рутулы, табасараны). Многими дагестанскими исследователями с одной стороны отмечается совпадение политических границ средневековых политических образований с границами этническими, а с другой стороны отмечают, что весь южный Дагестан входил в состав владения «ал-Лакз». Однако, несмотря на мночисленные свидетельства источников об активной роли ал-Лакза в Кавказских политических процессах, не все вопросы, связанные с ним ясны и изучены в такой степени, что достаточно одной, не подтвержденной источниками, констатации, чтобы включить агулов в это владение.

Как отмечают Х. Рамазанов и А. Шихсаидов: «После присоединения Кавказской Албании к Ирану, многие земли откололись и образовали самостоятельные политические единицы. Очевидно, предки лезгин, цахуров, рутулов, агулов и табасаран тоже образовали свои отдельные государственные единицы, которые вели самостоятельную политику». Далее они отмечают, что: «...народы лезгинской группы, по древним сведениям, растворились в общем, термине гелы, относяшемся к дагестанцам вообще. Всё это не знчит, что в IV веке лезгинские племена имели единый центр и входи[illegible] в состав одного политического объединения». [51/25]

Арабский энциклопедист Йакут (ум. в 1229 г.), со ссылкой на сведения Х в. сообщает, что с Дербентом и Маскатом граничит «страна Лакз». Здесь имеются сведения и о других политических образованиях, в частноссти о Табасаране и Филане: «между ними (Лакз) и Баб ал-абвабом – страна

Табасаран-шах, и они (жители Табасарана), так же (как и жители Лакза) могущественны и более обширны (своей) территорией. За ним (Табасараном) расположена Филан, но это небольшая область». [51/26]. «Характерно,- пишет А.Шихсаидов,- что, начиная с VI-VII вв. положение новых государственных единиц вырисовывается более четко и определеннее. Границы их становятся более или менее стабильными, этническое лицо политических образований в основном определяются». [8/29]

Существование на территории Агула раннесредневековых политических образований хорошо иллюстрирует материал эпиграфики из региона, местная устная традиция народа. Указанное положение подтверждают исследователи: Р.Магомедов (Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 2001, с.361); М.Гаджиев, О.Давудов, А.Шихсаидов (История Дагестана. Махачкала, 1996, с. 329) и другие источники.

V

Однако, возвращаясь к вопросу упоминая агулов в древних источниках, следует подробнее сказать об незначительных средневековых владениях Филан и Руклан (фонетические варианты Килан и Зулкан, а в некоторых списках вместо Филан используется Рукь и его фонетический вариант Йук), по поводу локализации которых у исследователей мнения расходятся.

Хронологически упоминания о них относятся к разным историческим периодам: о Филане – к ранему средневековью, о Руклане – к IX-X вв историки за каждым из этих названий стараются усматривать самостоятельное владение. Так, например, Руклан отождествляется с Урахинским обществом времени его самостоятельного существования. А основанием для такой интерпретации сведений древних авторов, – как считает Г. Алхасов, – «служит ошибка, допущенная переписчиком в одном из списков сочинения ал-Гарнати, вместо рук-

ланского (закланского) языка написано метатезированная форма куркиланский (лисан ал-куркилан). Попытки некоторых ученых (Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. «Труды II сессии ассоциации арабистов», М-Л., 1941 , с. 108) идентифицировать Руклан с «Агул-Кошан-Руклан» были отвергнуты как неубедительные. Однако, по остроумному замечанию исследователя «если пользоваться этим методом, то лисан ал-куркилан по названию сел. Куркли скорее можно соотнести с лакским языком, чем с даргинским. В этом случае даже нет необходимости заменить звук к- на г-, который в арабском языке отсутствует. А будь это в действительности урахинский диалект даргинского языка (хIуркила хIуреба), то автор так и написал бы его – лисан ал-хуркила, в крайнем случае, через х – лисан ал-хурхилан, так как оба эти звука и хI и х в арабском языке представлены».

Вопрос о локализации Филана запутан еще больше. Его идентифицируют то с Кельским обществом в составе Гидатль и Анкратль в бассейне р. Аварское-Койсу, то с территорией Левашинского плато, то он часть распавшегося Лакза, то идентифицируют с с. Фий, расположенного в бассейне реки Гюльгерыгай или с с. Фильфиля в Северном Азербайджане и т. д. Попытка объяснить значение названия Филан и через это прояснить загадку стоящего за ним владения имеется и у профессора З.К. Тарланова [5/15]. Он ставит вопрос, не имеет ли агульское слово филан (фулан) (оно выступает в значении неопределенно-указательного местоимения – такой-то, ср. филан инсан – такой-то человек, филан вахт – какое-то время) отношение к раннесредневековому владению Филан. По поводу данного предложения лингвист М.Е. Алексеев пишет: «По нашему мнению, здесь представлено обычное арабско-персидское заимствование, не дающее повода для глубоких исторических реконструкций». «Лингвистические данные, – пишет он, – могут приобрести желаемую ценность лишь при условии осторожного с ним обращения: в противном случае

Дагестан в VII-X вв.

(по А.Шихсаидову)

обольщая исследователя внешними сходствами, они приведут к выводам из области околонаучной фантастики».

Принято считать, что столь широкий разброс мнений объясняется противоречивостью сообщений средневековых авторов (ал-Масуди, Якута, ал-Якуби, ал-Балазури, Хордадбеха, ал-Куфи, ал-Гарнати и др.), на которые в своих изысканиях опираются исследователи. На самом деле это не так, поскольку сведения в определенной степени подтверждают друг друга и противоречат лишь сообщению аль-Масуди. Это единственный автор, кто указывает Серир как местоположение Филана. Все остальные хроникеры как один локализует его в соседстве с Лакзом и Табасараном.

По ал-Масуди, «Филаншах – имя всех царей Серира, и поэтому вилаят Серира называется Филан. Говорят, что область Серира находится в нем», и «...царь Серира зовется филаншах и исповедует христианство» [66/ 188]. Именно эти строки Масуди являются опорным моментом для тех, кто желает видеть это владение в Северном Дагестане. Но, доверяясь приведенным записям ал-Масуди, они упускают из виду то, что историческая достоверность сведений этого автора о Дагестане минимальна, ибо известно, что собирал он их по слухам, расспрашивая случайных лиц, побывавших здесь или слышавших что-либо о нем. Обратите внимание на слово « говорят» в тексте его сообщения. О сомнительном характере информации ал-Масуди свидетельствует и следующий момент. Так, если большинство историков говорят о незначительности филана, он же фразой « Говорят, что область Серира находится в нем (Филане) » утверждает абсолютно противоположное. О противоречивом характере сведений ал-Масуди писал и В.Ф. Минорский. В частности он отмечает, что «Даже в своем позднейшем ат-Табних Масуди не обнаруживает ясного знания географии...» [58/206].

В настоящее время в дагестанской исторической литературе принята версия А.Р. Шихсаидова, согласно которой,

Филан отождествляется с федерацией союза сельских обществ, известных впоследствии под названием Акуша-Дарго, в составе современных Акушинского и Левашинского районов. Однако, упомянутый выше Г. Алхасов [19/18] подвергает сомнению подобные утверждения. Он после проведенного им тщательного и всестороннего лингвистического анализа терминов Филан, Килан, Руклан, Зуклан, Рукь, Йук, Рукушан, Кушан, приходит к выводу, что «все они представляют собой единый синонимический ряд названий одной и той же территории – Агула, с легко объяснимыми фонетическими переходами и прозрачной семантикой». Исследователь приводит и логическое объяснение своему заключению. «Достаточно взглянуть, – пишет он, – на картину средневековых владений Дагестана [20/180], чтобы понять ошибочность представлений историков отождествлявших Филан с владением, известного впоследствии как Акуша-Дарго, ибо здесь ясно видно, что при проецировании этой мысли на карту Филан оказывается далеко на севере от указываемых в источниках ориентиров, в частности Табасарана. А другого ожидать не следует, так как Филан в источниках упоминается не просто между Сериром и Табасараном, а на участке, где верхняя часть Табасарана сходится с лезгинскими и лакскими землями и, по Петербургскому списку «Дербент-наме» «возле махала Рича». А это не может быть никакой иной территорией как Агул (он же Руклан), поскольку географически он один соответствует всем этим параметрам».

Таким образом, можно с наибольшей долей вероятности предположить, что Филан – это средневековое владение агулов и упоминание о котором в IV-V вв. н.э. намного раньше, чем упоминание об агулах в армянской географии. Правда с X в. в источниках вместо Филан употребляется его вариант Руклан или Зуклан. О Руклане (Заклан, Зуклан) в XII в. упоминает, Абу Хамид ал – Гарнати: «народ Заклан, принял ислам в начале VIII в., а в 1131 году среди жителей Дербента были также носители закланского языка» [42/26].

Связь между этими двумя терминами на лингвистическом уровне довольно проста. Объясняется она тем, что название Руклан возникло как композит двух самостоятельных названий Агула: нового Рукь и старого Филан (наподобие Осетия-Алания), где второе название Филан выполняет роль определения, поясняя название Рукь, но, поскольку, в новообразовании налицо фонетическая избыточность, то язык по закону экономии физиологических затрат сокращает число звуков в нем и сегмент фи- выпадает: Рук-Филан-Рукилан-Руклан.

К IV-V вв. относятся первые сообщения о «царях» в горских обществах. Егише Вардапет сообщает об «одиннадцати царях» горцев, выступавших против сасанидского Ирана. Он пишет о царе Шергире (671г.) «царе леков». Очевидно, «царь леков» правитель большой территории, в то время как одиннадцать горских «царей» можно рассматривать как вождей отдельных племен [37/177].

В VI веке сообщения о правителях становятся более определенными, государственные образования горских обществ укрупняются и они принимают более устойчивый характер, что было обусловлено появлением в Прикаспийской низменности орд кочевников – гуннов и участившимися с их стороны на страны Закавказья, Переднюю Азию и Византию набегами. Согласно историческим данным, с целью прекращения разорительных для экономик этих стран набегов со стороны кочевников, между крупными государствами того времени – Персией и Византией, в 562 году был заключен договор. В нём специальным пунктом было оговорено, что сасаниды берут на себя обязательство не пропускать северокавказские народы через Каспийские ворота и перевал Хорутзон. Персия была заинтересована в укреплении своих северных границ от нашествий гуннов и в связи с этим, при финансовой поддержке Византии, развернула по всему Восточному Кавказу строительство оборонительных сооружений. Помимо

этого она стремилась заручиться поддержкой со стороны местных народов и поэтому старалась всяческими обещаниями привлекать их на свою сторону. Так, согласно сведениям, содержащим в «Дербент-наме» и других древних источниках именно персам обязаны повышению статуса ранних средневековых владений Филан, Серир, Туман и др. как государственных политических образований, в обязанность которых входила охрана горных проходов и перевалов.

По поводу происхождения их названий у Хамзы Исфагани имеется сообщение следующего содержания: «Он (Анушир-ван), обосновал в каждой стране предводителя, выделив ему войско, отдав им сук (земельный участок) в качестве дия, определил его вакуфом их потомкам. Их потомки стали с того времени охраной пределов страны. Он одарил каждого из Каидов (предводителей) в день его назначения на охрану определяемого ему сатра (пограничной области) халатом, разрисованным различного рода рисунками. Предводитель носил титул по названию того рисунка, что на халате. Так появились имена: багранmах – «шах кабанов», ширваншах – «шах львов», филаншах – «шах слонов». Один из них имел в своем распоряжении серебряный трон (потому) его назвали серир-шахом, а по-арабски «владетель трона», а «серир» не арабское имя, а персидское» [21/177].

По поводу идентификации упомянутого в договоре между Персией и Византией, перевала Хорутзон в литературе существуют разногласия. Так, К. Тревер, [22/232] сопоставляя данный термин с древнеармянским хородзором – «глубокое ущелье, теснина, пропасть» локализует этот перевал где-то в восточной части Кавказского хребта, в частности в бассейне реки Аварское Койсу. Однако Ш.М. Ахмедов [23/10] и другие не согласны с такой точкой зрения. Как они пишут, – «Так далеко на север (Кидеро) власть сасанидов никогда не доходила, и вряд ли можно предположить, что они «пропускали север-

ные народы». Они указывают на другой вполне доступный и широко популярный в древности путь Северный Дагестан-Кумух-Рича-Самур, названый В.Г. Котовичем «траскавказским» [24/165], который выводил северокавказские племена в глубокий тыл дербентских сооружений и делавший бессмысленными эти сооружения». Еще один такой стратегически важный путь, пересекающий Дагестан с запада на восток указывается в статье «Дорога послов» Г.А. Алхасова. Это древний торговый путь Иран-Портав-Кабала-Шеки-Рутул-Агул-Табасаран-Прикаспий, также проходил минуя дербентские сооружения. В Агуле оба пути пересекались. Второй из них до сих пор известен под названием ХІуълар баъ ракъ (керенский диалект), что переводится как «дорога, по которой идут гости». По ней шли не только купцы, торговцы, церковные миссионеры, например, в 682 г. албанский епископ Исраэл или армянский епископ Кордос и другие, но и орды кочевников. Так, как сообщает византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский: «Когда сии унны нападают на земли персидские или римские, через упомянутую выше дверь (Дербент), то они отправляются на своих конях, не делая никаких объездов, и до пределов Иберии, не встречая иных крупных мест, кроме тех, которые простираются на 50 стадий. Но когда обращаются к другим проходам (через горы), то должны преодолевать большие трудности и уже не могут употреблять тех, же лошадей, ибо им приходится объезжать крутыми местами.»[25/381]. Поэтому неудивительно, что Персия уделяла особое внимание этому маленькому кусочку Дагестана под названием Агул.

Гуннское нашествие тяжело отразилось и на положение племён горного Дагестана, в том числе и филанцев. Захват гуннами Прикаспия резко ограничил жизненно необходимые для горцев контакты и взаимосвязи с населением равнин Дагестана. А походы и погромы кочевников представляли прямую угрозу для существования самого населения гор, и

оно упорно отстаивало свою независимость. Согласно устной традиции народа, в нескольких километрах от раннесредневекового поселения Сарфун, на ровном плато, которая пересекает этот древний торговый путь, состоялась битва агулов с гуннами.

VI

В начале VII века на политическую арену выходят арабы. Исторические события этого и последующих веков – «одна из блестящих страниц в жизни народов Дагестана, особенно в сфере военно-политической» [37/195].

В V-VI вв. в Аравии произошли важнейшие перемены в сфере политической, государственной экономической жизни. Распались древние государства, потеряли свое значение города, стоявшие на международной торговой трассе, усилились противоречия между оседлым и кочевым населением, между различными слоями общества. На этом фоне возникал новый мир: рождалось новое государство, опиравшееся на динамическое соотношение оседлого и кочевого населения, значительно оживились внутриаравийские торговые связи, возвысились новые торгово-политические центры, такие как Мекка [38/10].

Закономерной особенностью стало создание общеарабского государства. Развитие общества по пути становления раннеклассового общества и политического объединения разрозненных обществ Аравии сопровождалось возникновением новой монотеистической религии – ислама, заменившего постепенно языческие культы земледельческих и скотоводческих племен.

Ислам стал важным фактором в завершении процесса экономического, политического, этнического и культурного объединения Аравии [38/103], который завершился созданием Халифата «вооруженного» новой религиозной

Дагестан в X-XII вв.
(по арабским источникам)

системой. Был создан могучий кангломерат объединенных силой оружия народов. Обширная территория Арабского халифата простиралась на тысячи километров, от Испании до Индии, от Йемена до Северного Кавказа.

Продолжительная борьба происходит и на территории Дагестана. Она привлекала внимание арабов и как важный стратегический рубеж, и как перекресток международных торговых трасс. Последнее обстоятельство играло немаловажную роль. Именно тут стекались пути, объединявшие Восточную Европу со странами Передней и Средней Азии. Экономическое значение территории Восточного Кавказа в судьбах Арабского халифата все больше росло, и поэтому можно понять упорные и систематические попытки Халифата укрепиться в этом районе [37/199].

Первые попытки арабов утвердиться в VII веке в Дагестане окончились провалом. Многочисленные восстания народов Закавказья и других захваченных областей распыляли силы арабов. Ослаблением власти арабов в Закавказье сразу же воспользовались хазары – народы, входившие в Хазарский Каганат – мощное политическое объединение, сложившееся в начале VII в. на территории Приморского Дагестана и восточного Предкавказья. Хазары, которые еще в начале VII века владели Дербентом, с 623 по 709 г. они совершали шестнадцать вторжений в Кавказскую Албанию, нередко проникая при этом в Армению и Грузию [39/33]. В 710 году хазары совершили набег на Закавказье и захватили Албанию. Так, первое столкновение арабов и хазар произошло в 643-644 гг. Захватив Дербент, арабы под командованием Абд ар-Рахмана ибн Раби'а двинулось к Беленджеру. На подступах к этому сильно укрепленному городу хазары разгромили арабов. Абд ар-Рахман был убит, вместе с ним погибло 4 тыс. воинов, остальные бежали в Дербент [40/126]. Но важное торгово-экономическое и стратегическое значение Дагестана толкало ара-

бов к ужесточению борьбы за регион. Так, если взять период от 20-х годов VII в. до середины VIII в. то, только по данным знаменитого арабского историка и комментатора Корана ат-Табари (ум. в 923 г.) в Дагестане произошли 15 военных событий, большинство из которых были связаны с завоеваниями арабов. В итоге многие горные районы Дагестана, в том числе и Филан, оказались под властью арабов [41/15].

В это период значительно увеличивается контингент арабского населения в Дагестане. Как писал, ал – Якуби, аббасидский халиф ал – Мансур (754-755) «велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил против хазар...»[47/9]. Дагестанский ученый Гасан Алкадари (1834-1910) добавляет, что: « эти семь тысяч мусульман были со своими семьями, и они построили крепости...» [58/25].

Речь идет о создании вдоль Горной стены центров (маракиз), опорных баз с расквартированным там арабским населением. Арабский энциклопедист Йакут (ум в 1229г.) сообщает, «что в оборонительной системе Дербента были выделены специальные центры, защита которых была поручена жителям Табасарана, Филана, ал-Лакза, Ширвана» [58/124].

Последние походы вглубь Дагестана (например, в 789г.) связны с именем Мервана. Он временно подчинил своей власти Серир, Туман, Зерихгеран, Кайтаг, жестоко подавив выступления этих областей и обложив их непосильным налогом.

Особое внимание Мерван уделяет использованию местной феодализирующей знати, перешедшей на сторону арабов. Баладзори сообщает о филан-шахе единственном царе, не обложенном данью за его «заботливость о мусульманской армии, военные подвиги и похвальное поведение» [59/13].

Наряду с завоеваниями в покоренных землях шел и процесс исламизации населения. Местная дореволюционная историография и арабские авторы освещают события в

Дагестане в VIII в., преувеличивая успехи исламизации дагестанских обществ. Арабский автор ал-Якуби писал, что дагестанские владения, как правило, без боя принимали арабов и заключили с ним «мирные договоры» [67/10].

Другой арабский автор Ахмад ал-Куфи (ум. в 926 г.) дает более подробные сведения о позиции этих правителей: после завоевания Бардаа, Джурджана, Ширвана и Маската Салман «напрвил послов к владыкам гор (мулук – ал-джибал)... К нему прибыли владыка (малик) ал-Лакза, владыка Филана и владыка Табасарана» [69/11]. Испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, бывший в 1130 году «проездом» в Дагестане, также приписывает Масламе ибн Абдалмалику триумфальную исламизацию многих дагестанских владений. После распространения им ислама среди табасаранцев «...приняли из его рук ислам многочисленные народы, в том числе: лакзан (лезгины), и филан (агулы), и Хайдак, и Заклан, и гумик, и даркаx...» [47/49]. Также о триумфальном шествии ислама во всех без исключения областях Дагестана говорится и в местной исторической хронике «Дербент-наме». Но на самом деле, как свидетельствуют источники, этот процесс также встречал упорное сопротивление со стороны населения края. Так, в исторической хронике «История Абу Муслима», рассказывается, что Абу – Муслим, сын Сайида, убитого в борьбе с последним омеядским халифом Мерваном II, впоследствии победил Мервана, построил соборную мечеть в Дамаске, затем завоевал весь Ширван и «обосновался в междуречье, под горой, называемой Шах-Албурз. Летом он сражался с жителями области (нахийа), называемой Риджа, а зимой, с жителями Баб-ал-абваба, называемой Дербент». Затем он построил мечети в Калах-Кура (т.е. Каракюре), Ахты, Рича и Мака, назначив всюду своих родственников. Сын его Султан Ибрагим, и наиб Ширвана, «вел со своими войсками священную войну (джихад) против области Кумух и Авар, а также против других се-

лений Дагестана.... После этого распространился среди них свет ислама при посредстве знаний и сильных ученых, там построил много мечетей». После строительства мечети в Кумухе он вернулся в Ширван. Внуки Абу-Муслима обосновались в Усуге, Микрахе, Куруше, Хнове, Рутуле, Шиназе, Куба, Гельхене, Курахе, Рича, Мака и в других селениях [37/226].

Сохранившийся до сих пор ряд архитектурных памятников и данные эпиграфики ясно показывают, что в IX веке шел процесс интенсивного строительства мусульманских культовых сооружений, особенно в Южном Дагестане. К X веку, возможно к нач. X в. относится дата строительства мечети в селении Каракюре. Этим же периодом датируется строительство мечети в селении Фите Агульского района. [37/226].

VII

В начале XIII века в Центральной Азии произошли события, наложившие глубокий отпечаток на судьбы народов и цивилизаций Азии и Европы, на историю и культуру, на социальные и экономические развития этих народов – образовалось централизованное монгольское государство, а затем в итоге завоевательских войн – огромная монгольская империя [37/293].

Войска Чингисхана в течение 1213-1221 гг. покорили Восточный Пакистан, Среднюю Азию, Восточный Иран (Хорасан). В 1220 году армия полководцев Джебе и Субудея вторглись в Закавказье, захватив Начихевань, Ардебиль, Байлакан, Генджу, Шемаху, разорила Грузию и после подавления упорного сопротивления местного населения выступила в сторону Дербента. Армянский историк Киракос Гандзакеци, очевидец большинства этих событий, описывает печальную картину: «Страна вся была полна трупами умерших, и не было людей, чтобы похоронить их. Иссякли слезы на глазах любящих, в страхе перед нечестивцами никто не осмеливался оплакивать павших....

Как будто мраком был объят весь свет, и полюбили люди, ночь, пуще дня… разграблены были имущество и богатство, но жадность их (татар) к вещам не была утолена. Они рыскали по всем домам и покоям, но там ничего не осталось…. И на такую горькую долю обрекли они многие народы и племена» [43/156]. Рашид ад – дин, крупнейший персидский историк и политический деятель (1247-1318) в своем историческом своде «Сборник летописей» оставил описание первых шагов войск монголов в Дагестане: «Они (монголы) направились к Дербенту Ширванскому, по пути они захватили осадою город Шемаху…. Так как пройти через Дербент было невозможно, они послали ширваншаху сказать: «Ты пришли нескольких человек, чтобы мы заключили мир!». Он прислал 10 человек из вельмож (акабир) своего народа: (одного) из них (монголы) убили, а другим сказали: «Если вы нам покажете путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем! Они из страха за свою жизнь указали путь и те прошли». [44/228]

Киракос Гандзекаци также описывает поход монголов во внутренний Дагестан: «монголы, узнав у заложников обходную дорогу минуя Дербент, по неприступным местам прошли Кавказские горы, заваливая пропасти деревом, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военное снаряжение и таким образом прошли обратно в свою Родину». [43/159]. Описывая последствия этого похода, арабский автор Ибн ал – Асир отмечал, что монголы двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и (различные) тюркские племена. Они грабили и перебили много лезгин, которые (отчасти) были мусульманами и (отчасти) неверные. [45/142]

Б.К. Малачиханов утверждает, что монголы могли пройти на Северный Кавказ только через Внутренний Дагестан по маршруту р. Самур-Курах-Агул-Кумух-Чох-Ботлих и Чечня [74/185].

Следует отметить что, народная этимология возникновение названия агульского ущелья Магъу-дере связывает с этническим именем монголов, которые прошли здесь в 1222 году. Момент созвучия названия ущелья и этнического имени монголов (в произношении агулов – мангъул) некоторыми исследователями, из-за отсутствия в приведенном выше источнике точных сведений, используется для конкретизации маршрута монгольских войск по Нагорному Дагестану.

Поэт и исследователь языка Ф.Джамалов, ссылаясь на Библию, считает, что Магъу-дере было местом обитания основателя Религии магов – библейского Магога – сына Иафета и его последователей. По его же версии, Магог был первым священнослужителем этой религии и по его имени, в дальнейшем, всех жрецов новой религии стали называть «магами» – от них ущелье получило свое название.

Исследователь Г. Алхасов этимологию названия Магъу-дере аргументированно возводит к слову – «дуб» – магъ. Кроме того, в агульском языке представлены однокоренные слова, производные от магъ: «магъ» – сошник, изготавливается из твердых пород леса, прежде всего из дуба, во избежание его быстрого изнашивания при вспашке, «магъакен» – ступица колеса, изготавливается из дуба.

Поэтому, возможно, возникновение названия Магъу связано с деятельностью агулов в этом ущелье по заготовке дубового леса столь необходимого для ведения хозяйства.

Среди материалов, позволяющих пролить свет на время, последовательность и конкретную обстановку второго нашествия полчищ Бату на горские народы не последнее место принадлежит ричинским эпиграфическим надписям. Следует отметить, что благодаря деятельности востоковеда и эпиграфиста Н.В. Ханыкова (1822-1878), в селении Рича была обнаружена и им же срисована в 1848 году куфическая надпись XIII века, которая открыла неизвестный до этого

времени историкам поход монголов в горы Дагестана в 1239 году. Открытие было оглашено 22 февраля 1850 года на заседании Российской Академии наук и опубликовано.

Примечательно, что, будучи недоволен копией этой надписи, которую он сделал под дождем, Н.В. Ханыков обратился с просьбой к генералу И.А. Бартоломею (1813-1870), отъезжающеиу в Дагестан по служебным делам, чтобы тот попытался достать новую копию этой надписи. И.А. Бартоломей, археолог, большой любитель древностей и знаток нумизматики откликнулся на просьбу исследователя. В 1850 году, сопровождая командующего Кавказской армии М.С. Воронцова, он попал в селение Курах и так, как рассказывал Н.В. Ханыков, «отделился от свиты главнокомандующего, сделал немножко более чем 24 часа 130 верст верхом и вывез из этой археологической скачки, интересующую нас обоих надпись». Оказалось, что первоначальное чтение содержало некоторые ошибки, о чем Н.В. Ханыков не замедлил сообщить, публикуя новую копию этой надписи и ее перевод [47/31].

Однако, ни Н.В. Ханыков, ни И.А. Бартоломей не обратили внимания на две другие надписи в селении Рича, обнаруженные и сфотографированные в 1953 году Б.А. Калоевым. Позднее в 1958 году они были переведены и опубликованы Л.И. Лавровым и А.Р. Шихсаидовым, и также являются важнейшими источниками по истории монгольского нашествия на Кавказ.

Вторично монголы появились в Агуле в конце 30-х годов XIII века. Взяв и разорив Дербент, они весной 1239 года предприняли попытку проникнуть вглубь гор («область Авир») с целью обеспечить тем самым себе надежность пребывания в разнинной и предгорной полосе.

Монгольский отряд, возглавляемый Букдаем, отправившийся из Дербента, избрал маршрут Дербент-Хив (или Курах) – Рича. Упорное сопротивление монгольским завоева-

телям оказало старинное агульское селение Рича, в то время столица феодального владения.

Зашита Рича – одна из самих ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана. В стене ричинской соборной мечети XI-XII вв. до сих пор сохранились эпиграфические надписи, которые зафиксировали трагические события тех дней и доведшие до нас известия о мужественной борьбе жителей селения Рича против монголов. В частности, одна надпись, обнаруженная Н.В. Ханыковым, вмонтированная в стену мечети, свидетельствует: «Истинно, войска проклятых татар, – да лишит поддержки Аллах – пришли, в Баб ал – Кист Риджа («в ворота справедливости Ричу»), когда оставалось десять дней до конца месяца раби' аль-авваль. И сражались с ними жители Рича до середины (месяца) раби' ал-ахир в шестьсот тридцать седьмом году. Затем приказал Сабадж ибн Сулейман построить эту крепость в месяц зу-ль-хиджжа, (один) из месяцев шестьсот тридцать восьмого года» [46/6].

Таким образом, жители селения Рича примерно в течение 27 дней, а именно с 20 октября до 15 ноября 1239 года сражались с монгольскими завоевателями. Согласно устной традиции народа, ко времени прихода монголов Рича был крупным населенным пунктом, где было более 700 дворов и мощная крепость, расположенная на господствующей высоте Хъюхъвал. На расстоянии 1,5 километра от этой крепости в сторону с. Тпиг, там, где образуется узкое ущелье, существовали «ворота» Рича. Здесь по обеим сторонам реки Чирах-чай располагались две мощные сторожевые башни, связанные между собой цепями. Башни имели связь с основной крепостью в селении Рича. Местность АрхатIагар, где находились ворота в аул и располагались сторожевые башни, настолько узка, что небольшая, хорошо вооруженная группа была способна отразить натиск солидного отряда войск.

Труднодоступность и оборонительный характер селения

Рича отмечали даже многие путешественники и военные XVIII-XIX веков. На карте Дагестана, составленной русскими топографами в 1819-1820 годах, показан схематический план села Рича. Оно расположено на склоне горы, окруженной с трех сторон горными речками. С четвертой стороны (с запада), над селением, на горе, стоит оборонительная башня. По гребню горы, прикрывая доступы к селению с севера, идет крепостная стена [81/10].

Очевидно, ко времени нашествия монголов уже была слажена и боевая традиция ричинцев: считать за обычное дело войну с численно превосходящим противником, при котором неравенство сил они стремились уравновесить мастерским использованием горного рельефа, усиленного фортификацией существовавшей еще при сасанидах. Защитники Рича нанесли монголам огромный ущерб, сорвали их план молниеносного продвижения вглубь Дагестана. Тем яростен был гнев монголов на ричинцев, и тем невыносимей были неисчислимые бедствия, какие обрушили пришельцы на непокорную землю. Согласно преданиям монголы подкупили двух караульных из местных жителей, и те открыли ворота в село. Завоеватели окружили аул, чтобы никто не ушел. Но остаткам ричинцев удалось подняться на труднодоступную гору ХIажижаяр, и укрепиться там. В селении оставались старики и дети, которых не успели вывести. Монголы собрали их в местности ГIубратт и растоптали конницей. Тела погибших бросали в большую яму, которую выкопали рядом с селом. Затем собрали запасы кормов, урожая и сожгли их. Горстка защитников, укрывавшихся в мечети, была истреблена.

Разъяренные монголы разрушили соборную мечеть, а также все селение. Вторая эпиграфическая надпись повествует об этих событиях: «Эту соборную мечеть Баб ал-Кист Риджи разрушило татарское войско [в то время], когда разрушило

[и] Курд-Риджу[1] в месяц раби' ал-ахир [одном] из месяцев шестьсот тридцать седьмого года. Потом, поистине, эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б. Абд ал – Малик б. Мухаммад, – да продлит всевышний Аллах [его правление]! – приказал построить эту мечеть в месяце раби' ал-аввал, [одном] из месяцев года шестьсот сорок восьмого. Да благословит Аллах Мухаммада и весь его род и да помилует Аллах того, кто помолится о милосердии к нему после его смерти» [47/83].

Однако нашествие монголов в 1239 году, не привело к покорности население Агула. Итальянский посол и путешественник Джованни да Плано Карпини (1182-1252), в своей «Истории монголов» дает подробный перечень стран и народов, подчиненных их власти [75/25]. В этом списке, горцы Дагестана, в том числе агулы, среди народов, покоренных монголами, не числятся.

Жители разоренных сел после ухода монголов возвращались на свои пепелища, восстанавливали разрушенные постройки, возводили оборонительные сооружения у своих селений и готовились к сопротивлению в том случае, если враг снова вторгнется в их пределы, о чем свидетельствует и другая врезная надпись в стене минарета в с. Рича: «... Это то, что приказал построить эту крепость Сабадж ибн Сулейман в месяце зи-л-хиджжа, (одном) из месяцев года шестьсот тридцать восьмого» [47/81].

Здесь необходимо отметить, что в дагестанской историографии не совсем верное освещение имеет вопрос о продолжительности пребывания монгольских войск в Агуле во время их второго похода в 1239году.

Большинство исследователей безосновательно утверждают, что после захвата и разорения селения Рича монгольские

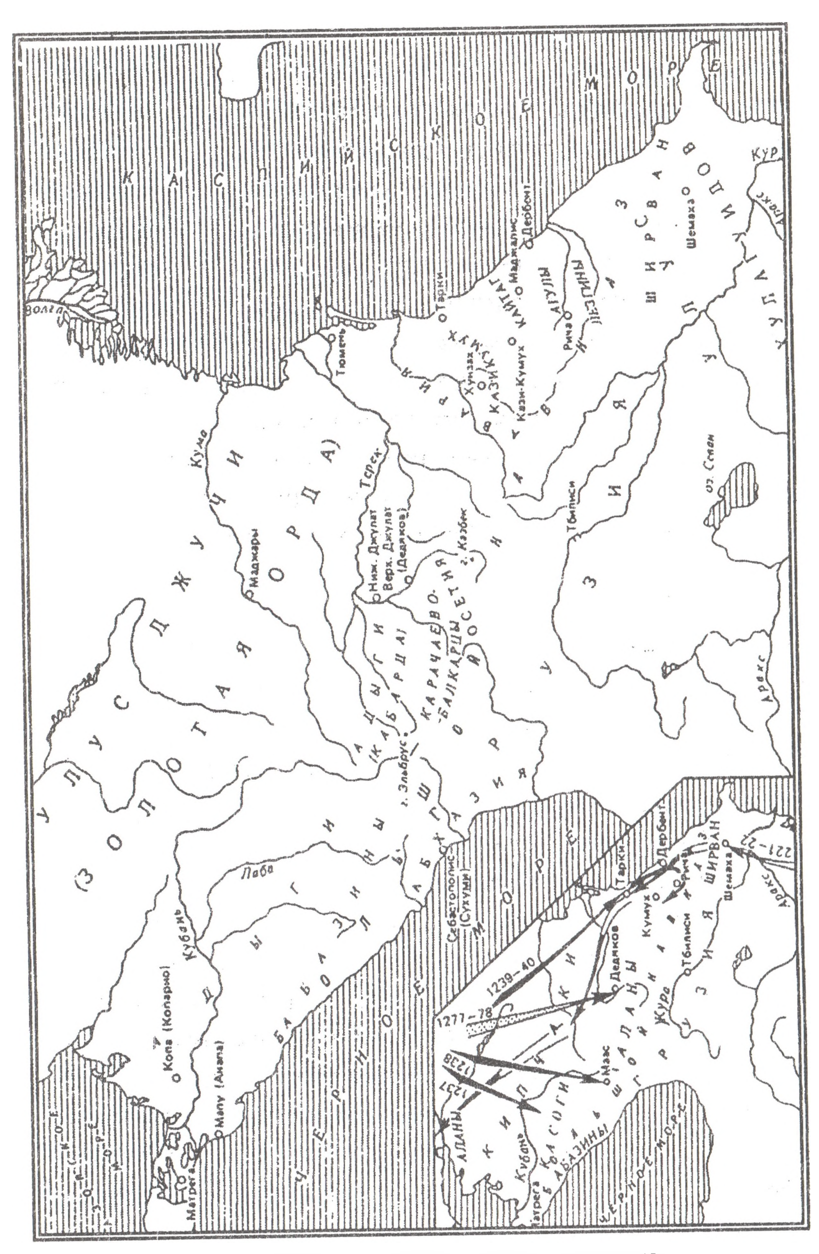
1 Курд – крупный населенный пункт, город

войска полгода оставались в Агуле, а затем, якобы, ранней весной, воспользовавшись перевальной дорогой, ведущей к верховьям Казикумухского койсу, вторглись в земли лакцев и 1 или 2 апреля 1240 года штурмом овладели Кумухом. [76/67].

Очевидно, причины таких заключений обусловлены отсутствием достоверных источников, указывающих на путь следования монголов при вторжении в Кумух. При этом, исследователями также не учитываются специфические особенности походов монголов, как кочевников.

Письменные источники сообщают, что монголы, как это свойственно кочевникам, совершали свои военные акции с семьями, имуществом, со скотом и пр. и при этом обязательно возвращались на зимовку на плоскостные земли, где имели пастбища и становища. «И вот пришли они со всем своим имуществом и множеством войск, достигли страны Агванк и плодоносной и плодородной долины, называемой Муганской, и разбили шатры свои. Так они делали в зимние дни, а в весеннюю пору разбредались в разные страны, производили набеги и опустошения и снова возвращались туда, в стан свой», – сообщает Гандзакеци [43/154]. Другой армянский историк XIII в. отмечает, что: «Зиму они проводили в плодородных и плодоносных местах Мугани в Стране Албании... весной шли дальше и разрушали всякие страны». Это подтверждается известиями и других современников монгольских нашествий [50/80].

Упорное сопротивление ричинцев задержало дальнейшее продвижение монгольских войск во внутренний Дагестан до поздней осени и наступления холодов. Очевидно, оставаться, вопреки устоявшемуся режиму своих походов, в Рича на зимовку, где была разрушена вся инфраструктура, уничтожены запасы кормов, фуража и другого продовольствия, столь необходимых для конной армии, не имело никакого

Расселение народов на Северном Кавказе в XIII–XIV вв.
На врезке: а. Походы татаро-монголов в XIII в.

тактического смысла. Более того, если предположить, что монголы оставались в Агуле, то они, зная маршрут по первому походу, не рискнули бы вступить в лакские земли ранней весной через труднодоступный перевал Кокмадаг, который освобождался от снежного покрова и схода лавин, лишь в конце апреля – начале мая месяца. Учитывая, что при этом монголам пришлось бы сделать вынужденные остановки, главным образом, связанные с сопротивлением жителей сёл, встречающихся на пути следования, то они вынуждены были бы выступить в поход ещё раньше, что практически невозможно.

Таким образом, можно утвердить, что после разрушения с. Рича, монголы вернулись для зимовки на прикаспийскую равнину, а для вторжения в Кумух, скорее всего, воспользовались другими, более доступными переходами через Кайтаг или Табасаран.

Не совсем верное освещение в истории имеют вопросы о разрушении и пожоге ричинской соборной мечети во время их второго похода. Некоторые исследователи [71/80; 61/132] считают, что мечеть была умышленно разрушена, а затем сожжена завоевателями.

Однако известно, что каждый преемник Чингисхана, при вступлении на престол, давал клятву следовать уставу – Ясе («Книга запретов»), в котором, кроме всего прочего, строго предписывалось веротерпимость и одинаковое отношение ко всем религиям. В противном случае он лишался престола. В ярлыках (указах) всех ханов, без исключения, духовенство освобождалось от даней, пошлин и повинностей. Вся культовая недвижимость признавалась неприкосновенной. Религиозные служители, объявлялись свободными от общественных работ.

Хотя сами ханы до второй половины XIII в. были язычниками, значительная часть монгольского войска составляла мусульмане (тюркский элемент). Даже после того как татарс-

кие ханы приняли ислам, они не изменили свое отношение к другим религиям и верованиям. Запреты Чингисхана выполнялись неукоснительно.

Армянский епископ Макарий, служивший проповедником в гуннских кочевьях равнинного Дагестана, по этому поводу свидетельствует: «И очень естественно, если они везде, где ни господствовали, покровительствовали всем религиям, дозволяли каждому из своих подданных и покоренных народов держаться своей веры и свободно отправлять свое богослужение; сами же соблюдали обряды и присутствовали при священнодействиях христиан разных исповеданий, магометан, буддистов и других язычников» [73/201].

С учетом вышеизложенного, нам представляется, что разрушение монголами ричинской соборной мечети нельзя рассматривать как акт вандализма, осквернения ими культового сооружения мусульман. Можно предположить, что частичное разрушение мечети было связано с ее вынужденным штурмом, для подавления последнего очага сопротивления защитников.

На наш взгляд, и 10 деревянных опорных столбов мечети, покрытые уникальной орнаментальной резьбой, были спасены от пожара самими завоевателями. Иначе, при умышленном поджоге, и отсутствии в селе жителей, для тушения пожара, от столбов остались бы одни головешки.

В первой половине XIII века районы расселения народностей лезгинской группы становятся известными под названием «Лезгистан». В источниках этого периода правители гор именовались «эмирами» [45/142], что подтверждается данными эпиграфики из селения Рича [44/83].

В вышеприведенном эпиграфическом материале из селения Рича хорошо прослеживается, как со временем титулатура местного эмира становится более пышной, исходя из которого, А.Шихсаидов делает вывод, что «Рича представлял

собой, очевидно, маленькое владение, княжество, сумевшее после ухода монголов восстановить свою независимость» [37/329]. Другой известный дагестанский историк Р.М. Магомедов отмечает, что: «сравнительно недавно стал известен факт, имеющий, на мой взгляд, принципиальное значение для освещения прошлого этого народа. Около Рича обнаружено несколько эпитафий, правда, плохо сохранившихся. Из них явствует, что здесь похоронено несколько поколений агульских правителей, носивших династический титул михтари (слово иранского происхождения – «великий»). Позже династия была подчинена иранцами, стала вассалом Сефевидов, а последний её представитель погиб во время персидских войн в Грузии в 1615 году...» [57/361].

VIII

В XIV веке, создав в Средней Азии обширное государство с центром в Самарканде, Тамерлан (от перс. «Тимур-ланг» – хромой Тимур) стал претендовать на мировое господство. Будучи поклонником Чингисхана, он перед собой поставил задачу превзойти Монгольскую империю и создать «мировую империю», которую не удалось создать его предшественникам [40/214]. Свои претензии на мировое господство он сформулировал предельно четко: «Все пространство населенной части мира, – утверждал он, – не заслуживает того, чтобы иметь больше одного царя» [48/174]. Поддерживая честолюбивые планы угодных феодалов, он помогал им стать правителями пограничных областей, через них проводить там угодную ему политику. Из этих соображений Тимур помог Тохтамышу стать ханом Золотой Орды. Но Золотая Орда уже не была прежней Ордой, добивавшейся подчинения подвластных земель военной силой, и его отношения со своими вассалами и союзниками приближались к договореным. Но влияние Орды в Дагестане продолжало сохраняться. Вопреки ожиданиям Ти-

мура, Тохтамыш пытался восстановить былое величие Орды: вторгся в Закавказье, предал опустошению Азербайджана. В ответ Тимур выступил против Тохтамыша. Таким образом, Дагестан становится плацдармом военных действий между двумя государствами.

В феврале 1395г. Тимур с огромной армией внезапно перешел р. Самур и начал военные действия в Дагестане. Пройдя Дербент, он столкнулся с кайтагами, которые были в союзе с Тохтамышем, и этого было достаточно, чтобы Тимур отдал приказ о полном их истреблении. На всей территории Кайтага, доступной завоевателям, были уничтожены селения, жители, буквально все живое. Тохтамыш, не оказав помощи кайтагцам, обратился в бегство [49/72].

Разгромив в октябре 1395 г. Золотую Орду, опустошив земли адыгов и осетин, пройдя по равнинной Чечне, осенью Тимур вновь вторгся в Дагестан. По-видимому, возвращение войск Тимура в Дагестан объясняется тем, что в период первой компании, владетели областей, как вассалы и союзники хана Тохтамыша, во время прохождения по их территории войск Тимура совершали на них нападения. Если бы народы Дагестана сразу признали его власть, то вряд ли начал бы совершать новые грабительские походы вглубь Дагестана.

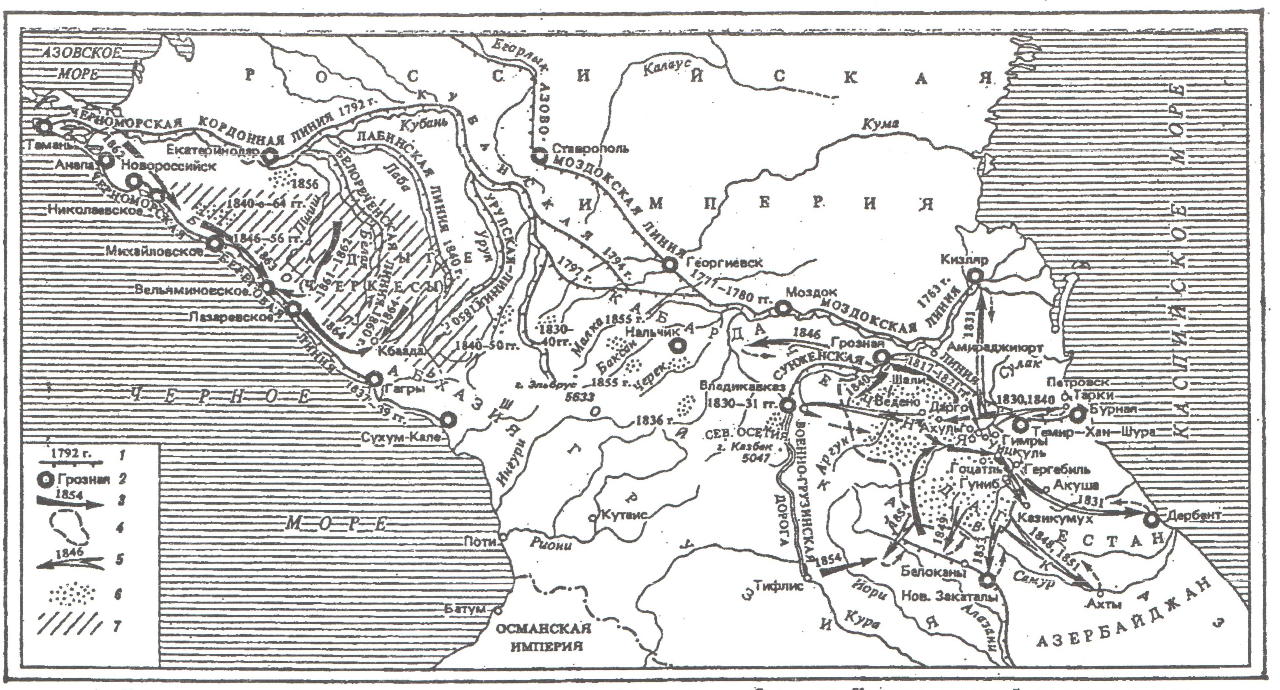
Летописцы рассказывают, что Тимур дошел до Ушкуджа (отождествляемой с современным селением Усиша в Акушинском районе) и отсюда разослал усиленные отряды по разным направлениям для захвата добычи. Против Тимура выступило объединенное войско аварцев, лакцев и других горцев во главе с шамхалом Казикумухским. Сражение закончилось победой Тимура. Тем временем его отряды подвергли опустошительному разгрому земли горцев, причем погибших было так много, что, по выражению Иезди, «из убитых сделали холм» [48/186]. Согласно местной устной традиции, Рича, Тпиг, Хутхул и многие другие селения агулов были до основания разрушены войсками Тимура и превратились в зауряд-

ные поселения, стали легкой добычей иноземных захватчиков [23/16].

Однако исторические предания свидетельствуют о героической борьбе горцев с войсками Тимура, об успешном отпоре ему. Наиболее ранняя запись предания о Тимуре в Дагестане повествует, что после успехов в приморских районах он «с немалым числом войска в самую середину Дагестана вошел. Дагестанцы, прадеды их, вскорости, заложили все дороги и проходы, собрались и напали на него и войско его, что малое число из них спаслося, между которым Темир Аксак был» [50/119].

В результате опустошительных нашествий монгольских орд, полчищ Тимура в XIII-XV вв. в политическом устройстве агулов произошли довольно существенные изменения. Завершился распад средневекового владения Филан (Руклан). Можно предположить, что на его территории возникли самостоятельное владение Рича, которое контролировало агулов, расселившихся вдоль реки Курахчай и союзы сельских обществ: магалла Агул и магалла Кушан-дере, каждый из которых, объединяя несколько сельских общин, укрепились.

В XVI веке селения Буркихан, Цирхе, Зулер, Яркуг, не входившие в союзы сельских обществ агулов, окончательно входят в состав Казикумухского шамхальства. В начале XVII в. союзы сельских общин агулов оказались в политической зависимости от Казикумухского ханства, что потверждает и надпись в стене пира Ахмеда из селения Гельхен Курахского района, датированная 1621 годом: «... сын Муса в селении Гельхен из вилайата Рича в подчинении Кумуха» [47/158]. Но зависимость эта была номинальной. О том, что вольные общества Агулов до конца XVIII в. сохранили свою самостоятельность, свидетельствуют – «Перечень доходов шамхалов» – документы, составленные в разное время, в которых не числятся ни одно из агульских селений, за исключением Буркихана, с которого казикумухские феодалы имели доход.

Национально-освободительные и антифеодальные движения на Северном Кавказе в первой половине и середине XIX в.

1 — Кавказские укрепленные линии и даты их основания;
2 — Крепости и укрепленные пункты;
3 — Основные направления действий царских войск;
4 — Территория имамата Шамиля в 40-х годах XIX в.;
5 — Основные направления действий Гази-Магомеда и Шамиля;
6 — Национально-освободительные и антифеодальные движения;
7 — Антифеодальные движения

IX

В XVI веке усиливается борьба за господство на Кавказе между Турцией, Ираном и Россией. Для всех трех держав, территория Дагестана имела большое военно-стратегическое и экономическое значение. Турция, овладев Дагестаном, могла держать северные границы Ирана под постоянным напряжением. Иран же, закрепившись в Дагестане, был бы в состояние перекрыть турецким войскам стратегический путь вглубь своей территории через Закавказье. Россия, открыв путь на Восток после завоевания Казанского и Астраханского ханств, решила взять под свой контроль торговые пути Закавказья и воспрепятствовать осуществлению планов Турции и Ирана на Кавказе. Поход Петра I (1722-1723 гг.) закончился недолговременным присоединением Дагестана к России.

В 30-х годах XVI века опытный полководец Надир, став фактически правителем Ирана, начал войну с Турцией, стремясь вернуть ранее утраченные территории. В феврале 1733 года нанес сокрушительное поражение турецким войскам у Багдада и вынудил правящие круги Турции к заключению мирного договора. Согласно условиям этого договора, Ирану были возвращены Ширван, Грузия, Армения.

В связи с этим турецкий султан отправил Казикумухскому хану Сурхай-хану I послание с требованием покинуть Ширван. Однако, Сурхай – хан, хотя формально считался поданным Турции, подчиниться воле султана, отказался, твердо заявив: «Я завоевал территорию Ширвана со своими лезгинами – львами на войне, и по какому праву вмешиваетесь в то, что принадлежит мне» [52/196]. Это событие и послужило формальным поводом для вторжения персидских войск в Дагестан.

Надир–шах принял решение наказать Сурхая. Летом 1734г. во главе огромной армии он вторгся на Кавказ, а в конце августа занял Шемаху и велел разрушить ее до основания. У Кабалы произошла битва между шахскими войсками и горцами. Сур-

хай-хан I потерпел поражение и отступил в горы Дагестана, ушел в Кумух, а затем в Аварию [53/147], на своем пути Надир – шах занял Рича, Тпиг, Хутхул, Дулдуг, ряд лакских селений, разрушив их до основания [23/17]. На всем пути от берегов Каспия и Самура до Казикумухского ханства народы лезгинской группы самоотверженно боролись с войсками Надира, шедших к Кумуху через Курахское и Магудеринское ущелья [51/179]. Об этом, в частности, свидетельствуют исторические предания. В селении Хоредж было три крепости, связанные между собой подземными ходами. Шахские войска многократно штурмовали крепости, но безуспешно. Блокада крепостей продолжалась несколько дней. Жители днем боролись с неприятелем, а ночью, выходя через подземный ход к речке и к полю, добивали себе воду и пропитание. Надир – шах так и не смог овладеть этими крепостями. Уничтожив имущество жителей, и разрушив их дома, войска шаха направились дальше [3/179].

Летом 1741 года Надир шах во главе 100-тысячной армии еще раз вторгся в Дагестан. Горцы оказывали отчаянное сопротивление захватчикам. Однако, они не смогли остановить наступление многочисленных и хорошо вооруженных войск Надира. Агул был захвачен снова, а селения его разрушены. [23/17]. Приблизившись к ричинской крепости, войска Надир – шаха ворвались в селение, учинили там погром, разграбили имущество и устроили шах-хирман [51/180].

В октябре 1741 года Надир – шах потерпел в Аварии от объединенных отрядов горцев Дагестана решительное поражение. В ноябре того же года большой отряд войск был наголову разбит в верховьях реки Дарбах. После 1742 г. Надир – шах не предпринимал серьезных попыток проникнуть в горы. Его армия стала таять под непрекращающимися ударами дагестанцев. В начале 1743 года шах ушел из Дагестана к Багдаду, куда его отвлекли осложнения на турецко-персидской границе, а по существу, отступление шаха было паническим бегством.

В связи с этими событиями устная традиция агулов сохранила интересные сведения. Отступая, Надир подверг агульские селения страшному разгрому, и угнал с собой большое количество пленных, которых затем поселил в Мугани. Там они долгое время сохраняли свой язык, обычаи и т.д. Рассказывают, что лезгинские лудильщики, будучи в Мугани, однажды встретили женщину, сидящую у порога дома и сбивающую масло в кувшине; когда лудильщики спросили, есть ли у нее посуда для лужения, она ответила на чистейшем агульском языке. Оказалось, что она была угнана в Мугань Надиром [23/17]

В селении Рича существует предание, что некий кровник, изгнанный из аула, оказался в одном из иранских городов, где, проходя как-то по улице, услышал клыбельную песню на керенском диалекте агульского языка. Войдя в дом, он увидел старуху, укачивающую ребенка, и поинтересовался ее судьбой. Та рассказала, что во время войн Надир – шаха в Дагестане она вместе с другими детьми была увезена в Иран, где затем ее взял в жены офицер иранской армии. Ко времени, о котором идет речь, у бывшей пленницы были уже взрослые дети и внуки. Ричинца хорошо приняли в доме, он пожил там какое-то время и ушел тайно, так как старуха хотела бросить семью и идти с ним на родину, куда он сам не мог вернуться.

X

Со второй половины XVIII века Россия активизировала политику проникновения на Кавказ. Для России Кавказ оставался малоизвестным краем, поэтому началось активное его изучение. За короткий срок на Кавказе побывал ряд исследовательских экспедиций (С.Гмелина, И.Гильденштета, П.Палласа и др.).

Вместе с тем проводилась тактика подкупа горских феодалов, наделение их деньгами, чинами и грамотами на лучшие земли.

12 сентября 1801 года манифестом императора Александра I было объявлено о присоединении Грузии к России. С этого времени началась почти беспрерывная борьба народов Северного Кавказа против царизма, которая окончилась лишь 1864 году.

В борьбе против колонизаторов принимали участие и местные владетели-ханы, беки и старшины, экономические и политические привилегии которых были ущемлены царизмом. Однако в дальнейшем между ними были достигнуты соглашения о совместных действиях.

В политическом отношении южный Дагестан не представлял собой единого целого. Он был раздроблен на множество феодальных владений и союзов сельских обществ, часть которых склонялись к России, другие, убоявшись иранского нашествия, стали лавировать, третьи на словах смело склонялись к России, но действовали сообразно с обстоятельствами. С конца XVIII века до 1813г. Агульский магал, (за исключением с.с. Буркихан, Цирхе) и Къушанский магал находились в составе Табасаранского майсумства, которое еще в 1806 году приняло Российское подданство и вошло в состав Российской империи.

Присоединению агулов Ричинского магала, которые находились в составе Казикумухского ханства, к русскому государству мешали происки лакских феодалов, угодные персидскому шаху [51/187].

Можно предположить, что в Рича, которой являлась в свое время опорным пунктом распространения ислама во внутренний Дагестан, очень сильны были позиции мусульманского духовенства, и оно было против включения вольного общества в состав России. Сам факт перехода мусульман под покровительство страны, где государственной религией было христианство, расценивалось духовенством как посягательство на его авторитет и влияние.

Ведя антирусскую политику, Сурхай-хан неоднократно проводил враждебные акты против царских войск, дислоцированных на Северном Кавказе, при этом территория агулов не раз превращалась в арену военных действий между ними. Сурахай-хан не раз присягал на верность России, но при каждом удобном случае нарушал свою клятву. В декабре 1811 года он сделал очередную попытку вернуть утраченные южнодагестанские земли. Около Кураха произошло сражение, в котором, Сурхай-хан потерпел поражение. В том же году царские войска заняли Бедюк и Рича, где были расквартированы гарнизоны [78/620],

В 1812 году Кавказская администрация в южном Дагестане образовала Кюринское ханство, объединяющее территорию кюринской плоскости, Курахское, Агульское и Ричинские союзы сельских обществ. Ханом был утвержден племянник казикумухского Сурхай-хана Аслан-хан [40/113].

23 января 1812 года царское правительство подписало с кюринским ханом дополнительные условия, по которым в селении Курах располагался гарнизон царских войск из двух батальонов пехоты и сотни казаков «для защиты кюринского владения» и хан обязывался «всеми мерами стараться привести в покорность России соседние вольные общества» [51/197]. Очевидно, в рассматриваемый период, в вольных обществах, в том числе и Ричинском все еще преобладали антироссийские настроения.

Когда в июле 1812 года генерал-майор Хатунцев двинулся из Кураха к селению Рича, Сурхан-хан вынужден был отступать и вновь принять присягу на верноподданство. Надеясь, что Сурхай-хан более не нарушит присягу, Хатунцов, оставил в Курахе горнизон из двух неукомплектованных батальонов и 90 казаков под командованием майора Рябинина. Этим воспользовался Сурхай-хан и, нарушив свое обещание, напал на владения Аслан-хана. «Сего месяца 11 числа (июня), – пишет

в своем рапорте Рябинин, – Сурхай-хан перед светом, с собранным им Казикумухским скопищем в 3000 человек, сзади Ричей ущельем прошел на деревню Гельхен, где и остановился; от Ричей же по дороге сюда поставил везде пикеты, чтобы изолировать сообщение ричинского поста с Курахом» [77/320]. Сурхай-хан не смог осуществить свои планы – вернуть свое пошатнувшееся положение. Против него были направлены русский гарнизон и кюринская милиция, и он был разбит у селения Гельхен.

Боевые действия, проходившие в регионе, сильно сказывались на экономическом и политическом положении агулов. Во время боевых действий страдало окрестное население, уничтожались посевы, уводился скот, производился повсеместный грабеж местного населения. Это отражено в рапорте майора Рябинина генерал-майору Хатунцову [78/620]. Кроме того, доведенные до полной нищеты беспрерывными войнами Сурхай-хана II, кумухцы решили в 1813 году избавиться от него. В своем письме генерал-лейтенанту Ртищеву они просили назначить в Кумухе ханом Муртузали, сына Сурхай-хана. Их просьба была удовлетворена, а Сурхай-хан вынужден был уехать в Иран, надеясь найти там поддержку. Однако 12 октября 1813 г. был заключен Гюлистанский мир, и он был вынужден вернуться в Дагестан.

В этот период Муртазали со своим братом Нух-беком и сыном его Магомедбеком с отрядом войска в 3000 человек совершил ряд походов «по верхним деревням кюринской провинции», т.е. агульским селениям. При этом подверглись грабежу общества агулов, которые отказались поддерживать казикумухцев. Такие селения, как Хутхул, Дулдуг подверглись нападению и угону скота. Для ограждения населения от происков Муртазали-бека и защиты территории Кюры, куда входили и агулы, царское командование снарядило крупную экспедицию в Агул.

Отряд пехоты, конница с артиллерией выступили из Ричи в сторону Чирага. Захватв его и оставив там из-за плохой дороги, артиллерию, войска направились в селение Тпиг, около которого располагался Муртазали-бек. После чего Муртазали-бек отступил к селению Буркихан «с немалою для себя потерею» [78/627]

Несмотря на победу, отряд царских войск не стал преследовать противника и вернулся в Рича и Курах. Нерешительные действия мойора Подревского против Мутазали-бека привели к тому, что казикумухцы усилили боевые действия. «Вероломный Сурхай-хан с частью своей конницы сего 22 числа 1815 г. сделал нападение на передовые наши конные пикеты... Прорвался потом в Кюринское владение в деревню Хутхул, где также сделал драку, убил ханских двух нукеров, захватил несколько жителей в плен, ограбил их имущество, увел несколько лошадей и рогатого скота и с его добычею удалился в свое владение» – писал в рапорте генерал-майор Хотунцев Ртищеву [78/627].

Потеряв важные в экономическом отношении земли в Агуле, Сурхай-хан лишился крупных летних пастбищ около Бедюка, Яркуга и др., которые приносили ему большой доход, и что наиболее важно, лишился путей продвижения в южный Дагестан. Потеря Рича, Чирага, Дурууштула, которые контролировали эти пути, означала для казикумухского ханства, потерю кюринского хлеба и прочих товаров, которые поступали из Южного Дагестана и Азербайджана. Естественно, Сурхай-хан не мог примириться с потерей крупных привилегий в Агуле и предпринял ряд попыток возвращения данного района Казикумухскому ханству, неоднократно нападал на Бедюк, Рича, Чираг. Однако военные гарнизоны, дислоцированные в этих аулах, успешно отразили все нападения горцев, и поэтому Сурхай-хан вынужден был отступать.

Когда царское командование потребовало от казикумух-

ского хана прекращения недружелюбных актов, Сурхай-хан написал в свое оправдание генералу Ермолову о том, что он понес большие убытки с потерей Агула. Он недвумысленно говорил о том, что возвращение данной территории, а также свободное прохождение для его подданных в южный Дагестан положило бы конец недружелюбным актам между войсками и Казикумухом [79/35].

Однако подобная постановка вопроса не могла удовлетворить царское командование. К тому же в 1820 году у генерала Ермолова в горном Дагестане оставался единственный противник – Сурхай-хан Казикумухский. Хорошо понимая стратегическое положение селений Рича, Бедюк, которые контролировали дороги Кумух-Рича-Курах; Рича-Тпиг-Хив; Рича-Чираг-Ашты-Кайтаг: Рича-Буркихан-Буршаг-Табасаран, царское командование стремилось сохранить здесь гарнизоны и укрепиться. Для размещения гарнизонов в этих селах царские власти решили приступить к постройке крепостных сооружений в виде фортов.

К строительству оборонительных сооружений широко привлекалось и местное население. Об эксплуатации местного населения и вовлечения его царскими властями в свои планы говорит и тот факт, что при их строительстве местное население облагалось различными повинностями – подворной; конной; квартирной; доставкой продуктов, фуража, дров. Следует отметить, что положение местного населения было отягощено боевыми постоянными действиями, постоем войск и т. д. Естественно, так долго продолжаться не могло и недовольство горцев грозило вылиться в активный протест.

Сурхай-хан прекрасно понимал, какую угрозу таило в себе дальнейшее укрепление позиций царских войск в Агуле, так как Бедюк, Рича были расположены в непосредственной близости от границ Казикумухского ханства. Противников разделял только перевал Кокмадаг. В целях дальнейшего

продвижения в глубь Дагестана царское командование решило восстановить и короткую, но более опасную и труднопроходимую дорогу в Хосрех через Бедюк у подножья горы Алахундаг.

Для нанесения удара по воинским силам Сурхай-хана был сформирован специальный отряд князя Мадатова в 1500 человек при 6 орудиях и отряд в 3000 казаков при 2 орудиях для защиты дороги Курах-Рича-Чираг [23/19].

19 декабря 1819 года основные силы Сурхай-хана совершили внезапное нападение на Чирагское укрепление. Часть царского горнизона находилось в селе. «Было вырезано 80 человек, часть укрылась в мечети. Окружив со всех сторон Чираг, Сурхай-хан уничтожил все мосты, отрезал защитников от Кураха и лишил возможности оказать помощь Чирагскому посту». В Чирагской крепости к этому времени находился гарнизон из 400 человек под командованием штабс-капитана Овечкина. Часть горнизона, которая «располагалась по обывательским саклям» т.е. жила у чирагцев была перебита полностью. Затем «лезгины обратили все свои силы против крепости, где защищались 400 человек Троицкого полка». Кровопролитное сражение продолжалось черыре дня, пока не подошла помощь из крепости Кураха. «Гибель храбрых, казалось, была неизбежна. Но вот вдали засверкали русские штыки – на помощь осажденным с окрестных гор спускался отряд. Это был сам окружной начальник, генерал-майор Вреде». Из гарнизона в живых осталось всего 70 человек. Сурхай-хан вынужден был свернуть военные действия и в спешном порядке отступить в Кумух [23/20].

12 июня 1820 года царские войска под командованием генерала Мадатова разбили Сурхай-хана у селения Чираг. Сурхай-хан бежал в горы, потеряв в бою 1200 человек убитыми и ранеными, 603 человека пленными [79/41]. Через три дня был взят Кумух, Сурхай-хан был низложен. Жители были

приведены к присяге, а ханство передано в управление Аслан – хану Кюринскому. В этом же году магал Къушан-дере также был присоединен к владениям Аслан-хана.

Таким образом, к 20 годам XIX века весь Дагестан, за исключением Аварии, силой оружия был включен в состав Российской империи.

XI

Во второй четверти XIX века территория Агула вновь становится ареной борьбы горцев против царизма. Здесь, в стратегически важном регионе, ведущем во внутренний Дагестан, царская военная администрация стала строить укрепления, дислоцировать гарнизоны личного состава. Присутствие здесь царских войск продолжительное время и военные действия отрицательно сказывалось на социально-экономическое развитие местного населения. Поэтому включение агулов в состав России, хотя в перспективе и создавало благоприятные условия для развития экономики и культуры края, не привело, да и не могло привести к их социальнму и национальному освобождению.

Тяжелое экономическое положение населения, рост податей и повинностей, угнетение бекско-ханским сословием, а также принуждение царскими властями местного населения для работ, связанных со строительством крепостей, мостов, выставление подвод и лошадей для перевозки различных грузов и другие меры вызывали справедливое возмущение и протест в Агуле.

Положение трудовых масс ухудшилось и в связи с тем, что царизм наложил на них обременительные налоги. Так, например, жители вновь образованного Кюринского ханства обязаны были ежегодно вносить в казну «по три тысячи червонцев и по три тысячи четвертей хлеба в год» [78/160]. А поскольку налоги взымали местные начальники, то, естественно,

они их взыскивали почти в двойном размере. Политика царских наместников и местных владетелей и ханов привела к тому, что уже во второй половине 20-х годов повсеместно в крае начались открытые антиколониальные и антифеодальные выступления которые жестоко подавлялись.

Это был период, когда царские власти полагали, что дело покорения Восточного Кавказа уже близко к окончанию. Но это было временное затишье перед настоящей бурей, потому что именно в эти годы зародилось и набирало силу новое религиозно-политическое течение, отдалившее покорение Чечни и Дагестана еще почти на полвека – мюридизм.

Между тем обстановка в южном Дагестане была в высшей степени напряженной. Русские завоевания края, которым руководил А.Ермолов, сопровождались жестоким подавлением местных восстаний. В 1823 году Нурмухамед бек Исмаил-Эфенди, агулец, предки которого являются выходцами из агульского селения Квардал, впоследствии получивший имя Магомед Ярагский и многие другие муллы из южного Дагестана собрались на совещание, на котором обсуждают вопрос «об упадке мусульманства» в Дагестане. При этом они пришли к выводу, «что местные мусульмане не ведают шариата, будучи подвластными неверным, не могут возвыситься до достижения великой науки тариката».

Сделавшись в 1823 году накшбандийским мюршидом, Магомед Ярагский пытался не только приобщить горцев к истинным основам и ценностям ислама, но и положил начало мюридизму – учению, делавшую упор на активный преобразовательный потенциал ислама и его роль идейного знамени массового политического движения. В частности центральное место в мюридизме заняла идея джихада – борьбы за утверждение ценностей ислама, которая была представлена как газават – война против неверных за торжество ислама. Неверными считались: отступившие от веры горцы, не вы-

полнявшие предписаний Аллаха. К ним также относилась – горская знать, сеявшая в горах несправедливость и поддерживающие их – царские власти. В такой ситуации исламские ценности быстро становились мощным фактором объединения горцев.

Довольно скоро тарикатское учение усилиями Ярагского и его учеников достигло «вольных обществ» Агула, где в то время разворачивалась борьба активистов шариатского движения против засилия норм обычного права (адата) – своеобразной идеологической опоры гегемонистских притязаний кюринских, казикумухских ханов и беков, а также царских властей.

Взяв на вооружение тезис из заявления Магомеда Ярагского, который объявил: «Мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным, и никому не должен платить подати, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободным человеком, и между всеми мусульманами должно быть равенство», союзы вольных обществ Агула охватили массовые волнения, росло движение против царизма. Так, например, жители Усуга, объединившись вокруг сельского муллы Бици-Рамазана, отказались нукерам Кюринского хана платить налоги и при этом оказали им вооруженный отпор. Однако усугцы были усмирены с помощью царских войск, а зачинщики заточены в Курахскую крепость. Аналогичное волнение усугцев, возглавляемое местным ученым-арабистом Гаджи-Рамазаном, который проповедовал жителям, что платить налоги царю – это грех для мусульманина, также было жестоко подавлено царскими войсками. [63/48].

19 сентября 1834 года во главе движения горцев Дагестана становится имам Шамиль. В ходе движения горцев в 20-50 годы XIX века Кюринское ханство было довольно беспокойным местом. Об этом свидетельствует письмо полковника Бучкиева, в котором он доносит: «Кюринское ханство без защиты наших войск готовы передаться Шамилю » [54/173]

Весной 1842 года большая группа войск Шамиля вторглась в Кази-Кумухское ханство. Войска Шамиля, возглавляемые наибом Хаджи-Яхья, не встречая сопротивления в лакских селениях, стали двигаться в сторону Кюринского ханства. Они заняли укрепление Чирах и двинулись к селению Рича [51/220].

Ричинскую крепость защищали две роты и артиллерия князя Орбелиани, которые отразили атаки горцев, и отряд Хаджи-Яхья вынужден был уйти в Казикумух [51/300]. Как сообщает официальный документ, русские войска «геройски отстояли при селе Рича занимаемую ими позицию против 2 тысяч лезгин и тем удержали в повиновении все отрезанные племена, готовые принять участие в восстании» [51/301].

Борьба горцев под предводительством Шамиля и периодические вторжения его войск в южный Дагестан оказывали на местных жителей, в том числе на агулов, большое влияние. В официальных документах, исходящих от представителей кавказской военной администрации, которую трудно заподозрить в симпатиях к борющимся горцам, неоднократно встречаются признания об усилении влияния Шамиля в южном Дагестане. Но, наличие в Рича и Чираге расквартированных войск и их решительные действия не позволили агулам объединиться и выступить.

В «Политическом обзоре горских племен Кавказа от 1842 года» говорится, что покорность лезгинских обществ южного Дагестана и Самурского общества «вообще ненадежна, и полагать можно, что они с готовностью присоединились бы к Шамилю, если бы сему возмутителю удалось распространить действия свои на южный Дагестан...»

События мая 1842 г., когда царские войска в южном Дагестане подверглись серьезному испытанию, привели к тому, что кавказское командование отныне решило содержать довольно солидные гарнизоны в Курахе, Рича, Чираге. Князь Аргу-

тинский считал, что в водворении спокойствия в Кайтаге, Табасаране и других районах эти гарнизоны сыграли решающую роль. Благодаря этим гарнизонам Аргутинскому удалось в кратчайший срок вытеснить из Кази-Кумуха, Кайтага, южного Дагестана сторонников Шамиля.

Однако, серьезное поражение царских войск в Ичкерии, в среднем и южном Дагестане в 1842 г. резко ухудшило общее положение царизма в Дагестане. Один из современников тех событий характеризовал это положение следующим образом: «Двадцатилетние труды для покорения этой страны пропали даром. Об них надобно забыть и приниматься за дело вновь, как будто мы только что пришли на Кавказ»

В этот период в Агуле Аргутинский проводил дальнейшие работы по укреплению Бедюка, Рича, и Чирага. Он мобилизовал местное население на ремонт старых дорог и строительство новой дороги Хосрех-Рича-Лучек, минуя Чираг, направил группу с капитаном Македонским во главе для рекогносцировки этого пути. Одновременно проводились мероприятия по укреплению и самого аула Рича. Так, в июле 1842 года сюда прибыли и расквартировались два маршевых батальона. Вскоре сюда же прибыло 3 батальона регулярных войск при шести орудиях со всей конницей, которая была прикомандирована к самурскому отряду «до явного обнаружения намерений и сил неприятеля». В этот период даргинские общества присоединяются к Шамилю. Брат Аслан – кадия цудахарского с 2 тысячами горцев прорвался через заградительные заслоны в округа Чирага и Рича. Для противодействия ему князь Аргутинский направил полковника Радкевича, а также кюринскую и агулдеринскую милицию. В результате этих действий агульские земли были покинуты сторонниками Шамиля.

В 1852 г. Хаджи-Мурад по приказу Шамиля совершает поход в Табасаран. Получив известие об этом, князь Аргутинский разбил лагерь у сел. Буршаг. По приказу Аргутинского

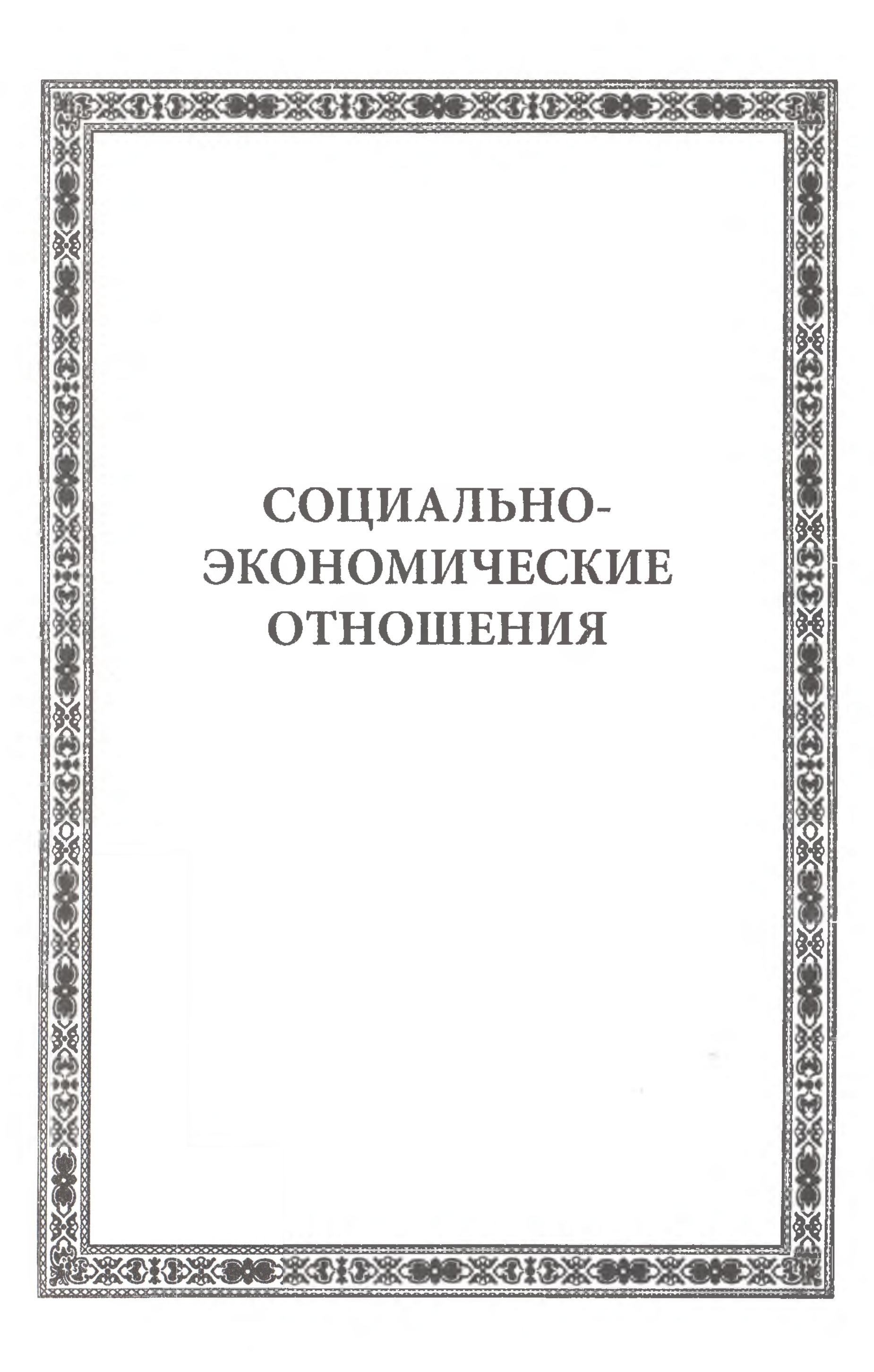
для перехвата Хаджи-Мурада была переделана дорога у Чирага. Недалеко от сел. Буршаг Хаджи-Мурад и примкнувшие к нему жители агульских сел противостояли царским войскам, но потерпели поражение. В окрестностях сел. Буршаг, по сей день, сохранилось шахидское кладбище, где похоронено более 40 горцев, погибших в этих событиях.

В августе 1859 г. русские войска под командованием князя Барятинского окружили аул Гуниб. Горцы вынуждены были признать власть царизма в Дагестане.

После окончания Кавказской войны военное командование решило унифицировать административное управление в Дагестане. Начало новому административному устройству положило «Положение об управлении Дагестанской областью» от 5 апреля 1860 года, утвержденное князем А.И. Барятинским, которое не решило до конца вопрос о создании однотипной системы административного деления и управления в Дагестане. Населенные пункты агулов были включены в состав Кюринского ханства и разделены на Ричинское, Тпигское, Хутхульское, Гоинское, Яркугское и Арсугское союзы сельских обществ и управлялись Курахским наибом, а селения Буркихан и Цирхе были в составе Казикумухского ханства.

В середине 60-х годов царское правительство сделало крутой поворот от традиционной политики укрепления ханской власти к ее ликвидации. С 1858 по 1867 год все ханства и феодальные владения Дагестана были ликвидированы. Дагестанская область теперь состояла из девяти округов.

В 1867 году был образован Кюринский округ, куда вошли все населенные пункты агулов за исключением селений Буркихан и Цирхе, которые вошли в состав Казикумухского округа.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ХОЗЯЙСТВО

С давних времен земледелие и животноводство составляли экономическую основу производственной деятельности агулов. Довольно широкое распространение у народа также имели различные ремесла и домашние производства. В развитии различных видов хозяйственной деятельности огромную роль играл географический фактор. Большинство населенных пунктов агулов расположены в долинах рек Чирахчай, Курахчай и их притоков, по берегам которых раскинулись удобные, обширные и относительно ровные пахотные земли и сенокосные участки. Такой рельеф в сочетании с сухим континентальным климатом и значительным количеством осадков, выпадающих в вегетационный период, благоприятствовали развитию земледелия.

Наличие разнообразных сельскохозяйственных терминов, дифференциация бытовых предметов и производственных орудий свидетельствует о давности и прочности земледельческих традиций. Новейшими исследованиями дагестанских историков и археологов доказана давность земледельческого хозяйства у народов Дагестана [1/37]. По их данным, местное население, находясь в непосредственной близости от первичных центров зарождения земледелия, уже в неолите перешло к производящим формам хозяйства. В последующие исторические эпохи это хозяйство получило дальнейшее развитие,

оформившись в своеобразный хозяйственно-культурный тип, характерный для народов Северо-Восточного Кавказа.

В частности, в Агуле, по сей день, сохранились искусственные «амфитеатры» террас, сооруженные умелыми руками горцев еще в эпоху ранней бронзы. Дагестанский этнограф М.А. Агларов считает, что террасное земледелие явилось наивысшим аграрным достижением древнего населения в условиях горного рельефа, а как форма земледелия оно в своем возникновении связано с очагами становления производящего хозяйства в пору его интенсивного развития [2/8].

О древней земледельческой направленности хозяйств агулов свидетельствует также археологический и фольклорный материалы. Так, например, в культурном слое раннесредневекового поселения Сарфун были найдены обуглившиеся зерна ячменя и ржи, а также остатки мякины. На некоторых фрагментах крупных керамических сосудов для хранения зерна обнаружены отпечатки зерен ячменя и соломы [40/47]. Названия многих, возделываемых в Агуле, зерновых и технических культур, сельскохозяйственных орудий, процессов труда и т.д. восходят к местной, древнеагульской, языковой первооснове. Наличие в ежедневном рационе обязательных мучных блюд, а также употребление в пищу прожаренного в колосьях или просто прожаренного зерна, свидетельствуют о древности земледельческих традиций агулов. Примечательно, что само понятие еда в смысле завтрака, обеда, ужина, в языке агулов означает «кушать хлеб». Приглашая к столу, агулы говорят: «Шав, гуни гъутIас», что дословно означает: «идем, хлеб кушать», что подтверждает первичность продуктов земледелия в их рационе питания.

Другим показателем древности земледелия у народа является наличие у горцев развитого земледельческого календаря, который сформировался на основе их трудовой практики, включал в себе тот рациональный опыт земледельца, который был накоплен за многовековую историю своего

существования. Он строго регламировал сроки проведения различных видов сельскохозяйственных работ, и с ним были тесно связаны многочисленные обряды и народные праздники. Сезонные трудовые занятия, определяемые временами года, чередовались для горцев в строго определенном порядке, повторяющемся ежегодно. И это повторяемость складывалась в циклический календарь. Начало и конец любого сезона заранее вычисляли приемами «народной астрономии». Для этого во всех селах, на вершинах окружающих гор ставились сложенные из камня маленькие пирамидки («цІуд»), высотой до полутора метра, – своеобразные фиксированные ориентиры. Каждый из ориентиров имел собственное название. Солнце, перемещаясь по эклиптике, ежедневно меняет точки своего восхода и захода. И когда оно достигало одного из таких ориентиров, то это означало начало какого-то времени года; другой ориентир означал точку равноденствия, третий – солнцестояния и т.д. Для определения абсолютных периодов сельскохозяйственного года руководствовались лунным календарем, по которому определялись: начало нового года; дни религиозных праздников; приметы природы. Календарь служил руководством для проведения всех земледельческих работ.

Полная зависимость от природы заставляли горцев тщательнейшим образом изучать окружающий его мир, примечать «мельчайшие подробности случайностей природы», улавливать закономерности и связи одних явлений с другими. Это вылилось в целый свод народных примет, тонких и верных наблюдений, был создан своеобразный фенологический календарь. К примеру, признаки, по которым можно узнать зимой наступление холодов,- звезды блестят ярко, дрова в печке горят с треском, ветер гудит в трубе, а также собирание в стаи мелких птичек. А если зимой воробьи дружно чирикают, считался верным признаком наступления тепла.

Агульскому крестьянину надо было в первую очередь

заботиться об урожае, о здоровье скота, поэтому он пытался также заглянуть в будущее, разными способами узнать характер предстоящего сезона, хватит ли корма скоту до первой весенней травки и т. п. Например, случившийся в марте гром считается признаком плодородия. Появление весной большого количества мышей – предвещает голодный год. Если рябины в лесу много – осень дождливая, а зима суровая. Если зима морозная – лето жаркое. Октябрьский гром предвещал бесснежную зиму. Если пчелы осенью плотнее залепляют леток воском, а также большие муравьиные кучи к осени – на суровую зиму, а если ранней осенью начинают линять куры – к теплой зиме.

Дожди вызывали у агулов и радость и тревогу; они нужны были хлебам и уже опасны для травы в сенокосную пору. У агулов существовал ряд примет, по которым узнавали приближение ненастных дней. К примеру, ранняя весна, а также частые туманы в марте считались признаками того, что летом будет много непогожих дней. Если во время восхода солнца стоит духота, вода в реке чиста как никогда, утром цветы и травы пахнут сильнее обычного – будет дождливо. О предстоящих дождях предвещали и животные: муравьи прячутся в кучи, жабы выползают в траву, стадо к вечеру разревелось, утром пчелы не покидают ульев или они до позднего вечера не прекращают полет и т. п. А если у муравейника много муравьев, пчелы вылетают из своих ульев очень рано – к хорошей погоде. Зеленоватая окраска луны летом считался признаком наступления сильной засухи. Если гром беспрерывен – будет град.

Град часто наносил серьезный урон земледелию агулов. Так, например, в июне 1901года было зарегистрировано сильное градобитие «были побиты хлебные посевы жителей: Гоа, Дуруштул, Дулдуг с убытком на 200 руб. и хлеба селений Яркуг, Кураг, Фите с убытком в 1300 руб. 5 июня такая же участь постигла хлеба Буршага, Арсуга, Миси. 27 июня градом

побиты посевы, принадлежавшие жителям сс. Яркуг, Кураг, Фите, Гоа, Дурушгул и Дулдуг, чем причинен ущерб первым трем на 1300 руб. и остальным на 2000 руб. 19 июля в селении Фите выпал снег» [16/168]

Вся территория, населённая агулами относится к высокогорной природно-географической зоне Дагестана, которая расположена выше 2000 м. над уровнем моря. Климат здесь холодный и сухой. Лесов почти нет, поскольку сюда доходят ветры уже потерявшие влагу. Склоны гор иногда местами бывают покрыты кустарником. В горах четко прослеживается закономерность: уменьшение температуры воздуха и увеличение количества осадков с высотой.

Климатические условия Агула, вследствие значительной высоты местности и достаточного увлажнения, являются благоприятными для интенсивного роста альпийской и субальпийской растительности, что является хорошей кормовой базой для развития животноводства, особенно, мелкого рогатого скота, так как, из-за значительной крутизны склонов, пастбища для крупного рогатого скота менее доступны.

Большая высота местности над уровнем моря, холодные долинные ветры зимой и весной во время цветения, а также минимальные температуры воздуха, достигающие критических пределов, не позволяют возделывать в Агуле многолетние насаждения.

Агроклиматические условия зоны вполне благоприятны для произрастания картофеля, яровой пшеницы, озимой и яровой ржи, ячменя. Кроме того, на территории Агула возможно размещение посевов овощных культур в защищенном грунте и получение хороших урожаев [3].

Земледелие. Агрономическая служба до середины XX века в Агуле находилась в зачаточном состоянии, но трудолюбие, наблюдательность, сметливость агульского крестьянина помогали создать народную агрономию. Она сконцентрировала знания и опыт, благодаря которым агульский земледелец не

Климатическая характеристика территории расселения агулов

Наименование показателей	Ед. измер.	Метеостанция		
		Хунзах	Лучек	Сулак, высоког.
Среднегодовая температура воздуха	°С	6,1	6,0	-0,8
Средняя температура самого теплого месяца	°С	16,1	18,2	8,9
Средняя температура самого холодного месяца	°С	-4,4	-2,9	-9,9
Средний из абсолютных годовых минимумов температур	°С	-19	-18	-25
Абсолютный минимум температуры	°С	-25	-26	-36
Абсолютный максимум температуры	°С	37	40	23
Продолжительность безморозного периода	дни	160	189	59
Продолжительность периода со средней суточной температурой: выше 0°	дни	307	282	175
выше 5°	дни	201	218	94
выше 10°	дни	144	170	—
выше 15°	дни	55	85	—
Продолжительность периода со средней суточной температурой: ниже 0°	дни	58	83	190
ниже 5°	дни	31	—	233
ниже 10°	дни	—	—	—
Дата заморозков: первых	число	08*10	19*10	02*09
последних	число	30*04	21*04	05*07
Глубина промерзания почвы	см.	59	67	—
Среднемноголетние суммы осадков	мм.	532	581	1434
Среднегодовая относительная влажность воздуха	%	63	59	61
Среднее число дней с грозой	дни	41	24	25
Среднее число дней с сильным ветром (»15 м/сек.)	дни	41	2	25
Среднее число дней с метелью	дни	6	8	66

Примечание. *Для характеристики климата долины реки Чирах-чай используются многолетние данные метеостанции Лучек, расположенной на высоте 1515 м. над уровнем моря; для характеристики климата селений Буршаг, Арсуг, Худиг, Кураг, Фите, Рича, Бедюк, Хпюк, Хоредж, Квардал, Укуз, Усуг – данные метеостанции Хунзах, расположенной на высоте 1663 м. над уровнем моря, а для характеристики климата альпийских и субальпийских пастбищ – данные метеостанции Сулак высокогорная, расположенной на высоте 2923м. над уровнем моря.*

только смог выжить в суровых условиях горного края, но и создать очаги культурного земледелия в Агуле. Успех в земледелии зависел не только от мастерства и опыта людей, но и от природных условий, изменений погоды и т.д. Эта зависимость порождала множество обрядов и поверий. Агулы верили в многочисленные приметы, направленные на то, чтобы обеспечить плодородие, уберечь поля от природных катаклизмов. Многие из них сохраняются, и по сей день, и приводятся в соответствующих разделах.

Сама система земледелия агулов была трехпольной. Характерно чередование ржи, ячменя и других культур. Оставлялась по циклу третья часть полей «на отдых» под паром. Согласно обычному праву, любой общинник за преждевременный сев и уборку урожая подвергался строгому наказанию; следили за этим сельские должностные лица [4/49].

Основными зерновыми культурами агулов являлись рожь («суьл»), ячмень («жарх», «мух»), голозерный ячмень («магар»), конские бобы и горох. Небольшая часть населения, для собственного потребления выращивала морковь, лук, чеснок. Примерно со второй половины XIX века в Агуле начали культивировать картофель, который впервые завезли служившие здесь русские военные. Из технических культур здесь, в небольших количествах, выращивали коноплю и лен, которые шли на изготовление паласов, сукон, а также разводили табак.

По сведениям информаторов, семенной фонд обновлялся медленно, главным образом за счет обмена их в соседних селениях, а также привозимых с рынков Кази-Кумуха, Касумкента, Кураха. Их надо было адаптировать к местным условиям. Селекционной работой занимались сами крестьяне. Создавались опытные делянки и велись наблюдения.

Историческая топография полей агулов показывает, что пахотные участки каждого из членов джамаата по кускам были разбросаны в различных местах, чем достигалось уравнивание качественных показателей (различий) почвы.

Огромное значение имело террасное земледелие. Агулы обрабатывали склоны, прилегавшие к горным уступам, курганчики, даже каменистые скаты путем натаскивания плодородной земли и затем и удобрения этих участков. Однако сложность и трудоемкость ведения террасового земледелия являлись серьезным препятствием для его широкого развития. Поэтому как замечает М.З. Османов, «с XVI века, когда с окончанием нашествий кочевников, ведущим земледельческим районом становится плоскость и нижнее предгорье, террасовое земледелие начинает идти на убыль...» [5/21].

Начало и конец сельскохозяйственных работ у агулов строго регламентировалось. Каждое село имело определенные сроки проведения сельскохозяйственных работ применительно к условиям и особенностям данной местности. После уборки урожая пахотные и сенокосные участки общинников поступали в распоряжение джамаата, и на этих участках можно было пасти общественный скот. Поэтому, все члены общины в равной мере были заинтересованы в проведении уборки урожая и заготовки кормов для скота в сжатые агротехнические сроки.

Агулы особое внимание придавали удобрению полей. Наиболее распространенным удобрением был навоз – «фурд», иногда смешанный с золой. Навоз ценился очень высоко. Поэтому его тщательнейшим образом собирали в специальных навозохранилищах. Перевозили его на безбортых двухколесных арбах со съемным кузовом. Вывезенный на поля навоз укладывали кучами, чтобы разбросать его перед пахотой. Существовал и другой способ удобрения полей и сенокосов: весной и осенью при формировании отар для отгона на зимние и летние пастбища мелкий рогатый скот находящийся вблизи селения, по просьбе тех или иных хозяев, перегоняли для ночевки на их участки. В результате почва обильно унавоживалась, что способствовало повышению ее плодородия.

После удобрения полей приступали к пахоте и севу. Вспашку производил, как правило, один человек. Обычно сеяли

только мужчины. Этот обычай восходит к древнейшим представлениям агулов, когда земля мыслилась женским организмом. Посев отождествлялся с оплодотворением земли. Агульские земледельцы давно заметили, что растения, посаженные во время возрастания Луны, сильнее развивают свою надземную часть, накапливание же влаги в корнеплодах идет лучше у тех растений, которые были посажены во второй половине лунного месяца. Все сельскохозяйственные работы начинать (кстати, и начало многих других дел, например, постройку дома) принято было в первую лунную фазу, когда человек бодр и полон эмоциональных сил.

У агулов широко существовал институт супряги. В связи с тем, что не все общинники имели своих волов два хозяйства, у которых было по одному волу, объединялись и таким образом проводили свои полевые работы. Нередко случалось и так, что бесскотный хозяин объединялся с тем, у кого были быки. При этом первый помогал выполнять сельскохозяйственные работы владельца быков, поскольку и при жатве, молотьбе зерновых требовалась значительная кооперация рабочих рук, семьи и эти работы выполнялись сообща.

Пахоту начинали рано утром до восхода солнца. В случае если у хозяина были запасные волы и второй пахарь, то пахоту не прерывали до позднего вечера. Бывали и случаи, когда пахоту продолжали в лунную ночь. Личности пахаря, сеяльщика агулы придавали большое значение. Они дожны были быть щедрыми, добрыми, удачливыми, естественно, опытными.

Вспашка производилась, как правило, многократно, с помощью горской сохи («дуруц»), в воловьей упряжке. Пахотное орудие, у агулов обыкновенно состоит из полоза «мучІур» (подбородок) с железным сошником «магъ».

В пятку полоза вставлена прямая стойка с рукоятью для захвата «хил». В полоз вставляется коленообразный грядиль «лек», соединенный с дышлом. Глубина пахоты регулируется перестановкой ярма по длине дышла, для чего в дышле

существуют три отверстия, куда вставляли втулки «укьун». У агулов, в основном, одноствольное ярмо «ярквах», которое позволяет лучше маневрировать в процессе пахоты. [4/50]

Особое внимание уделяли посевам озимых. Вспахивали каждый участок дважды, затем производили еще одну пахоту, связанную с посевом озимых. За пахарем шли женщины и дети, тщательно собирая корни сорных трав, что способствовало уничтожению сорняков. После вспашки земли разбрасывали семена, а затем снова вспахивали поле, запахивая семена новой, неглубокой вспашкой.

Уход за колосовыми заключался в многократной прополке («чIал»). Как правило, этим занимались женщины. Сорные травы тщательно собирали и сушили для скота на зиму. Сроки уборки зависели от созревания урожая. [4/51]

После вызревания хлеб убирали серпами. У агулов существовали две формы серпов: с лезвием без зубов и с зубьями. Серпом с лезвием без зубов жали ячмень, голозерный ячмень и убирали сено. А серпом с зубьями жали рожь. В Агул-дере для уборки колосовых и сена применяли другой вид серпа – «чIиникIв». Это короткая коса для одной руки, лезвие которой посажено на короткой ручке под прямым углом. Конец лезвия немного загнут для захвата пучка. Длина лезвия до 30 см. [4/51] Стебли срезались на 10-15 см. выше поверхности почвы, чтобы образовавшаяся стерня способствовала задержанию снега на полях.

Сжатый хлеб связывали в снопы, а затем, после просушки, складывали в копны. Окончательно высушенный хлеб свозили на ток, где ячмень и магар укладывали в скирды до молотьбы. А рожь подвергалась предварительному обмолоту в поле. Для этого копны ржи прямо в поле складывались в одно место, брали по одному снопу и били им по камню до тех пор, пока он не освобождался от зерна. Затем эти снопы свозили на ток для окончательного обмолота. Перед молотьбой ток подвергался специальной обработке. Для этого в центр

предварительно очищенного тока складывали кучу навоза, разводили его водой до равномерной жижи, а затем тонким слоем заливали этой массой ток, разравнивая ее метлой. Затем давали току основательно просохнуть, после чего можно было приступить к молотьбе.

Молотьба у агулов – работа в основном коллективная. Мужчины деревянными вилами сбрасывали со скирд снопы. Женщины подхватывали их, развязывали и ломали солому в нескольких местах, а затем укладывали равномерным слоем по всему току. Затем пускали по кругу пару лошадей, которые ногами топтали солому. После этого молотьбу производили с помощью молотильных досок – это массивные (толщиной до 10 см.) доски из твердых пород дерева со слегка приподнятой передней частью, рабочая поверхность которых была покрыта густой сетью гнезд, куда вставлялись камни твердой породы. Доски соединялись втулкой, которая затем привязывалась длинной веревкой или длинной палкой к ярму упряжи. Доски волокли быки, а иногда ослы, лошади. Во время молотьбы солому несколько раз ворошили, переворачивая вилами, благодаря чему достигалось равномерное измельчение соломы и окончательное отделение зерна. Мякину убирали деревянными граблями, складывали ее в плетеные корзины, и женщины уносили их домой, где хранили в специальных помещениях «муъхI». Оставшееся зерно провеивали на ветру с помощью деревянных лопат, при этом происходил и отбор семенного зерна. Старались отбирать зерно с подветренной стороны кучи, куда попадают самые крупные и полновесные зерна. В это же время женщины граблями и метлами очищали кучу зерна от отдельных колосьев, мякины. После этого приступали к окончательному очищению зерна. Для этого у агулов существовали различные сита, деревянные четырехугольные подносы. Тут же, на току определяли урожайность года. Несмотря на наличие в каждом селении нескольких квартальных токов, молотьба затягивалась до конца зимы. Поэтому во

время молотьбы часто прибегали к взаимопомощи – «мил». Молотьба завершалась праздничным ужином, на который приглашались все его участники. [4/54]

Предварительно очищенный новый урожай хранили в специальных шерстяных мешках, плетеных корзинах «хут», или в деревянных ларях. Часть нового урожая, предназначенную для помола, обычно возили к реке и тщательно мыли, а затем тут же на конопляных паласах основательно сушили. Затем его возили на мельницу. В каждом ауле существовало несколько общественных мельниц «рахь», на которых осуществлялся помол зерна. Все мельницы обычно располагались на краю села и состояли из небольшого низкого помещения, грубо сложенного из камня. Конструктивно агульские водяные мельницы ничем не отличались от мельниц других народов Дагестана.

На ручных мельницах «хилин рахь» (они имелись почти в каждом хозяйстве) мололи из пшеницы крупу и толокно. Ручная мельница состояла из двух плоских камней-жерновов. В нижнем жернове имелось отверстие, в котором была укреплена деревянная ось. В верхнем жернове в центре тоже имелось отверстие, через него проходила ось нижнего жернова. У края верхнего жернова делалось еще второе отверстие, куда вставлялась деревянная ручка, посредством которой крутили жернов и мололи зерно.

Сенокошение являлось важным моментом в хозяйственной жизни агулов: от количества сена, ее качества во многом зависела продуктивность животноводства.

Сроки сенокошения в горах строго регламентировались. Во всех селениях до установленного джамаатом определенного дня строго запрещалось косить сено, если даже это был собственный участок, а общественные сенокосы в этот день по жребию разделяли между хозяйствами. Учитывая, что за короткий срок эту работу – скосить, высушить, собрать, перенести – не каждой семье под силу, агулы прибегали к

взаимопомощи («мел»). Коллективная работа, выполняемая сегодня у одного, завтра у другого, позволяла собрать сено хорошего качества, так как оно сушилось равномерно, в одинаковых природных условиях. А индивидуальная косьба растягивалась на несколько дней и в случае дождей, сено теряло качество, сгнивало. Жесткие сроки завершения работ определялись и тем, что сенокосные массивы с указанного дня превращались в пастбища и потравливались скотом.

Сено косили до наступления жатвы, а в Кушан-дере – во время и после жатвы. На сенокошении обычно работало все здоровое население агулов. Косили мужчины, а женщины собирали скошенное сено. Сбор скошенного сена производился деревянными граблями. Для лучшего сохранения кормов в дождливое время сено сметали в стога, которые, как и копны хлеба, являлись единицами первичного учета урожая. Поздней осенью сено на арбах свозили в село и складывали в специальные сеновалы или скирдовалось на крыше или возле дома хозяина.

Животноводство. О значении животноводства в жизни горцев говорит уже сама планировка его дома, где нижний этаж – (сарай) отводился скоту, а также предназначался для кормовых запасов для скота. Под жилым этажом нередко располагалось и помещение для зимнего содержания мелкого рогатого скота.

Развитию животноводства в Агуле благоприятствовало наличие хорошей кормовой базы – прекрасные альпийские луга в горах и богатейшие речные долины, изобилующие сочными травами. Здесь разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, мул, ослов, из птицы – кур, что подтверждает богатый остеологический материал с раннесредневековых поселений, разбросанных вокруг современных селений агулов.

От коров получали молоко, шедшее на приготовление молочных продуктов, масла; быков, так же как и лошадей

использовали как тягловую силу и транспортное средство. Овцеводство давало шерсть; мясо – баранина в свежем или вяленом виде была основным, чаще потребляемым мясным продуктом. Шкуры овец шли на изготовление зимней повседневной одежды, а шкуры крупного рогатого скота и коз – на изготовление обуви. Скот часто выступал в виде обменной единицы в торговых сношениях. Крупный рогатый скот обеспечивал агулов не только пищевыми продуктами, но и топливом. Последнее обстоятельство в условиях безлесной зоны вынуждало почти все хозяйства содержать крупный рогатый скот и для производства кизяка. Но животных агулы воспринимали не только прагматически. Скорее, в них видели равноправных членов семейства. Ухаживая за животными, хозяева ласково разговаривали с ними, не допускалось и грубое отношение к скотине.

В XVIII-XIX веках шел интенсивный рост мелкого рогатого скота в хозяйствах агулов. Уже во второй половине XIX века, в личных подворьях граждан насчитывалось 61377 голов мелкого, 5289 голов крупного рогатого скота, 758 лошадей и 119 ослов. Так, например, в Буршаге было 47 хозяйств, которые имели 202 головы крупного и 2602 мелкого рогатого скота, в селении Кураг в это же время было 42 хозяйства, которые содержали 237 голов крупного и 4369 голов мелкого рогатого скота, 30 лошадей и 23 осла. Крупный рогатый скот был распределен между хозяйствами почти равномерно, а мелкий рогатый скот был сосредоточен в руках нескольких хозяйств, что подтверждает данные семейной переписи 1886 года.

Овцеводство в Агуле в основном было горно-стационарное. В условиях гор здесь вырабатывались наиболее рациональные традиции, согласно которым с максимальной пользой использовались природные ресурсы.

Сельские общины разработали строжайшие правила передвижения с зимних пастбищ на весеннее – летние и обратно. При этом каждый клочок угодий использовался рационально.

Глубокой осенью отары перегонялись с альпийских пастбищ на зимние. Скот располагался у подножий солнечных пригревов, где были построены специальные загоны – «махьи». Эти помещения имели ряд вентиляционных и световых проемов, которые служили для поддержания нужной температуры. Через них же выбрасывали навоз.

В каждом загоне – кошаре содержалось от 200 до 300 голов мелкого рогатого скота. Такое дробное содержание скота способствовало рациональному использованию пастбищ. При этом учитывались природные особенности каждого массива, созревание травостоя, и, исходя из этих условий, скот передвигался с южных склонов вверх до альпийских и субальпийских пастбищ.

В адатах каждого джамаата существовал категорический запрет пасти скот до глубокой осени на тех участках, где были построены кошары. По мере истощения того или иного участка отары меняли пастбища и переходили на другие кошары.

Распределение общинных пастбищ строго регулировалось обычным правом агулов. Пастбища разделяли на участки под пастьбу крупного рогатого скота и овцеголовья.

Весной и глубокой осенью в каждом селении формировались отары и бригада обслуживающего персонала. Общее руководство бригадой поручалось крупному барановоду или наиболее опытному чабану. Затем им указывали участки, где они должны пасти скот. [4/57] Кроме пастьбы, в обязанности чабана также входило доение овец, приготовление сыра, лечение и охрана скота. Зимой чабаны ютились в тесных, грязных укрытиях.

Тяжелые погодно – климатические условия в горах, в зимний и весенний периоды, не позволяли агулам использовать имеющиеся кормовые угодья с максимальной отдачей. Нехватка пастбищ, отсутствие в горах необходимых условий для надлежащего ухода и стойлового содержания мелкого рогатого скота в период окотной кампании, обусловили ещё

в раннем средневековье распространение в Агуле, как и в других горных районах Дагестана отгонной формы животноводства.

Весенний перегон скота агулы осуществляли на пастбища табасаранских селений: Сиртыч, Рукель, Тинит и др.; а также на равнинные земли Кюринского и Самурского округов. Пастбища арендовались в обмен на летние пастбища, в которых ощущалась нехватка у жителей плоскостных территорий. Часто за аренду пастбищ платили натурой – скотом, продуктами животноводства.

В связи с сезонно – зональным характером содержания скота, в горной части Дагестана существовали открытые площадки и трассы их передвижения, за пользование которыми плата не взымалась. Скотопрогонные площадки до сих пор существуют: на перевале Кокмадаг, в Рича, Дуруштуле, в ущелье Магу-дере и др. Так, по маршруту: скотопрогон Кокма – Чираг – Рича – Бедюк – скотопрогон Керрах-су перегоняли свой скот лакцы и даргинцы; по маршруту скотопрогон Магудере – Дуруштул – Гоа – Тпиг и далее перегоняли скот лезгины и табасаранцы. Жители селений, находящихся вблизи с трассами скотопрогона, оказывали животноводам всяческую помощь в размещении и сопровождении гурта через свои территории.

По прибытии на весенние пастбища, чабаны, с учетом травостоя, наличия водных источников, производили разбивку арендованных угодий на отдельные участки для их рационального использования, при этом лучшие, близлежащие участки сохранялись для будущего приплода. Силами бригады, из подручных материалов: камыша, горбыля, кустарника, соломы и глины здесь ставились: времянка для чабанов, загоны для скота, тепляки и ясли для ягнят. Самая ответственная пора – это организация работ по получению приплода, которому, агулы придавали большое значение, поэтому к чабанам прибывала дополнительная помощь сакманщиков.

СВОД
статистических данных о населении и численности скота в хозяйствах агулов за 1890г. (Курахское наибство)

Селение	Кол-во домов	КРС	МРС	Лошади	Пастбища в десят.	КРС в сред. на 1 дом	МРС в сред. на 1 дом
Арсуг	67	184	1834	24	1510	2,7	27,3
Худиг	61	179	1660	16	1505	~3	25
Буршаг	47	202	2602	36	1507	4,3	32
Яркуг	26	85	1450	20	1000	3,2	56
Кураг	42	237	4369	30	250	5,6	106
Фите	38	177	3125	32	2500	4,6	82,2
Гоа	39	153	2206	12	50	~4	59,1
Дулдуг	63	311	2101	21	500	5	33
Дуруштул	67	191	830	15	2500	2,8	12
Хутхул	105	531	6202	59	2000	5	59
Миси	37	216	1830	29	1000	5,8	49,4
Тпиг	170	655	4167	79	2200	3,8	24,5
Рича	129	525	4457	54	815	4,1	34,6
Бедюк	42	277	1287	37	375	6,6	30,6
Хоредж	36	117	1503	21	250	3,3	42
Усуг	73	339	3502	71	78	4,6	48
Укуз	24	85	560	13	135	3,5	24
Квардал	21	113	928	12	100	5,4	44
Буркихан	112	363	7453	107	1835	3,2	66,5
ВСЕГО:	1199	5286	53961	692	19177	4,4	45

Следует отметить что, в неблагоприятные годы, при организации весеннего перегона агулы несли значительные убытки. Отсутствие на трассах скотопрогона, которые проходили через пересеченные местности,помещений для размещения скота, в случае ненастной погоды, ветеринарной помощи, подножных кормов, длительные и изнурительные переходы и другие факторы, приводили к потере упитанности, выкидышам и падежу скота.

Удельный вес крупного рогатого скота в общем, балансе животноводства агулов был незначительным. Его содержание отличалось некоторыми особенностями. Наиболее распространенной формой было содержание скота круглый год в самих населенных пунктах. Это диктовалось ежедневной потребностью в животноводческих продуктах, тягловой силе и т.д. Но наряду с этой формой существовала и другая, когда основная масса скота ранней весной перегонялась в горы («су»), где у каждого аула существовали хутора («сува хулар»).

При этом в селениях оставался минимум молочного скота для удовлетворения ежедневных потребностей сельчан. Следует отметить, что доением коров и кормлением всего скота, в стойловый период, в Агуле исключительно занимались женщины.

Хутора на альпийских лугах носили сезонный характер. Здесь для обслуживающего персонала и хранения молочной продукции строились одноэтажные помещения, перекрытые каменными блоками и плитами. Помещений для скота здесь не строили, так как их пасли круглосуточно. [4/58] Когда полностью заканчивали уборку хлебов и сенокошение, скот обратно перегоняли в аулы. Обычно скот оставался на хуторах до первого снега.

Крупный рогатый скот у горцев не отличался высокой продуктивностью. Коровы и быки аборигенной породы были небольших размеров и походили на телок европейских пород. Для усовершенствования местной породы и воспроизводства

поголовья крестьяне оставляли только лучшие особи. Коровы давали мало молока, удельный вес которого за период лактации в балансе молочных продуктов был невелик, так как значительная часть молока поступала от овец и коз.

Во всех агульских селениях прежде существовал обычай кормить пастуха, выпасавшего молочное стадо. Обычно, когда пастух уходил на пастьбу, кто-либо из хозяев скота по очереди клал в его заранее приготовленную сумку – («чанта», «даграг», «къуцур») 3-4 чурека, сливочное масло, сыр и национальную халву («хIасида»). Помимо ежедневного кормления пастуха, члены джамаата платили ему определенную сумму (зерном или деньгами) в зависимости от числа молочного скота в стаде. Сумму оплаты пастуху за содержание скота устанавливали на общем сходе общины.

Некоторое развитие в Агуле получило и коневодство. Лошади местной аборигенной породы отличались неприхотливостью в содержании, подвижностью под седлом и были незаменимы как вьючные животные в условиях горного бездорожья. Так, например, согласно статистическим данным 1890 года в хозяйствах агулов насчитывалось 692 головы лошадей (без учета лошадей в Цирхе и Хпюке). Наибольшее количество лошадей насчитывалось в Буркихане – 107, Тпиге – 79, Хутхуле – 59, Рича – 54 головы.

Подсобные отрасли хозяйства. Наряду с земледелием и животноводством агулы издавна занимались пчеловодством, охотой. Огородничество у агулов было распространено очень слабо. Оно начало развиваться только с конца XIX века главным образом под влиянием русских военнослужащих, расквартированных в Агуле. Об этом, в частности, подробно сообщает Х.Х.Рамазанов. «Жители Дагестана, – пишет он, – с 90-х годов XIX в. начали с успехом возделывать картофель. Примеры его возделывания были переняты у русских. Так

жители Кураха переняли примеры выращивания картофеля у русских солдат, живших в курахской крепости. В 1904 году курахцы посадили много картофеля, и часть урожая продавали жителям соседних селений» [8/234].

Однако овощеводство в Агуле не получило широкого развития. Удовлетворяя лишь личные нужды самих производителей, эта отрасль не имела товарного значения.

Обилие в горах разнообразных медоносных растений с глубокой древности распологало к занятию пчеловодством. Горный мед отличался и хорошим вкусом, и целебными свойствами.

Разводили пчел в горах повсеместно, но отрасль велась примитивным способом. Пчел содержали в сапеточных ульях разных форм и величины. Несмотря на примитивность, пчеловодство было приспособлено к местным условиям. Когда в сапетке выводилась молодая пчелиная семья, её переводили в другую сапетку, для чего пользовались особым сачком, в виде метелки. Большой убыток пчеловодству приносила сама система изъятия меда из ульев. Прежде чем достать мед, внутренность улья обливали холодной водой. Иногда пчел выкуривали грибом-дождевиком, в результате чего они на время цепенели, и их легко можно было вытряхнуть из улья. По словам Г.Триантафилова, подобными «разбойными» способами добывания меда ежегодно уничтожались от 40 до 50% пчелиных семей [18].

Тем не менее, следует отметить, что в хозяйстве агулов в целом пчеловодство играло существенную роль, в горах очень мало можно было найти семей, где не имелись бы пчелы, ибо содержание их особой заботы и труда не требовало. Разумеется, были семьи, которые имели много пчел и продавали мед, но таких хозяйств было немного.

Охота составляла одно из любимых занятий мужчин.

Территория агулов богата зверем и дичью. Здесь водятся волки, медведи, лисицы, барсуки, зайцы и т.п. В горах оби-

тают дагестанские туры. Из боровой дичи-тетерева, горные индейки, фазаны, куропатки и т.д.

Охотились в основном с ружьем. На крупных зверей расставляли также капканы, ловушки. Для охоты на куропаток пользовались прямоугольными (2x2 м.) щитами из холста и ситца, натянутых на деревянные рамы. Необходимо особенно подчеркнуть, что охота среди агулов никогда не составляла сколько-нибудь существенного источника семейного дохода.

Рыболовство среди агулов, несмотря на наличие на их территории множества речек, богатых рыбой распространено не было.

Занятия и ремесла. Агулы издавна производили кустарным способом практически все необходимое для удовлетворения потребностей членов семьи в разнообразных предметах хозяйства и быта. Разнообразие и широкое развитие занятий и ремесел позволяли полностью использовать имеющееся в хозяйстве сырье, прежде всего, кожу и шерсть.

Из овечьей шерсти горцы возделывали много разнообразных добротных изделий, как для собственного потребления, так и для продажи. В документе того времени говорится, что жители горной части Южного Дагестана «достачествуя скотоводством, промышляют вообще сукном, коврами и другими шерстяными тканями, но в таком рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные меха и другие кожи. Все сии рукоделия, равно и шерсть отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сорочинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть за деньги» [19/128]

Производством сукон, ковров и паласов, мешков, шерстяной обуви и носков, подседельников, рукавиц и т.д. занималось почти все женское население Агула. [4/59] Центрами коврового производства в Агуле были сс. Тпиг, Хутхул, Гоа, Кураг, Буршаг. Все изготавливаемые в Агуле изделия отличались добротностью. В докладной записке, представленной Российской

императрице Анне в 1733 году, указывается, что в горах Дагестана производят из шерсти «сукно почти такое же, как английская двойная фланель и мягкое как бархат» [20/289].

Мужчины занимались обработкой: кожи, которая затем шла на изготовление шуб, тулупов, обуви, веревок, конской сбруи и т.д.; дерева, из которого изготавливались различные сельскохозяйственные орудия труда (деревянные лопаты, вилы, сохи, молотильные доски), средства транспорта (арбы, тележки, спицы для колес, ободья), разнообразные предметы домашнего производства (ткацкие станки, веретена, ложки, мерки, чесночницы и прочая утварь, люльки, сундуки и т.д.).

Обработка кожи являлось одним из древних промыслов агулов. Процесс выделки овчины начинался сразу же, как её снимали с забитого скота. Шкуру растягивали, солили со стороны мездры и сушили. После просыхания её замачивали в большом тазу в течение нескольких дней, затем тщательно промывали у речки и сушили. После этого проводили процесс дубления: овчину расстилали на земле и смазывали мездру жидкой кашицей, приготовленной из расчета 250-300г. ячменной муки, 300г. соли, 25г. квасцов, оставляли её в таком виде на пять – шесть дней, после чего тщательно просушивали. Затем приступали к процессу мягчения.

Для мягчения шкуру расстилали на земле шерстью вниз, обрызгивали мездру водой и тщательно выскабливали её специальным инструментом, пока не исчезала шероховатость мездры. Чтобы сделать мездру более мягкой приступали к последнему процессу обработки шкуры. Для этого шкуру закрепляли с помощью веревки привязанной к потолку. Затем брали скоблящий инструмент – «агры», состоящий из деревянной развилины с привязанной к длинному концу вилки петли из бечевки. В угол развилины вставлялся загнутый кусок железа. В петлю просовывали ступню ноги и ею приводили в движение скоблящий инструмент. Держа в правой руке «агры», а левой придерживая шкуру, одновременно сильным

движением правой ноги вверх и вниз скоблили мездру до полного размягчения. Чтобы овчина приобрела белизну, её дополнительно мяли руками или деревянным валиком.

Технология выделки шкур крупного рогатого скота представляла собой довольно длительный процесс. Снятую с забитого скота, кожу равномерно солили со стороны мездры. Для полной пропитки соли, кожу заворачивали рулоном и оставляли на несколько дней. Затем ее растягивали, закрепляли и сушили. После замачивания и промывки, кожу превращали в гольё. Для этого кожу расстилали на земле и острым лезвием, специальной лопаточки, сбривали волосяной покров. Для придания мягкости и пластичности голье пикелевали, как и в процессе выделки овчины. Полученную, таким образом сыромятную кожу обрабатывали на специальном приспособлении (на вертикально установленной каменной плите с отверстием), которое находилось на каждом годекане. Такая кожа шла на изготовление обуви, веревок, конской сбруи, ремней и пр. Изготовлением добротных, кожевенных изделий отличались мастера из селений Гоа, Рича.

Большого мастерства агулы достигли и в художественной обработке дерева. Резьбой украшались столбы, деревянные конструкции фасадов, двери, окна. Наибольший интерес в художественном отношении представляют деревянные опорные столбы мечетей Рича и Арсуга, входные двери мечети в селении Тпиг, покрытые великолепной орнаментальной резьбой.

Помимо обработки дерева, большое значение в быту агулов имело плетение изделий из березовых прутьев: амбаров, ларей, корзин для перевозки корма для скота, сапеток для ульев и т.д.

Сырьем для плетения изделий служили прутья кустарниковой березы. Для их изготовления мастера применяли простые приспособления в виде деревянного круга с отверстиями. В каждое отверстие вставляли вертикальные прутья, вокруг них заплетали горизонтальные. Сосуды для хранения

зерна – «хут» и сапетки для ульев – «въарварин тӀак» сверху обмазывались глиной, смешанной с коровьим пометом.

Определенное место в домашнем производстве занимало узорное вязание шерстяных носков. Вязали их тремя железными спицами. Вывязывали сначала носок. При помощи двух спиц делали из нитки петлю, третьей спицой продевали сквозь нее другую петлю, т.е. вязали лицевой петлей. Этот процесс продолжался до тех пор, пока не заканчивался круг. Следующий круг вязался также как и первый и т.д. Затем вывязывали пятку. После того как носки были готовы, их замачивали, надевали на колодку, имеющую вид подошвы. Это было необходимо для того, чтобы по мере высыхания носки растянулись и стали ровными [21/67].

Пользовались большим спросом и джурабы – особый вид носков. Вязались носки и джурабы круглый год, и агулки достигли очень высокого мастерства в этом производстве.

Важное место в жизни агулов занимало ковроткачество. Обнаруженные в могильниках эпохи бронзы различные по форме пряслица, похожие на пряслица, используемые мастерицами при изготовлении шерстяной ковровой пряжи вплоть до 60-х годов века, говорят о глубокой древности промысла ковроделия в регионе.

Ковры и ковровые изделия самых различных видов и типов использовались для покрытия глиняного пола и утепления каменных стен жилища. При совершении молитвы широко применялись небольшие коврики; в горных условиях очень удобными были переметные сумки «хурджины» и большие мешки «чувалы»; для ношения кувшинов ткались узорные ленты и т. д. Ковры и ковровые изделия выполняли самые разнообразные функции в доме. На них сидели, ели, пили, отдыхали, принимали гостей и вели беседы. Их давали в приданое невесте, специальными накидками покрывали люльки с младенцем, в погребальном обряде ковер играл одну из ведущих ролей.

Само производство ковров являлась трудоемкой работой, но еще требовало от женщин большого мастерства и творческих способностей. Как отмечает Е.Шиллинг: «Сколько усилий, сколько непроизводительной затраты времени нужно было делать женщине, чтобы в темных и тесных саклях... под навесом, вести кропотливый и точный подсчет ворсовых узлов, сравнивая растущую на станке ткань с оригиналом – каким-нибудь старым ковром, орнаментику которого она воспроизводила и который ей даже негде было удобно для себя расстелить». [39/168].

Характерно, что в Агуле производились, в основном, безворсовые ковры – «сумах», но были и центры по изготовлению ворсовых ковров – «халича» и одно – двухцветных паласов – «берхел». Они шли не только для удовлетворения собственных нужд, но и продавались в соседние районы Дагестана. Ковры служили и своеобразным показателем достатка в доме горца.

Сумахи, в отличие от ворсовых ковров, изготовлялись только больших размеров (минимум 2х3 и максимум 3х5 м.), так как обычно предназначались для покрытия пола. Как и ворсовые ковры, сумахи считались семейными ценностями, которых особенно берегли. По цене сумах средних размеров приравнивался к стоимости коровы.

«Агульские ковры, – пишет Б. Калоев, – отличались большим разнообразием цветов и орнамента, в которых отображался животный и растительный мир»[3/85]. Основными мотивом агульских ковров и сумахов являлся ромб – «фур». По числу фуров местные жители определяли величину сумахов: большие имели до пяти фуров, маленькие – два. Ромб заполнял центральное поле, имея различные очертания контуров.

Процесс тканья ковров начинался с установления станка. Станок для изготовления ковров – «ахварар» – это прямоугольная рама, устанавливаемая в наклонном положении, приблизительно под углом 60*. Основу станка составляют два

боковых деревянных бруса длиной примерно 3-4 м. каждый, ближе к концам имеют пазы, в которые вставляют деревянные перекладины – оси. Оси предназначались для натягивания пряжи – основы, они раздвигались и закреплялись благодаря наличию клиньев.

Вплоть до второй половины XIX века материалом для изготовления верхней одежды у агулов служили, в основном, сукна домашнего производства. Для изготовления сукна, шерсть предварительно обрабатывали и сортировали. Затем ее замачивали в течение двух-трех дней. После этого шерсть мыли проточной водой без каких-либо моющих средств, сушили в течение нескольких дней. После просушки, шерсть трепали деревянным прутиком или расщипывали руками, выбирая при этом соринки. Затем шерсть расчесывали на специальном инструменте «рагъ», который состоял из двух досок размерами 20х50 см., образующих треугольную форму на подставке. На вершине верхнего угла «рагъ» имелись два параллельных ряда остроконечных, стальных зубцов, высотой до 10 см., на которые нанизывали пучок шерсти. Пучок растягивали руками в разные стороны до тех пор, пока из шерсти не выделялись все длинные волокна. Очищенную шерсть пряли веретеном «тубучI». Из полученной пряжи, на специальном станке, изготавливали сукно. Конструктивно станок, для изготовления сукна, не отличался от ткацкого станка лезгинов, который подробно описан в этнографической литературе.

Заметное распространение в Агуле получило производство войлока. Из войлока изготавливали попоны для ездовых и вьючных животных, им застилали полы жилых помещений, а иногда использовали как постельную принадлежность. Изготовлением бурок агулы не занимались, хотя животноводы пользовались этой одеждой повседневно, покупая их у аварцев на казикумухском рынке. К сожалению, технология этого промысла в Агуле давно забыта.

Подсобную роль в хозяйстве горцев имело гончарное производство. До недавнего времени здесь широко было развито производство толстостенной лепной керамики. Фрагменты подобной керамики встречаются в огромном количестве на средневековых памятниках культурного наследия агулов. Такая керамика производилась на летних пастбищах, хуторах. Лепили ее вручную. Когда сосуд был готов, его сушили на солнце, а затем обкладывали кизяком и обжигали. Вся остальная кухонная и столовая керамика была привозной [4/65].

Для хозяйственных нужд горцами также широко использовались рога крупного рогатого скота; в частности, из них изготавливались рукоятки ножей, кинжалов, шашек, клинья для закрепления косы к ручке и другие костяные поделки (пуговицы, гребни и т.д.).

Широкое развитие в Агуле получило обработка металлов. Судя по археологическим находкам (шлаки, кузнечные щипцы и пр. металлический инвентарь) на средневековых памятниках, здесь было развито кузнечное производство. Материалы переписи 1886 года отмечают, что в каждом селение агулов имелись кузнецы, которые занимались производством сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода. Изделиями кузнечного производства являлись: топоры, серпы, косы, мотыги, подковы для лошадей, а также щипцы для очага, щипчики для сахара, маленькие лопаточки для скобления теста, ножи разных форм и назначений и т.д. Кузнецы удовлетворяли текущие нужды всего населения и в вознаграждение за свой труд получали продукты и деньги. Большей частью они работали на заказчика.

В конце XVIII – начале XIX вв. в металлообрабатывающем производстве выделяется оружейное дело и художественная обработка металла. Вокруг оружейного дела развивались разнообразные художественные и ювелирные промыслы, связанные с отделкой оружия серебром под чернь, слоновой костью, золотыми инкрустациями и т.д. Крупным центром

кустарного производства в Агуле считалось селение Рича. Е.И.Козубский отмечает, что «в Кюринском округе ювелирный промысел особенно развит в селениях Рича, Икра, Кучхюр, где он производится по заказу в свободное от полевых работ время» [22/92]. Следует заметить, что в силу определенных социально-экономических и исторических причин, оружейное дело не получило у агулов заметного развития. Однако там, где оно возникло, достигло совершенства.

Повсеместно в Агуле было развито строительное дело и обработка камня. Памятники культовой и гражданской архитектуры, фортификационные сооружения свидетельствуют о высоком уровне строительного дела, которое имело многовековую историю, базирующуюся на древнейших традициях. В каждом селе существовала прослойка специалистов-каменщиков, которые строили жилые дома, мосты и культовые сооружения [6/14].

К XVII в. строительное дело принимает особый размах. Строятся мосты, мечети, дома. В строительных надписях все чаще появляется термин «уста» – мастер. Надписи с подобными терминами встречаются в Тпиге, Хутхуле и других населенных пунктах Агула. Многие агульские мастера славились далеко за пределами селений. Так, агульский мастер из селения Хутхул Ибрагим Халил восстанавливает в 1683 году здание мечети в табасаранском селении Хучни [23/147]. Ибрагим Халил был, очевидно, прославленным в свое время строителем. В самом же селении Хутхул этот мастер также оставил о себе память, построив в том же 1683 году великолепный «пир» одному из местных шейхов.

С ускорением процесса отделения промышленного производства от земледелия некоторые виды ремесел стали выделяться в самостоятельные промыслы, а мастера стали специализироваться на изготовлении отдельных профессиональных изделий. В результате увеличилось количество товаров, изготовляемых на вывоз.

Таким образом, на территории исконного расселения агулов к середине XIX века существовало более 20 видов занятий и ремесел; их повсеместное распространение обусловливалось, в первую очередь полунатуральным характером хозяйства и наличием свободных рук, в полной мере не загруженных в сельском хозяйстве в течение 9 – 10 месяцев в году.

Торговля. Значительную роль в жизни народа играла торговля, которая давала толчок дальнейшему развитию земледелия, животноводства и различных ремесел.

Из-за сложных географических условий связь агулов с соседними народами осуществлялась через узкие пешие и конные тропы. В суровые снежные зимы сообщение между отдельными селениями прерывалось. Связь агулов с лезгинами, живущими в предгорье, в частности в Касумкенте и Дербенте осуществлялась через ущелье Магу-дере по узкой и очень опасной тропе, тянущейся 35 км. По преданиям агулов, если на этой тропе встречались два путника с лошадьми с грузом, идущие навстречу друг другу, то один из них вынужден был сбросить лошадь со скалы в ущелье, чтобы уступить дорогу другому. В дореволюционном прошлом агулы сложили даже легенду «Тоска о дороге», и только в начале XX века была прорублена дорога через это ущелье.

Несмотря на труднодоступность горных перевалов и троп, экономическая и культурная связь агулов с другими народами осуществлялась. Население близлежащих аулов следило за дорогами, ремонтировало мосты, убирало частые обвалы. В опасных местах дорог оставлялся необходимый для ремонтных работ инвентарь. Путник, переходивший опасный перевал, не только исправлял тропу и переходы, но и оставлял излишки своей еды. Помощь друг другу в пути была у горцев неписанным законом. Поэтому, агулы старались не ездить на рынок в одиночку.

В средние века и позже через территорию расселения агулов проходила важнейшая торговая магистраль

стратегического назначения, связывающая Дагестан с другими странами: «В… линии р. Самур – Курах – Кумух – Чох – Гидатль мы рассматриваем трассу чрезвычайно важного стратегического пути с юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей узкой приморской полосы» [7/ 17].

По агульской территории этот путь проходил таким образом: Курах – Укуз – Усуг – Хоредж – Бедюк – Рича – Чираг и далее на Кумух о чем свидетельствуют и сохранившиеся остатки караван – сараев в селениях, Усуг, Рича, Чираг и др. Согласно устной традиции по этой магистрали в весенне-летний период проходили большие караваны верблюдов с разнообразными товарами во внутренний Дагестан. Б. Малачиханов отмечает, что «Живой иллюстрацией такого положения явились заезжие из нынешнего Азербайджана верблюжьи караваны с грузом нефти» [7/186], с которыми вели торговлю и жители сел, расположенных вдоль этой магистрали. Что этим путем пользовались многие дагестанцы, видно из сообщения, относящегося к XIX веку о том, что из Центрального и Северного Дагестана (кубачинцы, цудахарцы, андийцы и др.) «строго говоря, проезжает только через Ахты, направляясь в Нуху» [24/40].

Об усилении торгово-экономических связей горцев с другими народами Дагестана в XVII веке свидетельствуют строительство большого двухарочного моста в селении Тпиг на реке Чирах-чай, в сторону селения Рича: «Вот построил этот мост джамаат Тпига в 1023 году хиджри», – сообщает эпиграфическая надпись, что соответствует 1612 году. Строительство этого моста намного улучшило состояние древней торговой магистрали, которая проходила через Рича – Тпиг – Хив – Касумкент – Дербент.

В ходе Кавказской войны, в стратегических целях, русскими войсками, расквартированными в Агуле, совместно с местным населением была проведена большая работа по ремонту, строительству мостов и дорог в крае. Была построена колесная дорога из Дербента в Агул, через Табасаран, расширены пере-

вальные дороги: Рича – через Магу-дере – Хоредж – Хив – Касумкент; Рича – Усуг – Курах – Касумкент. Была обустроена древняя пешеходная дорога Чираг – Шиназ – Рутул – Ахты.

Развитие транспортных коммуникаций оказали огромое влияние на развитие торговли и товарно-денежных отношений, способствовавших втягиванию агулов в общее русло капиталистического рынка.

Во второй половине XIX века в Агуле уже вырабатывалось значительное количество животноводческой продукции и продукции ремесел. Предметами торговли являлись: живой скот, сушеное мясо, сыр, масло. Большим спросом пользовались агульские шерстяные изделия: сумахи, паласы, подседельники, хурджины и т.п.

Свой товар агулы сбывали на еженедельных ярмарках, устраиваемых в Казикумухе, Ахтах, Касумкенте, Дербенте. Основным местом сбыта продукции, и покупки необходимых товаров для агулов был Казикумух. Агулы и лезгины называли Казикумух Лакским городом (Яхул шагьар), что свидетельствует о крупном торговом значении его в жизни горских народов.

Монеты редко использовались в торговле и служили большей частью украшениями женской одежды, практиковался, в основном, натуральный обмен на товары, необходимые для своего хозяйства: пшеницу, соль, сахар, мыло, спички, керосин, домашние инструменты и инвентарь, оружие и др. Некоторые изделия ремесленного производства (медную и гончарную посуду) приобретали у заезжих лакцев, кубачинцев. Иногда мастера – лакцы поселялись на определенное время в том или ином селе, выполняя работу по ремонту и лужению посуды.

У агулов, как и у других народов Дагестана, существовала, довольно своеобразная, форма скрепления регистрации торговых сделок. Обычно торг проводился, открыто, при свидетелях. Причем, для большей надежности и обеспечения

гарантии безопасности, при заключении сделок на крупную сумму (товар) предпочитали свидетелей из других селений. Обряд сделки начинался вопросом покупателя, обращенным к продавцу: «Продал ли ты мне такую-то вещь за такую-то цену?». Продавец, ответив утвердительно, обращается с вопросом к покупателю: «Купил ли ты?», а тот должен ответить: «Купил». Это называется «савда акьас», т.е. заключить торг. В заключение обряда продавец, покупатель и свидетели обменивались рукопожатиями. Без соблюдения этих коммерческих правил, сделка считалась недействительной.

Транспорт. В своем: «Из путешествия по Дагестану» известный кавказовед XIX в. Н. Воронов отмечал, что: «Нужно видеть дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться в се естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей, – и, однако, люди общаются здесь не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинных или степных деревнях русские поселяне. Здесь не то; здесь всякий переход из аула в аул, от общества в общество – своего рода подвиг, риск, и, во всяком случае, большой труд, а между тем общение замечательное. Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью...» [36/19].

Наиболее распространенным транспортным средством для доставки грузов сельскохозяйственного назначения и продуктов земледелия в Агуле была горская арба, которая состояла из кузова, поставленного на два колеса. Арба запрягалась парой волов.

В условиях бездорожья основными средствами передвижения агулов служили ослы и лошади. Связь между селами осуществлялась по опасным горным тропам и перевалам, колесные дороги существовали не со всеми населенными пунктами, поэтому ослы и лошади предназначались как для верховой езды, так и для перевозки вьюков, в которых был хлеб, керосин, соль и другие предметы первой необходимости.

Лошади были не у всех. Но, по свидетельству информаторов, если агул отправлялся в дальний путь, и у него не было лошади, он всегда мог рассчитывать на лошадь своего брата, сына, родственника, соседа. «Некоторые исследователи считают, что горцы, как и татары, не подковывали своих коней. Судя по изображению, на курахской стене 1361 года в Дагестане, седла того времени отличались от позднейших, тем, что их передняя лука выше и шире». Конская упряжь включала подперсье, подхвостник и наголовье с уздечкой и трензелями. Металлические части упряжи, и стремена того времени часто находят при раскопках. Всадники обычно обходились без шпор.

Отходничество. Малоземелье и отсутствие собственного скота у подавляющегося большинства узденей и связанная с ним экономическая необеспеченность вынуждали агулов искать средства жизни на стороне. Ежегодно большое количество агулов в поисках заработка уходило в экономически, более обеспеченные районы. В каждом крупном селении Агулов были, так называемые расхожие скорняки, которые поздней осенью или зимой уходили в лакские села и предлагали свои услуги. Они возили с собой все необходимые инструменты, предназначенные для обработки шкур и шитья мужских и женских шуб всех видов, детских тулупов, безрукавок и т. п.

Большое количество отходников из агульских обществ было занято работами у состоятельных лиц в табасаранских селах: Ягдыг, Арак, Чилик, Зартил, Чардаг, Митаги, Рукель и др. [10/349] Так, например, житель селения Арсуг Рамазан Курбан-оглы работал в с. Ягдыг, а хозяйство его, которое осталось в ауле, состояло з 0,12 га земли и 1 корова. Житель с. Буршаг Ибрагим Раджаб-оглы работал в с. Чардаг, а его хозяйство состояло из 0,38 га земли, а живности вовсе не было [10/399]. Аналогичное экономическое состояние было и у семей других отходников.

В конце XIX -начале XX вв. часть агулов отправлялись и на Бакинские нефтяные промыслы, в Кубу, Дербент, где работали на виноградных плантациях у крупных землевладельцев, на рыбных промыслах («батагъ»), на строительстве каналов и дорог.

Положение агулов-отходников на нефтяных промыслах в Баку было очень тяжелым. Неограниченный рабочий день, низкая заработная плата тяжелые бытовые условия приводили к тому, что многие из рабочих заболевали туберкулезом, малярией и другими тяжелыми болезнями. Работая от зари до зари, они едва могли прокормить себя [11/84].

Однако не следует думать, что отхожие промыслы практиковались среди всех малообеспеченных агулов. Многие, оставаясь в своих селах, работали на своих более состоятельных земляков.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Социальная структура сельских обществ Имеющиеся скудные, порой противоречивые источники по истории агулов не позволяют полностью раскрыть социальную структуру сельских обществ агулов в их ранние периоды существования. Для раскрытия данной темы многое дало бы изучение археологических памятников, зафиксированных в данном районе [4/24].

Многие дореволюционные исследователи утверждали, что агулы так же, как лезгины, рутулы, цахуры не ушли в своем общественном развитии дальше первобытнообщинных отношений, что противоречило действительности. Фактически социально-экономический строй в Агуле был патриархально-феодальным. Земельные участки, скот являлись у агулов частной собственностью. Общественными оставались пастбища и частично сенокосные участки [13/102].

Однако развитие феодальных отношений в Агуле имели ряд характерных черт. Это, прежде всего исключительная стойкость сельской территориальной общины, живучесть патриархально-родовых отношений. Община не только сохранилась, но и в ряде случаев и укреплялась преобразованием в союзы сельских общин. Здесь господствовало индивидуальное присвоение продукта собственного труда на основе частной собственности на средства производства. Хотя в этих обществах не было ханов и беков, но в них господствовали представители знатных тухумов, аксакалы, «выборные» старшины, обладавшие большим количеством скота, лучшими землями. Население делилось на общественную верхушку, духовенство и узденей. В отличие от других дагестанских народов, у агулов, лезгин, рутульцев и цахуров не встречается слово «уздень». У них для обозначения «крестьянин» существует особый термин – лежбер; по агульски лажбар.

Лажбарар – свободные общинники составляли наиболее многочисленную часть крестьянства. Они подвергались более тяжелой эксплуатации в феодальных владениях (селения Буркихан, Яркуг, Цирхе) и были свободными в «вольных обществах», где почти все являлись лажбарар. Общества сохраняли внутреннее самоуправление и некоторые общинные порядки. Образование таких обществ было вызвано необходимостью защиты от внешних угроз.

Эпиграфика показывает, что в бассейне реки Гюльгерычай существовали самостоятельные общины – Рича, Тпиг. Примечательно, что в каждой из них выделялась верхушка, члены которой именуются в надписях феодальными титулами, хотя наследственной преемственности власти проследить не удается. Надпись, обнаруженная в Рича, свидетельствует о том, что «областью» Рича управлял «эмир славнейший, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, ставший на страже венца мира и религии «Адам сын Абд ал-Мелика сына Мухаммеда», который приказал построить разрушенные монголами здания в селение Рича, в том числе соборную мечеть [14/7]. Очевидно, что с. Рича оказалось достаточно сильным, чтобы довольно быстро отправиться от разгрома, учиненного там монголами в ноябре-декабре 1239 года.

Титулатура правителя «области» Рича – «явление необычное, единственное в дагестанской арабской эпиграфике», – отмечает А.Р. Шихсаидов. Действительно, титулатура ричинского эмира повторяет аналогичную титулатуру ширваншахов в начале XIII века [15/112].

Вышеизложенное позволяет предположить наличие небольшого раннефеодального образования с «эмиром» во главе. В связи с этим следует отметить, что Дагестан в рассматриваемое время переживает эпоху феодальной раздробленности. Былые раннефеодальные государства распадаются на целый ряд мелких феодальных образований, так называемых рустаков. Оче-

видно, Рича в то время являлась центром владения, который контролировал агулов, расселившихся вдоль реки Курахчай. Само селение Рича было окружено оборонительными стенами. Это обстоятельство прекрасно иллюстрирует вышеуказанное положение о том, что Рича выступает в качестве центра небольшого раннефеодального образования [4/25].

Наличие в с. Рича категории эмиров дает право предполагать существование и других социальных групп феодального общества. Это предположение подтверждает другая надпись, свидетельствующая о том, что ричинская мечеть была построена знатной семьей: Басаджом и его женой [15/113]. Здесь, видимо, речь идет о том, что эта знатная семья не сама построила мечеть, а финансировала ее строительство. Наличие в с.Рича социальной прослойки знатных людей, способных финансировать строительство общественных зданий, в какой-то мере проливает свет на социальную структуру ричинского общества.

В начальный период арабских завоеваний и распространения ислама, местная знать была лишена ряда привилегий, она не допускалась к управлению и потеряла часть своих доходов. С упрочением позиций ислама в Южном Дагестане, местная знать стремилась породниться с арабскими правителями, положить начало рода, происходящего от знатного араба. Так возникали и развивались новые местные династии.

В местной хронике «История Абу-Муслима» описывается типичный пример образования правящей верхушки и династий не только в областях, но и в отдельных населенных пунктах. У упомянутого Абу-Муслима, араба по происхождению, было четверо сыновей: Рамазан, Ибрагим, Юсуф и Мухтар-Санджаб. У последнего родились семеро сыновей. После отбытия Абу-Муслима на свою родину, семеро его внуков обосновались в селении Усуг, что под Шах-ал-Бурзом (гора Шалбуз) [8/38].

Здесь возник конфликт между прибывшими и жителями селения Микрах. Поэтому они из селения Усуг разошлись в другие селения, в которых доныне живут из поколения в поколение. Вот имена сыновей Мухтар-Санджаба, сына Абу-Муслима: Сайф-ад-Дин, Юсуф, Нас-ад-Дин, Джамал, Абдулла, Хамзат, Али-Бархут. После этого Мухтар-Санджаб построил в селении Сайф-ад-Дина мечеть и умер в этом селении. Юсуф обосновался в селении Куруш. Нас-ад-Дин и Рамазан в селениях Хина и Рутул, Мухаммад – в Шиназе, Джамал – в Яргуне, Абдулла – В Курахе, Хамзат – в Рича, Али-Бархут – в селении Мака [8/39].

Эти сведения красноречиво показывают, что правители не только областей, но и многих населенных пунктов, начиная с X века, стремились присвоить себе арабское происхождение.

Однако, переходим к оценке «Истории Абу-Муслима» как исторического источника. Тенденциозность его заключается в том, что происхождение социальной верхушки селений Южного Дагестана, в то числе Агула, связывается с внешними факторами, обычно с именами арабов. Такая постановка вопроса была выгодна духовенству и правящей верхушке.

Приписать себе арабское происхождение имело целью освятить свое происхождение, возводя генеалогию своих предков до пророка или его ближайших родственников.

«История Абу-Муслима показывает, что X веку в дагестанских селениях, в том числе и в агульских, произошли серьезные социальные изменения. Здесь выделилась сельская верхушка; она отделилась от рядовых членов общества и стремилась к освящению своей власти [8/39].

Разведочные работы на средневековых поселениях Сарикент близ Арсуга, ЦІудухъ близ Худига выявили четко сохранившиеся укрепленные пункты, которые контролировали окружающую местность. [4/25]. Видимо и здесь жили правители, которые также контролировали близлежащие населенные пункты.

Таким образом, не располагая достоверными данными,

что классы феодального общества в Агуле в период раннего средневековья уже сложились, тем не менее, вышеприведенный материал свидетельствует о том, что в указанное время в социальной структуре агульского общества прослеживается наличие социальной дифференциации. Более того, господствующие слои несколько обособились от основной массы населения, что выделили из своей среды феодальных правителей, которые носили титулы, аналогичные ширваншахским. Процесс закрепощения свободных общинников в Агуле в силу ряда причин протекал особенно замедленными темпами. Видимо, после разгрома агульского раннесредневекового владения «Филан», учиненного монголами в XIII веке, здесь были ликвидированы те социально-экономические условия, на которых базировалось относительно развитое в социальном отношении общество, и зафиксировал эпиграфический материал.

Общий экономический упадок, наблюдаемый после XIII в., завершил архаизацию общественного строя данного района. Очевидно, этим можно объяснить столь неразвитые социальные отношения, которые бытовали здесь в позднем средневековье [4/26].

Агульские общества XIII – начала XVIII веков были относительно независимыми. Так, например, Агулдере был отдельным обществом под названием «Агул-магалла». Агулы, ныне входящие в состав Курахского района и населенные пункты Рича, Бедюк, также составляли самостоятельное общество, которое было известно под названием «Магалла-Рича».

Еще в XVIII веке казикумухские ханы, табасаранские майсумы неоднократно вторгались на территорию агульских обществ. Казикумухскому Сурхай-хану удалось подчинить себе часть агулов и прибрать к своим рукам селение Буркихан, которое он отдал в управление своему племяннику Абдулгафуру. Часть агульских селений в Кушан-дере очутилась во власти табасаранских майсумов.

В первой половине XIX в. Агулы оказались расчленными между казикумухскими, кюринскими ханами и табасаранскими майсумами [12/103].

После юридического присоединения агулов в 1813 году к России, с. Буркихан продолжало оставаться в управлении беков – ставленников казикумухского хана [16/8]. Беки превратили Буркихан в свою феодальную вотчину – получали от населения подати и повинности.

В отличие от агулов других селений, жители с. Буркихан делились на несколько социальных групп. Там проживали: райяты – зависимые крестьяне; лажбарар (уздени) – свободные крестьяне; беки; чанки – неравнобрачные дети беков; лаги – приведенные беками рабы [12/103].

Большую часть Буркихана составляли обездоленные райяты, платившие бекам подати и отбывавшие повинности. Они обязаны были обеспечить семьи беков хлебом, маслом, мясом и другими продуктами. В течение года райяты вносили бекам подати на сумму около 500 рублей. Помимо этих феодальных повинностей бекам, райяты до начала XX века обязаны были еще платить налоги государству. «Отбывание двойных повинностей и уплата двойных налогов, – писали буркиханцы в своем прошении, – при нашем крайне стесненном в материальном отношении положении – в буквальном смысле слова немыслимы» [17/46].

В ущелье Куршан-дере агулы страдали от постоянных притеснений табасаранских беков. Так, до самой Октябрьской революции продолжались земельные споры между сельским обществом Худиг и табасаранским беком – полковником царской службы Бейбола из селения Аркит. Закончились эти споры тем, что бек силой захватил лучшие пастбищные земли этого общества [12/103].

Земельно-правовые отношения. Изучение земельно-правовых отношений в Агуле сопряжено с известными трудно-

стями, обусловленными отсутствием конкретных письменных источников по экспликации земель вплоть до XIX века. Можно только предположить, что в Агуле рано установилась частная собственность малых семей на возделываемую землю при сохранении собственности общины на пастбища, большинство покосов. Дробление большой семьи на отдельные малые семьи еще в средневековье прослеживается и на археологическом материале. Трудно определить в точности, какая из форм собственности была доминирующей, но можно предположить, что в X-XII вв. основной фонд пахотных земель состоял из частнособственнических земельных участков, принадлежащих как феодализирующейся знати, так и крестьянам – категория земель известных под термином «мюльк». Существовали, также, общинные и вакуфные земли. В связи с усилением, начиная с XVIII века, влияния на агулов казикумухских правителей появляются феодальные землевладения – ханские и бекские.

Ханские земли. С начала XVI века шамхальство в Дагестане становится наиболее крупным феодальным объединением. Границы его простирались с севера на юг – от Кабарды вдоль Каспия до владений уцмия кайтагского – и от Каспийского моря на запад до владений аварского ханства. Шамхальство населяли кумыки, даргинцы, лакцы, агулы, часть лезгин, аварцев и др. Шамхальство располагало большим для того времени военными силами [9/292], в результате чего стали возникать конфликты между ханами и зависимыми общинами. В XVIII в. ханы захватили лучшие общинные пастбища в местности Сарфун-су у бедюкцев и лучшие пахотные и сенокосные участки яркугцев в местности ЧIирехIор. «Хан завладел селением, – отмечалось в прошении Бедюкского сельского общества на имя начальника по гражданской части на Кавказе, – всем имуществом и распоряжался по своему усмотрению всеми общественными угодьями... Хан начал пользо-

ваться пастьбою своих овец на означенной горе Сарфундаг в течении трех летних месяцев общество пользовалось попрежнему пастьбою скота, летними хуторами, мельницами, пашнями и покосами» [10/3]. Впоследствии ханы полностью закрепили за собой эти участки в качестве частной собственности и сдавали их крупным животноводам или тем же общинникам за непосильно большую арендную плату.

Сохранился ряд интересных документов, подтверждающих факт взымания казикумухскими шамхалами дани с зависимых общин агулов. Например, жители селения Буркихан «платили подати свои ханам» [26/25]. Таким образом, ханы выступают в качестве верховных собственников подвластной им территории. Не говоря уже об основной территории агулов, которая по мере усиления влияния казикумухского правителя полностью попадала под его власть. Земли населенных пунктов Цирхе, Буркихан, Бедюк, Яркуг и др. полностью эксплуатировались как собственность ханов. Жители этих общин несли в пользу хана поземельные налоги «за пользование угодьями, считавшимися все ханскими [27/165].

Таким образом, данная форма земельной собственности в Агуле реализовывалась путем взимания повинностей в пользу самого хана. В отличие от других районов Дагестана, где кроме центральной власти существовали и местные феодалы, в Агуле само шамхальство в лице центральной власти противостояло зависимым общинам, и поэтому, получаемая ханами подать по своей природе близка к феодальной ренте [IV, 27]. Ханские земли, являясь частной собственностью ханов, становились предметом продажи, дарения, сдачи в аренду и т.д.

К концу XIX века ханские земли в Буркихане, Яркуге территориально уменьшились, но доля бекских земель резко возросла.

Бекские земли. Бекские земли в Агуле представлены

только в двух населенных пунктах: Буркихане и Яркуге. Установить время возникновения этой категории земельной собственности не представляется возможным, но с достоверностью можно отметить, что возникновение бекских земель в Агуле тесно связано с захватнической деятельностью казикумухских ханов. Завоевывая то или иное общество, казикумухские ханы старались сажать в этих обществах угодных им людей, которые должны были управлять этими обществами и обеспечивать поступление феодальных повинностей в пользу центральной власти.

Беков водворяли в то или иное общество «с правом на сбор повинностей с жителей этого селения, какими они были обязаны тогда самому хану, сделав его как бы ханом…» [26/27]. Такое положение существовало в Буркихане.

Аналогичная картина наблюдалась и в Яркуге, с той лишь разницей, что здесь бек получал не только право сбора повинностей, но и контролировал эксплуатацию крупных пахотных, сенокосных и пастбищных земель ЧIирахIоьр [4/28].

Трансформация бекской собственности в этих обществах не могла не привести и к эволюции феодальных отношений в Агуле. Феодальные подати, собиравшиеся от случая к случаю и поступавшие в распоряжение центральной власти, превратились в регулярно взимаемую феодальную ренту, которую уже платили не хану, а местному феодалу, в данном случае беку. Превращение податей в регулярно собираемую ренту влекло за собой превращение свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина, что иллюстрирует и социальная структура этих обществ. Так, например, если в большинстве общин агулов общество было слабо дифференцировано, то в Буркихане в силу названных причин к середине XIX века были представлены основные слои феодального общества. Часть дворов здесь была райятской. Они несли феодальные повинности в пользу своих беков. Опираясь на своих нукеров, беки систематически расширяли свои земли. Кроме того,

беки захватили все лесные массивы в Агуле и Магу-дере, в результате чего все сельские общества вынуждены были арендовать лесные участки у беков за крупную плату.

Частновладельческие крестьянские земли (мюльк). Наряду с крупными землевладениями ханов и беков в агуле имелись и земельные участки, находившиеся в собственности крестьян, так называемые мюльки.

Определить начальный этап возникновения этой формы собственности трудно, однако, местная устная традиция связывает возникновение мюлька с именем Абу-Муслима, то есть с момента прихода арабов в Дагестан. Косвенно этап возникновения мюлька подтверждает то, что раннесредневековые поселения, бытовавшиеся в Агуле, являются двухкамерными, которые свидетельствуют о существовании здесь в рассматриваемое время малых семей. Эти малые семьи вели индивидуальное хозяйство, обрабатывали свои пахотные участки. Но отсюда трудно определить характер земельных отношений в ту отдаленную эпоху, хотя с большей или меньшей вероятностью можно утверждать, что в данном районе родовое пользование землей уже сменилось индивидуальным владением отдельными пахотными участками [4/ 29].

Согласно традиционному праву, в Агуле тот, кто привел никому раннее не принадлежавший участок земли в состояние, пригодное для интенсивного хозяйственного пользования (очистил от кустарника, камней, выровнял, террасировал и т.д.) становился его владельцем. Поэтому индивидуальная семейная собственность, в первую очередь распространяется на пахотные и покосные участки. За владельцем признавалось право продажи, передачи, дарения участка. Однако это право в первой половине XIX века было ограничено правом преимущественной продажи родственникам, соседям, односельчанам. Так как в Агуле пахотной земли было мало, родственники зорко следили за тем, чтобы она оставалась достоянием тухума.

Однако институт предпочтительной покупки, выкупа пахотных и сенокосных участков не мог остановить общий процесс становления частной собственности на землю, и в середине XIX века «участки земель, состоящие... в пользовании жителей тех селений, принадлежат каждому хозяину на праве частной собственности и называются халиса-мюльк» [XXVII, 166]. Поэтому наиболее богатые семьи сосредоточили в своих руках основные массивы пахотных земель. Правда, общинники не полностью потеряли свои участки. Выделившиеся из общей массы крестьянства, лажбарар владели пахотными землями, которые не уступали по своим размерам феодальным землевладениям. Земельные участки основной массы крестьян в итоге наступления феодализирующейся верхушки постепенно сокращались.

Из обобщенных материалов посемейной переписи 1886 года видно, что из 1152 дворов 110, или 8,8%, являлись безземельными хозяйствами. К этой же категории можно отнести 2% дворов, которые имели мизерные клочки в размере менее 0,25 га земли. Третья и четвертая категории, составляющие многочисленную группу дворов (77,1%), располагали от 0,25га до 4 гектаров пахотной земли. Другие категории хозяйств (12,1%) располагали крупными для малоземельного района участками, которые отдавались в аренду и субаренду. В Хоредже, Гоа, Бедюке, Квардале и др. селах были хозяйства, располагавшие до 12 гектарами пахотной земли. Например, некий Метлеб Тагир-оглы из Хореджа имел в своем хозяйстве более 13 га пахотной земли [10/571]. А Рамазан Шабан-оглы из Бедюка также имел 12 гектаров пахотной земли [10/595]. Все пастбищные земли сельского общества Гоа являлись частной собственностью Лут Гусейн-оглы [10/389], и общинники вынуждены были брать у него эти земли в аренду и пасти на них свой скот.

Кроме индивидуальной земельной собственности, у агулов существовали тухумные пахотные и сенокосные участки. Таких земель больше всего было в Буршаге, Арсуге, Цирхе.

Джамаат сначала распределял эти земли между тухумами, а потом тухумы, в свою очередь, распределяли их между дворами своего тухума.

В селении Рича, где насчитывалось свыше 130 хозяйств, лучшими пастбищными участками и большим количеством скота в основном владели два богатых тухума БехIавур и Зилгаяр [17/47].

Вакуфное землевладение. Особой формой землевладения была вакуфная собственность, то есть земельная собственность мечетей. Вакуфные (вакфные) земли образовались с распространением ислама, их количество в Агуле X-XII вв. росло по мере укрепления позиций мусульманской религии, но в общей сумме категорий земельной собственности они занимали незначительное место. Источниками образования вакуфных земель были завещания, пожертвования со стороны верующих, которые передавали в собственность мечетей пахотные, сенокосные и пастбищные земли, что не противоречило мусульманскому праву.

Вакуфная собственность была распространена в двух видах. К первому виду принадлежат земли, бывшие в непосредственном распоряжении мечетей, которые сдавали их в аренду отдельным лицам. Ко второму виду относились земли, которые оставались в пользовании наследника дарителя, и он обязан был вносить в мечеть определенную завещателем долю урожая или продуктов животноводства.

Надписи, сохранившиеся на полях Корана тпигской Джума – мечети, который в настоящее время хранится в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, наглядно показывают источники формирования вакуфных земель в Агуле. Ниже приводится ряд этих записей в переводе профессора А.Р.Шихсаидова.

«Мухаммед сын Курбана К.з.к.з.р.н. отдал в вакуф пахотный участок в местности Дариакъ Верхний для (строительс-

тва) моста, называемого Б.ра къаламу и границы – три участка: участок Вунцы Сах – с запада, участок (?) – с запада и участок Рамазана К.р.к зун. Написал Кади Раджаб».

«Это разъяснение и аргумент на будущее. Будай сын Иусуфа отдал в вакуф с пашни Му,уйикъ два кайла хлеба в месяц Рамазана. Свидетели Хадад, Рамазан, Мухаррам, Мола Камил». «Это разъяснение и аргумент на будущее. Мола Хадад, сын Абдуллаха, отдал в вакуф два саха в месяц Рамазан – (с) пашни Ваджи Акайдарак и два саха (с участка) Д.з.р. курал – (в качестве) саадака в год обработки... Свидетели – Будй, Рамазан, Мухаррам, Мулла Исмаил...»

«Это разъяснение и аргумент на будущее. Ийли, сын Рамазана, по прозвищу БакIа, установил вакуф: один пахотный участок, расположенный в местности Алдал-джума-мечети; один пахотный участок, называемый ал-Макки-мечети; участок – мечети Дж.б.къ.ри, что в местности Дулрухал... Свидетели Умар, Махмуд и др.

Вакуфные земли были во всех общинах агулов. Так, например, в Буршаге вакуфными землями были: «Усрахъ-ху» – пахотный участок 0,5 га, «Ицав ху» – пахотный участок в 0,35 га, «Буцрихъ-ху – пахотный участок в 0,5 га. Кроме того, еще было много мелких участков. Весь доход с них принадлежал мечети. Мечети также принадлежали сенокосные участки: «ЦIургнак», «ШиминкIил» и др. [4/31].

В экономическом отношении, наиболее сильные мечети были в Арсуге, Кураге, Фите, Хутхуле, Тпиге, Рича. При них существовали постоянно действующие школы. В этих мечетях работало от двух до пяти духовных лиц, которые сами являлись наиболее мощной в экономическом отношении социальной прослойкой. Так, один из мулл фитинской мечети Али Амай-оглы имел 12 гектаров пахотной земли, 20 голов крупного рогатого скота, пять лошадей, 800 голов мелкого рогатого скота [10/428]. Около половины всего скота общества приходилась на долю этих семей.

Вакуфные земли не подлежали отчуждению, они считались священными, и поэтому сами жители всячески старались умножить доходы с этих земель качественной их обработкой, соблюдением всех агротехнических сроков возделывания посевных культур.

Как явствует из документов, дарили в вакуф не только джума-мечети, но и квартальным мечетям, на строительство дорог, мостов, родников.

Распределением доходов мечети занимались его служители во главе с кадием. Должность кади была выборной. Он дожен был олицетворять собой ученость, справедливость, доброжелательность и пользоваться всеобщим уважением. Кроме того, при распределении мечетьского дохода обязательно присутствовали представители джамаата. Естественно, определенная часть вакуфа шла на содержание служителей мечети, школ, медресе с его учениками, бедных и сирот, других социально незащищенных слоев общины.

В некоторых агульских селах существовал другой вид вакуфа, который получил название «КIантIил», сущность, которой заключалась в том, что определенная часть семей была обязана постоянно снабжать мечеть предметами быта, топливом и продуктами питания. Эти обязанности в таких семьях переходили по наследству.

Возникновение категории земельной собственности – вакуф также свидетельствует о становлении частной собственности на землю, так как только земельные собственники могли завещать их в пользу мечети [4/30].

Общинные земли. В эту категорию земельной собственности входили пастбища, горы, кустарники и пр. Благодаря общинной собственности на неподеленные угодья становится возможным самостоятельное существование не только каждого общинника, но и общины в целом. На эти земли существовала строжайшая регламентация условий пользования.

Распределение
земли и мелкого рогатого скота среди хозяйств агулов по данным посемейной переписи 1886 года (в процентах)

Наименование населенного пункта	Всего дворов	Земля							Мелкий рогатый скот						
		Хозяйства без земли	Имеющие до 0,25га	Имеющие от 0,25га до 1га	Имеющие от 1 до 4га	Имеющие от 4 до 6га	Имеющие от 6 до 12га	Имеющие свыше 12га	Хозяйства без овец	Имеющие до 5 гол.	Имеющие от 6 до 15 гол.	Имеющие от 16 до 50 гол.	Имеющие от 51 до 100 гол.	Имеющие от 101 до 250 гол.	Имеющие свыше 250 гол.
Усуг	73	8,2	–	27,4	32,1	2,7	6,8	2,7	58,4	–	5,5	12,3	15,1	4,1	4,1
Укуд	24	4,2	4,2	37,5	37,5	16,7	–	–	79,2	–	–	2,3	4,2	8,3	–
Хпюк	65	9,2	–	43,1	43,1	1,5	1,5	1,5	5,1	–	9,2	27,7	10,8	–	1,5
Квардал	21	4,8	–	4,8	76,2	4,2	4,8	4,8	56,7	4,5	–	9,5	9,5	–	4,8
Хоредж	36	5,6	–	36,1	33,3	8,3	5,6	11,1	55,6	2,8	13,9	19,4	2,8	–	5,6
Бедюк	42	11,9	–	26,2	28,6	23,8	2,4	7,1	59,5	–	14,3	11,9	2,4	7,1	4,8
Рича	129	9,3	–	25,6	45,0	7,0	13,2	–	48,8	1,6	13,2	20,2	8,5	3,1	4,7
Тпиг	170	14,1	2,4	35,9	41,8	3,5	2,4	–	65,5	1,8	7,1	7,9	4,7	5,4	1,8
Хутхул	105	11,4	6,7	38,1	35,2	4,8	1,9	1,9	50,5	–	6,7	24,8	4,8	5,7	7,6
Дулдуг	63	6,3	–	49,2	41,3	3,2	–	–	58,7	3,2	6,3	14,3	7,9	4,8	4,8
Гоа	39	17,9	–	43,6	25,6	2,6	2,6	7,7	62,2	–	5,1	10,3	5,1	2,6	7,7
Друштул	67	13,4	11,9	65,7	9,0	–	–	–	73,1	4,5	6,0	10,4	3,0	3,0	–
Яркуг	26	3,8	–	26,9	61,5	3,8	3,8	–	46,2	3,8	11,5	11,5	15,4	7,7	3,8
Кураг	42	–	–	19,0	64,3	9,5	7,1	–	35,7	4,8	–	1,9	14,3	14,3	11,9
Фите	38	13,2	–	28,9	36,8	7,9	10,5	2,6	44,7	–	7,9	26,3	7,9	2,6	10,5
Арсуг	67	6,0	7,5	59,7	25,4	–	1,5	–	41,8	6,0	10,4	26,9	4,5	6,0	4,5
Худиг	61	6,6	4,9	54,1	31,1	–	3,3	–	57,4	1,6	14,8	9,8	[illegible]	3,3	6,6
Буршаг	47	6,4	–	53,2	38,3	2,1	–	–	34,0	4,3	12,8	23,4	12,8	6,4	6,4
Мисси	37	10,8	–	29,7	40,5	10,8	8,1	–	45,9	2,7	5,4	13,5	10,8	16,2	5,4
ВСЕГО:*	1152	8,8	2,0	37,4	39,7	5,9	4,1	2,1	54,0	2,4	8,3	15,8	8,5	5,6	5,4

** Экономическое состояние хозяйств сс. Буркихан и Цирхе в таблице не рассматривается, так как они входили в состав Казикумухского ханства, и у них была иная социальная структура, о чем сказано в книге.*

Сельская администрация с согласия «уважаемых людей» определяла, где, когда и какой вид скота следует выводить на тот или иной участок пастбища.Особые участки выделялись для рабочего и больного скота. Был четко разработан порядок пастьбы общественного скота на зимних и летних пастбищах. Все сельскохозяйственные работы начинали и заканчивали в определенные сроки. После уборки урожая покосы и пахотные земли поступали также в распоряжение джамаата, и на этих участках пасли скот всей общины.

В Арсуге, Кураге, Хутхуле, Тпиге, Рича и других селениях наряду с индивидуальными сенокосными участками существовали и общинные покосы, которые распределялись по жребию. Общинник мог по желанию продать свою долю покосного участка, вернее не сам участок, а урожай с него. Богатые тухумы, за бесценок скупали паи общинных сенокосов и, таким образом, единолично присваивали урожай с общинных покосов.

Дело в том, что реализация прав общинной собственности на сенокосных участках была сопряжена с определенными трудностями. Эти участки были расположены далеко от села. Работать приходилось с ночевками. Труднее всего было перебросить урожай домой. Поэтому они уступали свои паи богатым семьям.

Крупные пастбищные горные массивы находились иногда в совместном пользовании нескольких обществ. Например, селение Тпиг совместно сс. Мисси и Укуз владели пастбищами в 2200дес., 100 десятин пастбищных земель являлись общей собственностью Рича и Бедюк [26/504]. Обширные альпийские луга «Арсугъарин аяр» являлись общей собственностью Буршага и Арсуга [33/195].

У агулов существовала особая категория общинных земель, которая выступала под термином «сабильные земли». Она формировалась путем пожалования членами той или иной общины в пользу джамаата в благотворительных це-

лях. Обычно частные земли становились сабильными, когда у жертвователя не было прямых потомков. Сабильные участки превращались в аяр (сохраняемые на запас), на которых ранней весной пасли общественный скот.

Изучение земельных отношений агулов показывает их многоступенчатый характер, который определил степень дифференциации агульского общества. При этом необходимо отметить, что при определении степени общественного развития агульского общества необходимо, в первую очередь, связать ее с формами собственности на сенокосы, луга и пастбища потому, что хозяйственный уклад агулов в XVIII-XIX вв. основывался на животноводстве. Общественное развитие агулов шло по пути концентрации овцепоголовья в руках феодализирующейся верхушки. У кого был скот тот и пользовался общественными угодьями.

Существующие формы земельной собственности характеризуют экономическую природу и основу агульского общества, чем и определялась сложная социальная структура некоторых сельских обществ агулов. В этом отношении особый интерес представляет социальная структура селения Буркихан. Во второй половине XIX в. Здесь проживало «пять домов бекских, узденей – 21 дом, райятов – 43 дома [26/25]. Здесь же проживал ряд семей чанков и лукIов.

Уздени сел. Буркихан, совместно с райятскими семьями, должны были платить бекам в год 8 баранов старше года, 12 баранов до года, а также по одному барану с каждого стада. Кроме того, райяты отдавали бекам отдельно от узденей по десять саб зерна и по одной овце с каждого дома, а также 1 улей с каждых 10 ульев с тех домов, у которых имеются пчелы. Четыре дома из райятов, поочередно между собой, ежегодно вносят бекам по 2 пуда масла каждый, или всего в год 16 батманов (8 пудов) [26/26]. За пользование лесом, который еще в 1864 году являлся собственностью беков, уздени и райаты

села обязаны были «очередясь между собой платить бекам с каждых 12 домов в год 12 баранов [26/25].

Кроме того, райаты обязаны были обрабатывать пахотные участки беков, убирать хлеб, выходить на сенокошение. Бедные общинники работали пастухами, чабанами у беков и других состоятельных семей. Такая сложная социальная структура общества была характерна только для сел. Буркихан.

Таким образом, обособление феодализирующеся верхушки сельских обществ и проникновение в Агуле товарно-денежных отношений привело к поляризации общества. Крупные животноводы завладевают лучшими пахотными и сенокосными участками, усиливается процесс концентрации овцепоголовья в руках общинной верхушки. Наиболее наглядно этот процесс иллюстрируют материалы переписи 1886 года, сведенные в таблицу [10/407].

Из таблицы видно, что из 1152 дворов агулов, 622 двора или 54% не имели овцепоголовья. Если к этой категории прибавить еще 10,7% хозяйств имевших до 15 голов мелкого рогатого скота, то получим яркую картину расслоения в агульском обществе. Подлинными хозяевами агульских сел были 11% дворов, в хозяйствах которых была сосредоточена основная часть овцепоголовья. Так, например, в Кураге 86,1% овцепоголовья была сосредоточена в 12 хозяйствах, а некий Шабукай Омар-оглы имел свше 1000 голов скота. В Фите 86,4% общего овцепоголовья было сконцентрировано в руках владельцев 8 дворов, а в селении Укуз 89,3% мелкого рогатого скота находилось в хозяйствах трех дворов. Из 50031 головы мелкого рогатого скота, которые были у агулов ко времени переписи 1886 года, 40064 или 80,1% овцепоголовья, было сконцентрировано в хозяйствах двух последних категорий домов.

Анализ материалов переписи позволяет обратить внимание на одну любопытную деталь: чем меньше аул, тем выше степень концентрации овцепоголовья в руках феодализирующей верхушки.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. Низовой территориальной организацией управления в Агуле, как и повсеместно, выступала сельская община – называемая арабским словом «джамаат», регулировавшая всю производственную и общественно-политическую жизнь общества.

Высшим органом управления агульскими сельскими обществами являлись сельские собрания (сходы), а иногда советы старейшин. В совет старейшин входили представители каждого тухума. Во главе старейшин находился старшина – кевха. По особо важным вопросам общественной жизни созывались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельской общины. На этих же сходах выбирались главы сельских общин – старосты, в основном из богатых и сильных фамилий. В промежутках между этими сходами текущие вопросы жизни общества разрешались этими старшинами. Они же выполняли функции судей по адату.

Вот как описывает процесс прохождения схода джамаата в одном из аулов известный кавказовед Н.Воронов: «Но вот состоялся джамаат. Все члены его держат себя весьма дисциплинированно; у места молчат, у места говорят и некоторые говорят весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают. Интерес каждого – предмет сходки, совещания, и если джамаат собрался в ауле подле строений, то крыши их переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которым нет места в среде самого джамаата - несовершеннолетними и женщинами. Это не стадо; это – строго-дисциплинированная толпа; импровизированным поведением его на сходке может остаться, доволен любой поклонник порядка [36/20].

Кевха следили за соблюдением решений, принятых на народном собрании. В их распоряжении община выделяла из своей среды несколько исполнителей, которые имели право применять различные санкции к нарушителям. Нередко

общины имели своих письмоводителей – дибир. Суд по шариату в крупных общинах возлагался на кадия.

Для внешних сношений общинное собрание или совет старшин уполномочивали группу авторитетных граждан села.

Количество старшин в каждом случае зависело от размеров села и количества тухумов. Так, например, в Дулдуге для решения повседневных дел и судебных разбирательств джамаат избирал семь старшин, должность которых впоследствии стала наследственной. Разбор тяжб происходил на специальной местности «КIувайихъ». Каждый старшина на этой местности имел свое сидение, сделанное из камня в виде «трона». Только центральное сидение отличалось большим размером. Это сидение предназначалось председательствующему старшине. Все старшины жили за счет рядовых членов общества. [4/39].

В ряде случае старшинам выделяли специальные пахотные и сенокосные участки за несение своих обязанностей. Такой порядок существовал в Арсуге, Худиге и Рича.

Как правило, крупные скотовладельцы сосредотачивали в своих руках и все общественные должности, что служило для них дополнительным источником обогащения. Так, например, в с. Квардал (21 двор) было 928 голов овец, из которых 700 голов принадлежало Махмуду Курбан-оглы. Он же исполнял обязанности старшины [10/416].

Ричинский старшина обладал большой властью, ему подчинялись старшины сел. Бедюк, Усуг, Квардал. Жители этих селений для разбора спорных вопросов обращались к старшине сел. Рича. Последний для решения их назначал специальный день.

Четкую характеристику общественного положения старшин дает в своих путевых заметках проф. Н.И. Кузнецов, который бывал в Агуле: «Старшины в этих аулах играют огромную

роль. Они являются, своего рода, князьками среди одноаульцев, пользуются огромным почетом и уважением своих односельчан и большой среди них властью. Я бы сказал, что население скорее подчиняется и исполняет приказания и повеления своих старшин, чем редко наезжающего в аулы и часто переселяемого местного начальства – наибов, начальников округов... Ему, по обычаю, сельчане отрабатывают в поле, пасут его скот, несут известную часть своего урожая. Он и его семья освобождается от всяких натуральных повинностей, дорожной, податей и т.д... Я уже сказал, что большинство старшин люди богатые, мне говорили, что некоторые из них имеют доходы от своей баранты до 3000 рублей в год и больше [28/134].

Старшины в своем распоряжении имели одного или двух помощников. Экономическое положение помощников не отличалось от положения самих старшин. Так, например, помощник старшины в селении Фите Гусейн-хан Мустафа-оглы был богатейшим человеком села [10/429].

Исполнителей (чауши) выбирали сроком на один год. Их количество зависело от размеров общества. Кроме чаушей в некоторых сельских обществах на летнее время выбирали и гизиров, в обязанности которых входила: охрана сенокосных и пахотных участков; контроль за рациональное пользованием пастбищами; недопущение потрав и прочих нарушений.

Однако необходимо отметить, что в Агуле народоправство существовало не вполной мере. Сельские старшины избирались из одних и тех же фамилий сильных тухумов, что повело впоследствии к наследованию этого звания. К примеру, в селении Худиг из тухума Мансурар старшины избирались 45 лет подряд. Хотя, старшины были подотчетными избравшим их сельским джамаатам, однако на практике эта подотчетность превращалась в фикцию. Фактически сельские старшины разбирали судебные дела и осуществляли управление независимо от джамаата, в интересах сильных тухумов.

Духовной главой обществ были кадии и муллы. Кадии находились только в больших селениях, где функционировали джума-мечети. Поэтому Рича, Тпиг, Буркихан, Хутхул, Арсуг выступали в качестве религиозных центров. Количество мулл находилось в прямой зависимости от числа мечетей в каждом селе. Так, например, в Рича было пять мечетей и, соответственно, здесь был один кадий и пять мулл. В Фите функционировали три мечети, и поэтому здесь было, столько же мулл. Столько же было в Кураге. Двое мулл работали в Хутхуле [10/346] и т.д.

Необходимо отметить, что духовенство в Агуле не являлось однородной массой. Как правило, кадий, и мулла в сельских обществах являлись самыми богатыми людьми. Но в то же время здесь встречались лица духовного сана, которые ничем не отличались от рядовых членов джамаата. Так, например, мулла одной из мечетей с. Хутхул имел всего 5 копанов земли и 5 голов крупного рогатого скота [4/42].

Союзы сельских обществ в Агуле были сформированы в основном по диалектному и соседскому принципу расселения. Иногда в рамках союза сельских обществ оказывались разноязычные общины. К примеру, в состав Ричинского магала входило селение Гельхен, в котором проживают лезгины. В этих обществах сохранялись формы и структура управления, существовавшие в сельских общинах.

Высшим органом союза сельских обществ номинально считалось собрание всего взрослого населения союза. Такие собрания время от времени действительно проходили в местностях, превратившихся в постоянные пункты таких сборов. Позднее общие собрания практически были заменены собраниями представителей джамаатов. Они собирались по мере необходимости на местах сбора или в самом большом селении союза. Так в Ричинском магале судопроизводство в селениях производили старшины всех семи селений сообща.

Для обсуждения менее важных дел старшины собирались в селении Рича, а важные дела решались на общемагальском сходе в ущелье Укудеш.

Взаимоотношения вольных обществ, друг с другом и с феодальными владениями происходили в формах, характерных для феодальной формации. Временное совпадение интересов могло привести к союзу между ними, иногда оформляемому соответствующей договоренностью.

Крестьянские выступления против ханов и беков. История средневекового Агула – это история непрекращавшейся борьбы крестьян против социального гнета, то усиливавшейся, то затухавшей, принимавшей самые различные формы (бегство, открытое выступление, отказ от уплаты податей и т.д.). Сохранившийся источник дает яркое представление о классовой борьбе, протекавшей в Агуле. По-видимому, с ней связана строительная надпись из с. Тпиг (надпись палеографически относится к XII-XIII вв.): «Вот восстали против нас все мусульмане. И было разрушено это селение, затем была построена эта крепость» [15/120]. Если вышеприведенное толкование, верно, то это единственное на Кавказе зафиксированное, на камне известие о выступлении крестьян против феодальной власти. Очевидно, местная знать была вынуждена построить крепость для защиты от подвластного населения.

Патриархально-общинные порядки, укоренившиеся в быту и социальных отношениях, как известно, затушевывали антагонистические противоречия между феодализирующей верхушкой агульских сел и основной массой крестьянства. Однако все обостряющиеся социальные противоречия разрывали скорлупу патриархально-общинных форм и выливались в открытую классовую борьбу, крестьяне от глухого протеста переходили к активным действиям.

Так, например, в 1553 году против казикумухского шамхала открыто выступили крестьяне селения Тпиг. И, что особенно важно, повстанцы добились освобождения от феодальной повинности в пользу шамхала [9/289].

После присоединения агулов к России классовая борьба резко обостряется, что явилось прямым следствием усиления феодальной эксплуатации и неприкрытого грабежа общинных земель со стороны местных беков и ставленников царизма типа Юсуф – хана, который, как было отмечено выше, захватил крупную пастбищную землю Сарфун-даг. Бедюкцы, обращались к начальнику по гражданской части на Кавказе с просьбой вернуть эту гору сельской общине. Ссылалась, что данная гора ,издавна, принадлежала им на правах собственности и что у ее подножия «в настоящее время находятся наши хутора около 30 домов, стоящие по 30 рублей, семь домов, стоящие по 300 рублей, две мельницы по сто рублей каждая, пашни, сенокосы, которые хан предлагает разрушить без всякой вины с нашей стороны» [29/134]. Однако суд постановил «Гору Сарфун-даг (1037 дес. 400 саж.) признать собственностью наследников Юсуф-хана, за исключением участка земли на этой горе в 4 дес. 960 саж. близ сел. Бедюк, каковой участок должен находиться, в течение трех летних месцев, в пользовании общества селения Бедюк, под посевом хлеба. По снятию же хлеба, право пастьбы на участок остается за наследниками Юсуф-хана» [24/25]. Отсюда видно, что царизм оказывал широкую поддержку местным феодалам с целью создания себе социальной опоры.

Аналогичная картина наблюдалась и в Буркихане, жители которого еще в 1864 году обратились с просьбой к генералу Лазареву облегчить их участь. Однако Лазарев сделал «маслаат между жителями селения Буркихан и их беками», разумеется, в пользу последних. Представители с. Буркихан, с упроством, заслуживающие глубокого уважения, обива-

ли пороги царских чиновников всех инстанций, добиваясь освобождения от непосильных феодальных повинностей. Но тщетно. Ходоки подвергались репрессиям, их сажали в тюрьмы, отправляли в ссылки – царизм зорко охранял интересы беков. В 1905-1907гг. под влиянием общего подъёма революционного движения в России крестьяне с. Буркихан неоднократно отказывались нести повинности бекам. Дело об отказе крестьян от исполнения повинностей разбирал окружной суд, который вынес решение в пользу беков. Но буркиханцы отказались выполнить это решение. Борьбу буркиханцев возглавил бедняк Паша Рамазанов, который вернулся в родное село после многолетнего пребывания на нефтяных промыслах Баку [8/,250].

В Агуле существовала и другая своеобразная форма протеста крестьян против гнета ханов и беков, которая выражалась в проявлении монархических иллюзий и наивной вере их в справедливость «хороших ханов». Так, жители селений Буршаг, Арсуг, Худиг, Кураг, Яркуг и Фите магала Къушан-дере в XVIII веке подпадали под власть южно-табасаранского Карамайсума. Как говорится в одном из архивных документов, жители этих селений «рассердились на майсума» и перешли сначала под влась Сурхай-хана, а затем Аслан-хана [34/95].

Старожилы селения Усуг рассказывают, что хан требовал от жителей внесения тяжелых податей и исполнения обременительных повинностей. Жители наотрез отказались подчиниться таким требованиям. Узнав об этом, хан послал в селение вооруженных нукеров, которые привели наиболее упорствовавших крестьян в ханскую резиденцию в Курахе, подвергли жестоким пыткам и в наказание отобрали 100 овец.

Другой пример. Когда хан проезжал через селение Усуг, мужчины, сидевшие на годекане, не встали и не ответили на приветствие хана. Разгневанный хан приказал своим нукерам

избить жителей. Началась схватка, в результате которой хан был избит и прогнан из селения [8/167].

Согласно устным преданиям в XVIII веке группа вооруженных ричинцев решила убить ханских приближенных. Возглавил эту группу крестьянин по имени Къази, который на дороге возле родника «ЧӀулу-хуман хьед» устроил засаду. Когда на дороге появились ханский визирь с нукерами, крестьяне выскочили из засады, убили визира и ранили многих нукеров. Остальные в панике бежали и. свалились в пропасть. До сих пор эта местность называется «хандин нукарар лархьу мукь», т. е. «местность, откуда свалились в пропасть ханские нукеры».

Народные предания рассказывают о том, что ханы решили захватить пастбищные земли жителей агульских селений ЦӀудлехуьр, Фурдик, Халаджар. Жители этих селений решили защищать свои права с оружием в руках. Между ними и ханскими нукерами произошло кровопролитное столкновение. С обеих сторон было много жертв. Хан разрушил эти селения до основания, а оставшихся в живых людей выслал на плоскость. Останки всех трех разрушенных селений под теми же названиями сохранились до наших дней, что придает преданию достоверный характер.

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Семейная община и патронимия. Основной единицей социального устройства, определяющей всю структуру общества, выступала семья, члены («хизанар») которой характеризовались одинаковым отношением к общему, одному и тому же дому (очагу). Семья в народном сознании это кровно связанные люди, живущие под одной крышей, в одном доме [1/24].

Главенствующая роль в семье отводилась мужчине, он считался самым почетным и уважаемым ее членом. Если в семье было несколько мужчин, тогда взаимоотношения между ними регулировались возрастом: все подчинялись взрослому. Мужчина считался хозяином в семье, все хизаны ему были послушны. Это подтверждается, между прочим, и суевериями, связанными, например, с толкованием снов: если кому-либо из членов приснится заход солнца, солнечное затмение, то это считалось к смерти самого уважаемого из мужчин или единственного из мужчин в семье. Рождение мальчика в семье уподобляли свету, соответственно увидеть во сне восход солнца означало знак к рождению мальчика (сына, брата, внука). Мужчины назывались «кIилар» – главы, старшие из них – «почетные главы». К женщине подобные названия не применялись. Более почетное отношение родителей к сыну, чем к дочери, мотивировалось тем что, что сын – это наследник, хранитель родного очага, в тоже время дочь это «камень, предназначенный для стены

чужого дома». В этой связи показательным был обычай обращения с варенной бараньей или овечьей головой: свежеванную голову только что забитого животного варили и подавали к обычному семейному или торжественному столу. Ее ставили перед самым уважаемым человеком семьи, каким мог быть старший из мужчин, если мужчин не оказалось, ребенок мужского пола. Он брал голову в руки, отщипывал кусочек мяса, сопровождая это ритуальными словами исламского происхождения («я начинаю именем Аллаха»), и дальше передавали по кругу, чтобы каждый поступил также. Обычай этот, несомненно, представляющий собой отголосок магического обряда, актуализировавшего желание уподобиться тому или иному животному по соответствующим качествам посредством употребления в пищу его мяса, впоследствии трансформировался по требованиям патриархальной семьи, к главе которой перешли и магические функции [1/25].

Власть мужчины в семье сдерживалась приоритетом, которым пользовались старшие вообще, и регулировалось это обычаем, отразившимся в агульской пословице: «Если (в семье) нет старшего, тогда спрашивай у старшего камня (советуйся со старым камнем)». Глава семьи должен был иметь хозяйственный опыт, уметь руководить, быть строгим, терпеливым, расчетливым и самое главное справедливым. Своим личным примером глава семьи способствовал хозяйственной активности остальных членов семьи.

Хотя женщина была лишена права участия в общественной жизни, взаимоотношения строились на основе патриархально – шариатской регламентации, агулки все же пользовались большим вниманием и уважением. Ее мнение в хозяйственно-бытовых вопросах было фактически решающим.

Горец в быту, в кругу семьи был внимателен и приветлив с женой. Все делалось в согласии и сообща. Согласно нормам поведения, мужчине вменялось в обязанность заботиться о женщинах и защищать их. Плохое обращение с женщиной и,

тем более, нанесение ей оскорблений или побоев считалось позором, за что взыскивался штраф.

Обычным тоном обращения мужа с женой, в особенности при посторонних было повелительно – снисходительное. Считалось уважительным, чтобы жена говорила с мужем в третьем лице, причем оба они не называли друг друга по имени, а при необходимости окликали друг друга междометиями. Но бывало и по другому. Суровость адата и в те далекие времена не исключали теплоты и гуманности отношений. Этнограф А.Омаров живший в доме своих кунаков в селении Буркихан в своих воспоминаниях писал: «Куначка моя была добрая женщина и обходилась со мною очень ласково. Муж ее, тоже был добрый, простой зажиточный человек, проведший более 15 лет со своею верною супругой в согласии, был хорошо к ней расположен и даже иногда позволял себе выражать ей свое довольство ею вопреки общему характеру горцев. Он говаривал: «Не будь у меня Ханум (так звалась моя кунячка), дом мой разрушился бы». [5/59]

Злонамеренное приставание к чужой женщине рацениваλось как оскорбление, в какой бы форме оно не выражалось. В некоторых случаях инцидент мог закончиться убийством виновного. Информаторы рассказывают, что в с. Мисси мужчина из тухума Калашар приставал к девушке из тухума Казар и по селу пошла молва, что он ходит к ней по ночам. Однажды при людях мужчина небрежно коснулся ее одежды, а ночью она заколола его кинжалом. Ее не наказали, она продолжала жить в ауле и в последствии вышла замуж.

Семьи чаще всего были многодетными. По мере взросления молодых людей женили, девушек выдавали замуж в строгой очередности по возрасту: младшим нельзя было жениться или выходить замуж, если не женат старший брат или не замужем старшая сестра. Постепенно семья делилась, отпочковывая от себя молодые семьи, по отношению, к которым отцовский дом (семья родителей) оставался старшей семьей.

Кровно связанные люди, но не объединенные единым, общим очагом, уже не составляли семью, они образовывали патронимию (тухум) [1/26].

В кавказоведении патронимию агулов, как и других народов Дагестана, обычно называют «тухумом». Но это не совсем точно, так как для патронимии различных порядков, или иерархических уровней используются неодинаковые термины, что указывает, с одной стороны, на распространенность патронимических организаций, а с другой – на ее сложность, так как некоторые из относящихся к ней терминов несут свою особую смысловую нагрузку.

Однако большинство существующих терминов подчеркивает единство этой организации – «от одного корня», «от одного предка», «от одного семени». Соответственно наиболее употребительными терминами для обозначения тех или иных патронимических организаций у агулов являются «тухум» (иранск. «семья») и сихил (приблизительное значение – «родственники», «колено») [2/21]. В некоторых селах используется также термины «жинс», «эвлед», «несил».

Патронимия агулов имела в своей структуре четыре круга (уровня, порядка). Именовались они (начиная с самого узкого кончая самым широким кругом), чаще всего следующим образом: Тахлук мирасар («подопечные родственники»), Мукъу мирасар («близкие родственники»), Тухум, мирасар («родственники»), Сихил, варха мирисар, иликˇанар («дальние родственники») [2/23].

Патронимия, возникла в результате сегментации семейной общины, еще до начала XX века включала в себе, наряду с малыми семьями, большие семьи. Сохранение таких семей чаще всего объяснялось преобладанием полунатурального хозяйства, соединенного с домашними промыслами. Были и другие причины: нехватка общинной земли, в силу чего община препятствовала разделам, больших семей, низкое материальное состояние семьи, интересы налогообложения и др.

Например, «в агульском селении Тпиг к концу XIX века сохранялась только одна большая семья. Так из 23 семей тухума Газгаз лишь одна семья, главой которой был Газгаз, оставалась неразделенной, и насчитывала 25 человек. Их дом состоял из трех этажей (6-7 комнат). В доме, кроме Газгаза с женой, жило еще четверо сыновей с женами и детьми. В хозяйстве этой семьи имелись 2 лошади, 30 коров и 250 овец, которые после распада семейной общины были поровну разделены между братьями» [2/25].

В XIX веке у агулов, в пределах соседских общин и селений преобладающим уже было общинно – квартальное расселение, однако здесь в пережиточной форме еще сохранились патрономические кварталы. Такие кварталы («махалла») либо прямо носили название патронимии, либо выделялось как – нибудь иначе, чаще всего по месту расположения – верхняя улица, нижняя улица. У агулов наиболее четко было выражено общинно – квартальное расселение. Речь идет, главным образом, о патрономиях низшего – первого, реже второго уровня, родственные связи, между которыми, в пределах сельских кварталов к XIX веку уже ослабли, отсюда и отсутствие в агульских селениях генеалогических названий кварталов.

Так, селение Тпиг состояло из шести кварталов, которые населяли 56 патрономий. В квартале Раттик («у гумна») стояли дома патронимий Бехаяр, Элаяр, Газгазар, Чинаяр, Цирхер, Мирзабур, Джамалар, Даудар, Асибур. Квартал ХIяракахъ («большой двор») населяли патронимии Гаджибур, Шамаяр, ТалхIатар, Бакъубур, Гасанар, Чинар, Бихаяр. В квартале ХIягим («большая площадь») жили патронимии Каар, Кецаяр, Кьулачар, Маликар, Бечедай, Зубайли, Султанумар. Квартал КягIла («крепость») принадлежал патронимиям Духаяр, Тахаяр, Багалар, Къабанар, Каритар, Навояр, Бидаяр, Заркиблибур, Усухар, Мангар, БехIякар. Дома патронимии Дасаяр, Лагманар, Бархачар, Кисаяр, Башибур, Нюрюбур, Махъадар,

Ададар, Тамакай, Джабарар, Кулаяр, Месъудар, Бюхюбур, Хусунаяр, Бицибагалар, Камаяр и Мирванар составляли квартал Буцурикъ («у стены»). И, наконец, шестой квартал – Рухакь («у речки») занимали семьи патронимий Хаалибур, БицигIамаяр, Магдибур, Гузурар, Гъатар, Кубутар, Какамаяр, Булулар, Уштаяр.

Редким исключением было агульское селение Буркихан, кварталы которого носили генеалогические названия. Преобладающим же в агульских селениях к середине XIX века был территориальный принцип расселения и соответственно территориальное название сельских кварталов. Однако несомненно, что в ранний период для поселений был характерен родственный принцип расселения и соответственно наименование сельских кварталов[2/36].

Можно согласиться с выводом современных этнографов, сделанных ими в отношении, агулов, что «Агульские поселения, в основном, сложились как территориально-тухумные, сочетающие в себе как элементы сельской общины, основанной на соседских территориальных отношениях, так и тухумной организации, основанной на кровнородственных связях. Поквартальное расположение тухумов в агульских селениях, наблюдаемое повсеместно, и характерное для начального этапа образования укрупненных поселений, пережитки тухумной организации, основанные на общественном, идеологическом и, частично, на хозяйственном единстве, сосуществовали с принципом территориального поселения. Они обнаружили большую живучесть, просуществовав почти до середины XIX века, несмотря на существенные изменения в социально – экономической и общественной жизни сельской общины» [3/82].

Новопоселившиесяпатронимическиегруппыневсегдаимели те права, которыми пользовались коренные патронимии. Например, в селении Буркихан пришлым патронимиям запрещалось строить дома на территории села. Поэтому три

брата из патронимии Хазиур вырубили свой дом в скале на краю села [1/47].

Говоря о социальной жизни тухума, нельзя не отметить, что на него в какой-то мере, проецировалась организация управления в малых и больших семьях, входивших в состав патронимия. Нередко главой патронимии становился мужчина, занимающий в селении заметное общественное положение. Организация управления семьей и патронимией во многом различались в том, что глава семьи в отличие от глав патронимий всех уровней пользовался, в своей семье почти неограниченной властью и его указания были законом для всех членов семьи. Как социальная ячейка – семья была авторитарнее любой патронимии, патронимия – демократичней семьи.

В социальной жизни взаимопомощь внутри патронимии выражалась, прежде всего, в обязанности его членов оказывать друг другу всяческую материальную и моральную помощь, а также защищать друг друга от каких – либо посягательств на жизнь, честь и достоинство. Тухумное единство и солидарность особо проявлялось при, разного рода, неординарных ситуациях, при организации свадьбы, на похоронах и т.д. Однако, с течением времени непосредственная материальная помощь все больше замещалась участием в хозяйственной деятельности родственника.

Таким образом, в XIX – начало XX вв., несмотря на сравнительно развитые феодальные отношения, у агулов сохранились в пережиточной форме большие семьи и патронимии. Существование их базировалось не на хозяйственной общности, а на сохранившихся узах родства. Хозяйственной основной единицей агулов была малая индивидуальная семья.

Свадебные ритуалы. Вопрос о создании новой семьи не считался у наших предков частным делом молодой пары. Поэтому о будущей судьбе своих детей родители начинали думать, когда те ещё лежали в колыбелях. Браки в Агуле были в

основном эндогамными. Заключались они между родственниками. Практиковались кузенные браки, главным образом, женитьба на дочери брата матери и дочери брата отца. Была распространена и такая форма брака, как левират (женитьба на вдове брата) и сорорат (женитьба на сестре умершей жены). Родственные браки у агулов объяснялись естественно-географической и экономической обособленностью сел. Многие селения, а в селах тухумы были оторваны друг от друга и жили своей внутренней жизнью. Существовали некоторые брачные ограничения. Так, например, запрещались браки между молочными братьями и сестрами. Соблюдался очередность браков старших и младших братьев и сестер.

Был распространен и такой обычай как сговор малолетних детей. К этому прибегали в том случае, если мальчик и девочка родились в одну ночь и их родители были хорошими друзьями, желавшими породниться между собой. Встречался и обычай похищения невесты. Прибегали к нему в тех случаях, когда родители девушки по какой-либо причине не соглашались выдать ее за нежелательного для них претендента, часто из-за социального неравенства. Хищение совершалось и с согласия, и без согласия девушки. Если хищение совершалось против воли девушки, то ее родственники преследовали похитителей, и на этой почве часто вспыхивала кровная месть. Похищенную девушку увозили в другой аул. Если хищение совершалось с согласия девушки, то со временем семьи примирялись, похититель тем самым избавлялся от непосильных расходов, связанных со сватовством и свадьбой [4/107]. Адат предусматривал и такое положение, когда девушку не выдавали по причине разного социального положения родов, то мужчина, сватая девушку из другого рода, обещал выдать за кого-нибудь из членов породненного семейства свою сестру.

Заключали браки и путем подставного жениха. К такой форме прибегали в том случае, если жених обладал физическими недостатками, а в селе за такого никто не выдавал

девушек. Тогда родственники жениха подыскивали невесту из других сел. Однако и здесь встречались свои трудности. Прежде чем засватать невесту, надо было представить жениха родителям девушки. И поэтому, сторона жениха, боясь неудачи, вместо него посылала подставное лицо. Но обычно такие браки имели плохие последствия.

В большинстве агульских селениях свадьба обходилась без взимания выкупа, и ограничивалась приобретением для невесты комплекта свадебной одежды и внесением незначительной суммы, предусмотренной шариатом. Обычно приданое невесты превосходило сумму, вносимую женихом. Нередко родители невесты давали своей дочери в качестве приданого скот, участок земли.

У агулов брачный возраст для юношей считался 16 лет, для девушки 14-15 лет. Нередки были случаи, когда выдавали замуж 12-13 летних девочек. Как гласят агульские народные поговорки: «если девочка может поднять «са» (мера сыпучих тел – 3,4 кг.), то ее можно выдать замуж», или «если девушка не упадет от удара папахи, то ее можно выдать замуж».

Главное, при заключении брака тонко переплетались чувства и трезвый расчет, взаимоуважение и интересы многочисленных родственников. Принималось во внимание и более «весомые» категории – породниться с уважаемой, влиятельной семьёй с хорошими традициями. Принимался во внимание и достаток будущих родственников, чтобы будущая семья сына или дочери не ощущала материальных затруднений. Но если дело складывалось так, что надо было делать выбор между богатством, престижем, репутацией, то всё – таки предпочтение отдавалось семье, не столь уж богатой, но более уважаемой. Важнейшим условием создания семьи являлась все же хозяйственная целесообразность. Семья старалась «заполучить», прежде всего, работницу в дом. Мир агулов строго защищал высоконравственные отношения между юношами и девушками, воспитывал чистоту их отношений, уважение

к другому человеку. Агульская семья, «старики – совесть общества», традиции воспитывали более чем нравоучения и нотации.

Существовали определенные возможности для встреч молодежи, где они могли дать понять, что симпатизируют друг другу. Но встречались, как правило, при людях. Чаще это были встречи на свадьбах, на народных праздниках. Если девушка и юноша принадлежали одному тухуму, они могли встретиться чаще, беседовать. Обычно за ними не было строгого наблюдения или осуждения. Даже в этом случае была совершенно исключена любая вольность в обращении между ними. В то же время, как только начинались переговоры об их сватовстве, эти встречи прекращались немедленно. Ухаживания имели исключительно сдержанный характер.

У агулов инициатива в сватовстве проявлялась не столько самим юношей, сколько его родителями и близкими родственниками. Юноша о своем желании жениться передавал родителям через своего близкого товарища. Затем родственники собирались на совет, где обсуждали достоинства и недостатки предполагаемой семьи невесты. Решающее слово принадлежало уважаемым по возрасту сородичам. Бывало и так, что совет отказывался от выбора, чему родители жениха подчинялись. После семейного совета родители жениха официально поручали самому близкому родственнику добиться согласия родителей невесты.

Свадебные обряды сопровождались целым рядом магических действий, направленных на обеспечение счастливой семейной жизни молодоженов, ограждения жениха и невесты от влияния злых сил, рождение здорового потомства. Все элементы свадебного цикла реализуются в различных селениях, в разных вариантах.

Традиционный свадебный цикл агульцев, так же, как и других дагестанских народов, состоял из трех последовательных этапов: предсвадебного, свадебного, послесвадебного,

каждый из которых имел определенные обряды, сопровождаемые множеством древних обычаев и ритуалов. Прежде всего, для начала сватовства выбирали «счастливый» день. По представлениям народа, не все дни недели являлись «благоприятными» для начала сватовства. Причем они могли быть в разных селениях разными. Но в большинстве сел наиболее благоприятными днями считались четверг, воскресенье, понедельник.

После принятия на совете предложения, родители жениха приглашали к себе близких родственников, которые приходили с подарками, и наиболее уважаемые из них отправлялись в дом невесты для окончательного сговора. Подарок невесте состоял из кольца (серебряного или золотого) шелкового платка, платьев, носков, обуви и сладостей. Для успешного завершения сватовства сторона жениха заранее предпринимала меры предосторожности. На сватовство в большинстве сел шли с наступлением сумерек. В данном случае сваты боялись не только посторонних лиц (чтобы предварительный сговор не получил огласки; чтобы в случае получения отказа со стороны родителей девушки, родители юноши, да и сам юноша, не оказались перед сельчанами в неловком положении), но и «нечистой силы», «дурного глаза», «плохой ноги». В доме невесты их встречали близкие родственники и проводили в гостевую комнату, где должно было состоять обручение. Сторона невесты накрывала стол и угощала гостей, после чего женщины уходили, а мужчины оставались. Самый старший из сватов договаривался с отцом невесты о количестве приданного, о дне свадьбы и т. д. Однако, до получения согласия о выдаче невесты никто из сватов к еде не дотрагивался. При этой церемонии родители жениха и невесты мало интересовались мнением молодоженов, решающее слово здесь принадлежало отцам жениха и невесты.

Период между обручением и свадьбой у некоторых семей затягивался от одного до трех лет. К свадьбе готовились обе

стороны. Невеста и ее родня в это время завершали вязание шерстяных носков, тканье ковров, хурджинов. От обручения до свадьбы родители жениха во время наступивших праздников посылали в дом невесты различные подарки, сладости, национальные блюда. После обручения жених и невеста скрывались от всей новой родни, не показывались на глаза друг другу. Невеста, встретив жениха, убегала или сворачивала в сторону. Вступать с женихом до свадьбы в интимные отношения, родить до замужества, в Агуле считалось большим позором.

Хотя невеста была уже засватана, но в селе не оглашали о сватовстве, и знали об этом только родственники жениха и невесты. Узнавали об этом после церемонии – «шабашар», которая проходила на первой же свадьбе родственников жениха, где его отец приглашал невесту на танец. Мать жениха и все близкие родственники по отцу накидывали на плечи и голову невесты шали, отрезы, платки. Этим самым, они давали знать односельчанам, что она их невеста. Этот обычай практиковался и до официального сватовства девушки, но при этом, если девушка не имела желание связать свою судьбу с тем, с кем ее нарекают, то могла не принять эти подарки, что было равнозначно отказу. А если она была непротив, то оставляла подарки себе. Через определенное время родители невесты приглашали в свой дом жениха. После этого приглашения жених имел право посетить дом своей избранницы. Но посетить невесту без присмотра отца или ее брата он не имел права.

Мусульманский обряд регистрации брака – «никагь» у агулов совершался за несколько дней до свадьбы или в день ее проведения. Проводят его обычно без огласки по причине боязни «дурного глаза» и козней недоброжелателей. Последние, по общепринятому мнению, могут наслать порчу на жениха, из-за чего тот не сможет исполнить свои супружеские обязанности в первую брачную ночь. Для этого якобы достаточно

завязать узелок на волосе или шерстяной нитке или же воткнуть иголку в одежду жениха во время совершения «никагь». Чтобы этого не случилось, соблюдали меры предосторожности, которые можно отнести к предохранительной магии. Во время обряда двери окна раскрывались, замки отпирались, пуговицы расстегивались. Присутствующим не разрешалось скрещивать пальцы рук и ног, их надо было вытянуть вперед. Снаружи и на крыше дома выставлялись доверенные люди для предотвращения нежелательных действий со стороны недоброжелателей. А если случалось так, что в первую брачную ночь, по каким-то причинам, жених не смог вступить с невестой в интимные отношения, то считали, что жениха сглазили. В таком случае за помощью обращались к мулле. Жена муллы выпекала маленький чурек и варила одно яйцо, которые делила на две равные части и угощала ими супружескую пару. При этом мулла произносил специальную формулу и читал короткую суру из Корана, и обязательно обновляли никагь.

До начала регистрации брака, мулла посылает к невесте двух человек, которым поручается спросить её, согласна – ли она добровольно выйти замуж за такого-то (называют имя жениха), и доверяет ли она своему доверенному лицу («векил») совершить обряд бракосочетания. Невеста по обычаю молчала, и вместо неё утвердительно отвечал её дядя или отец. Эти люди (они – же присутствуют свидетелями при «никагь»), получив согласие невесты, передают таковое мулле, который тогда начинает обряд.

Векилов – одиного со стороны жениха, другого со стороны невесты усаживали рядом, держа друг друга за кисти правых рук, причем большие пальцы рук держали так, чтобы кончик пальца векила жениха должен был находиться наверху. Смысл этого обряда заключался в том, что в доме верховенствовать должен супруг. Между векилами ставили посуду с водой, положив сверху, на края посуды соломинку с той целью, чтобы оберечь брак от влияния «злых духов». Затем, соединив, та-

ким образом, руки векилов, мулла кладет свой указательный палец на большие пальцы рук, заключающих брачный союз и, обращаясь к векилу невесты, произносит формулу: «...с помощью и с соизволения Аллаха и по пути указанному пророком Мухаммедом, за столько-то денег (называет условную сумму), отдаешь-ли ты свою дочь этому человеку?». По окончанию этой формулы, тот, к кому обращается с нею, повторяет слова муллы с ответом: «отдаю». То же самое повторяет мулла, обращаясь к жениху с вопросом: «берёшь – ли?». Жених, произнося в свою очередь эти слова, отвечает: «беру». Эти слова троекратно повторяются муллой и векилами. По окончанию обряда мулла читает молитву, благословляющую новобрачных и произносит: «фатиха» т.е. читает первую суру Корана.

Обряд регистрации брака, как и другие обряды брачной церемонии в разных аулах имели специфические, локальные особенности.

Накануне свадьбы родители жениха собирали почти всех взрослых мужчин тухума, совещались с ними и распределяли между ними обязанности: кто будет созывать гостей из своего и соседних селений, готовить угощения, раздавать еду, заниматься музыкантами, быть тамадой, наблюдать за порядком и весельем на свадьбе, кто поедет за невестой и т.д.

Свадьба длилась в течение трех суток. Все это время она сопровождалась музыкой. Обычно это было трио: два зурнача и барабанщик, а узкий круг почетных гостей развлекали ашуги – местные певцы. На торжества приходили гости, женщины аула приносили по миске муки, сладости, а приезжие гости приводили барана. В маленьких селениях на свадьбу приглашали весь аул. В теплое время свадьбу проводили во дворе, а столы для торжества накрывали внутри помещений. Мужчины и женщины располагались на свадьбе отдельно. Гостей-мужчин обслуживали мужчины, гостей-женщин – женщины. Во время танцев на одной стороне стояли мужчины, на

другой женщины. В танцах активно участвовали все гости. Танцами руководил «чауш» – специально выделенное лицо. На некоторых танцах женщине близкие знакомые и родные давали в руки деньги – «шабаш». По этикету мужчина не мог закончить танец раньше своей партнерши, ибо это считалось оскорблением.

Свадьба проходила в основном в доме жениха. На свадьбе в доме невесты присутствовали лишь ее подружки и родственники.

На второй день свадьбы, в полдень, в доме жениха приступали к снаряжению свадебной свиты. В состав ее входили самые близкие люди. Свиту встречали родные невесты и угощали. Во дворе дома устраивались танцы. В это время в доме невесты проходил обряд прощания. Родные и близкие клали руки на правое плечо невесты, что означало их разрешение выйти замуж и пожелание ей счастья. Подруги невесты требовали от представителей жениха определенный выкуп за облачение невесты в свадебный наряд, и пока не получили требуемый подарок, невесту задерживали. После удовлетворения требования, невесту одевали в свадебный наряд, а затем окутывали ее лицо и голову шелковым красным платком. Во время одевания свадебного наряда невеста горько плакала, а подружки её и присутствующие при этом девушки пели народные свадебно-прощальные песни с пожеланиями доброго и счастливого пути, любви и счастья. Окутывание лица невесты, вероятнее всего, один из элементов предохранительной магии агулов. Таким образом, невесту оберегали от «гибельных» влияний сглаза, порчи, злых духов и т.п. Одновременно этот платок скрывал невесту от нескромных взоров присутствующих на свадьбе, а его красный цвет был символом домашнего очага и невинности девушки.

В некоторых аулах на пути невесты и на площади, где веселились и танцевали, жгли костры. Видимо, все это связано с культом огня, некогда существовавшим у агулов. В селении

Хутхул, например, еще до недавнего времени невесту провожали в дом жениха с зажженными факелами.

Обязательными интересными персонажами, оживляющими агульскую свадьбу были ряженые («маргутар» – с. Рича, «гIабкIунар» – с. Тпиг, «къяп-къяп» – с. Буршаг). Одетые в маски из войлока с пришитыми к ней рожками из того же материала, в шубах, надетых наизнанку, с перекинутыми через плечо сумками с мукой и длинными палками в руках они неожиданно появлялись на молодежный сбор танцев и развлечений (къатир») в первый вечер свадьбы.

Задача ряженых заключалась в том, чтобы смешить публику путем различных клоунад, обсыпания присутствующих мукой, шуточными репликами и пением измененными голосами при этом, желая оставаться неузнаваемыми.

Перед свадьбой жених со своими друзьями шел купаться на речку, после чего его одевали в свадебную одежду, и он уходил в дом самого близкого родственника. Он же, в большинстве случаев, являлся шафером жениха. Позже одним из шаферов непременно бывал из числа родственников, вторым же шафером мог стать друг жениха.

Выводили невесту из дома брат или дядя. Ее сопровождали наставница и подруги. Впереди невесты несли зеркало и зажженную лампу как обереги от злых духов и символы светлой жизни. Вслед за невестой выплескивали чистую воду, подразумевая «чтоб такой же чистой была и жизнь на новом месте», рассыпали рис-символ изобилия, достатка. Отъехав от дома невесты, свита жениха с шумом демонстрировали ее родным какую-нибудь вещь, украденную у них. Обычно это была ложка, которая символизировала переход богатства и благополучия в дом жениха.

Во время шествия свадебной свиты молодежь квартала, откуда происходила невеста, загораживала дорогу и требовала выкуп. Родственники жениха вынуждены были удовлетворить их требование.

При приближении к дому жениха к свадебной процессии выносили лампу, поднос с яствами. Встречая молодую у порога, мать жениха давала ей попробовать мед с пожеланием сладкой жизни. Невесту осыпали зерном, орехами, мукой, монетами, благословляли ее и произносили свои пожелания: «Да будешь ты матерью семи сыновей и одной дочери красавицы», «Дай Аллах, вам здоровья и долгой жизни» и т. д. Как будущую хозяйку дома невесту сначала вводили в очажную комнату, где она становилась в правый угол. На этот счет имелась поговорка: «Новая невеста должна в углу стоять, новое сито – на стене висеть». После церемоний невесту вводили в специально отведенную для нее комнату. Мужчины сюда не могли входить. Невеста находилась в окружении женщин и девушек, которые развлекали ее песнями и танцами. Сама невеста не должна была петь и разговаривать. Затем к невесте приводили маленького мальчика и сажали на ее колени, что также означало пожелание иметь сыновей.

К полуночи от невесты уходили женщины и подруги, с ней оставалась ее наставница, которая руководила всеми поступками, вплоть до передачи ее мужу. В полночь, после свадебного пира, жених в сопровождении своих шаферов направлялся к невесте. Он входил в комнату, а друзья оставались за дверями. Невеста ожидала прихода жениха, стоя в углу комнаты. Он приближался к своей будущей жене, снимал с нее платок, и начиналась брачная ночь. Иногда молодежь, желая помешать молодожёнам, поднимала шум, стучала в окна, залезала на крышу, лила в дымоход воду, чему старались воспрепятствовать шаферы жениха. Жених вынужден был откупиться, и одаривал их едой, которую невеста доставала из специального сундука. В первую брачную ночь невеста старалась, чтобы ее одежда лежала сверху. Считалось, что тогда она в доме будет держать верх. Спустя некоторое время, жених выносил платок девственности невесты и передавал его своим шаферам. В некоторых селах в знак брачной удачи стреляли, в других

– жених стрелял в окно с целью оповещения публики о своем разочаровании родными новобрачной за их небдительный надзор за дочерью, в – третьих – платок девственницы показывали на свадьбе. В основном, платок девственности шаферы передавали наставнице невесты, которая, убедившись в ее целомудренности, отправлялась сообщить об этом ее родителям и близким. Родители ее встречали торжественно и одаривали подарками. Если невеста оказалась нецеломудренной, что было очень редко, то брак расторгался. В этом случае, ее одевали в самую худшую одежду и с позором отправляли назад к родителям с наставницей.

После первой брачной ночи невеста должна была предстать в новом наряде, как бы свидетельствующем, что с этого дня она переходит в разряд замужних женщин. Сразу же после ухода жениха от невесты к ней приходила наставница и приносила для нее новый наряд. Уже в новом наряде невеста принимала поздравления всех женщин села, которые приходили к ней наутро после брачной ночи. Женщины одаривали невесту деньгами, в свою очередь, получая от нее свадебные подарки.

На третий день свадьбы устраивался танец невесты. Все присутствующие мужчины-родственники стремились поочередно станцевать с невестой и сделать символический «шабаш». Р.Магомедов предполагает, что танец этот – отголосок языческого ритуала её породнения с новым родственным кругом, который её принял. [15/367]

Спустя несколько дней, нарядно одетая невеста, в сопровождении родственниц мужа, отправлялась к общественному роднику. По пути раздавались заранее приготовленные подарки и обязательно сладости. Можно предположить, что в далеком прошлом подарки, раздаваемые невестой, должны были умилостивить духов и тем самым обеспечить благополучие дома. Оказавшийся поблизости у родника мужчина брал у невесты кувшин с водой, проливал из него немно-

го воды и помогал невесте надеть кувшин на плечо, за что он одаривался подносом с яствами. Женщины и девушки, находившиеся у родника, произносили пожелания невесте « иметь семь сыновей и семь дочерей», «чтоб она была чистой как вода». Всех присутствующих у родника молодая невеста угощала сладостями. С этого момента она могла приходить к роднику одна и отныне являлась полноправным членом семьи и общества. Именно после этого обряда она имела право обращаться к родителям мужа, называя их «отцом» и «матерью».

Через определенное время, родители девушки приглашали молодоженов в гости и угощали их. В обратный путь родственники провожали их с многочисленными подарками. С этого дня зять и дочь могли свободно посещать родных.

Новобрачная в доме мужа должна была во всем слушать его родителей. Она не имела право говорить с посторонними мужчинами, не должна быть подозреваема в любовных с ними связях. Внебрачные, любовные связи жестоко карались. Так, 12 декабря 1869 года, житель селения Арсуг Рамазан Аликай-оглы, подозревая жену свою Кифи Раджаб-кизы, в любовной связи с односельцем Рамазаном Аджаб-Палай-оглы, убил её, при участии родственника её, Джабраила Саид-оглы.[16/ 19]

При бракосочетании вдовы свадьбу не справляли. Организовывался ужин, где присутствовало небольшое количество приглашенных родственников. Брак с вдовой также регистрировали по мусульманскому адату. После брака родственники будущего мужа забирали вдову из ее дома тайно, чтобы никто не знал, и не видел, по какой дороге ее поведут. А если замечали, то встречные кидали в нее старой обувью и кизяками, считая такой брак позором, так как, по тем представлениям, вдова должна была оставаться в доме умершего мужа и быть верной этому роду до конца своей жизни.

Развод. Развод в агульских семьях происходил преимущественно по желанию мужа. Если развод происходил по

инициативе мужа, то жена забирала с собой приданное. По мусульманскому праву – шариату достаточно было мужу при трех свидетелях произнести фразу: «Даю тебе развод», или «Ты мне больше не жена», и брак безвозвратно расторгался. Дети при разводе оставались у отца. Если они были взрослыми, то их формально спрашивали, хотят ли они уйти с матерью. Развод, как и брак, оформлял по шариату мулла. Если муж хотел вернуть жену, то это допускалось, только после того, как жена выходила замуж за другого, хотя бы на один – два дня. В таком случае муж старался подыскать подходящего человека, который согласился бы заключить фиктивный брак с бывшей женой, а потом отпустить ее к первому мужу. Но бывали случаи, когда фиктивные браки становились действительными. Право требовать развод принадлежало жене только в особых случаях: при невыполнении мужем обязанности супруга или кормильца семьи. Однако такие разводы не одобрялись и не были распространены. Никагь распадался и в случае, если муж совершал ложную присягу именем жены.

Многоженство также не имело широкого распространения среди агулов. Двоеженство, в основном, практиковалось в семьях зажиточной верхушки. Отношение к горской женщине в прошлом определялось деторождением. Бесплодие для женщины считалось большим несчастьем.

Рождение ребенка. Большим событием в семье считалось рождение ребенка, тем более первенца. Агулам, как и многим другим народам, известен целый ряд обычаев, обрядов и поверий, относящихся к дородовому периоду, рождению ребенка и послеродовому периоду. Существовали у них и приемы, к которым прибегали при бесплодии женщины для стимулирования деторождения и излечения от недуга, а также для ограждения матери и ребенка от «сглаза» и «злых духов», разного рода болезней.

Наступление беременности молодая женщина старалась

скрыть от окружающих и, в особенности от старших мужчин в доме. Все желания беременной должны были исполняться. В противном случае ребенок якобы мог родиться слабым, а на его теле могли быть родимые пятна. Ей нельзя было присутствовать при родах другой женщины – «самой будет трудно рожать». Она не должна была поздно ночью подходить к реке, выходить на улицу. Если она все же должна была выйти, то при ней в качестве оберега должен был быть кусочек хлеба или же на ее голову насыпали немного муки. Беременной не разрешалось смотреть, как режут скот – «ребенок будет храпеть как животное, которое режут». Нельзя было смотреть на людей с каким-либо физическим или умственным недостатком, смеяться над ними, жалеть или ненавидеть их – «ребенок мог уродиться похожим на них». Возбранялось, есть мясо зайца – «губа у ребенка раздвоится как у зайца». Незадолго перед родами она не должна была что-либо шить, вязать – «ребенок может запутаться в кишках матери». К одежде беременной прошивали талисманы – обереги.

Роды происходили в доме мужа, в самой примитивной обстановке. По обычаю, при родах жены муж уходил из дома. Принимала роды бабка-повитуха, две-три родственницы и соседки. При родах не разрешалось присутствовать женщине, которая пользовалась репутацией «глазливой». Перед родами у дверей комнаты, где они должны были проходить, ставили топор, сошник, хозяйственный нож, ножницы, кинжал, считая, что все эти железные предметы, отпугнут нечистую силу. Чтобы роды были нетрудными на роженицу накидывали платок женщины, которой не испытывала трудности при родах, распускали волосы роженице, расстегивали все пуговицы на ее одежде, в доме развязывались все узлы, отпирали замки и открывали крышки сундуков. Всем близким родственникам не разрешалось сидеть со скрещенными ногами и руками «это затруднит роды». В комнате, где находилась роженица, закрывали дымоход, над ней рвали на куски отрез

новой ткани, приготовленные для новорожденного пеленки, разбрасывали по комнате.

Повитуха, перерезав пуповину, смазывала ранку маслом и перевязывала ниткой. Пуповину заворачивали в платочек и привязывали к люльке – «чтоб ребенок спал крепко». Послед закапывали в землю, так как считали, что если недоброжелатель завладеет последом и забьет в него гвоздь – детей больше не будет.

Новорожденного мыли, пеленали и только после этого клали к матери. После родов роженицу кормили специальной ритуальной похлебкой, а также халвой. Все родственницы и соседки приходили навещать роженицу и ребенка. Они приносили с собой угощение и подарки. При рождении мальчика – родственники и сельчане торопились обрадовать отца ребенка радостной вестью. В честь новорожденного сына – первенца родители раздавали наиболее уважаемым родственницам подарки, а через три дня готовили национальные блюда и угощали гостей. Сын был предпочтительнее дочери, так как он считался продолжателем рода, фамилии, хотя и дочь в агульской семье также не была безразлична. Но если, за первенцем-девочкой одна за другой появлялись на свет её сестры, то довольно часто их наделяли выразительными именами: Бесханум, Къызтаман (девочек хватит), Углангерек (мальчик нужен).

Первые несколько дней ребенок лежал в постели у матери. Через 5-6 дней после рождения ребенка укладывали в колыбель («кьяб»). К этому дню, если это был первенец, мать роженицы приносила люльку со всеми необходимыми принадлежностями. Укладывать ребенка в колыбель поручалось старшей женщине в семье по мужской линии. Каждая приходящая на ритуал родственница приносила подарки. Перед укладыванием в колыбель, ребенка трижды обводили над люлькой и произносили специальную формулу.

Через 40 дней производили первую стрижку головы младенца. Делал это один из пожилых родственников. Стриже-

ные волосы заворачивали в тряпку и подкладывали под матрац колыбели, желая ребенку, сон и покой. Обрезание ногтей младенца также проводили через 40 дней и обязательно в дневное время. В большинстве случаев это делала мать.

К люльке подвешивали амулеты «от дурного глаза», под подушку клали нож, ножницы и т. д. Колыбель нельзя было качать, если в ней нет младенца – «голова у него будет болеть». Нельзя было ставить люльку на голый пол – «заболеет», следовало предварительно его застелить. Через люльку малыша не передавали – «расти не будет», следовало перейти и передать. Не оставляли колыбель не покрытой – «черти могут забраться», следовало прикрыть наполовину, а не то – «сон уйдет».

Немаловажные значения придавали наречению ребенка именем. Нарекали обычно арабскими, персидскими и тюркскими именами, традиционных агульских имен почти не сохранилось. Обычно имя давал пожилой, уважаемый родственник в честь какого-нибудь близкого умершего сородича. Бывали случаи, что если в день имянаречения в доме находился кунак, в знак уважения к нему ребенку давали его имя. Если он часто и подолгу болел, считали что это «результат неудачного имени», и имя меняли.

К рождению близнецов относились настороженно, и их появление встречали словами: «Да будет это к добру!». Близнецы и их мать считались отмеченными Богом людьми и в таком качестве им приписывались способности, не характерные рядовым людям: считали, что их пожелания и проклятия сбываются. Матери близнецов приписывали способнось облегчить тяжелые роды одним своим прикосновением. Эту роль могла сыграть и ее пояс, надетый на роженицу.

Послеродовой период женщины и ребенка был связан с целой системой запретов. Наиболее опасными считались первые 40 дней после родов. Поэтому роженицу и ребенка в эти дни тщательно охраняли от «злых духов», старались не оставлять их одних в помещении.

В первые дни после родов роженицу с ребенком не оставляли одних, днем и ночью около них находился кто-нибудь из родных. По поверьям агулов, если пренебречь этой мерой предосторожности, к роженице приходила «албести» («эльмести», «цIабайбав», «иребав») и вынимала у нее внутренности.

Самым опасными днями считались среда, суббота и вторник. В эти дни нельзя было купать ребенка. Считалось, что в эти дни ребенка можно быстрее «сглазить», и поэтому новорожденного старались не показывать посторонним. В течение 40 дней с ребенком нельзя было выходить на улицу – «дни будут пасмурными». Ребенка нельзя было выносить на улицу и ночью. Если все-таки его выносили, то на голову насыпали муку, в пеленки клали кусочек хлеба, лицо ребенка мазали сажей. Повсеместно в течение 40 дней роженица считалась нечистой, поэтому ей возбранялось подходить близко и прикасаться к родникам, мавзолеям. До истечения 40 дней она не могла вступить в интимные отношения с мужем. Чтобы оградить ребенка от «дурного глаза», под его подушку клали кинжал, угольки, серу, прутик веника, зерна пшеницы, маленький Коран. В комнате, где он находился, ставили стакан с водой, где опускали сырое яйцо, которое якобы ломалось тотчас, если ребенка кто-либо пытался «сглазить». К ребенку не разрешали приходить в нетрезвом виде, с ружьем, в новой одежде, с отрезом только что купленной материи – заболеет. До тех пор, пока ребенок не произносил первых слов, его никогда, даже в шутку, не сажали верхом на лошадь или другое домашнее животное – «будет немым и бессловесным, как животное». По этой же причине не давали ребенку смотреть в зеркало.

Материнское молоко ребенок получал до 2-3 лет или до наступления очередной беременности, но прикармливать его начинали через два-три месяца после рождения цельным молоком, хлебом, а после прорезывания зубов – и другими

продуктами питания. Над мальчиком совершали обряд обрезания. В мусульманскую эпоху он приобрел религиозную окраску. Мальчики подвергались обрезанию в 2-5 летнем возрасте. В связи с обрезанием устраивался пир. Обряд обрезания совершал человек, владеющим этим «мастерством», за что он получал вознаграждение – деньги или подарок.

Воспитание детей. Нравственным долгом родителей считалось кормить, одевать детей, защищать их от опасностей, учить соблюдению горских обычаев, а также канонов веры. Для детей воля родителей, особенно отца, была законом. Исполнение и приказаний и пожеланий было беспрекословным. При разговоре с отцом, сын слушал стоя, отвечал лишь на вопросы отца, не позволяя себе монологов, а тем более пререканий. Сыну назвать отца по имени считалось непозволительным, он при отце не курил, не бранился.

Наиболее распространенными в народной педагогике горцев методами воспитания были беседы, убеждения, разъяснения, требования, поощрения и наказания. Народные мудрецы редко прибегали к наказаниям, поощрения применялись чаще.

Детством у агулов считался возраст до 10-12 лет. Любимыми играми детей были бросание камней, городки, катание на самодельных санках, лазание по горам и ущельям, купание в горных речках, игры в войну и т.д. С малолетства детей учили быть смелыми и ловкими, относиться к взрослым с уважением, быть проворными в работе, ходьбе и танцах. Учили детей оседлать лошадей и ослов, ездить верхом по самым трудным горным тропам, переходить реки и переправы. До 6-7 лет мальчики и девочки играли вместе. После 11 лет мальчики переходили в руки мужчин, девочки – женщин. Отцы и старшие братья брали мальчиков с собой на полевые работы, на летние пастбища. Мальчики учились обрабатывать поле, стричь овец, пасти скот, ездить верхом, владеть оружием,

управлять быками, подводой и т.д. Они приручались исполнять все виды работ, какими занимались мужчины в семье и прывыкали быть занятыми. Безделие вызывало удивленно-неодобрительные взгляды окружающих.

Родители и все старшие поколение отводило большую роль нравственному воспитанию юношей. С детства они находились под влиянием старших. Постоянное их пребывание с взрослыми, беседы седобородых аксакалов являлись для них уроками жизни. Они слушали на аульском годекане беседы стариков, легенды и предания о своем ауле, народе, учились уму-разуму. На годекане перед ними раскрывался внешний мир. С малых лет дети знакомились с народным творчеством. Многие житейские правила, и обычаи юноши осваивали во время приема гостей в доме.

С детских лет прививали ребенку, что старших надо приветствовать первым; что вновь пришедший первым приветствует собравшихся; проходящий-сидящих; спускающийся по склону–поднимающегося; едущий верхом – идущего пешком; свободный от работы и груза–занятого или нагруженного. Оттачивались формы поведения в обществе, за пределами родного дома, уступить дорогу и место старшему, оказать ему услугу, сдержанно вести себя – усваивалось как стереотипы поведения.

В среде сверстников поощрялась соревновательность, стремление проявляться, поддержать свое достоинство, а по возможности и превосходство. К 15- летнему возрасту, каждый юноша достаточно оформлялся как член общества и уже знал свое «место среди людей». На площадь – место коллективного времяпровождения мужчин – совершеннолетний мог теперь являтся как их полноценный участник.

Агульцы считали, что гордостью и символом красоты края всегда являлась горянка-хранительница очага, любящая жена, заботливая мать, символ нравственной чистоты и здоровья.

В отличие от мальчиков, детство девочек было ограниче-

но множеством запретов. Воспитанием девочек занимались матери и сестры. Считалось, что 11-12 лет девочка вышла из детского возраста. К этому времени большинство девушек делали себе татуировку – «чулле ишан» (досл. «синяя метка»): ставили точку на лбу между бровями, на тыльной стороне ладони и фаланге пальца могли нанести одну или несколько точек или изображение цветка, на предплечье наносился узор, напоминающий извивающего червя. Девушки считали татуировку украшением, но, возможно, в древности она имела сакральный смысл, была знаком, обозначавшим вхождение девочки в другую возрастную категорию, символизировавшим ее совершеннолетие.

В традициях агулов уважительное отношение к женщине признано общепринятой нормой. Вместе с тем ни родные, ни друзья, ни враги не прощали ей нарушение норм моральной чистоты и порядочности. Горский намус предписывал ей следующие правила и нормы: свято оберегать женскую честь, сохраняя целомудрие; быть достойной своего мужа, беречь его честь и честь семьи; быть умной женой, нежной матерью, доброй и экономной хозяйкой. Она должна была создавать в семье атмосферу любви и взаимопонимания, помогать мужу советом и делом, исполнять его поручения; уметь хорошо готовить национальные блюда; заниматься рукоделием; уметь выполнять домашнюю работу.

Формируя характер юной горянки, бабушки, матери, и многочисленные родственницы – женщины воспитывали у девочек принятые в обществе нормы и правила взаимоотношений с людьми, в том числе и с будущим мужем и его родственниками. Порой для этого достаточны были требования, запреты, пример родителей, особенно матери. Как самая важная фигура в жизни дочери, мать продолжала воспитывать ее и после выхода замуж.

У агулов, как и у всех других народов Дагестана, к девушкам было одно общее педагогическое требование: ее нельзя

оставлять без работы ни минуты. Еще с детства девочку приучали к чистоте и порядку. Находясь рядом с матерью, бабушкой, старшими сестрами, сначала в качестве помощницы, а затем самостоятельно она занималась уборкой жилья и двора, мыла посуду, многократно ходила на родник по воду. Она участвовала в прополке полей, задавала корм скоту и птице, встречала домашний скот, при возвращении с пастбищ. В старшем возрасте она уже доила корову, сбивала масло, готовила пищу. Она кроила, шила и стирала всю одежду в доме. Зимой она расчесывала и пряла шерсть, вязала носки и джурабы, ткала ковры и т. д. Словом, к совершеннолетию она самостоятельно выполняла все женские работы. Так закладывалось трудолюбие горянки.

К девушкам горного края прививали такие черты характера как сдержанность в страсти и темпераменте, стремление иметь одного мужа, одну семью на всю жизнь. Для этого родители с детских лет воспитывали в девочках идеал женской красоты: это, прежде всего, трудолюбие и высокий уровень нравственности, уравновешенный характер, который складывался из выдержки, терпения, крепости духа, уважения к взрослым, заботы о младших.

Молочное родство. Усыновление. У агулов, как и у других народов Дагестана, испокон веков было принято, что если у женщины-матери пропало молоко, то к её младенцу приглашали другую кормящую женщину – она помогала выкормить его своим молоком. Точно также поступали если у женщины, вдруг умирал новорожденный, то ей предлагали выкормить своей грудью другого малыша. Очевидно, в данном случае, помимо вскармливания младенца, преследовались и другие цели: помочь ей легче справиться с горем; и дать ей возможность физиологического облегчения.

Нередко бывали и такие случаи: срочная работа, отлучка кормящей матери, временное отсутствие лактации, болезни,

– тогда её кормящая родственница, соседка или сельчанка, просто в порядке одолжения, могла на короткий срок принять её ребенка. Сёстры – родные и двоюродные – постоянно оказывали детям друг друга подобные взаимные услуги.

В понятиях горца материнское молоко было сродни крови. В старинных ритуалах и проклятиях, в сказках и пословицах материнскому молоку отводится особая (сакральная) роль. Считается, что молоко роднит людей так же, как и общая кровь, воспринятая от родителей и текущая в жилах. Поэтому молочное братство являлось одним из видов породнения разных семей. Молочными детьми одинаково часто становились и мальчики и девочки. Вскормленные дети признавались молочными братьями и сёстрами родных детей вскормившей их женщины [16/270].

Так складывались совершенно особые отношения между семьями, между женщиной и вскормленными ею детьми, между этими детьми и её родными детьми – молочное родство. В домах друг у друга молочные братья вели себя как члены семьи, участвуя во всех её делах и проблемах. В случае свадьбы молочного брата или сестры они брали на себя значительную долю расходов и хлопот, как и в случае смерти,- при этом молочные родственники принимали соболезнования наравне с настоящими родственниками.

Нередко молочное родство считается препятствием для брака.

Усыновление – как форма установления родства у агулов в прошлом встречалось повсеместно. Как отмечает известный дагестанский ученый-историк Р. Магомедов: «Наиболее типичный случай – усыновление племянников или кого-то из младших родственников: у кого-то вовсе нет детей, а у брата или сестры их более чем достаточно. Тогда по взаимной договоренности ребенок навсегда передается семье своих «новых родителей» – отныне он приобретает все права и обязанности родного сына или дочери до конца жизни» [16/263]

Существовал и другой вариант усыновления, когда ребенка оставляли в доме родителей. В семье, где уже есть дети, при появлении на свет очередного ребёнка приходил кто-нибудь из родственников или близких друзей, кто к поздравлению добавлял просьбу: «Пусть этот ребёнок будет нашим». Если настоящие родители соглашались, то «новые родители» отмечали это обильным угощением близких друзей и родственников. Ребенок оставался в родной семье, но названные мать и отец постоянно навещали его (мальчиков усыновляли чаще, чем девочек), заботились о нём, делали подарки, участвовали в воспитании. Однако основные хлопоты ложились на них, когда приёмный сын женился: из их дома отправлялся он к невесте, именно названный отец был главным распорядителем на свадьбе. Само собой, обоюдные родственные связи, взаимная поддержка и обязанности у них сохранялись до конца жизни. Во всех случаях усыновленный вливался в тухум своих названных родителей, пополняя его.

В основе таких необычных родственных отношений в старину лежали суровые условия тогдашней жизни. В любой момент стихийное бедствие, междоусобица, эпидемии и другие несчастные случаи могли сделать детей сиротами или родителей одинокими. Поэтому старались естественные родственные отношения дополнять «созданными» по их образцу – своеобразная, древняя форма социального страхования.

Таким образом, агулы в прошлом, как и другие народы Дагестана, сформированные тухумной средой, вольно или невольно придавали и другим формам человеческих отношений и сотрудничества облик породнения. Порой это пополняло тухумы, почти всегда это сближало людей.

Похоронно-поминальный цикл. Жизненный круг человека завершается смертью... Отношение к ней у агулов было уважительно-мудрое и спокойное. Обычно, вступая в пре-

клонные годы, люди заранее готовили материал для савана, средства для организации похорон.

Достойно умереть в глубокой старости означало то же самое, что достойно прожить «в чести» жизнь. Величайшее благо – умереть, не намаявшись и не намаяв близких людей.

Похоронные обряды были наиболее консервативные из всех обрядов семейного цикла агулов. Наряду с реальными приметами, свидетельствующими о приближении смерти, в прошлом у агулов имели верования о том, что определенные сны провещали близкую кончину человека. Например, верили, что если во сне увидеть выпавший зуб, родственника на черном коне, голого человека, сырое мясо, чистую воду, помещение без окон и дверей, белый материал, разрушенный угол своего дома, развалившую крышу дома, то в семье будет покойник. Считалось, что если во сне умершему родственнику дать деньги, это к несчастью.

К предвестникам смерти относили и определенные явления природы, необычное поведение домашних животных и птиц. Так, верили, что если курица кричала по-петушиному или петух пел не в свое время, если ночью выли собаки или волки, то в ближайшее время умрет кто-нибудь из домашних. Говорили, что перед смертью хозяина ржет его лошадь.

У постели тяжелобольного всегда находились близкие родственники. Избегали ходить к больному женщины в трауре, больные. Если умирающий был в ссоре с кем-нибудь из родственников, соседей, односельчан и чувствовал свою вину, то он, обычно, просил у них прощения, а те в свою очередь, обычно, прощали ему обиду.

Когда больной был близок к смерти, родичи готовились к его похоронам. Родственники и односельчане считали своим долгом не только принимать участие в похоронах, выражать соболезнование но, если нужно, оказывать материальную помощь. Если человек умер в первой половине дня, то его хоронили в тот же день. Если же он умер после полудня, то на

другой день. Погребение завершалось до заката солнца, ибо существовало поверие, что после захода солнца «царство мертвых закрыто». Если покойника оставляли на ночь, то около него запрещалось спать и есть. Считалось, что если у умершего оставались открытыми глаза – «значит, хотел еще пожить» или «кого-то хотел видеть перед смертью». Если на лице покойного была улыбка – «попадет в рай».

Сразу же после смерти родные и близкие покойного откладывали все свои дела и находились в его доме весь период организации похорон и поминок. В дом покойного на соболезнование приходили все односельчане, и жители соседних сел. Один из родственников умершего по обычаю распределяет прибывших на соболезнование по домам сельчан для их кормления и отдыха, назначает несколько молодых мужчин на рытье могилы и заготовку каменных плит. Могилу рыли на полный рост мужчины, а женщинам чуть глубже с разницей на длину кисти, для детей – по пояс. При кладке камней в боковые стенки могилы мужчине увеличивали ряды кладок с тыловой стороны, а женщине – с лицевой. Это означало, что мужчина всегда опасается с тыла, а женщина спереди.

В дни траура было принято отменять всякие увеселения, откладывались свадьбы. Только после истечения полного срока, спросив разрешения у родных умершего, агулы позволяют себе выражение радости. Но часто и родные проявляют такт – бывает, что кто-то умирает в разгар свадьбы, и нередко родные покойного, скрыв это, объявляют о смерти только через 2-3 дня.

Вскоре после смерти покойника мыли, причем умершего мужчину мыли только мужчины, а женщину – женщины. Для мытья использовали, свежую воду, а не ту, которая была в доме. Обмывали, не прикасаясь рукой к телу: на руку наматывали кусок от савана. Использованную воду выливали в укромное место, следя, чтобы она не попала на кожу человека.

После завершения омовения, умершего заворачивали в саван («кафан») в несколько слоев. Для савана обычно использовали бязь. Помимо савана, заготовленного близкими умершего, саван, по обычаю, приносили и родственники.

Покойника оплакивали в кругу, ведущими были специальные плакальщицы. Плач исполняли на родном языке с выдержками из Корана, где приводили достоинство покойного, его добрые дела, сожалели о том, что он так рано ушел из жизни. В некоторых селениях оплакивание умершего сопровождалось расплетением кос, вырыванием волос и расцарапыванием лиц женщинами – родственницами, особенно при трагической смерти молодого человека.

Хоронить полагалось в день смерти до захода солнца, если успевали вырыть могилу. До середины XX века, если умершего человека по какой-то причине не успевали хоронить в день смерти, его обмытого и завернутого в саван, на носилках относили в мечеть, и здесь рядом с ним оставался мулла, читая молитвы.

Перед тем как нести покойника на кладбище, его клали на специальные носилки. Выносили тело головой вперед – «чтоб дорогу назад не нашел». После панихиды, на которой обычно выступал мулла, который просил всех родственников и сельчан простить покойному его грехи, долги, не держать на него обиды. В селениях Бедюк, Хутхул к носилкам подходили родственницы покойного и клали на них платки, полотенца, отрезы ткани, которые после похорон раздавали могильщикам. Затем носилкам с покойным подходили близкие родственники, они троекратно поднимали и опускали их, что подразумевало – «из земли возник, в землю уходишь, из земли заново возникнешь», «чтоб путь покойника на тот свет был легким», «чтоб в этом доме никто больше не умер», затем процессия отправлялась на общественное кладбище. На кладбище шли одни мужчины, а женщины и дети оставались дома.

На кладбище, установив носилки с покойным около

готовой могилы, верующие совершали джаназа-намаз, затем начинали погребение.

Хоронили покойника на сельском кладбище, где были тухумные ряды. Если хоронили кого-то из супругов, то рядом оставляли место для другого супруга – «чтоб и на том свете вместе были». Родственники покойника должны были находиться у могилы, стоя до конца погребального церемониала. Тело покойницы опускалось в могилу мужчинами из круга ее близких родственников. Когда хоронили женщину, то над могилой держали раскрытую шаль – «чтобы мужчины не увидели тела женщины». Одеяло держали и во время дождя, так как считали, что если хоть одна капля попадет, в могилу – будет длительное ненастье. Хоронили покойника на правом боку головой на запад. Могила закрывалась каменными плитами и быстро забрасывалась землей. На могиле мулла читал молитву и наставления из Корана, могильный холмик поливал водой из кувшина, совершался зикр. В старину, в день похорон на кладбище ставили палатку для чтения Корана, и пока палатка стоит, сельчане после утреннего и вечернего намаза посещали могилу, а семья покойного на первые три сутки после погребения нанимала муллу, который все это время должен был оставаться у могилы и читать Коран.

Через некоторое время на его могилу ставили надгробный памятник, где писали фамилию, имя и отчество покойного, дату его рождения и смерти, в основном, на арабском языке. Нередко к ним добавляли короткую строку молитвы, просьбу к Аллаху о прощении. Но порой встречаются надписи размышления элегического характера «Смерть – истина, а жизнь – обман»: это можно найти на многих агульских могилах. Оставшуюся поверхность камня покрывали резными узорами, подчас переходящими в настоящий каменный ковер из стилизованных цветов и листьев. Кроме того, на мужских памятниках нередко вырезали употреблявшиеся им при жиз-

ни вещи кинжал, коня, ружьё, и др. На женских памятниках вырезали: гребень, прялку, ножницы, колыбель и т.п.

Если сельчанин умер на чужбине и доставить его в родное село небыло никакой возможности, обычно тогда ему на кладбище ставят памятную плиту – кенотаф («пустая могила»).

Кладбища по традиции оберегались, благоустраивались джамаатом, на них нельзя было пасти скот, разводить огонь, а тем более вредить памятникам и могилам.

В доме покойного в течение 3-х траурных дней пищу не готовили. О пище для могильщиков, а также для членов семьи покойного заботились его близкие родственники. По истечению трех дней, по покойному устраивали поминки – «хайрат». Резали скот, готовили обрядовую пищу и угощали всех гостей и односельчан. У агулов ранее, существовала и другая форма хайрата, когда семья покойного раздавала мясо, при этом угощение разносили по всем домам селения.

Существовал у агулов и обычай прижизненных поминок. Некоторые пожилые люди, еще при жизни давали хайрат, раздавая по домам мясо, сахар и другие продукты. Их проводил обычно человек, не имевший детей, и не надеялся на родственников, которые в будущем не смогут или не пожелают устроить по ним поминки. После смерти общество должно было похоронить его, соблюдая все ритуалы.

Близкие родственники и друзья держали траур. Мужчины не брились, не стреляли из ружья, не ходили на свадьбы в течение 40 дней. Траурный период для женщины был более длительным и тяжелым, чем для мужчин. Обычай длительного траура у агулов появился сравнительно недавно, с 30-х годов XX века под влиянием соседей. Прежде соблюдавшие траур мужчины не брились одну-две недели. После этого срока отец, сын брат или другой близкий родственник покойного собирал родню в своем доме, угощал обедом, сообщал, что с завтрашнего дня все они могут бриться, и благодарил за

сочувствие и траур, который они держали все это время. На следующий день сам опекун покойного брился, а его примеру следовали все остальные.

День, когда женщины снимали траурные одежды, также сопровождался определенным обрядом. Когда со дня смерти исполнялось один, два или три года близкие родственницы умершего, которые держали траур, в сопровождении других женщин и детей, с угощениями шли на его могилу. Вначале оплакивали умершего, а затем, как бы попросив у него извинения в том, что они снимают траур, раздавали присутствующим угощения и возвращались домой. После этого, через три-пять дней, женщины имели право снимать траурные одежды.

После кончины мужа, вдова, оставшаяся с детьми, сама возглавляла семью и управляла ею. Родичи мужа помогали вдове продуктами, деньгами, обрабатывали участок земли, оказывали другие бытовые услуги.

После смерти отца дети получали наследство, дочери 1/3 часть, сыновья – 2/3. Дети от разных жен не теряли право на имущество. Наследство получали в первую очередь прямые нисходящие потомки по мужской линии, неотделенные сыновья и их дети, а за отсутствием последних наследство переходило к отделившимся сыновьям, внукам, затем к родным братьям, племянникам. Наследство распределялось по завещанию. Завещание могло быть как письменным, так и устным, которое имело одинаковую силу. Уплата долгов после смерти близкого родственника, особенно отца, брата, была обязательной для потомков, оставшихся в живых.

На 52-й день, а затем через год устраивали повторные поминки по усопшему. Родственники оказывали друг другу помощь в организации поминок и расходах, связанных с ними.

ЧЕРТЫ ТРАДИЦИОННОГО ЭТИКЕТА

С древнейших времен, постепенно, шаг за шагом наши предки вырабатывали культурные навыки, моральные, а затем правовые нормы отношений внутри племени и общин, которые с течением времени сформировались как обычаи и традиции, как основа устойчивого образа жизни горцев. И какие бы незваные гости не бывали в Агуле, им не удалось вытравить из сознания и практической жизни горцев те моральные нормы, древние верования, исконные обычаи и традиции, которые служили сутью, стержнем их повседневной жизни. С менталитетом горцев вынуждены были считаться арабские завоеватели, которые иной раз, не достигнув военных целей, шли на уступки местным обществам, приняв в арсенал немало горских адатов, что им облегчило продвинуть мусульманскую религию в глубь гор.

Традиционная система адатов гарантировала горцу строго определенный набор жизненно-важных вещей: право собственности на земельный надел, право пользования всеми угодьями общины, личную защищенность, социальные и юридические гарантии, включая и участие в управлении и суде. Этот объем прав уравновешивался объемом разносторонних обязательств перед тухумом и джамаатом. Обычно в мирное время джамаат требовал от каждого из своих членов немалой общественной активности, постоянных затрат сил и

средств на общественные нужды. Это ежегодный коллективный выход сельчан ранней весной для приведения всей сельской территории в порядок: очистка всего села (после таяния снега) от накопившегося за всю зиму мусора и грязи, ремонт дорог и троп, уборка завалов и осыпей, починка мельниц, настилов мостов, очистка и ремонт водопроводов и родников и многое другое. Естественно в раннюю эпоху в этот перечень работ входили и ремонт башен, стен оборонительных сооружений, караван-сараев и т.д. Существовали и другие виды общественных работ – выпас общественного скота в порядке очереди, несение охранной службы (пастбищ, посевов – в мирное время; дорог, мостов, крепостных ворот – в смутное время).

Более того: человек находился под постоянным контролем со стороны тухума и джамаата. И, тем не менее, несмотря на все это, он искренне ощущал себя свободным, гордился и наслаждался этой свободой, а главной ее гарантией считал независимость своего джамаата. Защита интересов и границ своего джамаата или союза считался долгом каждого.

Первейшим условием чтобы утвердиться в обществе – ни от кого не зависеть и стоять на своих ногах, быть самостоятельным и самодостаточным. Умение содержать себя, а в последующем и свою семью считалось основой личного достоинства.

Сохранность нравственных норм в горских обществах обеспечивалась общественным мнением. Общественное мнение в селении было неписаным кодексом морали, который регламентировал, определял поведение человека на микроуровне, где общественное осуждение считалось самым тяжким наказанием для провинившихся горцев. Оно выступало фактической принудительной силой, обеспечивающей как соблюдение этикета, моральных норм, так и норм обычного права (адатов).

В Агуле всегда глубоко почитали старость, что естественно

само по себе. Ибо старики были хранителями моральных и нравственных ценностей, созданных предками, за их плечами был большой жизненный опыт. К их мудрому совету всегда здесь прислушивались, их общественная роль всегда была велика. Древнегреческий географ и историк Страбон писал о древних албанах – далеких предках агулов: «...Старость у албанцев в чрезвычайном почете – и не только родителей, но и прочих людей». Беспредельная степень этого почитания всегда отмечалась и поражала иноземцев не только в древности. Российский барон, сенатор П.В.Ган (1793-1862) после своей продолжительной служебной поездки по Кавкзу с восхищением писал: «В наш век, когда в культурных странах молодые люди так мало уважают старших, весьма приятно было видеть у этих «дикарей», с каким почетом молодежь относится к родителям и к старшим вообще. Воля родителей для детей – священный закон, и если сын почему-то не может исполнить волю отца, то он сам налагает на себя руки».

В семье младшие постоянно чувствовали благожелательное влияние старшего. Для них он был естественным наставником и воспитателем. Данная культурная особенность нашла свое отражение и в агульской народной мудрости – «Если рядом нет старшего, чтобы спросить (советоваться), то спроси у большого камня» (большой и старший в агульском языке являются омонимами). Вот некоторые обычаи и общепринятые нормы, издавна бытующие у агулов, как и у других горцев Дагестана:

– Когда в комнату входит отец, дед или посторонний пожилой человек, младший встает и уступает место. Любой старший имеет право сделать младшему замечание или дать ему любое поручение. При появлении старшего прекращаются драки и неразумные действия вроде курения, азартных игр и т. п. За общим столом принимать пищу первым начинает старший. Когда в комнате несколько пожилых и молодых людей, то пожилые сидят в порядке старшинства, а молодые

стоят или сидят отдельно. Когда старший входит и садится, младший встает и стоит до тех пор, пока не получит от старшего приглашения сесть. Куда бы ни торопился горец, дорогу без колебания он уступит старшему человеку.

Горец, воспитанный и сформированный в системе джамаатских адатов и моральных норм, следовал им и за пределами своего села, союза. Приближаясь к окраине другого населенного пункта, считалось хорошим тоном задержаться у кладбища и прочесть короткую молитву. Неприличным считалось влетать в село верхом и скакать по улицам во весь опор – следовало пустить коня шагом, а еще лучше спешиться, ведя его под узды и приветствуя встречных.

После длительной отлучки сельчанину предпочтительно было въезжать в родной аул под вечер, чтобы не устраивать переполоха при встрече. Совершенно обязательным считалось не позже чем на следующий день посетить все дома села, где за время его отсутствия кто-нибудь умер, выразить соболезнование, затем следовал прием гостей – сельчан, пришедших поздравить вернувшегося [15/316].

Считалось недопустимым распевать песни во все горло и вообще поднимать на улицах шум, особенно после вечерней молитвы до рассвета. Как справедливо заметил Р.М. Магомедов, вставший на рассвете пахарь, идя в поле, обязательно взваливал плуг себе на плечо и так нес его до окраины села, хотя легче и удобней было бы волочить его – причина в том, что приличия не позволяли ему будить спящих шумом и грохотом [15/316].

Каждому человеку, каждому тухуму вменялась в обязанность знать и соблюдать традиции, обычаи, обряды и адаты джамаата. Агулы, как и все дагестанцы, имеют поучительные для всех традиции и обычаи, сближающие людей разных тухумов, разных аулов, разных национальностей и разной веры. Так, существуют традиции усыновления и удочерения детей, оставшихся без родителей; побратимства людей из разных

тухумов, разных аулов, разных национальностей. Есть традиция гостеприимства и куначества, когда твоя дверь и твой стол открыты для каждого гостя и джамаата. Соблюдаются традиции бережного отношения к природе, к святым местам, ко всему тому, что создано старательными руками предков и много других добрых традиций.

Многовековая совместная жизнь в семье, тухуме, среди джамаата научила горцев помогать друг другу, выручать друг друга в самые трудные дни и осуждают людей, безразличных к чужим заботам, людей равнодушных к чужой радости и беде. Помогать соседу, односельчанину считается долгом каждого человека. Помощь оказывается безвозмездно и бескорыстно и в самых различных случаях жизни: при строительстве дома, при уборке урожая, заготовке сена, дров на зиму и т.д.

Традиции взаимопомощи имеют свои особые правила приличия: на помощь приходить вовремя и со всеми; работу начинают и заканчивают по знаку старшего; помогая, нужно состязаться в усердии; отдыхать, радоваться и веселиться нужно вместе; закончив работу не заниматься самохвальством; никогда не напоминать человеку об оказанной им помощи.

Крайне обязательным считается оказание общественной помощи детям сиротам; семьям, оставшимся без кормильца, семьям, попавшим в беду, пострадавшим от стихийного бедствия, пожара, всем престарелым и одиноким жителям села. Внимание к обездоленным семьям и нуждающимся людям – нравственный долг каждого агульца

ГОСТЕПРИИМСТВО. КУНАЧЕСТВО.

Характерными чертами у агулов, как и всех без исключения горцев Северного Кавказа была личная щедрость и гостеприимство, которое считалось у горцев непременным условием поведения по отношению не только к соплеменникам, но и чужеземцам.

О гостеприимстве горцев еще до революции писали русские и европейские путешественники. Очень образно о кавказском гостеприимстве писал Н.И. Кузнецов: «Гостеприимство – одно из отличительных черт населения Кавказа, и это похвальное свойство кавказских жителей присуще здесь и бедным и богатым. Кавказец рад гостю, готов все для него сделать и ни копейки не возьмет за гостеприимство. Можно одарить за гостеприимство подарками, но предложить деньги за это нельзя. Это означает обидеть хозяина. Это кавказское радушие и гостеприимство наблюдается во всех слоях населения» [12/80].

«У горцев, – пишет А. Лилов, – гостеприимство было священной обязанностью каждого. Гость – лицо не только близкое, но и священное, неприкосновенное. Не принять гостя, не угостить его самым радушным образом... считается, и всегда считалось унизительным, позорным. Поэтому обряд принятия гостей сложился вековою практикой в строго определенные формы....Не останавливаться в том доме, где останав-

ливались предки, оскорбление… Хозяин должен защищать интересы своего гостя даже своею кровью, жизнью» [13/24].

Эти слова, сказанные А. Лиловым, в полной мере можно отнести и к агульскому гостеприимству. Гостеприимство являлось одной из лучших национальных традиций, сохранившихся до наших дней. Во многих более или менее состоятельных агульских семьях для гостя отводилась специальная кунацкая комната. Любой человек, независимо от национальности и вероисповедания, оказавшись в агульском селении, становился желанным гостем. Агулы считали своей обязанностью принимать гостя и оказывать ему всяческие почести и услуги. Новый человек становился гостем того, кто первым заметил его в селении [IV, 203]. Он приглашал незнакомца в дом, вводил в кунацкую комнату и усаживал на самое почетное место. И лишь после этого здоровался за руки традиционным приветствием «с приездом». Затем хозяин осведомлялся, как гость доехал, здоров ли он, здоровы ли его члены семьи, но, ни в коем случае не осмеливался спрашивать гостя о цели его приезда, пока не заговорит об этом сам гость.

Гость приносил новости, мог посодействовать как посредник и разносил по окружающим землям впечатления о джамаате, создавая мнение о нем. А репутацией своей джамаат очень дорожил.

К хозяину дома шли близкие друзья приветствовать гостя и побеседовать с ним. Хотя повседневная пища агулов отличалась скудностью, но когда приезжал почетный гость, то хозяин резал барана и угощал его лучшими национальными блюдами [4/202]. Существовавший в селении Буркихан этикет приема гостей хорошо описал в своих «Воспоминаниях мутаалима» А. Омаров: «Ночью, когда меня привели к кунаку Гусейну, он встретил меня, по-видимому, радостно, но пригласил в кунацкую комнату без всяких приветствий. С меня сняли сапоги, кинжал и черкеску; после мне дали овчинный тулуп и посадили около горевшего камина – и только вслед за

этим хозяин, взяв меня за руку, поздоровался со мною [5/58]. Весьма значительную роль в общественной жизни горцев играло в XVI-XIX веках куначество. Тот, кто хоть раз воспользовался гостеприимством другого, становился его «кунаком», и в обязанности их обоих входила взаимная поддержка в разных житейских случаях [6/476].

Путь к куначеству лежал через традиции гостеприимства, нередко знакомство, начавшееся с гостеприимства, превращалось в дружбу, то есть гость и хозяин становились кунаками.

С обычаем куначества у агулов связана целая система устоев, церемоний и обрядности. Если кунаки по-настоящему сближались, они готовы были жертвовать всем своим имуществом и жизнью ради укрепления своих связей. Отношения между кунаками иногда были настолько близкими, что в случае смерти родителей кунак брал детей умершего к себе в семью. На почве куначества росла дружба и взаимопомощь между их семьями не только внутри своего аула, но и в других селах. Каждый хозяин всюду, где ему приходилось постоянно бывать, имел своего кунака, у которого он всегда останавливался. Причем обычай останавливаться у своего кунака передавался по наследству от отцов к детям. Агулы имели собственное название, обозначающего кунака – «хIул», «хIулашуй», «хванаха». Любопытно отметить одно явление, характеризующее любовь и уважение к кунаку. Очень часто агулки, обращаясь к мужу, называют его именно «хванаха»[1]. Агулы, уезжая в другое село и далее в город Дербент, где имели своих кунаков, не брали с собой запасы еды, будучи уверенными, что кунаки обеспечат их постелью, лучшей пищей и примут практическое участие во всех его делах.

Если кунак прибыл к одному из малых семей, он, обяза-

1 Агульские женщины прежде никогда своих мужей не называли собственным именем, а обращались к ним со словами: «Яда!», «Я кас!», «Я идем!», «Хванаха!», «Эеси» («кас» - человек, «идем» - мужчина, «хванаха» - кунак, «эеси - хозяин») и т.д.

тельно, в первую очередь совершал визит к старшему в доме. Если кунак пожилой человек, то ему помогали сойти с лошади, а когда он уезжал, помогли ему сесть на лошадь, держали стремя, сопровождали его до окраины селения.

У агулов самой уважаемой семьей считалась та, у которой больше кунаков. Поэтому каждый старался иметь своего кунака в других селах и, особенно среди представителей соседних народов. Если один кунак пойдет в гости к другому, то принимающий в доме своем снабжает приезжего всем нужным. Посредством таких связей, горцы сближались между собой и улаживали межнациональные отношения. Кунаки оказывали услуги и помогали друг другу в самые тяжелые периоды жизни. Кунаки ездили друг к другу с членами семьи и подолгу гостили, помогали строить или участвовали в уборке урожая. Некоторые в одном и том же селе имели несколько кунаков. Но главным считался первый, с которого началось посещение.

Можно сказать, что традиционное агульское гостеприимство – это непосредственное выражение гуманности ко всем людям без разбора и разделения на «своих – чужих». Это реальное проявление готовности человека к братским отношениям с любым другим человеком, с которым столкнулась его судьба или случай – лишь бы тот тоже был готов к этому. А куначество, как справедливо отмечает Р. Магомедов «скорее всего, более узкое понятие: кунаками становились как раз те, кто готов был принять на себя взаимные, обоюдные обязательства всесторонней поддержки другого человека, близкого ему по своим моральным качествам» [16/341].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ, ИГРЫ

В жизни агулов большое место занимали различные общественные праздники и игры, которые имели много общих черт с играми и праздниками других народов Дагестана, но вместе с тем отличались своеобразием.

Праздник начала весны Хьидин уш («эрлан уш», «кьеткьетай», «эвельцан») – один из любых праздников агулов, знаменующий начало нового сельскохозяйственного года по народному календарю. «Корни этого, без сомнения древнего, языческого праздника, устойчиво бытующего, по сей день, уходят в далекое прошлое» [7/13]. Время наступления весны в прошлом в каждом агульском селении определяли по естественным ориентирам, поэтому дата проведения праздника в разных агулах не совпадала и, традиционно по сей день, в разных селах праздник весны отмечают в разные дни. Так, в селениях Хутхул, Мисси, Тпиг отмечают праздник 16 марта, а в селениях Рича, Бедюк – 21 марта.

Подготовка к празднику начинается задолго до дня весеннего равноденствия. Примерно за месяц до него дети и подростки начинали заготовку топлива для костра – хвороста, кизяка, соломы. Дети заранее изготавливали и ставили на сушку специальные «ракеты» («фурумаяр», «хIял») для запуска – глиняные конусообразные фигурки, с размерами с куриное яйцо, в вершину которых вставляли сухие дощечки или сухие стебли растений для поджигания перед запуском.

Особое место в празднике занимали огонь «эран цабур» и обрядовые действия, связанные с ним. По мнению И. Н. Гроздовой, костры имели в народных обычаях двоякое значение: по более старым представлениям, им приписывали симпатическую связь с солнцем, с течением времени им стали придавать, главным образом, очистительное значение [7/71].

Агульский поэт Ф. Джамал считает, что авестийские Маги знали о времени рождения пророка Заратустры – 21 марта 996 г. до н. э., поэтому в ночь с 20 на 21 марта они разжигали ритуальный огонь – «эран цIабур» (арийский костер) и с середины ночи до восхода вступали в молитвенный экстаз, вызывающий силы света. Так появился в мир пророк Заратустра и события, связанные с его рождением – разжигание ритуальных огней и др. остались в традициях многих народов, однако внутренний смысл этих традиций забыт [9/94].

С наступлением темноты на горе разжигали костер. Костры разжигались и на других возвышенностях вокруг села, а также на годеканах, гумнах, перекрестках дорог. В это время хозяева бывали начеку, так как подростки для костра могли стащить кизяки, солому, сено, или даже лесоматериалы. Впрочем, пострадавшие не особенно обижались.

Молодежь каждого квартала села вступали в своеобразные соревнования, стараясь, свои костры разжечь ярче других. Особой доблестью считалось украсть горящую хворостину из чужого костра, поэтому его оберегали. «Уносить горящие поленья из костра чужого квартала или селения считалось геройством для утащившего, и позором для потерявшего часть своего огня» [10/143].

Любимыми развлечениями молодежи в этот вечер были перепрыгивание через костры с пожеланиями: «Я вниз, мои грехи вверх», «Все зимнее оставим, перейдем к весне». Каждый удачный прыжок по поверьям способствовал исцелению человека от болезней и смыванию грехов. В честь наступления весны дети запускали подожженные самодельные глиняные

ракеты «фурума» посредством пращи «цIигьря», «чIямрук». Это широкая лента из ткани примерно в полтора метра: один конец её обвязывался вокруг запястья (или наматывался на палец), другой же брался кистью той же руки. В образующуюся петлю вкладывалась глиняная ракета, после этого «стрелок» вращательным движением раскручивал пращу, а когда она набирала скорость – отпускал свободный конец: ракета, трассируя, летела с большой скоростью, а дальность и точность полета зависела от мастерства и умения пращника.

Девушки в этот вечер развлекались катанием на качелях «чухбух», пением веселых частушкообразных песен. Существовало представление, что раскачивание на качелях способствует тому, что ветер уносит грехи качающихся. В праздничную ночь, парни намечали себе невест, а девушки гадали на суженых. По поверью, чтобы предотвратить болезнь многие в день Весны обвязывали запястье красной ниткой. Нитку привязывали и на животных, чтобы предохранять их от падежа.

В этот праздник было принято веселиться, ходить в гости. Обиды прощались, а поссорившиеся мирились. Готовились лучшие национальные и ритуальные блюда и угощения. Обязательной была каша «кучче мусу» («мусунтIай», «бъартыщан»), приготовленная из муки на кислом молоке и обвеваемая в толокне, которую обильно поливали маслом в смеси с медом.

Считалось, что именно в этот день медведь просыпается от зимней спячки. Для этого, чтобы обеспечит удачу и благополучие в новом году, полагалось на рассвете громко крикнуть в сторону леса: «Чтобы моя лень на медведя перешла!» [7/15].

В Дулдуге в первый день весны с вершины горы «Гъалукъ», которая возвышается над западной окраиной селения, сельский исполнитель объявлял, что завтра можно выводить скот на выпас на запретных участках «аяр». Утром следующего дня каждая домохозяйка выводили свой скот на местность «Гъа гим», при этом брали с собой заранее испеченные пироги,

хлеб с халвой и т.д., складывали в одну кучу около уважаемого человека, затем раздавали присутствующим. Пастух получал лучшие куски. Затем все собравшиеся провожали общеджамаатский скот до первой речки, где погружали пастуха в воду, сопровождая этот ритуал пожеланиями хорошего года, обильного молока и т.д. [3/46]

Любимой забавой мужской половины агулов в первый день весны были бои быков, организуемые молодежью при выводе скота на выпас. При этом, хозяин быка – победителя получал специальный приз, а быку доставалось угощение – сено лучшего качества, приготовленное организаторами соревнований.

Важным праздником в Агуле был первый день пахоты – «день первого плуга». В зависимости от местности этот день приходился на различные календарные дни. Выход в поле сопровождался рядом архаических обрядов, ритуалов. Вот так описывает, как проходил этот праздник в селении Буркихан, этнограф А. Омаров: «В деревне ходил говор о предстоящем празднике – вывоз плуга в поле. Приготовляли лошадей на предстоявшую скачку; скороходы также упражнялись в беганье на гору, пробуя, кто кого перегонит. Кроме того, в ауле было общее весеннее движение народа: одни поправляли старые корзинки для отвоза в поле навоза, другие починяли кирки, лопатки, плуги и другие хозяйственные орудия. В день праздника старший куначу (старшина – А.Н.) должен был сделать угощение обществу, и об этом тоже говорили в народе. Также толковали о том, кого именно выбрать из жителей пахарем, чтобы он вывез в первый раз плуг в поле. Нужно было выбрать честного и доброго человека, чтобы хлеб уродился богаче. Многие выбранные отказывались в виду того, что, в случае неурожая, жители будут роптать на них. Наконец настал назначенный день для вывоза плуга. Утром, на площади, около мечети собралась многочисленная толпа; по даному старшиною знаком, вынесли из его дома несколько

хлебов, два кувшина бузы и мясо. Все это разделили между всеми присутствовавшими, а потом отправились за деревню, где стояли лошади, приготовленные для скачки…

Скачка совершалась при многочисленной толпе обоего пола, и первым прискакал один молодой человек, который и заслужил подарок, поднесенный ему означенным стариком с поздравлениями. В это самое время родственники и ближайшие друзья получившего приз бросились к нему -- и лошадь его обвесили кинжалами, а женщины повязали шею ее платками, так что лошадь едва могла идти шагом, от тяжести навешанных на нее кинжалов и платков…

На том самом месте, где была конная скачка, стояла еще нерасходившаяся толпа. Несколько молодых людей, полураздетых, с засученными рукавами и шальварами, приготовлялись бежать и принимали советы от старших, которые предлагали им держать во рту пулю или камешек, чтобы не утомиться... По произношению посторонними: раз, два, три! все сразу бросились бежать и один, прибежавший первым, схватил подарок и упал. Сейчас же подняли молодого человека, и повели его под руки. По дороге его также обвешивали кинжалами и платками, как прежде обвешивали лошадь, и со всех сторон приветствовали поздравлениями.

По окончанию скачек послали за пахарем, который и явился со всеми орудиями пахаря и быками, и вместе с ним толпа направилась к ближайшему пахотному полю. Множество мальчиков провожало пахаря, бросая в него комками снега, грязью и камешками и не переставая бросать до тех пор, пока он не обошел с плугом вокруг пашни три раза. При этом кадий читал молитву, подняв руки к небу, прося у Бога хорошего урожая в этом году, а остальные говорили «аминь». По окончании всего этого обряда, народ вернулся домой, и целых два дня был затем кутеж в двух домах: у хозяина перескакавшей лошади и у победившего скорохода» [15/61].

Праздник сбора черемши («арба», «шадиаг») был наибо-

лее ярким из немногочисленных праздников, отмечаемых агулами летом. Отмечали его повсеместно, обычно в конце мая – начале июня. Кушандеринцы устраивали праздник на горе Джуфудаг, миссинцы – на лесном участке «Нининдар», буркиханцы шли на лесной участок «Санжал» и т.д. К назначенному дню съезжались в эти места разодетые в лучшие наряды юноши и девушки, взрослые и дети из разных селений в сопровождении музыки, со съестными припасами. Участники праздника сначала собирали черемшу (сурар), а затем устраивали игры, состязания, прерываемые песнями и танцами. Праздник завершался совместной трапезой и вручением призов победителям конкурсов и состязаний, разжиганием костра дружбы.

Наиболее распространенными мусульманскими праздниками в Агуле были – Ураза-байрам – (праздник разговения-Ид-аль – Фитр) и Курбан-байрам (праздник жертвоприношения-Ид-аль-Адаха). Перед наступлением Уразы-байрама каждая состоятельная семья по возможности выделяла продукты своим бедным сородичам, раздавала милостыню беднякам, сиротам, вдовам. В ночь наступления и в последний день праздника готовили национальные блюда, посещали родственников. Курбан-байрам справлялся в течение трех дней. По мусульманскому календарю он наступает по истечении двух месяцев и 10 дней после Уразы-байрама. Накануне праздника пекли хлеб, готовили обед, раздавали подаяние. Утром шли на кладбище, раздавали «садака», затем взрослое мужское население направлялось в мечеть для молебствия. В праздник Курбан-байрам резали жертвенный скот. Часть мяса приносили в жертву – распределяли среди родственников, бедняков и сирот, остальная оставалась в семье для праздничных надобностей. В эти дни ходили, друг к другу в гости. Встречая гостей хозяйки, ставили у ворот дома благовония из ароматических трав.

Специальных зимних общественных праздников у агулов

не было. Досуг этого периода заполнялся различного рода играми и развлечениями. Длинные, зимние вечера дети и подростки коротали в кругу семьи, родственников, слушая сказки, легенды и предания. Свободное от домашних дел дневное время мальчики проводили, катаясь на санках и в других подвижных играх.

Подвижных игр было множество. Мужчины состязались в метание и поднятие камня, в беге, борьбе, стрельбе, верховой езде, джигитовке, прыжках в длину и высоту. Дети (мальчики и девочки) до определенного возраста (6-7 лет) играли вместе. Их игры обычно проходили в доме, иногда недалеко от дома. Любимой игрой были – прятки. Мальчики играли в бабки. Если в доме был конь, все заботы о нем дети брали на себя. Они выводили его на водопой, чистили, давали корм, учились ездить на нем.

Девочки играли в камешки (тIумбучаяр). Суть игры заключалась в следующем: две девочки садились на пол друг против друга. Одна из них брала 5 маленьких, приблизительно с размерами в горошину, камешек в руки и ловким движением, как будто кидает зерна курам, разбрасывала их на пол. Затем, играющая девочка подбрасывала, один камешек в воздух и пока он летел, брала с пола другой камень, второй раз она уже подбрасывала в воздух два камня и брала с пола третий и т. д. Если она не успевала взять с пола и поймать камешек, летящий в воздухе, она проигрывала.

Мальчики играли в волчка (тIубруц). Придавая с помощью кнута вращение самодельному деревянному волчку, дети проделывали им на земле различные геометрические фигуры, протаскивали вращающийся волчок через искусственные лабиринты. Проигрывала сорвавшаяся на каком-либо элементе игры сторона. В волчок играли также группами на установление рекорда продолжительности его вращения без дополнительной помощи кнута.

Альчики (т.е. таранная косточка голеностопного сустава

мелкого рогатого скота) составляли основу нескольких разных игр мальчиков. Общее их свойство – тренировка меткости, развитие «чувства команды».

Существовали разнообразные игры в мяч. Мячи в старину были поменьше и попроще, величиною с кулак. Чаще всего это был мешочек, с туго набитой шерстью. Нередко в отсутствие мяча его заменяла чья – то отслужившая свой срок папаха. Иногда в качестве мяча использовали надутый мочевой пузырь забитого скота. В некоторых играх участники били этот мяч, в других били этим мячом друг в друга, соревнуясь в быстроте и меткости.

Метание камня – один из любимейших видов народного спорта агулов. Чаще всего соревнуются на дальность или на меткость. Это игра, продолжавшаяся по несколько часов, проводится зимой и летом. Младшие дети обычно соревновались на дальность, причем небольшими камнями.

Другая молодежная игра – сбивание камней («кванаканар»). Играющие стороны выстраивали в ряд на земле по 4 плоских, примерно одинаковых по размерам, камня в качестве мишеней. Прицельным попаданием в них мелкими камешками, с заранее обговоренного расстояния, сбивали их. Проигрывала сторона, у которой первым поражались все мишени. В мишени кидали, по очереди, определенное количество камешек.

Подростки также играли в игру «рес-кашта». Заостренный колышек, длиною примерно 15-18 см. клали на землю. По заостренному концу колышка били битой (палкой) и, когда он приподнимался над землей, били битой еще раз, отбрасывая колышек далеко в сторону. Другая группа игроков старались поймать колышек, тогда все набранные играющей стороной очки аннулировались, и очередь переходила к ним. А если колышек не удавался поймать, его бросали на кон, где ставилась, бита, и производился отсчет очков, измеряя, расстояние от колышка до биты. Если расстояние между колышком и битой

оказывалось короче длины биты, очередь также переходила к другой группе игроков. Эта игра в каждом селении имела свои локальные особенности, правила.

Из настольных игр, наиболее популярной была игра «ТIама», которая по своему содержанию и основным правилам напоминала шашки и имела несколько вариантов. Поле игры было идентично шахматной доске и состояло из 64 клеток. На поле расставляли по 16 камешков разного цвета в два ряда. По крайним вертикалям ставили по три камешка, тем самым у переднего ряда оставались два свободных поля, что увеличивало маневренность камешков. Камешек мог ходить только на одну клетку вперед, влево или вправо. Убрать камешек соперника можно было, если он мешает продвижению и при наличии за ним свободной клетки. Камешек, дошедший до последней горизонтали соперника, становился «тIама» и мог ходить через несколько клеток, подобно «дамке» в шашках.

Другая настольная игра «ИтIаяр». На плоский камень наносили рисунок из двух вертикальных и одной горизонтальной линий, образуя букву «П». Двумя диагональными линиями рисунок разделялся на три треугольника. Игроки расставляли по две фишки (камешки) по углам треугольников. Каждая сторона передвижением своей фишки по линиям в любом направлении старалась завести соперника в тупик, где не было хода.

Как правило, праздники и игры были многолюдными, красочными, яркими, веселыми. Все это усиливало их социальную роль в объединении и сплочении людей, принимающих участие в праздниках, играх. Они служили средством общения, выполняли функцию социализации человека. Многие виды развлечений способствовали физическому воспитанию, часть из них удовлетворяла эстетические потребности народа.

КРОВНАЯ МЕСТЬ. МАСЛИАТ.

Адатно-шариатские нормы удерживали горцев от правонарушений. Конфликты сельчан между собой и соседними селениями были редким явлением. Они умело погашались и обычно не переходили в неприязнь и вражду. Этим объясняется тот факт, что в истории Агула не было случаев длительного, конфликтного противостояния селений, не говоря о войнах с другими народами на национальной почве.

Но, у агулов, как и у других народов Северного Кавказа, с древнейших времен существовал обычай кровной мести, который в трансформированном виде сохранялся до недавнего времени. Кровавая месть возникла, прежде всего, на экономической почве: захват земли, кража скота и др. Со временем к ней стали прибегать из-за убийства или оскорбления, например, словом и делом чести матери, жены, сестры, дочери. Мотивами кровной мести могли быть нарушение соглашения о браке, осквернение домашнего очага и другие обстоятельства. Члены фамилии (патронимии) оказывали друг другу помощь, защищали друг друга, а в случае убийства, увечья или оскорбления чести обязаны были отомстить, ибо обида, нанесенная члену той или иной фамилии, рассматривались как общая обида для всех ее членов.

Генерал А.В. Комаров, долго служивший администратором в Дагестане и собравший огромный материал по дагестанским

адатам, писал: «...безнаказанно дозволяется убить: 1) каждому своего кровного врага; 2) насилующего, нападающего из засады, грабителя и объявленного врагом всего общества; 3) хозяину дома или поля – вора, пойманного на месте преступления; 4) мужу, отцу, сыну и брату – всякого застигнутого в прелюбодеянии с близкой родственницей (но при этом безнаказанным остается только убийство обоих виновных в нарушении); 5) пойманные в мужеложстве, оба виновные могут быть убиты родственниками; и 6) похитители женщины при преследовании родственниками похищенной. Затем всякое убийство влечет за собой кровомщение: ему подвергаются одинаково мужчины и женщины, убийцы малолетние, сумасшедшие, безумные, случайные, неосторожные, владельцы лошади, собаки и вообще всякого животного, причинившего кому-либо смерть» [14/ 23].

Человека, отступившего от кровной мести, наказывали всеобщим презрением. Месть считалась священной обязанностью каждого родственника убитого [6/475]. Право кровомщения переходило от одного поколения к другому. Срок давности кровная месть не имела. Кровная месть в Агуле была узаконена, предписана.

На языке агулов кровная месть обозначалась следующими терминами: «къан», «кьисас» («месть»), «къанхушу» («убить»), «иин кьисас» («месть за убийство») [2/81].

По совершению убийства до учинения первоначального обряда – указания къанлы – все члены фамилии (тухума) убийцы не должны были показываться родственникам убитого под опасением быть убитыми. Во время оплакивания тела убитого «ясса», немедленно почетные старшины магала, собравшись и рассмотрев обстоятельства, назначали трех человек в канлы (обычно убийцу и двух его ближайших родственников), а остальные должны были прочесть молитву «Фатиха». Убийца подвергался немедленному изгнанию из села [2/82]. Но если открывались какие-то отягчающие об-

стоятельства убийства, то убийца изгонялся не один. Изгнанники вели скитальческую жизнь, ежеминутно рискуя быть убитыми, так как тухум убитого начинал настоящую охоту за убийцей и его спутниками. Впрочем, их тухум тоже не забывал о них: усиленными хлопотами через посредников, индивидуальными выкупами, то за того, то за другого « спутника » добивались от тухума убитого поочередных прощений – постепенно, спутники убийцы получали позволения вернуться в родной аул. Наконец убийца оставался один.

Если к тому времени его еще не убили мстители из тухума убитого, либо сам он не умер от тягот бродячей жизни, то его тухум продолжал через посредников вести упорные переговоры с родными убитого. Они часто прерывались, тянулись годами. По общему мнению, труднее всего было склонить к прощению сестер и мать убитого. По истечению определенного срока, тухум убитого смягчался над убийцей, сочтя достаточно наказанными и убийцу, и его родственников, а свою потерю возмещенной. Дальше вступал в действие сложный ритуал примирения [15/260].

Срок высылки был разный. Это зависело от тяжести и обстоятельств совершенного преступления. Случалось, что он вообще не возвращался на родину, особенно в тех случаях, когда он ещё не обзавёлся на родине семьёй.

«Убийца (баш-канлы) и один его родственник (мал-канлы) подвергались преследованию родственников убитого. По убийству одного из них вражда между тухумами прекращалось и совершалось примирение. Мал – канлы предоставлялось право, по истечении 40 дней после назначения его в канлы, просить родственников убитого освободить его от крови. Если он успевал склонить их к этому, то платил от 50 до 100 рублей, затем, прочтя родственникам убитого молитву, делался свободным от преследования, а убийца под кровью – до примирения или убийства» [11/37].

По обычаю агулов за убийство, прежде всего, мстила

семья пострадавшего и по возможности только убийце, однако если виновного не удалось убить, то убивали его любого близкого родственника. Право кровомщения принадлежало в первую очередь отцу, сыну или двоюродным братьям или дядям по отцу, и лишь потом всей патронимии второго порядка.

В селении Мисси во время ссоры был убит мужчина из тухума Казар мужчиной из тухума Мизилар. Убийца, недолго побыв в канлы, вернулся в аул и стал появляться в общественных местах. Брат убитого ночью убил убийцу и ушел из аула и не возвращался до тех пор, пока его не простили.

Кровная месть могла быть и внутритухумной, то есть между родственными семьями. «Обычай мстить только убийце или же его ближайшим родственникам существовал и у агулов. Так, в селении Буркихан в результате ссоры из-за наследования имущества Харун убил родного брата, за что сын убитого, когда вырос, убил своего дядю» [2/82].

Во второй половине XIX века в Дагестане плата за кровь или искупительный штраф выражалось в форме «алыма», «диата» или «къана». По существу эти три понятие однозначны и представляют собой материальную компенсацию за кровь. У большинства агулов он выступает под названием «къан».

Сложный церемониал примирения, где убийца своим видом и поведеним демонстрировал горе, раскаяние, сочувствие в каждом селении агулов имел свои локальные особенности. Так, например, в Буршаге виновный предварительно с саваном на шее шел к родственникам убитого и получал прощение, затем семья убийцы приглашала близких убитого на угощение, при этом виновный молча уходил. Выкуп обычно не называли, так как считали это продажей крови и аморальным. Лишь в исключительных случаях выкуп выплачивался.

Размер къана в его материальном выражении был различ-

ным, в зависимости от характера их хозяйственной деятельности и от уровня их социально-экономического развития. У агулов основную часть къана составлял скот, в среднем 50-60 голов мелкого рогатого скота.

В селении Буркихан, Тпиг нередки были случаи, когда пострадавшая семья могла требовать от убийцы землю. А в селениях Кураг, Мисси земельный участок в къан включали в обязательном порядке [3/89].

В случае, когда несколько человек убивали кого-нибудь и в убийстве не сознавались, то каждый из них должен был очиститься присягою сорока человек. Если один из них не очищался, то только этот последний отвечал за кровь. Если член какой-нибудь фамилии был убит неизвестными лицами и родственники его, подозревали кого-нибудь, то подозреваемый обязан был очистить себя присягою в мечети на Коране, а в соприсягательстве не было необходимости; если он не очищался от подозрения, то с ним поступали, как с убийцею.

В обоюдных столкновениях, когда оба были убиты, засчитывалась кровь за кровь, а если убит был один, а другой ранен и, излечившись от ран, мог уговорить родственников убитого на мир, то плата за кровь взималась с него за вычетом расходов на лечение его ран [4/204].

После примирения преследования должны были прекратиться. Однако, на деле всё обстояло иначе. Не всегда потерпевшая сторона соглашалась на примирение. А.В.Комаров отмечает, что «успех примирения много зависит как от вида убийства, так от состояния убийцы, связей, родства или покровительства какого-либо влиятельного лица. Человеку бедному, не имеющему большого родства, которые бы могло ему помочь, трудно выхлопотать прощение от богатых и сильных родственников убитого, тогда как убийца, богатый и сильный родством и покровительством важного лица, иногда отказывается примириться с бедными родственниками убитого им» [14/79].

По рассказам информаторов, даже после примирения родственники убийцы старались избегать встреч с родственниками убитого на свадьбах, похоронах, в других общественных местах. Они обязаны были проявлять чуткость по отношения к родне убитого и соблюдать траур столько дней, сколько его соблюдала родня убитого.

С присоединением Дагестана к России, под воздействием административных мер русских властей традиции обычного права, связанные с кровомщением, ослабли. Кровная месть официально была запрещена, виновный наказывался ссылкой в Сибирь на несколько лет, в результате чего число случаев мести значительно сократилось.

Как и в любом другом дагестанском обществе, у агулов, иногда при отстаивании своего мнения дело доходило до грубой перепалки, порою и до драки. Общество оставляло им возможность самим разобраться в ситуации, признавая за ними это право и, как правило, избегало вмешательства в частные споры.

Однако, обострение такого рода конфликтов с возможными затяжными и необратимыми последствиями либо с угрозой общественным интересам заставляло общество вмешиваться. Тут вступала в действие отработанная процедура погашения конфликта через посредническое примирение сторон – маслиат – особая форма судопроизводства. Как и многие другие категории адатной этики, слово это понятно каждому горцу, но затруднительно для буквального перевода из-за своей многозначности (по смыслу это примирение + арбитраж + соглашение). [15/305]

Здесь был интересен сам подход к массе незначительных конфликтов как к частному делу двух сторон, которое следует решать им же, не беспокоя напрасно общество и власти. При необходимости им помогут в этом посредники.

Забота заинтересованных в примирении – развести конфликтующих, даже изолировать их друг от друга на какое-

то время. Затем, удерживая стороны от прямых действий, каждой из них предлагали выбрать посредника – маслиатчи. Как правило, это пользующиеся уважением и влиянием в обществе люди. Обе стороны соглашаются на одного и того же посредника. Но в более сложных случаях каждая сторона выдвигает несколько своих, однако из их числа выбирают посредников с учетом мнения другой стороны. А затем эти « вакилы » – уполномоченные сторон – ведут переговоры между собой, отыскивая подходящие для обоих варианты примирения, постоянно обсуждая каждый со своей стороной все новые предложения, советы, подробности. Тут почти все зависело не только от искусства маслиатчи, от богатства их жизненного опыта, от изворотливости их ума, но и от личных качеств конфликтующих [15/306].

Бывали, однако, и более сложные случаи – например, земельные споры сопредельных джамаатов и др. Тогда обязанности примирения брала на себя одна из соседних общин: прежде всего она не допускала прямого столкновения. Затем при её посредничестве и с участием сторон создавалась коллегия компетентных людей, признанных обеими сторонами. После долгих переговоров и обсуждений с каждой стороной порознь маслиатчи составляли проект взаимнопреемлемого решения. Финальная часть проходила под открытым небом. Те и другие садились на землю группами вдали друг от друга, но в пределах видимости, а членам маслиата приходилось по много раз ездить по полю верхом между обеими, передавая их мнения и согласуя детали. Наконец складывался окончательный вариант: каждая сторона заявляла свое согласие, и затем они могли сблизиться друг с другом. Так, в 1958 году в селении Тпиг была обнаружена рукопись Корана, на одной из страниц которой сделана запись событий, относящихся в середине XVI века, рассказывающая о безуспешном иске Улхай – шамхала казикумухского по поводу взыскания хараджа с жителей сел. Зулер. Зулерцы отказались платить харадж

шамхалу, последний обратился с иском, и вот для урегулирования этого важного вопроса был собран своего рода совет – маслиатчи с участием уважаемых лиц из населенных пунктов, принадлежащих различным феодальным образованиям и союзам сельских общин, различным народам Дагестана: агульские селения Хутхул, Дулдуг, Квардал, лезгинское селение Араг, лакские селения: Кая, Кумух, селения Кубачи, Маджарак [11/151]. Проводим текст этой записи: «Это – пояснение и доказательство на будущее. Подлинно А-л-х- шамхал предъявил иск жителям селения Тпиг по поводу какого-то селения, называемого Зулар, что (мол) « харадж с этого селения полагается мне». Затем был разобран иск и установлено, что не было и не осталось на этом селении (никакого) хараджа и ничего другого – при свидетельстве справедливых и (при даче) клятвы…»

Таким образом, при посредничестве авторитетных людей из разных регионов Дагестана, земельный спор был решен в пользу жителей Зулер. Благодаря широкому бытованию маслиата большинство нарушений гражданского характера и даже какая-то часть уголовных решалась на такой двусторонней основе, исключающий пересмотр дела, преобладающая часть конфликтов, зарождавшихся в горском обществе, угасала на стадии их появления, и суды не были завалены массой малозначительных дел.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

...Среди обрывистых ущелий
Аулы, как гнездовья птиц,
В объятьях каменных расщелин,
В плену у вековых границ.

Они все разные такие:
Одни просты, без мишуры,
До удивления нагие,
Без всякой вычурной муры;

Иные – ярмарка тщеславья:
Бетон, лепнина и узор,
В домах – надгробиях прославить
Себя спешит, кто в жизни вор.

– Меняют облики аулы,-
Диктуют моду времена
Живут, не мудрствуя, агулы,
Ища средь плевел семена.

Гусейни

ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения и жилища относятся к тем видам материальной культуры, которые имеют долгую жизнь и прочно сохраняют особенности их породивших общественно-экономических условий. Изучая поселения и жилища народа, можно проследить длительные традиции архитектуры, культурно-экономические взаимосвязи с соседними этническими группами и их влияние на характер планировки селений и архитектуру домов [1/97].

При выборе места заселения агулы руководствовались принципами, обусловленными природно-географическими условиями, хозяйственной деятельностью, уровнем социально-экономического развития и обороноспособности села. Однако, говорить об уровне социально-экономического развития агулов и их политическом строе того периода, когда формировались рассматриваемые поселения, с определенной точностью невозможно. Факторы, влиявшие на выбор места поселения, по своему характеру подразделяются на две категории: одни, вызванные природно-географическими условиями и хозяйственной деятельностью – оставались во все времена постоянными, действия их неослабевающими. А другие – социально-экономического, политического характера: в зависимости от конкретной обстановки меняются, наблюдаются колебания в силе их действия: периоды усиления и ослабления [2/67].

При этом выбор места строительства поселения основывался не только на практических соображениях. Архитектуру агулы воспринимали как часть природы, не антогонистичную ей. Похоже, ранние строители обладали глубоким внутренним, инстиктивным чувством места.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на характер поселений агулов, как и других народов Дагестана, являлось малоземелье. Земля в горах, ценилась так высоко, что пригодные для посева участки старались сохранить, сберечь каждый клочок и не использовать для других целей. Желание сэкономить, сохранить плодородную землю привело к необходимости занимать под поселение скальный выход, гребень горы или каменистый склон, которые были непригодны для хозяйственного использования, кроме того места эти были неприступными, хорошо защищенными естественными преградами. В данном случае экономические соображения совпадали с интересами безопасности. Обычно к селению вели две-три узкие крутые тропы, хорошо обозреваемые и легко защищаемые в случае необходимости.

Указания на важность фактора обороноспособности горных аулов можно найти как в ранних источниках [3], так и в работах исследователей XVII-XIX вв. Так, русский офицер Н. Абельдяев, посетивший Дагестан в середине XIX в., писал, что «при выборе места для деревень, руководствуются вообще двумя правилами: укрыть, по возможности, свои ветхие дома от непогоды и расположить деревню на такой местности, чтобы она представлялась более выгодной при обороне, в случае неприятельского нападения. На этом основании деревни располагаются или в оврагах, часто под нависшими скалами, или на какой-нибудь возвышенности, представляющей трудный доступ снизу. На сторонах, доступных неприятельскому нападению, возводятся стены из камня, бойницы и часто с башнями для фланговой обороны…» [4/50].

На карте Дагестана, составленной русскими топографами

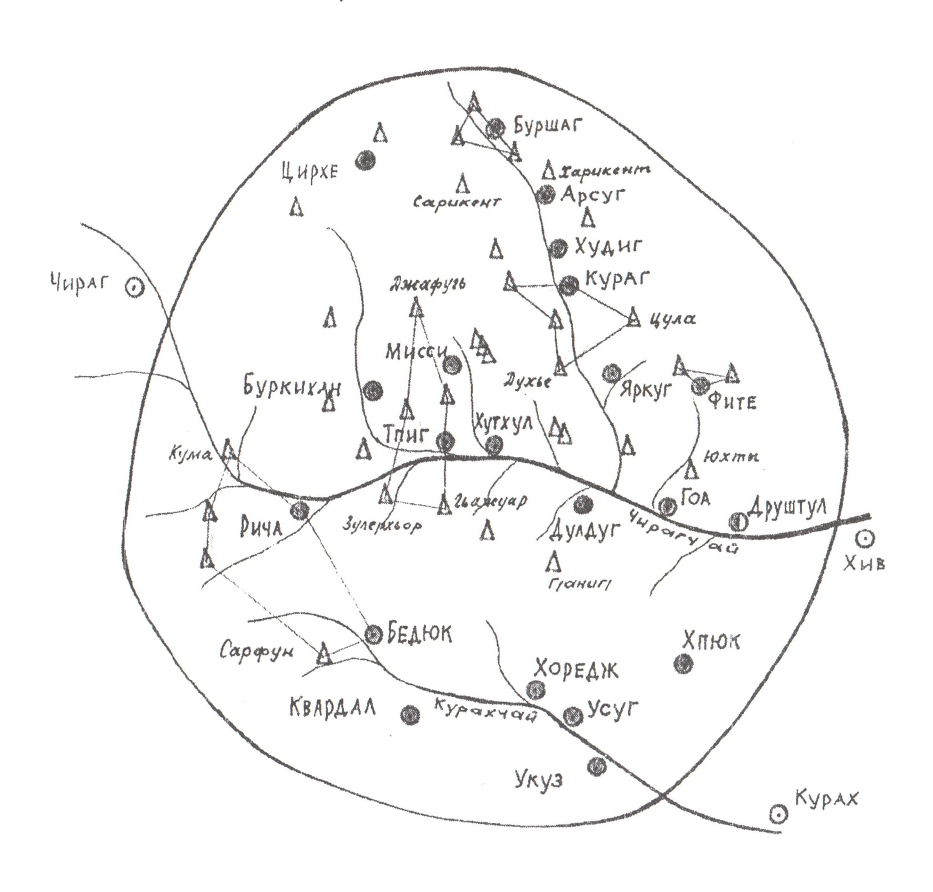
в 1819-1820 годах, показан схематический план селения Рича. Оно расположено на южном склоне горы, окруженной с трех сторон горными речками. С четвертой стороны (с запада) над селением, на горе, стоит оборонительная башня. По гребню горы, прикрывая доступы к селению с севера, идет крепостная стена. Наличие боевой и сигнальных башен на господствующих над селением высотах и в ущельях реки Чирахчая в прошлом, а также между селениями Рича и Тпиг подтверждается сохранившимися остатками этих построек. Отмечая защищенность селения Рича, участник Кавказской войны генерал Головин пишет князю Чернышеву, что «оно лежит при выходе из Кюринского ханства в земли Казикумухские в весьма крепкой позиции, которую оканчивается узкое и трудное дефиле, туда ведущее». [V, 389]. Об укрепленном характере другого агульского селения – Буркихан – говорится в сообщении другого военного [6/627].

Несмотря на защищенность и труднодоступность обеспеченную естественными преградами и расположением, для усиления обороноспособности во многих поселениях, как отмечалось выше, строились оборонительные сооружения: крепости, стены, боевые башни, которые сохранились, в основном, в виде развалин и в памяти старшего поколения.

Характерным для планировки боевых башен агулов является их размещение по краям селений. Например, в селениях Хоредж, Рича, Кураг имелись по три башни расположенных по краям аулов, в местах наиболее вероятного нападения неприятеля. [2/70]

Изучение двух дошедших до нас остатков башен (Курагской и Хореджской) позволяет считать, что боевые башни на территории агулов имели две различные формы и конструкции. «Башня в селении Хоредж сооружена из грубоотесанных каменных блоков различной величины. Башня четырехэтажная, квадратная, каждая сторона квадрата равна примерно 5 м. Межэтажные перекрытия состоят из каменных балок и

Карта раннесредневекового расселения агульских поселений

Условные обозначения:
- *– ныне существующие селения*
- *Δ – городища*

плит. Сообщение между этажами осуществлялось посредством приставных лестниц. На каждом этаже, высота которого не более 2 м., имеются бойницы, обращенные в сторону села и на дорогу, идущую с юга. Рассказывают, что все три башни были соединены подземным ходом, от которого шли ответвления к реке и некоторым жилым постройкам» [7/74].

Башня в сел. Кураг другого типа. «На квадратном в плане основании (высотой 1,5 м) поставлена круглая башня высотой около 10 м. с винтовой каменной лестницей внутри, освещаемой небольшими арочными окнами. Лестница ведет на верхнюю площадку (диаметром 2м.), огражденную высокой стеной (толщиной 55 см.), в которой по кругу устроены небольшие прямоугольные окна; через них просматривается в обе стороны дорога (на стороне, обращенной к аулу, окон нет)» [8/155].

Как и отмечалось выше, немаловажным аргументом, определявшим выбор для места поселения, была близость к источнику, к реке, так как проблема водоснабжения агулов, как и у других народов Дагестана, исстари имела существенное значение. Почти все селения Агула расположены на склонах гор, вблизи от горных речек и крупных источников, где имелся естественный выход подземных вод. Так, селения Дулдуг, Хутхул, Кураг, Хпюк, Хореджа расположены на склонах у самой реки; на относительно ровной площадке, ограниченной с двух или трех сторон речкой расположены селения Тпиг, Бедюк, Буршаг; на значительной высоте от реки по склону горы – селения Фите, Рича.

Существенное значение при выборе места для поселения имела его ориентация по сторонам света. Агулы, как все народы Кавказа, стремились к тому, чтобы селение было обращено в южную солнечную сторону, поэтому почти все агульские селения расположены на южных склонах гор, лицом к солнцу. Лишь в тех случаях, когда полностью заселить южный склон не представлялось возможным, заселялся и северный

склон, но и в таких селениях дома обязательно имели южную, солнечную ориентацию. Так, например, селение Дулдуг, расположено на северном склоне горы, но все его дома фасадом обращены на юг.

Ориентация некоторых агульских поселений определялась ориентацией самого склона. Так, селение Рича ориентировано на восток, селение Кураг – на юго-запад, но и в этом случае все дома фасадом обращены к солнцу.

Особая приверженность к солнцу у агулов, как и других народов горного Дагестана, прежде всего, должна быть поставлена в связь с суровыми природно-географическими условиями края. И летом, и зимой почти все домашние работы мужчины и женщины выполняли во дворе: на квартальной площадке – «гим» или на крышах домов. В агульских селениях, где зачастую не хватало топлива для обогрева помещений, дома специально строились так, чтобы максимально использовать солнечное тепло, а топить очаг в дневное время, специально с целью обогрева жилища, в горах не было принято.

В своем историческом развитии агульское селение прошло огромный путь от небольших поселений, заселенных, по всей вероятности, одним небольшим родственным коллективом – тухумом. Определить время образования тухумного поселения агулов трудно, но они в горах существовали с глубокой древности. Археологические и эпиграфические находки, многочисленные местные предания и легенды свидетельствуют об автохтонности агульского народа и раннем возникновении поселений на территории его современного расселения.

Ранние поселения агулов насчитывали в среднем 30-40 хозяйств и занимали территорию приблизительно 5-6 гектара. Появление на территории Агула крупных селений (Тпиг, Рича и др.), несомненно, следует поставить в прямую связь с разложением родовых отношений и возникновением соседской общины, более передовой в социальном отношении формы расселения и взаимоотношения людей. Большую роль в

образовании крупных селений сыграло развитие производительных сил агульского общества, усиление товарообменных связей, интересы охраны земель и т.д.

Установить точно, когда исчезли небольшие и образовались крупные, селения не представляется возможным, поскольку археологических данных пока недостаточно. Согласно многочисленным устным преданиям, указанный процесс начался в средневековый период, в V-IX вв. Так, существование крупного населенного пункта Рича подтверждают письменный источник – хроника «История Абу-Муслима, устные народные предания. Несомненно, что селение Рича выступало к моменту прихода арабов в Дагестан как политический центр, объединяющий вокруг себя близлежащие поселения.

Группа селений, расположенных по отдельным ущельям – «дере», в одном естественно-географическом микрорайоне, объединились в союзы вокруг одного, наиболее крупного поселения. Объединение сельских общин было добровольным (вначале) военно-политическим союзом, вызванным необходимостью решать вопросы политического характера более широкого плана.

Крупные селения столицы феодальных владений или союзов сельских обществ зарекомендовали себя, одновременно, и как очаги непрерывного, начиная с раннего средневековья, культурного процесса [37/406].Такие селения, как Тпиг, Рича, Усуг Арсуг, Хутхул и др. совмещали в себе функции административных, торгово-ремесленных и культурных единиц, не уступая городам по интенсивности влияния на всю округу.

Об образовании и истории многих агульских поселений сохранились предания, легенды, которые в какой-то степени отражают реальные события, фактические явления.

Согласно преданию, селение Рича образовалось путем объединения остатков жителей двух больших раннесредневековых селищ Сарфун и ДамхIал хIоьр и двух небольших поселений Судайхъал хIоьр и Кума. Сарфун был расположен у

подножия одноименной горы, в излучине двух речек Сарфун нецIв и XIоьран нецIв. Поселение находилось на древнейшем торговом пути, который связывал Южный и Северный Дагестан. Другое разрушенное поселение – ДамхIал хIоьр – расположено в 5 км от современного селения Рича на господствующей над окружающей местностью высоте и могло контролировать участок древнейшей торгово-стратегической магистрали. Судя по строительным остаткам поселение ДамхIал хIоьр занимало довольно обширную площадь. Здесь встречается большое количество разнообразных фрагментов керамики, которая исключительно богато орнаментирована: сплошная штриховка, ряд параллельных линий, ряд волнистых линий, налепной валик с пальцевыми вмятинами. В культурном слое селища видны многочисленные следы пожара. По преданию, поселение погибло во время пожара и существовало оно раньше современного аула Рича. Однако есть все основания полагать, что населенные пункты Рича, ДамхIал хIоьр, Сарфун существовали одновременно, образуя территориальный союз. Селение Рича занимало важное стратегическое и удобное географическое положение. Оно быстро стало расти, и превратилось в одно из крупных населенных пунктов в южном Дагестане XI-XII веках, в нем была построена большая мечеть, которая сохранилась и поныне, а в XIII в., согласно куфической надписи, правитель его был «наделен особым титулом, свойственным восточным правителям и феодалам» [9/39].

Аул Бедюк, по преданию, образовался после разгрома поселения Сарфун. Обнаруженные здесь эпиграфические надписи на албанском языке дают основание полагать, что Бедюк уже существовал в V-VII вв. Считается, что на месте современного села в ту отдаленную эпоху располагались летние хутора ричинцев. В связи с тем, что здесь были идеальные условия для скотоводства, тухумы Халилар и Камбарар из селения Рича переселились сюда на постоянное жительство и образовали небольшой хутор. Несмотря на то, что Бедюк

являлся вполне самостоятельной хозяйственной единицей, он до середины XIX века с селением Рича в политическом отношении составлял одно общество. [2/77]

Селение Тпиг образовалось путем объединения пяти небольших поселений: Джафугъ, Гьажурар, Зулеран – хIоьр, Кьуриар и Фурдук. Все они существовали одновременно и являются раннесредневековыми памятниками, жизнь на которых прекратилась в одно и то же время. Подобно Рича, Тпиг уже в XII веке являлся крупным аулом, центром экономической и торговой жизни. Эпиграфические надписи свидетельствуют, что XII-XIII века в нем была построена крепость. Ученые считают, что в указанное селение Тпиг становится и центром небольшого феодального владения [8/59].

Судя по преданиям и сохранившимся памятникам, истории образования и других агульских поселений аналогичны вышеприведенным. Так, например, в селение Фите слились поселения ЖугьутIин хуларик и ЛулудинхIана с собственно Фите. Наличие могильника с домусульманскими захоронениями на его территории, обследование строительных остатков, упоминание его в местной хронике «История Абу-Муслима» позволяет считать, что селение Фите существовало еще в доарабское время.

Селение Кураг образовалось из поселений Цула, КIулардж, Духье, УьрцIалар и собственно Кураг, а Буршаг – из Джуфугъ, ХIоьръагъул и КьоьттартIал. Обнаруженный в местности «КьоьттартIал» могильник по характеру погребения и инвентаря является домусульманским, что свидетельствует о древнем бытовании памятника.

Интересна история двух поселений, продолжавших существовать самостоятельной общественно-экономической жизнью, не сливаясь с другими, до позднего средневековья. Развалины им хорошо видны и сейчас, и наносились они на крупномасштабных картах еще в 40-х годах XX века. Это Харикент и Сарикент, поселения расположенные в Кушан-дере,

между селениями Арсуг и Буршаг. Предание гласит, что нездоровое соревнование между жителями двух соседних аулов по приумножению богатств, привело к тому, что во время нашествия иноземных захватчиков они не смогли объединиться, не поддержали друг друга. Этим воспользовались пришельцы и уничтожили оба аула поодиночке. Сохранившаяся часть их жителей объединились с жителями современного аула Арсуг, а часть переселилась в Буршаг. По другой версии предания они были разрушены нашествием Надир – шаха. По непонятным пока причинам жители этих поселений были последователями шиитского толка мусульманской религии. Переселившись в Арсуг, они образовали тухум Кьажарар, а тухум, заселившись в Буршаге, получил название КьарагIали. Оба эти тухума находились в несколько зависимом положении от коренных жителей Арсуга и Буршага [2/80].

Образование многотухумных или полигенных поселений, происходило по-разному. В одних случаях продолжало существовать однотухумные или моногенные поселения на первоосновaнном месте, не сливаясь с другими. В других случаях, – жители, нескольких распавшихся поселений, объединяются и образуют новое крупное селение, удобное в хозяйственно-политическом отношении, и выгодное в стратегическом отношении. Однако таких селений немного. В основном селообразование происходило путем слияния, подселения жителей разрушенных селений к крупному селу. Во время подселения или слияния выходцы из одного поселения – кровнородственная группа – поселяются компактно, несколько обособленно, занимая отдельный квартал. [2/80]

По мере нарушения родственного принципа расселения, скорее с потерей внутреннего единства, общественного значения тухума («мирасар»), с образованием внутри него патронимий второго порядка («мукьумирасар») название квартала приобретают территориальную или топографическую значимость. Так, в селение Рича все кварталы, первоначально

ТОПОНИМИКА СЕЛЕНИЙ АГУЛОВ
(по Г.А.Алхасову)

Наименование населенного пункта	Самоназвание, название села в других диалектах языка	Лексическое содержание названия (квантема)
Арсуг	Арсугъ	расположенный возле скалы
Бедюк	БаIдуIхъ, ГI'адухъ, Бедухъ	расположенный за горой
Буршаг	Буршагъ, Бурщигъ	находящийся на краю, у оконечности
Буркихан	ГехъуIн, КкехьуIн	плечо, торцовая сторона чего-нибудь
Гоа	Гваъ	расположенный в желобе
Хоредж	Хвередж, XI'ураж, XI'урадж, Хуьрадж, Хвереж	скала в ущелье
Хпюк	X'пукь, XI'уппукь, X'ппукь	расположенный за горой
Дулдуг	Дулдугъ	ровное место, поляна
Дуруштул	Дуруштал, Друштал	расположенный на трудном месте
Кураг	Курагъ, Куригъ	возле речки
Квардал	Курдал	расположенный на горе
Усуг	Усугь	расположенный против склона горы
Укуз	Уккудиъ, Ккудиъ	внутри…(?)
Тпиг	Типпигъ, Ттиппигъ, Тивагъ, Туппагъ	небольшой склон, окаймляющий ровную поляну
Рича	ЧIаъ	расположенный в ложбине
Худиг	Худигъ	расположенный возле поля
Хутхул	Худхул, Гъудгъул	село возле поля

*Примечание. * Этимология населенных пунктов Яркуг, Цирхе, Мисси, Фите вызывают затруднения.*

носившие тухумные названия: БехIавур, МугIилияр, Кьамтарар, Шулаяр, Зилгаяр, ЧанкIаяр, Бурчакар, – в XIX веке чаще именуются: ВартикIилар (верхний), Хванакъаяр (возле склона) ГIянакъар (загон), ВархIакъар (возле поля). [2/81]

Обособленность тухумов прослеживается во многих явлениях быта, в структуре поселения: каждый тухум – квартал имел свою общественную площадь и мечеть.

Аналогичная картина наблюдается и в селении Кураг, которое делилось на четыре тухума: Кьадивур, Кьурахдаяр, Кутаяр и ИцIигIалар, – занимавших четыре квартала.

В Хпюке, согласно преданию, является сравнительно молодым селением, образованным выходцами из разных мест, имелись три тухума: Малавар, Саруяр и Гъуливар, соответственно занимали Вартимягьле (верхний квартал), Юкьанимагьле (средний квартал) и Агьамагьле (нижний квартал). Основание селения приписывают переселенцу из селения Хутхул по имени Хпюк, который вместе со своими родными братьями образовали тухум Гъуливар, впоследствии к нему подселились из Усуга тухум Саруяр и Малавар из Буркихана.

В небольшом селении Буршаг насчитывалось шесть тухумов, по преданиям два из них были пришлыми. Селение имело дробное поквартальное деление и более общее территориальное деление: ВартикIилар (верхний квартал), АйкIилар (нижний квартал).

Обособленность тухумов, их поквартальное расположение нашли свое яркое отражение и на принципах захоронения. На общесельском кладбище существовали тухумные участки, граница которых не нарушалась на протяжении веков. Традиции эти были настолько сильны и прочны, что, несмотря на нарушение принципа кровнородственного расселения, в селениях у некоторых тухумов до сих пор сохраняются на кладбищах свои участки.

Поселения, образованные по сословному принципу у агулов не обнаруживаются, все они свободного, узденского про-

исхождения. В силу исторических условий, многие из них, начиная с XVI века, периодически попадают в зависимость от феодальных владений – Казикумухского и Кюринского ханства, что, однако, не изменило их внутренней структуры и принципа группировки. Некоторые селения (Буркихан, Яркуг, Цирхе) в XVII- XVIII веках находились под сильным феодальным гнетом, тогда как другие (Рича, Тпиг, Фите, Буршаг) это ощущали в меньшей степени. [2/81]

В агульских селениях не обнаружено рабских кварталов, как это имело место в селениях некоторых других народов Дагестана.

С присоединением Дагестана к России в начале XIX века уменьшилась опасность внешних нашествий и прекратились внутренние междоусобицы, но в силу сохранившейся напряженной политической обстановки в этом регионе, агульские селения сохраняли свой оборонительный характер, свою компактность и структуру. Вплоть до середины XIX века территория, населенная агулами, не раз становилась ареной ожесточенной борьбы между царскими войсками и войсками Шамиля, между царскими войсками и ополчением казикумухских ханов, что самым непосредственным образом отражалось на экономическое состояние поселений. [2/87]

Только после окончательного присоединения края к России, агулы получили возможность экономического и культурного развития, перестроили свое натуральное хозяйство на товарное хозяйство животноводческого направления. Соответственно изменился и характер поселений. Характерными особенностями агульских поселений середины XIX века являлись их относительно небольшие размеры. Эту особенность подтверждают и статистические данные о населении и численности агулов, извлеченные из посемейных списков 1869 года.

Во второй половине XIX века развитие производительных сил, расширение торгово-экономических связей и установившаяся мирная обстановка приводит к нарушению прежних

границ поселений и традиционной скученности планировки. Многие из них стали постепенно, расширятся, появились новые кварталы, постепенно исчезают тухумно-родственный принцип застройки. Во вновь образованных кварталах дома располагаются свободно, не прижимаясь, друг к другу, под постройку занимают большую площадь, а сами дома большей частью строятся двухэтажными, раскрывшимися, с лоджиями и верандами. [2/87] Соответственно и агульские поселения менялись в характере, структуре; наряду с увеличением площади, занятой под ними растет и число хозяйств. Одной из основных причин роста хозяйств, наряду с естественным ростом населения, является распад больших семей и образования на ее основе несколько самостоятельных хозяйственных ячеек. За период с 1869 года по 1886 год число хозяйств агулов выросло на 413, особенно селение Буркихан – на 82 хозяйства, Тпиг – на 64 хозяйства, Рича – 41, Дулдуг – на 25 хозяйств. В то же время, в некоторых селениях хозяйства почти не увеличились или увеличились незначительно (Фите, Укуз, Друштул). Здесь, видимо, большие семьи по-прежнему сохранялись.

В зависимости от рельефа местности агульские поселения принимают разные формы. Но в большинстве своем это ступенчатая форма, которая была характерна для селений, расположенных на склоне (Рича, Друштул, Кураг, Хпюк и др.). Постройки планируются по склону горизонтальными рядами, создавая ступенчато-террасообразную форму. В некоторых случаях плохо прослеживаются горизонтальные ряды – террасы, они изгибаются, прерываются, и правильнее будет эту форму поселения называть беспорядочно-ступенчатой (Хпюк, Арсуг, Гоа). [2/93]

Небольшая часть агульских поселений имеет горизонтальную планировку (Тпиг, Бедюк), но, которая существенно отличается от равнинных.

Третья форма характерная для поселения агулов, – кучевая. Такую форму в основном имели небольшие населенные

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
о населении и количестве хозяйств агулов, из посемейных списков 1869 и 1886 годов

№ п/п	Наименование населенного пункта	Количество населения в аулах в 1886г.	Количество хозяйств		1886г. к 1869г. (+,-) хозяйств
			1869г.	1886г.	
1	Арсуг	286	48	67	+19
2	Бедюк	209	36	42	+6
3	Буркихан	695	30	112	+82
4	Буршаг	291	29	47	+18
5	Гоа	208	26	39	+13
6	Друштул	362	59	67	+8
7	Дулгуг	371	38	63	+25
8	Кураг	260	25	42	+17
9	Квардал	120	17	21	+4
10	Мисси	213	29	37	+8
11	Рича	653	88	129	+41
12	Тпиг	820	106	170	+64
13	Укуз	126	24	24	—
14	Усуг	404	62	73	+11
15	Фите	232	39	38	-1
16	Хоредж	186	25	36	+11
17	Хпюк	148	44	65	+21
18	Худиг	286	46	61	+15
19	Хутхул	604	84	105	+21
20	Цирхе	169	12	32	+20
21	Яркуг	134	16	26	+10
	Всего:	6777	883	1296	+413

пункты, расположенные на гребне горы (Буршаг, Квардал, Цирхе), а также тухумные поселения, что видно по их остаткам. Кучевая форма для агульских селений является наиболее древней, исходной. С изменением характера расселения в XV-XVII вв., укрупнением и разрастанием селений изменяется и их форма, преобладающим становится ступенчатая. Вся проведенная дробная квалификация по формам носит некоторый условный характер. [2/93]

Многие путешественники, наблюдатели, военные, побывавшие в дагестанских селах в XIX веке, дают экзотические преувеличенно мрачные описания улиц, высказывают удивление по поводу их узости, запутанности, бессистемности. Хотя в литературе нет высказываний, непосредственно относящихся к агульским селениям, сказанное о других селах в равной мере может быть отнесено и к ним, так как по своей форме и планировке все горные селения в основном однотипны. [2/94]

Агульские поселения с самого начала возникновения строились по определенному, заранее учтенному плану. Строительство поселения было связано с определенными факторами, как общественно-экономического и политического, так и природно-географического порядка, которые обусловили выбор конкретного места, характер застройки, группировку домов, расположение отдельных домов, элементов, общественной площади, улиц и их направленность, систему сообщения и связи между отдельными частями аула. Безусловно, с точки зрения современного человека улицы, месторасположение, вся система планировки старого агульского поселения неудобны для жизни, быта, хозяйственной деятельности и в целом для культурно-экономического развития. Но если к этому вопросу подойти с точки зрения коренного жителя XII-XV веков, то планировка была глубоко продуманной, тщательно выработанной с учетом всех интересов, отвечала хозяйственно-бытовому укладу, уровню общественно-экономического

развития, политической обстановке, и во всем этом был разумный расчет и опытное решение.

Характерной особенностью планировки старого поселения является его теснота и скученное расположение домов. Дом-башня, многоэтажный замкнутый комплекс с вертикальным размещением жилых и хозяйственных помещений, являясь основным элементом старого поселения, во многом определял его характер, форму. Дома, тесно примыкая один к другому, создавали сплошную застройку улицы со стороны верхней части склона, а со стороны нижней на нее выходила невысокая стена, ограждая крыши домов нижерасположенного ряда. Но чаще улица была с обеих сторон застроена домами, которые превращали ее в узкий и кривой коридор. [2/95]

В поселениях главной и центральной улицы не было, ступенчато-террасообразная или беспорядочно-ступенчатая планировка определяла и уличную систему: после каждого ряда или ступенек домов шли горизонтальные улицы, соединенные вертикальными переулками и сходящиеся в конце. Конечно, строго горизонтальных или вертикально идущих улиц в аулах нет, они изгибаются, переплетаются, приспосабливаясь к рельефу местности и планировке домов.

ЖИЛИЩА

Известный кавказовед Н. Воронов отмечал: «...что в Дагестане все, что может служить для защиты страны, для сохранения ее отчужденности от остального мира, – все это находится в целесообразном порядке. Тропинки едва существуют, аулы неприступны, каждое жилище в отдельности неудобопроницаемо. И все эти кажущиеся неудобства дагестанской жизни носят на себе один стиль, созданный по плану как-бы одного архитектора.... Словом, кто видел Дагестан, тот согласится, что страна эта представляет замечательный, в высшей степени своеобразный мир, и в общих чертах и в мелочах, сложившийся по одной мерке, по одному идеалу, так что не будет натяжкой приписать ему обладание своего рода цивилизацией, которой внешнею отличительною чертою служит искусство в горном домостроительстве». [36/23]

Все сказанное, в полной мере, можно отнести и к архитектуре поселений и жилищ агулов.

Природно-географические особенности – рельеф, климат – обусловили создание и длительное бытование у агулов жилища закрытого типа – плоскокрышего каменного дома с глухими стенами, с вертикальным расположением помещений. Немаловажное значение для возникновения и бытования закрытого типа жилища сыграл тот факт, что здесь, сильны были пережитки родовых отношений, часты были случаи иноземных нашествий и, наконец, межобщинные столкновения [2/98].

Некоторые агульские постройки, существующие и в настоящее время, построены в XIII-XIV веках. Может быть, и еще раньше. Известно, что дошедший до нас каменный дом с плоской крышей бытует в горах с эпохи бронзы. Если даже многое изменилось в его конструкции, планировке, основные формы и элементы старинного жилища горцев, выработанные в далеком прошлом, в усовершенствованном виде продолжали существовать до середины XX века.

Дома тесно прижимаются друг другу, зачастую одна стена является общей для двух строений и в одной постройке размещено несколько жилищ, со сложными переходами и связями. Редкие были случаи, когда хозяйство имело усадьбу или хотя бы двор и надворные постройки. Дома были лишены возможности, расширяться в горизонтальном плане. Выделение новой семьи – самостоятельного хозяйства, отсутствие свободных участков приводили к еще большему уплотнению построек, усиливали скученность селения. [2/99]

Одной из важных жизненно необходимых задач, стоявших перед хозяином, при возведении дома, наряду с хозяйственной, были обороноспособность и недоступность жилища горца, на что многократно указывали наблюдатели и путешественники XVIII-XIX веков, часто называя их домами-крепостями. В то же время, в агульском доме не было этажа или помещения, специально выделенного для оборонительных целей.

Наиболее примитивной и архаичной формой агульского жилища, встречающейся во второй половине XIX века, было одноэтажное однокамерное жилище. Таких жилищ осталось крайне мало, они сохранились как пережиточное явление, связанное с бедностью владельца, и не является показателем уровня развития жилища вообще. Однако, оно может быть рассмотрено в плане эволюции жилища в целом как наиболее ранняя ступень его. [2/105]

Самым распространенным жилищем в XIX веке было прямоугольное в плане каменное сооружение в два этажа,

с одним входом и небольшими узкими световыми отверстиями. Довольно большое распространение имели и трехэтажные дома. Четырехэтажные дома встречаются редко.

Характерной особенностью дома с вертикальной застройкой является то, что жилые комнаты и хозяйственный помещения размещаются этажами, один над другими, но не обязательно строго в вертикальном плане, подобной планировкой достигалась, во-первых, экономия земли, во-вторых, компактность жилищно-хозяйственного комплекса.

Распространенным вариантом однокамерного жилища у агулов была двухэтажная постройка, в которой помещение первого этажа служило хлевом для крупного рогатого скота, а жилая комната находилась на втором этаже. В данном случае необязательно, чтобы все четыре стены постройки были двухэтажными – второй этаж мог частично опереться на стены хлева, а частично – на грунт. Жилая комната и нижнее помещение имеют отдельные входы со склона на разных уровнях, и постройка в целом принимает ступенчатую форму, характерную для горных селений Дагестана.

Своими размерами, которые колебались обычно в пределах 20-30 кв.м., основными элементами конструкции, интерьером однокамерное жилище принципиально не отличалось от помещений в двух – и трехэтажных домах. Называлась эта комната, которая выполняла все функции жилища, – «хал», так же, как и многокомнатный дом. Для обозначения впоследствии выделившихся дифференцированных помещений к термину «хал» прибавляют слова, указывающие на функции, назначение этих помещений. [2/106]

Наиболее распространенным жилищем агулов во второй половине XIX века был двухэтажный двух – и трехкамерный дом без двора. Количество комнат и их размеры, так же как хозяйственных помещений, находились в прямой зависимости от достатка хозяина дома и численности членов его семьи [2/106].

Изменение политической обстановки в крае – ликвидация Кюринского ханства и включение агульских селений в состав Кюринского округа – повлекло за собой большие изменения в социально-экономической и культурно-бытовой жизни народа. Оно обусловило развитие жилища, изменение его характера, планировки и формы. Старые глухие дома понемногу раскрываются, расширяются проемы лоджий, появляются веранды, увеличивается количество помещений. Увеличение количества и размеров помещений происходило как на жилых этажах, так и на хозяйственных. Пол во всех комнатах оставался земляной, обмазанной специальной глиной, стены были отштукатурены и побелены. Потолок состоял из балочно-плиточного перекрытия, наиболее характерного для жилых помещений агулов.

Внутреннее убранство и обстановка жилища отражают в определенной степени уровень общественного развития, хозяйственный уклад семьи, особенности традиционного быта. Внутреннее убранство жилья агулов в старину отличалось простотой, а домашняя утварь составляла самое необходимое в хозяйстве. Главным помещением в доме, после кунацкой комнаты, было «цайин хал» (букв, «комната огня») – общесемейная комната.

В зимний период в этой комнате готовили пищу, питались и спали. В торцевой стене комнаты находился камин, который украшался рисунками геометрического орнамента. Над камином делалась полочка, куда прежде обычно ставили светильник «чирах», позднее – керасиновую лампу и другие мелкие вещи. У стены, где имелся вход, ставили сундуки, ящики для хранения парадной одежды и другого имущества. Стены прорезывались нишами различных размеров. Большие ниши предназначались для хранения постельных принадлежностей, а маленькие – для посуды. Маленькие ниши обычно разделялись деревянными дощечками на отдельные полки. В стенах комнаты, в полметра от потолка устраивали полки – «къасар»

для глиняной, деревянной и медной посуды, а иногда и мелкие безделушки. Ниши закрывались занавесками. Земляной пол в обязательном порядке покрывали конопляными паласами местного производства.

Агульское жилище не делилось на женскую и мужскую половину, но в порядке размещения вещей соблюдался определенный порядок. Предметы и орудия мужского труда, так же и оружие, занимали место поближе к входу – напротив места размещения кухонной утвари и приготовления пищи, продовольственных запасов и инструментов женского труда. Большинство предметов домашнего обихода развешивали на кольях, вбитых в стены, а верхнюю одежду – на жердях, подвешенных под потолком, посуду расставляли на полках, в определенном порядке, в зависимости от размера и назначения, Рядом с дверью ставили медный кувшин для ношения воды – «гвар».

Агулы, как все дагестанские народы большое внимание уделяли убранству комнаты, предназначенной для гостей. Называлась она «тав», «тавун хал» – кунацкая. Эту комнату по сравнению с другими делали уютнее, светлее. Она всегда содержалась в чистоте, чтобы в любое время можно было принять гостя. Каждый хозяин или хозяйка стремились сделать эту комнату более удобной, опрятной и нарядной, чем другие. Занавески для кунацкой делали из материи разных красок, часто изготавливали занавески из лоскутиков. Эти лоскутики искусно пришивали друг к другу в форме треугольников, квадратиков и т.д. Пол кунацкой комнаты застилали сумахами. На них клали несколько маленьких подушечек, на которых могли сидеть гости. С XIX века, на стене вывешивалось большое зеркало, украшенное полотенцем с вышивкой, сюда же ставили сундуки кустарного, реже русского производства. На коврах, украшавших стены, развешивали кинжалы в дорогой оправе.

Мебели, как таковой, в агульском доме до середины XIX

века не было. Скамеечки местного изготовления, длинная скамейка – диван – «тахт» у очага и ларь – «тах» для хранения продовольственных запасов – такова была обстановка жилища среднего агульца. К этому нужно добавить несколько безворсовых ковров, производство которых было широко распространено. Несмотря на бедность обстановки, земляной пол, закопченные стены и потолок, отсутствие мебели, жилище агулов содержалось в чистоте и выглядело, аккуратным.

Центральное место в планировке и интерьере комнаты занимал очаг – «мац», «цIинмукь», «цIафул» (место огня), служившее не только местом приготовления пищи, средством отопления и освещения помещения, но и символом единства, благополучия семьи. Очаг на протяжении веков изменялся и развивался в тесной взаимосвязи с развитием материальной культуры, строительной техники, культурно-бытовых требований семьи. Он прошел путь от срединного, открытого до внутристенного камина, тем самым вызывая в свою очередь изменения во внутренней планировке и обстановке жилища.

Наиболее архаичным являлся очаг, находившийся посреди комнаты, с висящей над очагом железной надочажной цепью. Составными частями его были также место для разведения огня и очажные подставки. Для огня в одних случаях имелось небольшое углубление, обложенной, как и место, вокруг него, толстыми огнеупорными каменными плитами, а в других – огонь разводился на площадке из плит, находившейся на уровне земляного пола. [2/114]

Основным видом топлива у агулов был кизяк и спрессованный овечий помет, который отличался большим жаровыделением. Его специально заготавливали впрок. Заготовленное топливо в виде небольших плоских четырехугольных плит складывалось по краям крыш.

Дым от очага поднимался к потолку и заполнял верхнюю половину комнаты, не успевая выходить в небольшое окно в стене или отверстие в потолке. В таких помещениях вещи,

висящие на жердях, потолок, и верхняя часть стен были прокопченными и блестели как лакированные.

Пристенный или угловой очаг с дымарем являлся новой ступенью развития его. Дымарь, в целом имел одинаковую форму и конструкцию. На высоте 50-70 см от уровня пола в стене над очагом оставляли два консольных камня, концы, которых закреплялись в кладке, и, опираясь на них, сооружали дымарь из сланцевых плит, обмазанных глиной, которому придавали конусообразную форму.

Постепенно, к середине XIX века пристенный очаг эволюционирует в камин – «тав», «к илаяр», «мац». Устраивался он так же, как и пристенный очаг, в одной из стен, однако, преимущественное распространение получило расположение его в боковой стене по отношению к входной двери.

Помимо вышеназванных комнатных отопительных сооружений, у агулов существовала специальная печь, предназначенная для выпечки хлеба и подсушивания зерна перед помолом – «хьар», основным элементом которой является плита, изготавливаемая из желтой специальной глины, с добавлением козьей шерсти, мякины.

Наиболее архаичная форма агульского жилища не имела светового окна в нашем понимании: в потолке комнаты, над очагом, имелось небольшое отверстие, служившее одновременно и дымоходом. Свет и воздух проникал также через открытую дверь. В вечернее время источником освещения служил очаг или специальный светильник. Старинным светильником являлась каменная чаша часто неправильной треугольной формы, в углубление которой наливался растопленный жир и вставлялся фитиль – кусок ткани, скрученный и предварительно пропитанный тем же жиром. Следующим по времени бытования являлся светильник в виде железной чаши четырехугольной формы на трех ножках. Принцип его работы такой же, как и у каменной плошки. [2/119]

Значительная часть домов, построенных в середине XIX века, имела окна с рамами и ставнями. Размеры оконных проемов были небольшими и колебались от 30х40 см до 60х80 см. Помещения разного назначения имели окна разные как по форме, так и по размерам. Проемы оконные имели в преобладающем большинстве прямоугольную форму, но встречаются и арочные оформления, которые носят чисто декоративный характер. [2/119]

В старинное жилище агулов вела массивная низкая и узкая дверь, состоящая обычно из двух половинок. Делалась дверь и из одной толстой доски. Высота дверного проема не превышала 160 см, ширина 80 см, порог был высокий. Дверные полотна имеют сверху и снизу выступающие пяты, которые вставляются в углубления – гнезда в каждом углу в верхней и нижней части дверного проема. Двери запирались с помощью специальных засовов. Открывались двери всегда внутрь.

Основными строительными материалами агулов издавна были камень, глина и дерево. Из камня и дерева составлялись основные, конструктивные элементы домов. [2/122] Агулы проживают в районах, где нет строительного леса; сильно пересеченный рельеф местности и отсутствие удовлетворительных дорог для перевозки лесоматериала обусловили, что камень стал основным, местами единственным строительным материалом. Однако, для перекрытия жилого помещения всегда использовались деревянные балки, доставленные с большим трудом из табасаранского и других районов. Конструкция перекрытия агульского жилища, наряду с другими признаками, служила одним из показателей экономического состояния владельца. Чем богаче был хозяин, тем больше было в доме деревянных деталей, балки были улучшенного качества, и накат устраивался из хорошо отесанных толстых досок.

Во всех агульских селениях первые этажи, нередко и вторые в трех- и четырехэтажных домах, состояли из одного камня

без деревянных частей, за исключением дверных полотнищ. Острый дефицит леса вынуждал хозяев и мастеров-строителей применять камень не только как материал для возведения стен, но и как материал для перекрытия. [2/123]

В агульских селениях часто встречаются перекрытия, покоящиеся не на арочной конструкции, а на каменных столбах – «дун». Опорные столбы бывают разных форм – круглые, четырехугольные, комбинированные. На капитель опорного столба, находящегося в центре помещения, укладываются каменные балки, вторые концы которых лежат на стенах помещения. На каменные балки уложены массивные каменные плиты, плотно подогнанные друг к другу. В одном помещении может быть и несколько столбов. [2/124]

Каменное перекрытие помещения осуществляется несколькими конструктивными способами. Наиболее распространенной формой является арочная конструкция, которая имеет несколько видов по сложности возведения. На стены арок, занимающих значительную часть площади потолка, укладываются каменные балки, а оставшаяся между ними пустота закрывается большими каменными плитами. Арка, помимо придания прочности всей контрукции, украшала фасад строения.

Конструкция может быть и комбинированной из арок и столбов. Народные мастера-строители стремились освободить стены построек от нагрузки перекрытия и крыши. Для этого у самой стены строили столбы, часто сдвоенные, на капитель которых ложились балки.

Стены дома возводились из местного камня, собранного с поверхности земли, в основном в речных долинах, или заготовленного путем добывания из скал.

Кладка выполнялась двумя слоями путем подгонки кусков друг другу и заполнения пустоты щебнем и глиняным раствором. Практиковалась и сухая кладка без скрепляющего раствора, обычно для временных построек.

В основном агульские дома построены из хорошо колотого камня. Более тщательно подбирая камни одинаковой высоты, укладывали рядами наружный слой, стараясь придать стене привлекательный вид. Ровная и гладкая поверхность фасадной стены со вставленными резными камнями служила основной формой художественной выразительности дома. Обычно поверхность стены, вдоль ее плоскости на уровне перекрытия первого этажа, разделялась тягой – поясом из плоских камней, выступающих на 8-10 см. Строительство фасада завершается карнизом, иногда очень искусно оформленным. Вообще для агульских домов характерны разнообразные и богатые по технике выполнения и форме консоли карнизов, но наиболее часто встречаются скошенные книзу. Чтобы фасаду придать большую выразительность агульские мастера-каменщики придавали особое значение оформлению входных и оконных проемов. [2/129]

Задолго до начала строительства дома хозяин заготавливает все необходимое, роет траншею для фундамента глубиной до одного метра и почти такой же ширины. Приглашенный мастер-каменщик договаривается о принципе оплаты труда, об этажности постройки и внутренней планировке, местоположении окон и дверей и т.д. Каменщик занимался только кладкой, а подсобные работы должен был выполнять хозяин, или наемный рабочий.

Строительство завершается укладкой перекрытия. Различие в строительных материалах и технических приемах определяло и исполнителей его. Кладка каменных балок и плит производится каменщиком, а настил из досок или накат из жердей чаще выполняет плотник. Землю, засыпанную поверх каменных плит, обкатывали каменным катком. А в некоторых селениях на плиты накладывается тонкий слой глины, а землю утаптывают ногами. [2/131] Правильно сделанная крыша не пропускала воду, но требовала ухода – постоянного посыпания глины и укатывания (предмет заботы хозяйки

дома). Однако для защиты жилья от влаги и сырости этого ещё недостаточно; чтобы на кровле не застаивались лужи, по краям крыши часто устраивали, отводные желоба – это предотвращало размыв самой крыши и отбрасывало сточную воду подальше от фундамента и стен. Сток воды по неоштукатуренным стенам был нежелателен,- поэтому свес крыши увеличивали. По верху стены делали выступающий карниз, а при кладке стены выводили горизонтальные тяги из выступающих плит (в несколько рядов) – они отсекают стекающую воду, отбрасывая её со стены.

Особенно заметный рост жилищного строительства агулов падает на конец XIX и начало XX веков, и связан с расширением хозяйственной деятельности населения и торгово-обменных связей, повышением материального благосостояния части людей. Наметилась тенденция перестройки старых домов, а при их возведении учитывались изменившиеся условия. Исчезновение опасности разбоя и военных столкновений, возможность спокойного занятия хозяйством привело к увеличению числа хозяйственных помещений в доме, возникновению открытых галерей, отдельной нежилой комнаты больших размеров, обставленной лучше, чем другие и рассчитанной на случай торжественных сборов, прием гостя. Дома, построенные в этот период, в основном, двухэтажные. Появляются лоджии открытые на всю лицевую часть галереи. Широкое распространение получают веранды, огороженные фигурной балюстрадой. Арка стала занимать большое место в композиции наружной части дома. Глухие стены нижних этажей, стали, как бы уступать место аркам. [2/131]

Произошли определенные изменения во внутренней планировке комнат, в интерьере и элементах жилища. Увеличивается количество комнат до двух-трех.

Намного выше и шире стали двери и окна в домах. Дверные створки прикрепляются к деревянной коробке с помощью железных петель, исчезли пяты, вместе с ними скрипу-

чий шум. Появились металлические ручки и замки, полотна дверей делаются филенчатыми. Важнейшее место занимают ворота у дома. Будучи олицетворением домовитости и хозяйственности, они часто были краше самого дома. Агульский тип ворот – высокий проем, чаще арочной конструкции, с одно- и двухстворчатыми полотнами для входа. Арка и дуга становятся распространенными элементами в строительной культуре Агула с приходом арабов. Часто мечети, дома имеют арочные входы. Это означает, что, человек, входящий в мечеть, дом через эту арочную дверь, будет защищен символическими силами духовной (высшей) сферы.

Входят в быт и керосиновые лампы.

Появление стекла существенным образом повлияло не только на изменение размеров оконных проемов и улучшение санитарно-гигиенических условий жилища, но и на хозяйственно-бытовые традиции семьи. Большие застекленные двухсекционные окна сделали комнату светлой и теплой, в зимнее время она становится и рабочим местом.

Несмотря на определенные изменения, дальнейшее развитие, агульское жилище в основной массе все еще оставалось глухим и замкнутым, оно отставало от культурно-бытового уровня населения, находилось в противоречии с требованиями времени. Только отдельные единицы агулов могли потратиться на строительство дома или на его существенную переделку. [2/133]

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

В планировке и топографии агульских селений определенное место занимали мечеть и площадь перед ней, которые были общественными и в большинстве случаев территориальным центром. Общественная площадь («гим») служила местом коллективного времяпровождения мужчин, где совершеннолетний мог явиться сюда как полноправный участник, хотя ещё недавно в числе подростков здесь был немым зрителем. Здесь существовал свой регламент: гим (годекан) делился на две части – для холостых и для семейных (т.е. более ответственных и старших), так оно было в большинстве селениях агулов. Но на «старшей половине» наиболее почётные и удобные места числились за старейшинами. Часто собравшиеся были заняты несложной, но необходимой работой. Между беседами и разговорами мяли сырую кожу, вырезали из дерева ложки, веретена, детские игрушки и др., крошили ножом табачные листья, между делом сыпались шутки, забавные случаи, розыгрыши. Вместе с тем здесь обсуждались мелкие происшествия, сроки проведения сельскохозяйственных работ, ситуации и необходимые действия, создавались репутации, собиралась полезная информация и важные новости. Нередко решения совета старейшин опирались на отработанное общественное мнение, создавшееся на гиме.

Таким образом, гим был своеобразным «мужским клубом»

в селе. Такого же рода клубы имели и женщины: это площадки у родников, куда собираются за водой и подолгу ждут своей очереди, обмениваясь новостями и суждениями, и помещения общественных пекарен – «гьар»

С общественной площадью были связаны все улицы селения, а каждый дом – с улицей. Улица была общественным достоянием, о которой заботились все жители селения. Никто не мог не только перегородить улицу, но и сузить ее, поэтому во многих случаях хозяева при строительстве домов вынуждены были идти на большие расходы, закругляя углы построек на поворотах улиц.

Другими общественными сооружениями, хорошо представленными в Агуле, являются караван – сараи, мосты и дороги. Их появление было вызвано экономическим подъёмом края, который дал возможность, включиться агулам в товарообмен.

Караванные дороги, издревле проходящие через территорию Агула, требовали расширения их сети, вдоль них возводятся временные пристанища путников – караван-сараи, а в ущельях, над бурными речками перекладываются мостовые переходы, расширялись и благоустраивались дороги.

В Агуле в полуразрушенном виде (при въезде в с. Дуруштул; в с. Рича, в местности «Кума», и др.) и сейчас сохранились средневековые караван – сараи, составляющие неотъемлемую часть строительного наследия народа.

Родники и источники в Агуле также являлись общественными достояниями. Многим родникам присваивались имена первооткрывателей, выдающихся людей местности, спонсоров строительства («Шулайн-булах», «Шайда-булах», «КватIан-булах» и др.). Такие родники передавались по наследству, за ними ухаживали потомки.

Все общественные объекты строились, в основном, методом народной стройки – за счёт добровольных пожертвований и личного участия каждого жителя Агула в самом процессе.

Как уже отмечалось, наиболее характерным для агулов

типом жилищно-хозяйственного комплекса является такой, когда жилье и хлев для скота объединены, а сеновал – «муьх» строится рядом или неподалеку от жилья.

Количество помещений для скота – «сал» и размеры крытого двора «къап» зависели от достатка хозяина. Обычно в нижнем этаже имелись два-три хлева, предназначенных для содержания коров, быков и лошадей. В стенах хлевов делались маленькие отверстия для света и вентиляции. Вдоль одной, а иногда и двух стен устраивали ясли. В хлеву для коров огораживали специальные помещения для телят.

Крытый двор у агулов, как и других народов Дагестана, предназначался для хранения сельскохозяйственных орудий, топлива и пр. Здесь же обычно устраивали погреб для хранения картофеля и других припасов. Погреба – «къуй» вырывали глубиной два-три, диаметром полтора метра. Стены укрепляли обтесанными камнями, а затем обмазывали глиной. Погреб сверху покрывали плоским камнем и делали земляную насыпку.

В крытом дворе иногда складывали сено. Но обычно сено у агулов хранилось в специальных сараях – «муьх», построенных рядом с домом. «Эти помещения бывали значительных размеров – 6х8 м. и высотой более 6м. Сарай для сена имел входную дверь со стороны главного фасада. Кроме того, если дом стоял на крутом склоне, со стороны заднего фасада имелось небольшое отверстие в потолке, через которое сарай загружали сеном. Муьх имел также и несколько больших проемов предназначенных для проветривания сена. В сарае для сена часто хранили и запасы топлива, а иногда и сельскохозяйственные орудия» [1/178].

Для выпечки хлеба агулами применялась особая печь – «хьар», широко известная и у других лезгиноязычных народов. Обычно хьар устраивался в одной из хозяйственных комнат, но иногда для него делали специальные помещения – «хьаран-хал» (пекарня).

Хьар имеет очень интересную конструкцию. Он устроен таким образом, что выпекаемый хлеб, лежащий на обложенной глиняной плите, благодаря оригинальному устройству дымохода обогревается сверху и снизу огнем, разведенным под этой плитой. Хьар имеет три яруса: на нижнем разводится огонь, на втором печётся хлеб, на третьем пекутся пироги и варится пища.

В каждом селении агулов имелись небольшие гидротехнические сооружения с приспособлениями, предназначенными для размола зерна -- водяные мельницы. Количество мельниц в конкретном поселении зависело от численности патронимий в селе, а в некоторых случаях, от наличия подходящих участков под их строительство.

Строились мельницы из местного камня, в таких местах, где горные речки имели пороги и водопады. Мельница ставилась в стороне от русла реки и, как правило, имела два невысоких этажа. На нижнем этаже помещалось водяное колесо, а на втором находился мельничный постав. Нижний этаж зачастую был просто ямой выкопанной в склоне горы. Вода к мельнице подводилась по каналу, на котором устанавливались деревянные шлюзы для перекрытия и регулирования силы падения воды, бившей из длинного желоба на лопасти колеса (турбины), от которой вверх шла ось (веретено), вращающая жернов.

Водяное колесо мельницы состояло из трёх частей: оси колеса, барабана и лопастей, которые изготавливались из различных пород дерева. Рабочей частью мельничного постава были жернова, изготавливаемые из твердой породы камня. Лучшие по качеству жернова возделывались в сс. Хоредж и Рича. Жернова, обращенные друг к другу своими мелющими поверхностями у края окружности, примыкали друг к другу вплотную. Ближе к центру они расходились, образуя внутри зазор. Для облегчения передвижения крупки зерна к краям жерновов, на их мелющих поверхностях делались насечки в

виде бороздок. Над жерновами устанавливалась конусообразная корзина для зерна, плетеная из берёзовых прутьев. Из корзины, по специальному устройству, снабженному регулятором дозы, зерно подавалось на помол. Для достижения качества получаемой муки, на веретене устанавливался рычаг, регулирующий величину зазора между жерновами. Жернова были окружены деревянным ларем, куда собиралась вся мука, выходившая из жерновов.

Агульская водяная мельница, при круглосуточной работе, молола более полутонны зерна.

По рассказам информаторов, в старину на мельницах, расположенных вдали от сел, обитались одинокие старухи, которые за небольшое вознаграждение, выполняли функции ночного сторожа и оказывали помощь в обслуживании мельниц. Порою, под их благосклонным покровительством на мельницах устраивались свидания любовников, нередко оканчивавшиеся трагически – тяжкими телесными повреждениями, зачастую и смертью кого- либо из соперников. Часто жестокие побои, а иногда от обеих враждующихся сторон, доставались и покровительнице.

Большую роль в хозяйственной жизни агулов играла плоская крыша крытого двора, а также крыша нижележащего соседнего дома. На них сушили траву, зерно, кизяк, очищали шерсть и выполняли большинство той домашней работы, которую необходимо делать на открытом воздухе. В селениях агулов крыша зачастую являлась единственным, ровным местом.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Одежда, отвечая нравственным, бытовым и эстетическим запросам агулов, содержала много общесеверокавказских черт и была почти одинакова с одеждой других народов лезгинской группы, по мере развития культурных и экономических связей ее покрой нередко подвергался влиянию моды, шедшей из других регионов Кавказа.

Материалами для изготовления одежды служили и сукна домашнего производства, и привозные фабричные ткани. Вплоть до конца XIX в. преобладали изделия натурального производства: самодельные сукна, овчина и кожа. Овчина шла на шитье шуб и папах, из шерсти вырабатывались сукна, носки, из кожи обувь, пояса и др.

Одежда, шитая из такого материала, была вполне приспособлена к местным природным условиям, шубы горцев, с которыми они не расставались ни дома, ни под открытым небом, зимой хорошо защищали от холода; обувь и вязаные шерстяные носки были удобны для хождения по гористой и каменистой местности [1/ 203].

Наряду с тканями домашнего производства горцы употребляли для шитья одежды также привозные и фабричные ткани. На рынки селений Кумух, Касумкент, Ахты, города Дербент, где чаще вели торговлю агулы, доставлялись сукна из других районов Дагестана, особенно из Акуша, Акушинские сукна под названием «лезгинских сукон» в то время славились по всему Кавказу. До распространения фабричных тканей из

акушинского сукна шили праздничную одежду (в основном мужские черкески и бешметы).

Со второй половины XIX в ассортимент материалов, употреблявшихся для изготовления тех или иных элементов агульской национальной одежды, значительно расширяется. С углублением экономических связей с Россией и ближневосточными странами приток на рынки тканей русского, ближневосточного и европейского производства (бархат, золотопарчовые ткани, ситец, сатин) заметно увеличился. Большой славой среди агулов пользовались ткани русского производства, которые они называли «николай хара» (парча Николая), русский бархат «махбур». Из них шили праздничные женские платья и мужские черкески.

Однако привозные ткани были дороги и доступны далеко не каждой агульской семье, поэтому они шли на изготовление праздничного наряда , а повседневную одежду крестьяне, шили в основном из дешевого ситца, бязи и домотканых сукон.

Предметы украшения для традиционного костюма (пряжки, пояса, кинжалы и пр.) агулы чаще приобретали у лакских и кубачинских мастеров. Дорогие ювелирные изделия были достоянием лишь состоятельных людей.

Мужская одежда. Традиционная мужская одежда народов Дагестана имеет много общих элементов. Сходство проявляется, прежде всего, в покроях верхних и нижних рубах и штанов, а также черкесок, бешметов, папах, обуви, в характере и приемах ношения таких украшений, как газыри, серебряные пояса, кинжалы и т.д. Многие из этих элементов костюма совпадают не только по покрою и по форме (за исключением отдельных деталей), но и по одинаковому названию [1/206].

Основная причина единства дагестанского мужского костюма объясняется исторически сложившимися длительными взаимосвязями народов этого региона. Мужчины отправлялись в дальние странствования, паломничества, на военную

службу, на отхожие промыслы, на зимние пастбища и.т.д. Им часто приходилось бывать в среде других народов, разъезжать для сбыта своего товара или для приобретения чужого, или с целью заработка. Не следует также забывать, что именно мужчины пользовались всеми правами и привилегиями эпохи патриархального времени, где царили обычаи и традиции отцовского единовластия, и поэтому могли больше чем женщины, приобщаться к культуре соседних народов, смело заимствовать многие ее элементы, в том числе и одежду.

Одежда агулов делилась на праздничную и будничную. Разница заключалась не столько в покрое, сколько в качестве самой материи.

Полный комплект одежды агульца состоял из следующих предметов: 1. Нательная рубаха и штаны; 2. Верхняя одежда-бешмет «валжагъ» и черкеска «чохай»; 3. Теплая верхняя одежда – овчинные шубы, приталенные, с нормальными рукавами и шубы накидки с ложными рукавами. Составной частью одежды путника или чабана была бурка «лит». На голове носили овчинные папахи «бармакъ». Обувью служили поршни из сыромятной кожи «шумар» и «шаламар», носимые с вязаными носками или обмотками, а также вязаная обувь «гивянар». С черкеской и бешметом носили мягкие сапоги «махсар», «башмакар», «яхул калушар» – кожаные чувяки, а также хромовые сапоги «чакмаяр».

Рубаху «берхьам» шили обычно из белой бязи. Она кроилась туникообразно. Рубаха имела невысокий воротник-стойку, застегивающийся на одну пуговицу. Вертикальный разрез посередине груди застегивался на две пуговицы, иногда застежка была только на вороте. Рукава были широкими, одинаковой ширины по всей длине, и в своем первоначальном виде не имели манжет. Для предохранения рубахи от быстрого износа, спинку в виде кокетки, перед, до уровня груди, часто делали двойными. [2/242]

В начале XX века состоятельные мужчины носили две

рубахи: верхнюю и нижнюю. По покрою, они не отличались, только первая шилась из ткани темного цвета, иногда верхняя рубаха шилась с накладными нагрудными карманами. Рубаха дополнялась неширокой нагрудной планкой, покрытой частой строчкой. Строчкой также украшался воротник-стойка и манжеты. Носили рубаху заправленной в штаны [2/142].

Штаны «шалвар» шились из простой ткани черного цвета, рубец верхней части, куда вдевалась нить или тонкий шнур, на которой держались штаны был из белой бязи. Длинные, неширокие штанины сужались в щиколотке до 12-14 см. Между штанинами вставлялся ромбовидный клин. Штаны в более ранее время были одни, но в конце XIX века появляется разделение их на верхние и нижние. Нижние штаны, в этом случае, шились из белой бязи.

Бешмет «валжагъ» шился из темной ткани: черного, темно-синего, темно-зеленнного и других цветов, повседневный – из простых материалов (сатин, бязь), нарядный из атласа или другого шелка, чаще всего однотонного, но с зеленоватым или фиолетовым переливом. Это распашная слегка приталенная одежда длиною до колен или несколько выше. Обычно перед и спинка его выкраивались цельно с подолом, только в талии, на спинке с каждой стороны вставляется по два отрезных клина для расширения низа бешмета. От воротника-стойки до талии спереди шла застежка встык на потайные крючки с приполочкой, расположенной слева. Вшивные рукава были длинные, прямые неширокие. На груди бешмет имел два накладных кармана. Края пол, подол, рукава, накладные карманы покрывались строчкой в 1-2 ряда, а воротник отделывался узорной строчкой.

Бешмет шился обязательно на подкладке из прочной ткани из темных цветов. Зимние бешметы, а также предназначенные для детей и людей преклонного возраста, подбивались тонким слоем ваты или шерсти и простегивались широкими продольными стежками [2/143].

Нарядные бешметы украшались строчкой больше, чем повседневные.

Черкеску «чохай» с газырями «вознавур» чаще всего шили из сукна местного производства специальные портные. Она была нарядной формой одежды, и имели ее только состоятельные мужчины. Иногда ее в готовом виде приобретали на базарах.

Как и других народов Дагестана, черкеска у агулов бытовала в двух вариантах: местного пошива из домотканого сукна коричневого, серого, черного цветов, с подкладкой на лифе и спинке до талии, которое заменяло современное пальто, и покупная, северокавказского типа, нарядная из тканного тонкого сукна с газырями [2/144].

Первая разновидность была двубортной, наглухо закрытой на груди. Два бортовых клина спереди и центральный клин сзади были цельнокроенными, боковые клинья – отрезанными. Они пришивались так, что сзади на талии образовывали 4 выступа, от которых клинья вниз ложились фалдами. На месте стыка боковых клиньев сзади, по шву, оставлялись прорези длиной 15-18 см., а у подола – шлицы такого же размера, Край воротника-стойки, борта, низ подола и рукавов прострачивались в один ряд. [2/144]

Черкески, а также нарядные бешметы носили с дорогими покупными кожаными поясами с серебряным набором. В повседневном быту обходились без пояса или носили простые кожаные пояса.

Теплой верхней одеждой были нагольные, меховые шубы «кул». Кул шилась слегка приталенной. Шалевый воротник сзади был отрезным, а спереди цельнокроенным вместе с полами: вывернутые мехом наружу полы как бы продолжали воротник до самого подола. Перед шубы состоял из четырех цельнокроенных клиньев, идущих от самых плеч и расширяющихся книзу. Спинка в центральной части также цельнокроенная, бока отрезные. В центре цельновыкроенной части спины делалась длинная выточка, которая не доходила немного до низа и до горловины. Рукава прямые, вшивные, с прямой проймой ромбовидной ластовицей. Нижняя часть

рукавов обшивалась черным сатином на длину приблизительно 20 см. Шубы шились вручную, она застежек не имела, носили ее, слегка придерживая полы рукой, или подпоясывали кожаным ремешком, была длиной до щиколоток. [2/146]

Нагольная овчинная шуба – накидка большого размера – «хIякул». Ее начинали носить с 17-19 лет в свободное от работы время, в ней отдыхали, ею же укрывались во время сна. Она была длиной до щиколоток и имела трапециевидную форму, за счет клиньев, идущих от плеч и расширяющихся к подолу. Носили ее нараспашку или, придерживая рукой изнутри, так как и «кул», она также не имела застежек. Большой шалевый воротник был, как бы продолжен до низа шубы отворотами пол, вывернутых мехом наружу. Рукава длинные, почти такой же длины как шуба, вшивные, с прямой проймой, плечевая часть каждой несколько спущена. Рукава эти были чисто декоративным элементом и практического значения не имели. На отделку воротника, пол, низа рукавов шла обычно длинноворсная овчина. [2/147]

Как и у всех народов горного Дагестана, непременной принадлежностью верхней одежды агулов была бурка «лит», привозимая и редко, местной выделки. Их носили обычно всадники, чабаны и пастухи.

Традиционной обувью агулов были поршни из сыромятной кожи – «шумар» и «шаламар». Шумар – обувь из цельного куска воловьей кожи, обработанной на месте, имела два шва, сделанных тонким сыромятным ремешком: один на носке, другой на пятке. На ноге они укреплялись сыромятным шнурком, продетым в специальные отверстия. Другой вид поршней, который у агулов называется «шаламар» шьются из одного куска кожи, но более открытые, чем шумарар. Шаламар имеют форму неглубоких чувяк, с небольшим швом на носке и на пятке. Специальный кожаный шнур продергивается на разных расстояниях через край, образуя ячейки. В эти ячейки, начиная от носочной части, пропускается длинный

шнур, своеобразным плетением которого образуется верх носочной части, концы же шнура после обмотки им щиколотки завязываются на ней [2/147].

И с шумар, и с шаламар носили вязаные шерстяные носки или обмотки, кожаные местного изготовления или конопляные, приобретаемые у даргинцев и табасаранцев [2/142].

Агулам была известна и вязаная шерстяная обувь с отогнутым назад носком, которая являлась традиционной для народов лезгинской группы, но употреблялась значительно реже. Также были известны и мягкие сафьяновые сапоги «мяхсар», которые шились на заказ, носили их обычно с обувью без задника – «башмакъар», привозными и местного изготовления. Популярностью у агулов пользовались и «яхул калушар» (лакские калоши)- кожаные чувяки с грубой подошвой, которые носились с вязаными носками. Состоятельные агулы приобретали хромовые сапоги «чакмаяр».

Традиционным головным убором агулов была папаха – «бармак» двух видов: с высокой тульей и круглым верхом и с более высоким центром и покатыми краями, которые носили скотоводы, отчего она получила название чабанской. [2/149] Выкройка любой из форм состояла из двух частей: бортов – «бармакин раф» и макушки – «бармакин кIукI». Размеры бортов и макушки зависели от фасона папахи. Папаха шилась на подкладке из овчины, мехом наружу: в этом случае подкладочную овчину низко стригли. Папахи из овчины молодых барашков, с завитой шерстью лучшего качества, были неотъемлемой частью парадной одежды, носимой во время всевозможных торжеств. Дорогие папахи из каракуля – («бухара-бармак») с верхом из бархата или сукна стали появляться у агулов лишь в начале XX века, но приобретать их могли лишь состоятельные люди. Бывали случаи, когда горцы приобретали бухарские папахи и берегли как большую ценность, передавая от отца к сыну. Считалось, что такая папаха всегда может пригодиться на чёрный день.

В ненастную погоду поверх папахи, чтобы не портилась

овчина, повязывали башлык, позднее нарядный башлык стал принадлежностью парадного костюма. [2/150] Папаха была неотъемлемой принадлежностью и символом мужского достоинства и чести. Без папахи мужчина в обществе не появлялся. В случае необходимости на ней давали клятву.

Мужской костюм дополнялся непременным вооружением: не только феодализирующая знать, но и мало-мальски зажиточные люди носили кинжалы с прямым и изогнутым лезвием, которые являлись неотъемлемой частью костюма. К середине XIX в., расширение торговых связей, развитие кустарных местных промыслов по обработке металлов привели к значительному распространению среди агулов огнестрельного оружия пистолетов, ружей, которые, в основном, приобретались у даргинцев, лакцев.

Женская одежда. [2/151-158] Традиционная одежда агульской женщины состояла из нательной рубахи туникообразного покроя «бергьам» и штанов «шалвал», поверх которых надевается бешмет «валжагъ», который носили с нарядным серебряным поясом «камар» или с матерчатой повязкой. В холодное время агулка носила нагольную овчинную шубу «кул», свободного покроя, раскошенного к подолу, начиная с плеч. С ней хорошо гармонировала пестрая вязаная обувь «гивянар». При выполнении сельскохозяйственных работ удобными считались чарыки «чурукъар» и поршни. С нарядным валжагом носились чувяки «яхул калушар», на голове длинный «къуч» богато украшенный в налобной части серебром, а поверх него накидывалось покрывало «майзар».

Рубаха «бергьам» шилась большей частью из хлопчатобумажной ткани темных тонов: синего, черного, зеленного. У молодых женщин и девушек она бывала и белого цвета. Она имела туникообразный покрой, рукав кроился цельным в ширину ткани, остальную часть рукава пришивали к цельнокроенной. Подмышкой вставлялись ластовицы, чтобы руки могли свободно двигаться. Рубаха была раскошенной от подмышек к по-

долу. В боковых швах оставлялись шлицы, разрез ворота прямой, вертикальный, до уровня груди. Рубаха имела маленький воротник-стойку или вырез ворота окантовывался материалом рубахи и застегивался на одну пуговицу, чаще всего из серебряной монеты. Такая рубаха называлась «чанта-берьам» (дословно: рубаха – мешок), являлась повседневной одеждой агулки, в которой она выполняла все домашние и полевые работы, иногда могла появиться в ней на улице и в общественных местах.

Исподней поясной одеждой агулки были штаны – «шалвар». Шились они из сатина, ситца или бязи, а нарядные – из дорогих шелковых тканей. Молодые агулки носили штаны красного цвета, со штанинами, отороченными полоской черной ткани (с. Кураг), черного или синего цвета с оторочкой красного цвета (с. Буршаг), а также любого цвета, кроме черного и белого, отороченные контрастной лентой (с. Рича). Агулки пожилого возраста носили штаны черного цвета с цветной полоской по краю штанин или без нее.

Штаны шились на подкладке из белой бязи. Они носились на бедрах на вздержке из шерстяного шнура.

Бешмет «валжагъ» был обязательной принадлежностью выходного, так и повседневного женского костюма. Для повседневного бешмета использовались простые ткани ярких расцветок, чаще красного цвета, для девушек и молодых женщин, и темных тонов для пожилых женщин. Нарядный бешмет шили из дорогих тканей: шелка, парчи, бархата.

Валжагъ на спине и груди обязательно имел подкладку из простого материала. Он был распашной, по линии талии отрезной формой одежды. Покрой ее был однообразен на всей агульской территории: юбка собиралась в сборку или закладывалась в мелкие односторонние или бантовые складки. Лиф шился узким, облегающим фигуру – у нарядного бешмета, а более свободным – у повседневного бешмета. Грудной вырез у бешмета молодой женщины имел форму угла или полуовала, у пожилых линия горловины шла по шее.

Нарядный валжагъ застегивался в талии на мелкие серебряные крючки «чапрасар» или серебряную монету. Рукав был вшивным, с небольшой сборкой на плече. От плеч до локтя шился узким, ниже локтя в форме колокольчика, или делался разрезным и откидным. Нарядный бешмет носился с серебряным поясом «камар», повседневный – с матерчатым поясом.

В конце XIX начале XX веков агулки стали носить отрезные в талии платья «бергьам» из тонкого шелка или парчи ярких цветов длиною до щиколоток. Они имели узкий лиф, застегивающийся на крючки от горловины до талии, а на талии – на серебряную монету. Юбка в талии закладывалась в мелкую сборку. Вшивной рукав до локтя шился узким, а ниже локтя – расширялся и приобретал форму колокольчика. Низ такого рукава обшивался серебряными монетами. Эти платья являлись самостоятельной одеждой. Поверх такого платья валжагъ не носили, его подпоясывали серебряным поясом «камар»

Теплой плечевой одеждой агулки была овчинная нагольная шуба «кул». Она имеет форму трапеции с широким основанием внизу. Спинка состоит из трех цельнокроеных клиньев, а перед – из четырех. На центральном клине спинки от горловины вниз шла выточка. Рукав вшивной с прямой проймой. Низ рукава на 10 см. обшивается темной тканью. Шуба шьется с узким шалевым воротником, переходящим ниже уровня груди в меховую оторочку пол, или вовсе без воротника. В последнем случае линия горловины отделывается узором из кожаных треугольников черного цвета, спереди же отделка кончается кожаной бахромой.

Традиционной обувью агулки были вязаные, с отогнутыми назад носками – «гивянар». В качестве обуви использовалась также вязаные носки «шипритар», подшитые кожей. Шипритар также вязались узорчатыми шнурками, но в качестве обуви их использовали только пожилые женщины.

Помимо вязаной, женщины носили покупную кожаную обувь –«тапри». Эту обувь из одного куска кожи, в которой

подъем образовывался плетением кожаных ремешков, покупали в готовом виде. Кроме того, у лакцев приобретались обувь типа чувяк, но с грубым задником и подошвой. Во время сельскохозяйственных работ женщины носили обувь местного изготовления из сыромятной кожи типа чарыков – «чурукъар».

Головным убором агулки, надеваемым непосредственно на волосы, был «къуч», который состоял из двух частей: головной, а также наспинной в форме полукруга, который своим диаметром пришивался к налобной полосе, а полукруглой частью – к полому наспинному мешочку. Последний изготавливался следующим образом: кусок ткани соответствующего размера складывается вдвое и прошивается с одной стороны, шов которого приходится на середину наспинной части. Такой покров способствует тому, что кьуч плотно облегает голову, не оттопыриваясь нигде под платком. Все составные части этого головного убора шьются из тканей разных цветов: налобная лента всегда черного цвета, независимо от того нарядный къуч или повседневный, отличаясь только качеством ткани; головная и наспинная части могли быть сшиты из одной ткани или из разных по усмотрению хозяйки. К налобной части у висков наглухо пришивалась подбородочная лента черного цвета. Несколько ниже к налобной ленте с двух сторон пришивали две завязки в виде лент бордового, коричневого или черного цвета для женщин пожилого возраста, у молодых женщин и девушек – белого цвета, а у девочек ярко- красного. Из двух лент завязок одна была короткая, другая длинная. Налобная часть, как правило, украшалась несколькими рядами серебряных украшений, или же наружный край ее украшался тонкой серебряной цепочкой.

Поверх къуч агулки надевали покрывало – «майзар», молодые белого цвета, пожилые черного. На покрывало шло обычно 3,5 метра однотонной хлопчатобумажной ткани, в бедных семьях могли обойтись 2,5 метрами. В ношении покрывала в разных агульских селениях имелись свои локальные особенности.

Головные уборы носились женщинами с малых лет, а тот из них, который непосредственно надевался на волосы къуч, никогда не снимался, так как согласно требованиям морали женщина не имела права кому – либо показаться с непокрытой головой. В къуч она могла выполнять дома разные работы по хозяйству, но при выходе на улицу обязательно покрывала голову платком [3/158].

Детская одежда. Одежда детей по своему покрою не отличалась от одежды взрослых. Нательной одеждой ребенка с самого рождения была туникообразная рубаха из мягкой ткани, шитая вручную. Для годовалых детей рукава этой рубахи шили обычно с манжетами из цветного материала. Для девочек до 10-12 лет рубаха служила одновременно и платьем [2/166].

С 6-7 месячного возраста малышам шились штаны, так как в это время их уже брали на руки без пеленок. Покрой штанов, был одинаков для детей обоего пола: они не зашивались в средней части. Такие штаны носились детьми до 3-4 лет, после чего им начинали шить штаны такого же покроя, как у взрослых.

С 5-6 месяцев и до двух лет, иногда и позже, в качестве теплой одежды детям шили курточки – безрукавки или с рукавами – «мухриган». Шили их из нескольких кусочков разноцветных тканей лучшего качества: бархата, шелка – на подкладке. Их подбивали тонким слоем шерсти или ваты, простегивали крупными продольными стежками.

С двух лет, иногда несколько раньше или позже, для мальчиков и девочек шили бешметы «валжагъ». Первый бешмет старались выполнить как можно наряднее, из хорошей ткани. Бешмет мальчиков кроился по принципу мужского бешмета, с подрезными бочками. Валжагъ девочки, по покрою не отличался от валжагь взрослой женщины. Бешметы для маленьких детей шились пестрыми, из разноцветных кусочков тканей и украшались цепочками, монетами, серебряными ро-

зетками и.т.д. С проникновением в Агуле отрезного в талии платья, оно пополнило также гардероб девочек.

Теплой одеждой мальчиков и девочек с двух-трех лет были нагольные овчинные шубы такого же покроя, как у взрослых.

Оружие начинал носить юноша только после женитьбы. К этому же времени для него готовили наборный серебряный пояс с подвесками.

Одежду девочек украшали с ранних лет.

С 5-6 месячного возраста девочки носили маленький платок, а с 10 лет- под него надевали головной убор «къуч». Мальчишки с раннего детства носили папаху, сшитую из овчины молодых барашков, по покрою, они не отличались от папахи взрослого мужчины.

Обувью для детей всех возрастов служили вязаные шерстяные носки, подшитые кожей. Дети состоятельных родителей ходили в покупных яхул калушар, носимых с шерстяными носками.

Ритуальная одежда. В состав ритуальной одежды входит свадебная одежда жениха и невесты, а также траурная.

Свадебная одежда, как жениха, так и невесты, по покрою не отличалась от повседневной. Разница была лишь в том, что для женской свадебной одежды использовались покупные ткани лучшего качества. Что касается мужского костюма, то здесь для одежды жениха использовались те же ткани, что и для повседневной одежды, своеобразие же одежды жениха заключалось только в ее новизне [2/165].

Для невесты часть одежды, если не вся, шилась обязательно новая. При уходе в дом жениха она имела в общей сложности четыре рубахи: 2-из ситца, 1-из тонкого шелка, 1-из парчи. Все они были ярких цветов. Под рубахой надевались нарядные штаны из шелковых тканей на бязевой подкладке. Нарядный бешмет, надеваемый на рубаху, подпоясывался серебряным поясом или серебряным поясом с позолотой – «камар».

Обували невесту в «яхул калушар» с вышитыми вязаными носками, а также в «чакмаяр» – хромовые сапожки, приобретаемые у лакских мастеров. Къуч невесты обильно покрывался украшениями. Поверх къуч повязывался платок, как покрывало майзар, затем само покрывало, поверх всего этого в развернутом виде набрасывался шелковый платок «калагай» любого цвета, кроме черного, таким образом, он закрывал лицо и фигуру спереди. Самый верхний головной убор представлял собой сложенный вдвое треугольником плотный шелковый платок, концы которого свободно опускались по плечам.

Молодая женщина носила свой наряд в дни свадьбы, затем снимала его и одевала только изредка, во время свадеб и других торжеств.

Траурная же и погребальная одежда агулов похожа на одежду этого назначения у других народов Дагестана.

Покойника облачали в специальную рубаху, называемую «эхиратин берхьам» (рубаха для загробного мира). Она была из белого полотнища длиною до 4 метров. Полотнище складывали вдвое, а затем посередине делали вырез для головы. Рубаху эту не шили, ибо дотрагиваться иголкой до одежды покойника считали большим грехом.

По представлению агулов, на том свете покойник будет призван к ангелу – Азраилу, перед которым он должен предстать именно в этой рубахе, а не в голом виде. Поэтому рубаху делали длиной до пят. Кроме того, покойнику шили чулки из того же белого полотна в форме трубочек.

Эти два элемента были обязательными элементами похоронной одежды и для мужчин, и для женщин. Женщине – покойнице, кроме того, на голову надевали платок, который завязывали наподобие чалмы.

Состоятельные люди все элементы похоронной одежды делали из зеленого шелка – дерай, так как зеленый цвет по представлению агулов, означал символ рая, утопающего в зелени и цветах.

Прежде чем одеть умершего, его тело обмывали, затем облачали в «эхиратин берхьам». После этого умершего укутывали в саван из белого полотна – «кафан». На саван требовалось 6 м. ткани. Иногда на покойника надевали четыре-пять кафанов. При этом, последний кафан у пояса, ног и головы завязывали лентами. Умершей девушке или юноше из состоятельных семей кафан делали целиком из зеленой ткани.

При смерти близкого родственника родные и близкие носили одежду черного цвета более или менее продолжительное время, в зависимости от степени родства. Специально траурную одежду не шили и не покупали, ибо считали, что само приобретение новой одежды несовместимо с трауром – красили в черный цвет повседневную одежду. В течение всего периода траура женщины носили черную одежду, как можно больше закрывая лицо платком.

Украшения. [2/159-162] Как и все дагестанки, агулки очень любили всевозможные серебряные украшения. В качестве украшений ими пользовались также разнообразные бусы и раковины каури.

В зависимости от назначения все украшения агулки можно разделить условно на головные, шейные, нагрудные, поясные, наручные. Помимо этого женская одежда обильно украшалась серебряными монетами разного достоинства, пришитыми по разрезу ворота, рукавов и т.д.

Особое внимание уделялось украшению головы. Головные украшения носились поверх къуч, и помимо отдельных деталей их, из-под покрывала видны они не были. Украшалась, как правило, налобная часть къуч, отделанная черной тканью. Серебро на этом черном фоне выглядело эффектно. На этой части, начиная с края, последовательно помещали украшения – «сурмавур», «кашкъавур», «гудгудаяр».

Сурмавур – это тонкая черная тесьма, на которую нанизаны мелкие серебряные бусины в форме коротких трубочек.

Къашкъавур – представляли собой черную резиновую ленту, с надетыми на нее серебряными бляшками с выпуклым рисунком в форме прямоугольника, одна из длинных сторон которого образует в центре угол. Гудгудаяр – третий ряд украшений, представлял собой цепочку, на которую равномерно надеты миндалевидные бубенчики, которые широко использовались в южно-дагестанских украшениях.

Кроме вышеуказанных украшений, с къуч носились обязательно «гухар». Они огибали подбородок и темя и закреплялись на къуч крючками.

Было еще одно украшение – «рахт», носимое агулками поверх къуч, которое, однако же, не являлось составной частью, имело самостоятельное значение.

На шее агулки носили ожерелье из серебряных бус, в ушах серьги, запястья украшали браслетами «куниш», а пальцы рук кольцами «тубалар». Часто агулки носили узкие серебряные змееобразные браслеты с несоединенными концами, которые близки к бронзовым браслетам эпохи раннего средневековья.

Обязательной принадлежностью нарядной одежды были нагрудные украшения «цам» и «яха».

Составной деталью женского костюма был серебряный пояс «камар». Серебряные пояса бывали самых различных форм: узкие, широкие, из отдельных, соединенных между собой пластинок. Изготавливали их из серебра под чернь и серебра с позолотой, украшенной филигранью и драгоценными камнями. Большой популярностью пользовались и матерчатые пояса с нашивными серебряными пластинками, монетами разных величин и серебряными пряжками.

Все украшения, носимые агулками, были работы лакских и кубачинских мастеров и приобретались за довольно большую стоимость. Так, за пояс могли отдать молодого бычка или корову.

Прически. Косметика. Прическа агулов отличалась неза-

мысловатостью: первый раз ребенку брили голову на сороковой день его жизни. Это событие отмечалось угощением родных и близких. Юноши обычно наголо брили голову и только надо лбом оставляли волосы – « мягер ». Бороду юноши впервые брили в 16-17 лет, но обязательно оставляли усы. Мужчины всех других возрастов брили голову наголо, бороду начинали носить с 35-40 лет, но бывали и случаи, когда мужчина, оставшись старшим в семье, для солидности заводил бороду с 30 лет. Сбритые волосы заворачивали в тряпочку и прятали в укромном месте во избежание колдовства и магии.

Крашение усов и бороды у агулов не было принято.

У агулок красота женщины наряду с другими признаками (стройность, немного смугловатый цвет лица, черные глаза и брови, румяные щеки и т.п.) определялись волосами. Поэтому агулки с малых лет уделяли волосам большое внимание, добиваясь, чтобы они были густые и красивые. До 5-6 летнего возраста девочке один-два раза обязательно брили голову, до 10-летнего возраста носили короткие волосы, а затем отращивали косы. Волосы расчесывали на прямой пробор и с каждой стороны заплетали в две косы. Прическа молодой девушки не отличалась от прически замужней женщины. Во многих агульских селениях существовал обычай сбривать волосы на нижней части затылка.

Подрезанные челки и выпуск локонов на виски, которые завивались бы и лежали на груди вне къуч, женщинами из трудовых слоев населения не практиковались.

Уход за волосами состоял из мытья их сывороткой, кислым молоком, отваром крапивы. Женщины из состоятельных семей мыли волосы яйцом.

Какие либо специальные косметические средства агульскими женщинами не употреблялись.

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ

Традиционная кухня агулов как категория весьма устойчива. Созданные народом блюда не вытесняются даже при значительном изменении быта. Повседневная пища агулов значительно отличалась от праздничной пищи, а также от пищи, предназначенной для главы, старших членов семейства и гостей. Каждая трапеза в семье и, особенно при приёме гостей подчинялась определённому ритуалу, при котором руководство столом осуществлял старший по возрасту или по социальному положению. Лучший кусок предназначался гостю. «На званый обед каждый гость должен был нести с собою ложку, – писал известный этнограф XIX века А.Омаров. – По окончании обеда хозяин заставлял гостя ещё скушать по ложке за упокой душ умерших всех своих предков, называя при этом всех их имена, потом по ложке за каких-нибудь святых; отказываться от этого значило бы сильно обидеть хозяина» [10/5]. Сдержанность в еде и питье, осуждение жадности, нетерпения, и тем более обжорства, находят своё отражение в фольклоре агулов.

В результате разделения труда в семье с давних времён у агулов, как и у других народов Дагестана, кухня полностью находилась в ведении женщины. Лишь в полевых условиях (на летних пастбищах, кутанах), где мужчины бывали одни, без женщин, еду готовили мужчины, подобное наблюдалась и на свадьбах, похоронах. В остальное время приготовлением пищи всегда занимались женщины.

При приготовлении пищи женщины по традиции строго соблюдали ряд определённых правил: прежде всего, чтобы руки были чистыми, ногти подстрижены, рукава платья подобраны и закреплены, чтобы не спускались; волосы на голове спрятаны под платок. Посуда также всегда содержалась в чистоте, продукты для приготовления еды обязательно были свежими и чистыми. Считалось большим позором для хозяйки, если в пище обнаруживалась посторонняя вещь (сор, волос, соломинка и т.п.), поэтому хозяйка старалась строго и со всей тщательностью соблюдать перечисленные правила.

Когда выбирали невесту для сына, то обычно у соседей или знакомых спрашивали, чисто ли готовит её мать. Понятно поэтому, женщины – хозяйки старались создать дочерям репутацию хороших кулинарок [1/256].

Основными продуктами питания агулов, как и других народов Дагестана, являлись продукты земледелия и животноводства. Подсобное значение в некоторых семьях имела дичь. Агулы употребляли в пищу и дикорастущие травы. Это – крапива и лебеда, щавель и конский щавель, просвирник, мята, тмин, чабрец, черемша и многие другие. Одни травы использовали для приготовления начинки чуду, пельменей (крапива, черемша, конский щавель, лебеда). Другие использовались в качестве приправ (тмин, мята, чабрец). Некоторые из них заготавливали впрок. Крапиву, мяту, черемшу, тмин, чабрец, конский щавель и др. высушивали на зиму. Овощей и фруктов в рационе агулов было мало – это лук, чеснок, небольшое количество дикорастущих фруктов там, где поблизости были леса. Садовые фрукты изредка приобретались на базарах у лезгин и табасаранцев [2/172].

Основной пищей агулов были изделия из муки и круп. Для выпечки хлеба использовались ржаная, ячменная и пшеничная мука. Основная масса населения употреблял хлеб ржаной или из смеси ржаной и пшеничной муки. Пшеницу обычно приобретали в небольшом количестве в обмен на продукты

животноводства. Пекли хлеб из пресного теста, – это был основной повседневный вид хлеба, но иногда его готовили и на закваске.

Выпечку хлеба производили в специальных квартальных печах – «хьар». Для экономии топлива, обычно все женщины квартала пекли хлеб в один и тот же день по очерёдности. Каждая женщина шла в пекарню со своим топливом. Обязанности хозяйки печи заключались в том, что она следила за выпечкой хлеба и его качеством. За свой труд она получала плату хлебом.

Форма хлеба зависела от состава теста, из каждого вида муки пекли хлеб определенной формы. Наиболее распространённая форма хлеба – ажурный хлеб в форме розетки, заключённой в круг. Свою форму он получал при помощи скалки, которой равномерно делались выемки или углубления. Такая форма хлеба больше не встречается ни у одного народа мира, кроме как у агулов. В своё время этот вид хлеба удивил А.Омарова: «Через час подали ужин, состоявший из хлеба странной формы, так – как я в первый раз видел ещё такой хлеб, (он был вроде маленького чурека, величиной с обыкновенную тарелку и дырявый как решето, с разными узорами); к хлебу подали масло, мёд и мясо» [10/58]. Эта совершенно оригинальная форма возникла из практических потребностей. Такой хлеб из ржаной муки лучше пропекался и долго сохранялся в свежем виде. Такой же хлеб готовился и из пшеничной муки, но в этом случае в хлебе делали скалкой не выемки, а равномерные вдавлины. Он имел плоскую круглую форму, а верх его украшался равномерными узорами, наносимыми с помощью скалки, вилки или палочки. Лицевая сторона его обмазывалась яйцом, молоком. Это придавало хлебу блеск и привлекательный вид. В особо торжественных случаях такой хлеб сверху заливали халвой.

В случаях острой нужды в хлебе из пресного теста выпекали тонкие лепёшки круглой формы – «жжарар». Лицевую

сторону их украшали орнаментом при помощи специального венчика. Ели жжарар обычно с брынзой. [2/175]

Агулам было известно изготовление слоёного хлеба. Тесто для него размешивали на молоке, сыворотке. Раскатав из теста большую лепёшку, смазывали её маслом, складывали вчетверо, вновь раскатывали и, придав ей форму хлеба, пекли.

Из кислого теста пекли фигурные хлебцы для детей – калач, сверху заливали их халвой. Из теста пекли и всевозможные хлебцы в форме птиц, начинённые яйцом, изготовление которых приурочивалось к различным праздникам.

Большое место в пище народа занимали всевозможные пироги – «кукалай», «кьутІур», «бахта» с различной начинкой. Излюбленной начинкой были разнообразные съедобные дикорастущие травы. Собирали молодые побеги и листья крапивы, мяты, щавеля, полыни, черемши, конского щавеля и многих других растений. Все травы предварительно чисто мыли, шинковали и приправляли яйцом, творогом, нутряным жиром или маслом, сметаной. Готовили блюда как из одного вида трав, так и из нескольких вместе. Многие съедобные травы засушивались впрок, а зимой их отмачивали в воде или молоке и использовали для начинки пирогов и пельменей. Тмином и чабрецом приправляли мясные блюда.

Для приготовления пирогов использовали пресное тесто. Раскатав две тонкие лепёшки, одну покрывали соответствующим образом приготовленной начинкой из трав, другой накрывали начинку и, соединив кругом края обоих лепёшек, пекли на железном листе в печи или на сковородке. Готовые пироги складывали горкой на поднос, смазав предварительно маслом каждый. Ели, разрезая их в радиальном направлении на дольки.

С начинкой из творога или свежего овечьего сыра пекли тонкие пироги полукруглой формы.

Из жидкого теста выпекали оладьи, смазывая сковороду курдюком. [2/176]

Существенное значение в питании населения круглый год имели молочные продукты. Молоко шло, в основном, на приготовление масла и творога. Масло, в основном, обменивалось на зерно. Цельное молоко после дойки процеживали, а затем, оставив небольшое количество для повседневных нужд семьи, разливали в глиняные сосуды и ставили их в кладовую, где было относительно прохладно, где оно прокисало, покрывалось достаточным слоем сливок. Сливки снимались ложкой и сливались в глиняную маслобойку, которую, раскачивая взад и вперёд, сбивали масло. Готовое масло вынималось и перетапливалось, а айран пили, давали телятам, а также добавляли в тесто. Снятое молоко шло на приготовление творога, который использовали в качестве начинки для пирогов и пельменей. В летнее время, когда творога готовили много, часто его засушивали на зиму. Для этого творожные круги укладывали на специальные доски. Сыворотка собиралась и кипятилась, осевшую сырковую массу складывали в глиняную посуду, солили, добавляли немного творога. Полученную кисло-солённую массу – «мутал» ели зимой с хлебом, использовали в качестве начинки для пирогов и пельменей.

В питании населения агула большое место занимала брынза, которую изготавливали из овечьего или козьего молока в период их лактации, во время выпаса животных на альпийских лугах. Доили овец в бурдюк или в деревянные вёдра. Скисшую сыворотку, оставшуюся при приготовлении брынзы, использовали в качестве прохладительного напитка. Большую часть сыворотки кипятили, покрывшую сурковую массу – «магаш», снимали и собирали в посуду. Затем сыворотку отстаивали, остывшую массу добавляли в магашу, солили, добавляли творог и травы. Полученную питательную массу – «мутал», как и продукт под тем же названием, получаемый из коровьего молока, использовали в качестве закуски или начинки для пирогов. [2/172]

Таким образом, молоко, как коровье, так и овечье, прохо-

дило у агулов полную обработку, возможную в домашних и полевых условиях.

Важное место в пище агулов занимало мясо, в первую очередь баранина, реже употреблялась говядина. Свинина, как и все народы, исповедовавшие ислам, агулы не ели. Сравнительно редко употреблялась в пищу и конина. Это объясняется тем, что лошади в горах очень высоко ценились как тягловая сила, поэтому специально для питания их забивали лишь в исключительных случаях.

Агулы употребляли в пищу мясо не только домашнего скота и птицы, но и диких животных: козла, тура, быка, зайца, куропаток, глухарей, фазана. Голубиное мясо употреблялось в пищу исключительно в лечебных целях.

Но мясо на столе среднего агула появлялось не часто. Вдоволь поесть мяса можно было только осенью, когда забивали скот для заготовки мяса впрок.

Любимым блюдом агулов были пироги с мясной начинкой. Готовили несколько разновидностей этих пирогов. В качестве начинки использовали и сушёное мясо. Для этого его мелко нарезали, приправляли луком, душистыми травами, яйцами и нутряным жиром. После появления в агуле картошки, её тоже стали добавлять в начинку. [2/174]

Сушеное мясо, травы, орехи, картошка и яйца служили начинкой и для пирога – («цIикав», «цикен»), который отличался тем, что его пекли не в печи, а в горячей золе, засыпав дополнительно горячими углями. Готовили его обычно зимой.

Начинку для пирогов готовили и из пшеничной муки. Для этого муку разводили на айране, добавляли немного закваски, нутряной жир, тмин и оставляли на некоторое время, чтобы эта масса подошла. Мучная начинка этого пирога могла быть перемешана с остатками после перетопки сливочного масла.

Сезонным блюдом являлся пирог с начинкой из требухи. Его пекли осенью при забое скота. Требуху тщательно мыли, очищали, варили и снова скоблили и чистили; затем мелко

рубили, добавляли лук, перец, душистые травы. Готовому фаршу давали некоторое время постоять, пекли в хлебной печи.

В дни праздников для детей пекли специальные небольшие пироги в форме ватрушек. Края небольшой лепешки немного приподнимали и пекли в печи до полуготовности. Вынув из печи, наливали туда яйцо, и пекли до готовности. На свадьбах, праздниках, по случаю рождению ребенка и т.д. обязательно готовилось ритуальное мучное блюдо – национальная халва «хIасида». Для того, чтобы сделать хIасиду, растапливали масло, смешивая его с пшеничной мукой до образования густой массы, затем эту массу жарили в течение часа, пока не появлялся специфический запах, и добавляли мёд (поздне для этой цели добавляли сахар). Массу разливали в плоскую медную посуду «сини тIас», и когда она остывала, разрезали ножом на прямоугольные дольки и угощали собравшихся гостей.

Из жидких блюд самым любимым был хинкал. Состоятельные слои населения готовили его из пшеничной муки, бедняки – из ржаной или из смеси ржаной и пшеничной муки. Хинкал, как правило, готовили на мясном бульоне, но если мяса не было, варили в воде, а ели с различными приправами. Сначала варили в котле мясо. Одновременно раскатывали тесто в тонкие лепёшки, затем резали их мелкими квадратиками или ромбиками. Вынув готовое мясо из бульона, бросали туда хинкал. Готовый хинкал вынимали шумовкой и раскладывали в глиняные миски. Параллельно готовилась приправа из толченого чеснока с добавлением соли и кислого молока. Сначала подавали хинкал с мясом и приправой, затем бульон с хлебом. Ели хинкал остроконечными палочками, позже – вилками. Если хинкал готовился без мяса, его обязательно приправляли жареным курдюком, нутряным жиром или просто кислым молоком с чесноком. [2/178]

Другой вид хинкала готовили, как правило, из ржаной

муки. Тонко раскатанные стержни теста резались на маленькие куски, каждому из которых нажатием указательного пальца придавали форму полой трубочки. Их бросали в кипящий бульон. Подавали с мясом и подливой. Когда же его готовили без мяса, то заливали цельным молоком.

Среди бедняков очень популярным был «музе хIинкал» – мелкий хинкал типа лапши, на который шло муки меньше, чем на другие виды хинкала. Готовили его на молоке, а когда в агуле появилась картошка, то сюда же мелко нарезали и ее.

Совершенно оригинален другой вид хинкала, как его шутливо называли «ленивый хинкал». Готовили его следующим образом: в холодной воде густо разводили муку, сюда же мелкими кусками нарезали сушёное мясо, нутряной жир, лук, картошку; всё это приправляли перцем. Тщательно размешав всю массу, ложкой брали оттуда понемногу и бросали в кипящую подсоленную воду. Подавали с бульоном и чесночной подливой.

В зимнее время готовили особый вид хинкала. Круто замешенное тесто раскатывали стержнями, затем резали на кружочки. В каждый кусочек клали по куску сушёного мяса, зажимали тесто с мясом в кулаке и опускали в кипящую воду. Ели с чесночной подливой или цельным молоком. Вероятно, этот вид хинкала является древнейшим прообразом пельменей. У других народов Дагестана он не известен [2/173].

Наиболее простым и скорым был, так называемый, чабанский хинкал. В домашних условиях его готовили, когда в доме не было хлеба, а на альпийских лугах он был постоянной пищей чабанов. Процесс его изготовления очень прост: от сформированных вручную стержней теста отрывали по куску, придавливали ладонями и бросали в котёл с бульоном.

Значительное место в пище агулов занимали пельмени со всевозможными начинками из дикорастущих трав, творога, овечьего сыра, яиц с молоком, мяса, а, кроме того, – молозивом. Готовые пельмени бывали или круглой формы

небольших размеров или же имели форму мешочков. Пельмени с мясной начинкой подавали с чесночной подливой, остальные – со сметаной, кислым молоком. [2/179]

Немаловажное значение в пище агулов имели всевозможные супы. Варили их на мясном бульоне, молочные, а также постные, заправляли крупой голозерного ячменя, пшеничной, пшенной, горохом, рисом. Чаще всего варили молочный суп с пшеничной крупой, приправленный небольшими кусочками сушёного мяса, нутряного жира или зажарки из курдюка.

Определённое место в пище занимали каши из муки и круп. Для мучных каш использовались только пшеничная и кукурузная мука. Крупы же получались из всех видов зерен. Готовую кашу ели с цельным молоком, маслом, сметаной, кислым молоком, мёдом. В особо торжественных случаях готовился плов из риса и полбы. Из толокна готовили особую кашу – «куче муссу».

Когда в доме не было хлеба, готовили особый вид похлёбки. Для этого вначале варили суп из пшеничной муки на воде, затем разлив его в миски, засыпали в каждую миску горкой толокно. Постепенно с края ложкой помешивали толокно в супе до кашицеобразного состояния и ели. Точно так же ели толокно с цельным и кислым молоком. Иногда толокно разводили на воде или бульоне и ели комочками, сжатыми в кулаке. В этом случае подавали его с сыром, маслом и т.д.

Поджаренное зерно имело и самостоятельное значение: его ели дети, иногда и взрослые, когда в доме не было ни хлеба, ни толокна. В этом случае с зёрнами злаков поджаривали и конопляное семя.

Свежее мясо агулы употребляли в пищу в основном летом и осенью, в остальное время года, в связи с тем, что поголовье скота в хозяйствах агулов из-за скудности кормов в стойловый период становилось некондиционным, использовалось сушеное мясо, колбасы, заготовленные впрок.

Обработкой туши забитого скота занимались мужчины. Они соответствующим образом разделывали и солили её. Причём, в расчленённом виде засушивали, только тушу крупного рогатого скота. Баранью тушу засушивали целиком, освободив её от шкуры, внутренностей и срезав кусочки мяса с наиболее мясистых частей. Фаршем из срезанной мякоти, приправленным луком и душистыми травами, заполняли чисто промытые кишки. Полученные колбасы вешали сушиться, а затем хранили в сухом проветриваемом месте [2/174].

Очищенные внутренности (печень, лёгкие, сердце и т.д.) обработанные горячей водой, вместе с кусками мякоти шли на фарш для заполнения толстых кишок. В фарш добавляли рис, лук, картошку, перец, тмин, чабрец и немного воды. Заполнив кишки этой массой, завязывали концы суровой ниткой и опускали их в кипящую воду. Через некоторое время колбаски прокалывали в нескольких местах. Подавали готовое блюдо в горячем виде. [2/181]

Таким же фаршем набивали предварительно обработанный желудок забитого барана. Иногда с желудком варили тщательно обработанные бараньи ножки, обмотанные чисто промытыми тонкими кишками.

Традиционным блюдом у агулов является мясное блюдо «дулдурма», «мIялусай». Его готовили сразу же после того, как зарежут козла или барана. На скатерти расстилали пленку нутряного жира забитого животного, на которую накладывали массу из мелко нарубленной печени, почек, легких, сердца и картофеля со специями. Массу заворачивали трубочкой в пленку из нутряного жира и обматывали тщательно промытыми тонкими кишками. Готовый рулет заливали водой и варили 2-3 часа. Есть, её рекомендовалось в горячем виде, пока жир не остыл.

Из свежего мяса готовили соус. Для этого мясо, нарубленное мелкими кусками, варили в небольшом количестве воды почти до готовности и затем добавляли лук, перец, картошку.

Свежая печень и мясо, жаренные на вертеле или сковороде, называли «кабаб». Мясо для этого предварительно готовили: солили и засыпали травами. Печень крупного рогатого скота надрезали во многих местах, солили и жарили в печи. Лучшие куски мякоти использовались для приготовления голубцов – «долма». [2/182]

У чабанов на отгонных пастбищах существовали свои способы приготовления мяса. Тщательно промытый бараний желудок набивался мелко нарезанными кусочками мяса; сюда же наливали немного воды, добавляли соль и травы и обвязывали шейку желудка суровой ниткой, предварительно вставив в неё трубчатую кость барана, для выхода паров. Желудок укладывали на каменную плиту, под которой разводили огонь [2/174].

Если же нужно было накормить большое число чабанов, мясо готовили следующим образом: освежеванного барана заворачивали в его же шкуру, добавляли немного воды и душистые травы, шкуру зашивали местами суровой ниткой и клали на горячие угли в яму, где предварительно разводили большой костер. [2/182]

Исследовав основные блюда традиционной кухни агулов, удивляешься и восхищаешься тем, что горцы при кажущемся однообразии создали кухню богатую значительным количеством местных блюд, сумели до конца использовать те скромные пищевые ресурсы, которые предоставляла суровая природа в их распоряжение, и возместить недостаток овощей и фруктов богатым ассортиментом съедобных дикорастущих трав.

При кажущемся разнообразии блюд в кухне агулов, до 20-х годов XX века питание населения было скудным. Даже у зажиточных семей пища не отличалась разнообразием. Повседневной едой были пресный хлеб, сыр, масло, кислое молоко, всевозможные супы, каши, яичница, хинкал, преимущественно без мяса, летом преобладала растительная пища.

Ели три раза в день: утром, в полдень и вечером. Основную трапезу устраивали вечером, часов в шесть-семь. К этому времени обязательно готовили горячее блюдо.

Многие продукты первой необходимости: чай, соль, сахар можно было привести только из других регионов, и они были доступны ни всем крестьянским семьям.

Основным топливом был кизяк, бурьян. В пограничных с табасаранцами селениях использовались и дрова. Топливо экономили, и потому топили только тогда, когда готовили еду. По этой причине, в холодное время года вся семья жила в одной комнате, которая ненадолго прогревалась во время приготовления еды.

Специальной кухни для приготовления и приёма пищи у агулов, как и у других народов Дагестана не было. Еду готовили и ели в той комнате, где семья располагалась повседневно. [2/170] На полу, поверх паласа, расстилали скатерть, посредине клали хлеб и общее блюдо «сини» с обедом. Дети и младшие члены семьи ели вместе. Для главы семьи обязательно подавали отдельную тарелку. Причём из этого блюда остальные члены семьи ест, не имели права.

В этой же комнате хранилась вся посуда и утварь. Степень состоятельности семьи наряду с прочими признаками, определялась и количеством имеющейся в доме луженой медной посуды. Состоятельная и средняя агульская семья обязательно имела котёл кубачинской работы на трёх ножках, медный котёл для повседневного пользования, чугунок, медный поднос, подойник, посуду в форме большой кружки, сковороду, небольшой кувшинчик для омовения, большой водоносный кувшин, черпак, шумовку, дуршлаг, миски всевозможных размеров. Поставщиками металлической посуды были кубачинцы и лакцы. У лакцев приобреталась и гончарная посуда.

Глиняная посуда широко использовалась для хранения и обработки молочных продуктов, в качестве ёмкости для сыпучих продуктов, а также для воды. В каждом доме можно

было найти следующую керамическую посуду: водоносный кувшин, маленький кувшинчик, горшки разных размеров для закваски молока, маслобойка, подойник, миски, тарелки разных форм и размеров. [2/171]

Прочное место среди прочей утвари занимала и деревянная посуда, приобретаемая в основном у табасаранцев и даргинцев. В каждом хозяйстве были необходимы: поднос для просеивания зерна, корыто для замески теста, черпак, ложки, сосуд с носиком для сыпучих продуктов.

Медную утварь и посуду развешивали по стенам комнаты, где они хранились. Керамическая посуда хранилась в нишах или ставилась на пол. Деревянные ложки, черпалки, шумовку держали в специальном деревянном поставце – «ттураккен» [2/171].

Фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда в дореволюционное время была большой редкостью в агульском доме. Её можно было найти только у состоятельных хозяев.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В ладонях гор застыло время.
Загадочен твой древний лик.
Агул – астральная поэма,
Агул – сакральный материк.

Ты – горный барс в чугунной клетке,
К созвездьям устремлен твой взор.
Вернешь себе ты славу предков.
Потерпят недруги позор.

Когда глаза твои, как звезды,
Враг ослеплял ножом косым,
Из глаз камней стекали слезы,
Как жемчуг утренней росы.

Но даже в час жестокой муки
Не слышал враг твоей мольбы.
И я, целуя твои руки,
Молюсь на храм твоей судьбы.

Фатхула Джамал

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Зодчество и прикладное искусство. Многие черты искусства, архитектуры, эстетических представлений агулов уходят своими корнями в далекое историческое прошлое.

В неповторимую природу Агула, где зеленные просторы долин сменяются суровым величием горных вершин, как драгоценные жемчужины, вписаны памятники архитектуры. Есть среди них выдающиеся произведения, вобравшие в себе высокое строительное и художественное мастерство, есть и скромные постройки, дающие представление о массовой архитектуре.

В X-XII веках в Агуле наблюдается усиленное строительство фортификационных сооружений, в частности памятников замковой архитектуры. Строительство крепости зафиксировано по данным эпиграфики в селении Тпиг. Развалины крепости сохранились, и по сей день [1/121].

Для предупреждения нападения со стороны подходов в агульских селениях строились башни, которые в некоторых случаях выполняли функции сторожевых. В селении Хоредж за последние годы была полностью разрушена уцелевшая из трех башен, о которых Б. А. Калоев писал: «единственный памятник такого рода на юге Дагестана» [2/35].

Значительную роль в народном творчестве играло жилище, которое как живой организм приспосабливалось к особенностям жизни, климату, рельефу, строительным материалам, составу семьи и др.

Почти во всех селах Агула строили минареты. «Можно без преувеличения сказать, – пишет Г. Любимова – что агульские минареты – самые выразительные по силуэту и законченности форм во всей дагестанской архитектуре. Здесь мы сталкиваемся с очень интересным явлением. Так, в агульской архитектуре, где не было создано единого типа жилого дома и других сооружений, имелся единый тип минаретов, с хорошо продуманным объемно – пространственным построением, с одними и теми же архитектурными формами и декоративными деталями» [3/14].

В X-XIII вв. и особенно в XVIII веке в связи с укреплением позиций ислама усиливается строительство мечетей. В селении Рича сохранилась мечеть, датируемая в пределах XI-XII вв., и сейчас несушая следы пожара. Мечеть построена на крутом склоне из грубо обработанного местного камня. Внутреннее помещение мечети – это общирный зал (16,3х11м.) высотой в 4 метра, к нему прымыкает крытая галерея, с которой ведут в зал три дверных проема с деревянными обрамлениями. Перекрытие опирается на десять резных деревянных столбов, отличающихся друг от друга как по своей форме, но и характером орнаментальной обработки. Джума-мечеть в селении Тпиг (XIII в.) и мечеть в селении Арсуг (XVII в.) также относятся к памятникам культурного наследия агулов федерального значения.

Но где бы мечети, ни возводились, они всегда превышали по своим размерам остальные дома, строились из лучших материалов, становясь архитектурной доминантой селения. По конструктивным и стилевым признакам мечети агульских селений продолжали форму мечетей Азербайджана и стран Ближнего Востока.

Некоторые хозяйственно-жилые комплексы агулов могут быть с полным основанием названы домами – крепостями, хотя боевые или оборонительные башни, как это имело место у аварцев, чеченцев, осетин, грузин, входящие в подобные

комплексы, и не обнаружены. Тем не менее, эти высокие дома с узкими щелями, более похожими на бойницы, чем световые окна, и с небольшим входом, запираемым толстой дубовой дверью, способны были автономно выдерживать нападение. Тем более в сочетании с общей планировкой селения и группировкой домов они представляли собой настоящие крепости [4/221].

Интересными памятниками архитектуры являются каменные мовзолеи – «пиры (памятники потомству), расположенные повсеместно на всей территории агулов. К примеру, пир в центре с. Хутхул, построенный в 1807-08 гг. за её высокохудожественное совершенство включён в число памятников культурного наследия федерального значения. Все пиры имеют квадратное или многоугольное основание, архитектурно-выделяющийся портал и шаровое или полусферическое покрытие.

Одним из важнейших элементов горской архитектуры были арочные конструкции. В ряде мест для декора стен употреблялись каменные цельновысеченные кольца как своеобразные символы прочности дома. Стены изредка оживлялись вставками из косо положенного речного булыжника.

Общую картину зодчества Агула восполняет еще одна группа памятников: мосты. Их появление было вызвано экономическим подъемом края и ее поселений. Мосты Агула являются весьма серьезными инженерными сооружениями, выдающихся достижений строительной техники в области мостостроения. Все мосты каменные с одним или двумя арочными проемами. Сложность рельефа местности, разновысотность берегов, служащих опорами арок или устоев, диктовали своеобразное ,конструктивное решение мостов. Именно такими являются хорошо сохранившиеся мосты начала XIX века в 220 метрах к северу от с. Мисси, в южной части с. Тпиг, в с. Буркихан, в местностях: «Туличир», «Марчаг» и «Карчарах», в центре с. Хутхул и другие.

Искусство резьбы по камню во всех его проявлениях и видах – рельефной, пластичной, контурной, плоской и скульптурной, является неотъемлемой частью богатого наследия декоративно-прикладного искусства агулов. Именно камень один из первых природных материалов был освоен человеком утилитарно, а затем и художественно.

Высокая техника исполнения позволяет говорить о глубоких художественных традициях и о сложившейся школе резчиков по камню. Весьма ценными памятниками резьбы по камню являются многочисленные памятники эпиграфики, позволяющие не только определить время их сооружения, но и выяснить имена архитекторов, мастеров декоративных работ и их профессиональные звания. Наибольшее их количество обнаружено в селениях Рича, Тпиг, Буршаг, Худиг и других населенных пунктах, свидетельствуя и о значительном подъеме строительного дела в XII-XVII вв. и о расцвете этой отрасли камнерезного искусства. Во всех селах агулов художественной резьбой по камню украшались фасады домов, окна, двери, арки, каменные основания деревянных столбов. Образцами художественной резьбы агулов служат фасады мечетей в Рича, Тпиге, Арсуге, украшенные рисунками разнообразной тематики и эпиграфическим орнаментом.

Своеобразными, но очень интересными образцами резьбы по камню являются надмогильные памятники – стелы или столбы, украшенные резьбой орнаментального характера с надписями – эпитафиями, а иногда и изображениями различных предметов. В Рича, Хутхуле до последнего времени были представлены прекрасные в художественном отношении могильные плиты.

К другим памятникам, позволяющим судить о замечательном искусстве агульских каменщиков, относятся сохранившиеся в мечетях каменные чаши для омовения, достигающие одного метра в высоту и более одного метра в диаметре. Они целиком вырезаны из единого блока камня.

В тесной связи со строительным делом развивалась резьба по дереву. Среди памятников резьбы по дереву следует выделить, прежде всего, украшенные замечательной резьбой деревянные двери и снабженный куфическими надписями столб мечети в селении Тпиг (XIII-XIV вв.). Коробки дверей и створки изготовлены из орехового дерева. Полотно правой одностворчатой двери представляет собой цельное орнаментальное панно с компактным центральным декоративным пятном – розеткой, образованным из концентрических окружностей с переплетением…Левая дверь – двухстворчатая. Вертикальные элементы дверной коробки орнаментированы так же, как и на правой двери, но в отличие от нее ряд окружностей с узелками переплетаются с рядом ромбов. Вертикальные и горизонтальные части коробки этой двери украшены бордюрами из двухленточного «жгута» и многовитковой «косы»; створки же двери орнаментированы сложной «плетенкой», состоящей из сочетания диагонально пересекаемых линиями концентрических окружностей.[28/ 146]

Наибольший интерес в архитектурно-художественном отношении представляют резные деревянные детали окон, дверей и опорные столбы из соборной мечети селения Рича. «Десять резных внутренних столбов ричинской мечети, – пишет Н.Г. Любимова, – уникальные произведения народного искусства. Эти столбы различны как по форме, так и по характеру орнаментальных мотивов и обработки. Здесь столбы без подбалок с трапециевидной « капителью », покрытые орнаментом « плетенка », близкие по форме и характеру обработки к столбам табасаранских мечетей, и столбы с фигурными подбалками с « конической » резьбой. Один из столбов имеет простую по форме подбалку и покрыт резьбой в виде геометрических рисунков» [3/13]. Ричинские старинные столбы поражают не только этим, но и высоким совершенством техники резьбы, виртуозностью и тщательностью обработки деталей, а также глубокой продуманностью орнамента, его законченностью

[19/29]. Один из столбов мечети представляет собой беспрецедентное для элементов культового здания явление: он не несет никакой функциональной нагрузки по поддерживанию кровли мечети. Столб легко вращается вокруг вертикальной оси при помощи шипов, помещенных в нижнем торце столба и в центре капители, и подпятников (на полу и в продольной балке). Капитель столба представляет крестовину из двух подбалок. Столб конструктивно состоит из 5 частей. Средняя часть имеет форму пустотелой призмы со сквозными прямоугольными проемами. На каждом из четырех концов капители висело раньше по 2 деревянных кольца (сейчас некоторые из них отсутствуют), которые при вращении столба звенели, создавая шуршащий звук определенной тональности [28/ 38].

Не менее интересным памятником деревянного зодчества является портал мечети селения Фите. Он украшен резными орнаментальными мотивами, который имеет превосходную надпись почерком цветущего куфи, выполненную в низком рельефе. А.Шихсаидов отмечает: « Можно предположить, что надпись мечети селения Фите – одна из древнейших на Восточном Кавказе. Она может быть отнесена к X веку, но это предварительная датировка, основанная на сравнении с надписями по штуку в мечетях Каракюре в Дагестане и Наине в Иране. Красивое вычурное куфическое письмо выполнено в своеобразном стиле – буквы снабжены растительными мотивами, и таким образом поле с надписью полностью заполнено» [18/111].

Заметное развитие в Агуле получило искусство ковроделия. Здесь изготовляли безворсовые ковры. «Эти паласы с геометрическим узором внутри полос и обрамляющей рамкой, «сумахи» – обладающие мягким сочетанием красок при строго повторяющемся узоре. Повторяемость красочных пятен и ритмика узора, отвечая законами симметрии, строго ограничены рамочным обрамлением. В элементах орнамента, имеющих свои местные названия, можно заметить живот-

ных, хищных птиц, голубей, бычьи головы, а также листья, цветы, завитки, «солнца » и прочее » [5/483].

Красотой и разнообразием узоров также отличились полосатые подстилки, хурджины, подседельники, ленты для носки кувшинов. Широкое распространение в Агуле имело вязание мужских и женских носков, джурабов, которые отражали не только этническую, но и локальную специфику.

Агулы пользовались народными способами окраски растениями, что требовало умения, находчивости и внимания. Получение красителя зависело от времени сбора растений. Обычно использовали листья для окраски только что распустившиеся, цветки – только что раскрывшиеся, корни и коренья – до цветения или осенью. При окраске свежими растениями получали яркие и интенсивные краски, чем при окраске высушенными. Высушенные листья, стебли, цветы, плоды предварительно смачивали в течение суток в холодной воде. После этого кипятили в той же воде 15-20 минут. Полученный отвар процеживали в посуду для крашения. Использовали стебель, листья и соцветия зверобоя для получения красной окраски, добавлением отвара щавеля, получали палевые тона, добавляя, отвар мяты – получали оранжево-красные тона. Свежесобранной травой крапивы окрашивали в зеленовато-желтый цвет, а сушенной – в серовато-желтый цвет. Из корней щавеля получали желтую краску. Тысячелистником окрашивали изделия в желтоватый и зеленоватый цвет. Для окраски изделий применяли шелуху лука, плоды шиповника и компоненты других растений. Для закрепления красителей и усиления тона краски на пряже обязательно применялись протравы. Для протравливания пряжи применялась свежая моча крупного рогатого скота, а позднее, алюминиевые квасцы – «нахун».

К сожалению, яркие фабричные краски вытеснили растительные красители мягких оттенков, и многие рецепты их приготовления в Агуле давно позабыты.

Народная медицина. Тяжелые условия жизни, культурная отсталость, скученность в условиях аула, отсутствие элементарной медицинской помощи приводили к широкому распространению среди населения различных эпидемических болезней. Особенно свирепствовали корь, скарлатина, малярия, кожные болезни. Большая смертность приходилась на детей.

Единственная на весь округ больница на 16 коек до революции была открыта в селении Касумкент, в которой имелись один врач и два фельдшера [6/204]. До 30-х годов XX века агулы не имели своих врачей, больниц и, как правило, в своей повседневной лечебной практике пользовались различными методами лечения как рационального, так и магического характера, больных лечили знахари, повитухи, костоправы. Представители народной медицины (джарахи) достигали определенных положительных результатов в лечении болезней, особенно по исцелению ранений, травм. Известный этнограф Абдула Омаров, живший в Буркихане, в своих воспоминаниях писал о жителе этого селения по имени Гусейн, как об «известном по своему искусству враче».

Известным в Агуле лекарем был Гаджирамазан из селения Хутхул, который умел оказывать и хирургическую помощь. По свидетельствам его потомков он делал сложнейшие операции как ампутация конечностей, трепанация черепа и др. Народное признание в прошлом имели лекари: Устарин Бахай и Султан из с. Рича; Джаргатов Магомед из с. Буршаг; Кубаев Гадад и Абдулхалик из с. Тпиг; Таиб из с. Кураг. Многие горские лекари были не только знакомы с восточной литературой, но и в своей практике нередко использовали рецепты восточной медицины.

В народной медицине применяли отвары многих лекарственных растений, известных своими целебными свойствами, ягод, плодов, различные масла, соли, кожу и кровь животных, тесто, молоко, жир диких животных, лук, чеснок и

другие растения и продукты. Тертый свежий корень конского щавеля использовали как средство от укусов змей. Экзему лечили настоем лютика с медом. Рожистое воспаление – чесноком, а для детей готовили бусы из чеснока. Чесотку лечили серой. Паршу – отваром лопуха, прополисом, кожей животных. Геморрой – отваром горячевки; ларингит – курагой. Мясо и жир медведя, барсука употребляли в лечебных целях при ревматизме, болезни легких. Как вяжущими средствами пользовались отварами зверобоя, подорожника; для избавления от глистов применяли семена тыквы, отвар полыни; как кровоостанавливающие средства широко применялись крапива, подорожник, тысячелистник, пастушья сумка; как отхаркивающие, желчогонные и потогонные – мать-и-мачеха, чабрец.

Широкое применение в народной медицине имел чай из плодов шиповника. Его давали пить при туберкулезе, воспалении почек, печени, желудочно-кишечного тракта. В народной практике корни шиповника в виде отвара применяли при камнях в желчном пузыре, почках и мочевом пузыре.

Млечный сок стебля и корней одуванчика использовался для удаления веснушек и бородавок, отвар из его листьев считался полезной при желтухе.

Ушибы и переломы, огнестрельные и другие раны лечили местные хирурги, и довольно успешно. Местным хирургам был известен способ лечения ран и переломов удалением пуль и осколков кости, без хирургического вмешательства, путем высасывания инородных тел из раны с помощью пустотелого бараньего рога, который Н.И. Пирогов признавал лучшим, чем способ, которым пользовалась научная медицина [7/429].

Если при лечении ран и болезней вмешательство знахаря и костоправов не помогало, то родственники больного прибегали к магии и колдовству. Над больным разводили огонь на жерновах, пускали дым с причитаниями, изготовляли

различные талисманы и обереги («хъайкал»), носили больного на святые места и могилы шейхов. На пирах вешали жертвенные лоскутки от одежды больного, оставляли еду, раздавали милостыню.

Целому ряду родников, вероятно, в силу их особенного химического состава, проверенного опытом поколений, приписывали свойства излечивать от разного рода болезней – «сглаза», потери грудного молока у кормящей матери, ревматизма, кожных и иных заболеваний. Такие же качества приписывали воде из кузни. Воде, взятой из семи источников, приписывали способность излечивать семь болезней.

Были и другие способы лечения от «сглаза». Например, чтобы вылечить «сглаз», во многих селениях, собирали различные травы, брали кусочек от одежды подозреваемого в «сглазе» человека и все вместе сжигали и давали нюхать ребенку. Пепел разводили в воде и в ней купали ребенка. В качестве амулета от «сглаза» к одежде ребенка пришивали определенного вида бусины (черная или синяя бусина с белыми глазками). Обычно такая бусина имитирует глаз. Из таких бусинок делали браслеты для детей, их подвешивали к люльке.

Особой сакральной силой наделялись медвежьи, кабаньи, волчьи клыки, заячий хвост, камешек с естественным отверстием. Свойства оберега приписывали и клоку шерсти черной собаки, который, поместив в тряпицу, привязывали к люльке.

Считалось, что сглазить могли люди с голубыми глазами. В каждом селении были люди, сглаза которых все боялись.

Устное народное творчество. Устное народное творчество играло важную роль в общественно-культурной жизни и повседневном быту агулов.

Фольклор горцев свидетельствует о близких контактах между отдельными народностями и этническими группами. У народов Северного Кавказа много типологически, идейно и художественно совпадающих произведений творчества.

Эта общность прослеживается в целом ряде обрядов – ритуальных комплексов, связанных с древними формами жизни и быта горцев, как, например, рождение ребенка, женитьба или похороны, а также в обрядово-ритуальных установлениях и аграрно-производственных празднествах. Все эти и другие обрядовые циклы сопровождались и закреплялись словесным творчеством, главным образом поэзией [V, 484].

Устное народное творчество народа развивалось в формах эпических жанров (исторические легенды, волшебные и социально-бытовые сказки, детские песни, обрядово-колыбельные, свадебные, песни-оплакивания). Существовало большое количество преданий, рассказывающих о происхождении народов; излагающих об образовании крупных населенных пунктов, союзов сельских обществ, легенды и предания, рассказывающие о мужественной борьбе горцев с иноземными захватчиками. Сохранились эпиграфические надписи о героической обороне жителей селения Рича от монгольских завоевателей и защите селения Зулерхьор от войск Надир – шаха.

Особенно большой след в устном народном творчестве агулов оставили опустошительные нашествия орд Чигисхана и Тимура. О Тимуровском вторжении сохранилось предание анекдотического характера. Рассказывают, что проезжая по ущелью Агул-дере, грозный предводитель отряда спросил жителя с. Гоа об ауле Фите: велик ли тот аул? Гоинец, долго не размышляя, ответил, что сам он там не бывал, но слышал, что там сорок мельниц. Тогда его спросили, а где же речка? На это гоинец ответил, что речка протекает в другом ущелье, на другой стороне. Завоеватели, подумав, решили, что захват такого большого села займет много времени, и двинулись дальше. А все дело было в том, что Фите находится высоко в горах, вдали от речки, поэтому в каждом доме обязательно были ручные жернова-сорок в сорока домах. Почти во всех агульских селениях встречается, получившая впоследствии популярность, легенда об Абу-Муслиме, покорителе и

распространителе ислама в Дагестане. В селении Рича бытует предание, приписывающее основание этого населенного пункта выходцам из арабского племени корейшитов. Повсеместно сохранилось другое предание о том, что Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) построил дербентские стены, чтобы оградить южные страны от вторжения чудовищ: Йаджуджа и Маджуджа (библ. – Гог и Магог).

В XVI-XVIII вв. возникли песни и сказания о завоевателях – шахе Аббасе и Надир-хаше. В памяти народной остались шаххирманы (шахские молотьбы), когда лошади топтали младенцев и стариков. В северо-западной оконечности селения Дулдуг, в местности «Чеминтарин ратт», до сих пор сохранилось гумно называемое «Шаххирман». В Рича сохранилось предание, что воины Надир – шаха в течение 14 дней не могли взять село. А некий предатель, якобы за гирванка (фунт) золота, открыл персидским войскам секрет подземных ходов проникновения в ричинскую крепость. Предателю, впоследствии, сами же завоеватели залили рот расплавленным золотом, объяснив – «молчание-золото».

Достоянием агулов, как и всех народов Северного Кавказа, является героический эпос о нартах. Рыцарский дух героев нартского эпоса, их честность, отважность, готовность пожертвовать своей жизнью ради спасения ближних – все эти качества живо и с необыкновенной страстью воспринималось горцами. На эпосе учились, воспитывались, духовно крепли и мужали подрастающие поколения агулов. Агулам также, хорошо был известен героический эпос народов Закавказья и Средней Азии – «Кер-оглы».

Подлинно народным жанром были горские сказки. Героями сказок чаще выступали искатели народной правды и счастья, борцы за социальную справедливость, значительная часть сказок изображает борьбу добра и зла, которая заканчивается торжеством доброго начала. В сказках прослеживаются прометеевские мотивы, сказания о прикованном великане,

циклопах, богатырях, сражающихся с драконами («аждаха»), достающих небесный огонь, зерно, орудия труда, вызволяющих из плена девушек и т. д.

Значительное место в устном народном творчестве агулов занимают легенды и были о набегах и разбоях. Бывшие смутные времена в крае, отсутствие постоянной работы толкало часть молодежи на занятия не совсем благовидные и сильно подрывающие их репутацию. Таким занятием для них становилось воровство, с целью удальства. Воровство, преимущественно скота, которое находило себе много оправданий в общественном мнении части населения, содействовало его большему развитию. На этой почве в горах случались стычки не только между соседними селами, но и соседними народами.

Так, одна быль повествует о том, что большая вооруженная группа грабителей (къачагъар) из соседнего общества хотели, под покровом ночи, угнать крупный рогатый скот жителей селения Рича. Узнав о намерении грабителей, ричинец, Чархкъи – Бахьай, переодевшись в шубу наизнанку, незаметно на четвереньках вливается в стадо. При перегоне скота через расщелину на пути в сторону селения Бедюк, он один стрелами из лука перебивает всех грабителей, вызволяет скот сельчан, а сам от полученных ран, в неравном бою, погибает.

Несколько дней спустя, разъяренные друзья и родственники погибших грабителей, ночью тайком прибывают в Рича. Узнав о гибели отважного Чархкъи-Бахьая, не находя другого способа мщения они разрушили его надмогильную, памятную стелу на сельском кладбище. Но благодарные его памяти ричинцы, восстановили памятник герою, и бережно ухаживают за ним.

Другое предание гласит о стычке Ричинского сельского общества с жителями лезгинского села Курах. Рассказывают, что в связи с набегами соседей, молодой пастух из Рича договорился с возлюбленной, которая тревожилась за него,

что в случае опасности он сообщит ей об этом игрой на свирели. Однажды ночью явились курахцы, связали пастуха и стали угонять стадо. Пастух попросил разрешения сыграть в последний раз любимую мелодию на свирели. Ему разрешили; его возлюбленная, услышав мелодию, подняла тревогу, по которой ричинцы вышли и освободили пастуха и стадо, начали избивать грабителей. Другая мобильная группа – 40 всадников, составлявших постоянное ополчение, направилось в Курах; но там в это время не оказалось боеспособных мужчин, так как все ушли на помощь своим избиваемым на лугу сельчанам; тогда ричинцы подожгли село и ушли. Считают, что после пожара, селение Курах построено на новом месте, а место, где когда-то был старый Курах, стали называть Харабкент.

Особое место в фольклоре агулов занимают песни – «Баллий». Как отмечает Г. Алхасов: «Уникальным образцом совершенства поэтического мастерства представляют собой песни агулов Баллий, которые по принятой в литературоведении классификации можно отнести к малому жанру, и представляют собой семи- или восьмисложные четырехстрочники силлабического характера. В формальном плане наиболее ярко выраженной особенностью их является отсутствие в них какого-либо конкретного в обычном понимании этого слова содержания, чем и объясняется не напряженный характер их текстов и определяет, в конечном итоге, их жанровую разновидность. Однако не это делает их уникальными, а их неповторимые внутренние интонации и глубинная сущность, в которой отражается мироощущение народа, а также, что не менее важно, механизм реализации заложенных в них творческих потенций. Если найти аналогии в других литературах, то агульские Баллий можно сопоставить со знаменитым испанским «глубинным пением» Канте Хондо. Оно представляет собой одну из древнейших в Европе так называемую андалузскую песенную культуру, которым восхищался

Ф.Г. Лорка, когда восклицал – «Разве не чудо, что безвестный народный поэт в три-четыре строки умещает все богатство высших взлетов человеческой души?» [10].

В устной фольклорной традиции агулов особое место занимали мифологические представления и сюжеты. Агулы до сих пор помнят миф о злом духе, вредящем роженице и ребенку – Албести. По представлениям народа, Албести имеет облик уродливой женщины с волосами до пят, отвислыми грудями, которые она перекидывает через плечи. Живет по берегам рек, около родников, у озер. Завладевает сердцем, печенью и другими внутренностями матери и новорожденного, бросает их в воду – мать и ребенок умирают. По другим поверьям, Албести дает пососать свою грудь, и младенец погибает; губит человека, бросив на него свои груди, – он умирает или тяжело заболевает, или сходит с ума.

Как и у многих других дагестанских народов, у агулов существовала вера в домового («гъодиккен», «бурекъ», «гъадукан»). По одним народным представлениям, это существо мужского пола, по другим – женского, хотя и носящее на голове папаху (шапку-невидимку), которое наваливается на спящих людей преимущественно пожилого возраста, и душит их. Оно наваливается в основном на хороших людей, которых затем ожидает счастье и богатство. Уберечься от домового можно, если спать не один. Оберегами от домового служили веник у изголовья, зола у порога, чеснок, полынь, а также иголки, если утыкать ими края постели.

Другой персонаж агульской мифологии – Кафтаркари – антропоморфный, злой дух в облике безобразной старухи, с острыми, торчащими изо рта клыками, горящими глазами, с не расчесанными волосами и большими грудями. Считают, что Кафтаркари живет с дочерью в лесу, похищает детей и сжирает их ночью.

Еще один мифологический персонаж у агулов – злой демон – «аждаха». Обычно выступает в образе дракона «владыки

земли», часто многоголового. По представлениям народа, он угрожает стране гибелью (в другом варианте – не дает людям доступа к воде). Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение самую красивую девушку края. Герой побеждает дракона, спасая очередную жертву (обычно царскую дочь), на которой и женится. По другим представлениям, Аждаха является хранителем сокровищ и доступа к тайному знанию. У агулов Аждаха изображают злой силой, выступает – символом войны и разрушения. Аждаха также – символ долголетия.

Согласно мифологическим представлениям древних агулов Рагъ-божество, персонификация Солнца, имеет облик прекрасной девушки, излучающей ослепительный свет. Ваз – божество, персонификация Луны, имеет облик прекрасного юноши. Распространены различные сюжеты о пятнах на Луне, один из них: Луна и Солнце были влюблены друг в друга. Но Луна стал хвастаться тем, что красивее Солнца и на него смотрят больше, чем на нее. Тогда Солнце бросила на лик Луны комья несмываемой грязи (по другой версии – грязную тряпку), отсюда – пятна. Обидевшись, Луна убежал от Солнца, которая поняла свою вину и тщетно пытается догнать Луну.

К сожалению, древняя языческая мифология Агула почти полностью исчезла, которая обогащала бы её культуру, не нанося ущерба единобожию.

Среди агулов широкое хождение имели веселые шуточные песни. Горцы высоко ценили народных острословов – мастеров смеха и шуток, меткого слова. Повсюду популярны были анекдоты и притчи о веселых похождениях почитаемого на Востоке Хаджи Насреддина, двойник, именуемый у агулов – Мулла Насраддин.

Большое хождение в народе имели крылатые слова, пословицы и поговорки. Проникнутые трудовыми идеалами они полны дидактических поучений.

Народные пословицы и поговорки

- Если рядом нет старшего, спроси совета у старого камня.
- Хороший сосед – дальнего брата лучше.
- Бедный – отдаст последнее, богатый – заберет последнее.
- Сидя на арбе зайца не поймаешь.
- Кидая рубли, за копейку не держись.
- Камнем о камень, ударяясь – осколок достанется третьему.
- Продав день, ночь не покупают.
- От правды у лжеца искры из глаз летят.
- Не делай зла – не будет добра.
- Творить зло легче, чем добро.
- Добро забывается, а зло помнится навек.
- Не искусив зло, добро не ценят.
- Чем в сытости жить в чужом доме, лучше голодать у себя во дворе.
- У кого клубок и вниз не катиться, а у кого катиться и в гору.
- Не копайся в грязи – запах поднимется.
- С красивого лица воду не пить.
- Горя не желают и врагу.
- Не взбирайся на коня, если не знаешь, как с него слезать.
- Если захочет чабан, то из козла молоко выдоит.
- Когда чабанов много, козел подыхает.
- Женское коварство и камень раскалывает.
- Не ставь другому капкан, попадешь когда-нибудь в него и сам.
- Дом без детей, что мельница без воды.
- У обмана путь в один локоть.
- Змеи, боясь – шарахаются и от веревки.
- Кусающую собаку по лаю узнают.
- Друзей и врагов узнают в черный день.
- За неимением воды и лед сосут.

- Силой и сито через игольное ушко пройдет.
- Из неспелого зерна, и хлеб не печеный.
- Не заработанным добром, богатым не будешь.
- Без отца одно сиротство, без матери семь сиротств.
- Легко доставшееся – легко и уходит.
- У дурака рогов не бывают.
- Лошадь прытка, пока не обуздают.
- Иному соседские куры гусями мерещатся.
- Не убив зайца, не ставь котелок.
- На смиренного осла, и поклажа тяжела.
- Кто не сварил для себя каши – другому суп и подавно не сварит.
- Лед ломается, где он тонок.
- Кто рыбу хочет, тот в воде бродит.
- Вода собирается там, где есть ямка.
- По тропе, что пошла коза, пойдет и козленок.
- Не упусти начало, чтоб не гнаться за концом.
- У старого быка борозда ровная.
- Поле, словом не засеешь.
- Обратная дорога всегда короче.
- Плохому человеку и Бог дорогу не дает, хорошему и приведение помогает.
- Не говори то, что не видел глазами, не передавай то, чего не слышал ушами.
- Тот, кто в сарае, чернит того, кто на крыше.
- Сын, желающий драться, не спрашивает разрешения у отца.
- Время золота дороже.
- Кто рано встает, тому Бог дает.
- Что посеешь, то и пожнешь.
- Паршивая овца всю отару пачкает.
- Друг сделал – телу легче, сам сделал – душе легче.
- Если чабан захочет, из сыворотки брынза получится.
- Не наевшись, и лиса не молится.

- Бык вздохнет – мясо, арба сломается – дрова!
- Не удержал за рога – за хвост не поймаешь.
- Ищущая собака найдет или кость, или палку.
- Смерть осла – праздник для волка.
- Подающий надежду птенец и в яйце поет.
- Если ты лиса, то я – лисий хвост.
- Сзади осла и впереди хана – не ходи!
- Козел соседа и на дороге мешает.
- С чужого коня слезают в грязь.
- Лучше свой осел, чем чужой конь.
- Котел джамаата и на льду закипит.
- Найти друга – легко, трудно сохранить дру
- Давний враг другом не станет.
- Живые не могут идти вслед за мертвыми.
- И старость пусть умрет, и бедность!
- Пошатнувшийся зуб – не удержится.
- Здоровый – страданий болезни не знает.
- Не плачущего ребенка грудью не кормят.
- У лжи хвост короткий.
- Дорога неправды – пол-аршина.
- Голову повязывай, пока она не разбита.
- Торопливая речка до поля не добежит.
- Опустив голову – не хватайся за хвост.
- Каждый кажется себе великим.
- Живот любит все, кроме ножа.
- И мед горчит, если есть его много.
- У говорящего о меде рот не становится слад
- Хоть хлеб с сыром, хоть сыр с хлебом.
- Уносимый бурей– за куст хватается.
- Одна ладонь не делает шума.
- Не всякий, кто усат – мужчина: усы и кошка
- Месяц лета год кормит.
- Что Аллахом предписано, то и случится.
- Пустое ведро пуще шумит.

- Пусть злой человек и в дороге не встретится.
- Долги дом разрушают.
- У незванного – место за дверью.
- Отряхнув – от пальцев не избавишься.
- У хорошего хозяина и осел ухожен.
- Пашут в обе стороны.
- Голова, ударившись о камень, разбивается.
- По одеялу вытягивай ноги.
- Рука дающего не оскудевает.
- Отпустив голову, за хвост не хватаются.
- Стучат по дереву, чтобы отозвалось в лесу.
- Поевший соли напьется и воды.
- По мере зрелости колос наклоняется вниз.
- Где пальцем ноги стукнулся, там и ногой стукнешься.
- Предлагающая рука кажется дешевой.
- Назло вшам шубу не выбрасывают.
- Посередине реки не женятся.
- Один раз и дочь муллы ошибается.
- В одной руке два арбуза не удержать.
- Одиноко пусть и дерево растет в лесу.
- Не дай Бог и волку быть одиноким на вершине горы.
- Бурливая река до моря не доходит.
- Вскормленный петух глаз выклевывает.
- Лишь посеянное всходит.
- Кто рано встает, и кто рано женится, не пожалеет.
- Общественный котел и на льду кипит.
- Женский ум – в подоле платья.
- На руке все пальцы равны.
- И пальцы на руке не одинаковы.
- Прожевав, говори языком.
- С разбитой головой, здоровая не связывается.
- При добром соседе и слепую дочь замуж выдают.
- Палка в своих руках кажется сучковатою.
- Мертвому лекарство – похороны.
- Воткнул иголку, хочет вытащить шило.

- Кто яму копает, в яму и попадает.
- Сытому человеку – голодный не видится.
- Кувшин протекает там, где дырка.
- У блудливой женщины – плач, у вора – клятва.
- Глаза сделаны – чтобы смотреть.
- Из волоса бревно не делай.
- Если не заплачешь, слезы не идут.
- Ум в руках не бывает, в голове бывает.
- Процесс работы мельницы, мельник хорошо знает.
- Ослу седло не идет.
- Если не ходишь, хромоты не видно.
- Говорить легче, чем делать.
- У настоящего мужчины только одно слово бывает.
- Ленивый волк с голоду подох.
- Ослу и тому свой осленок нравится.
- Разбитую посуду не склеишь.
- С одной овцы две шкуры не сдирают.
- Кошка – и то царапается.
- Без хвоста лисица не бывает.
- Слезы приходят, когда сердце горит.
- Только повидавший знает.
- Спереди – одно, сзади – другое.
- Высказываемое слово, взвесив, скажи.
- Даром отданному цены не бывает.
- И старшего, и младшего хорошо знать.
- Только Богом данное можно взять.
- Тобою же сделанное, тебе же найдется.
- Драчливый петух, жирен, не бывает.
- Ложка лучше знает, что в котле.
- Ум ишака в палке.
- Даром кошка и мышь не ловит.

Приветствия, пожелания, проклятия. Особый пласт народной культуры, который требует специальных

исследований и отдельного изучения составляет приветствия, благопожелания, клятвы и проклятия.

Приветствие, как знак выражения чувства личной приязни, доброго пожелания, солидарности к другому человеку – древний обычай, присущий всем народам. С древних времен в Агуле существовали и сохранились в повседневном употреблении различные приветствия на родном языке. Например, «Идже гьузурив!» – «Здравствуй!»; «Гаьдже хаирар» – «Доброй ночи!» и др.

С упрочением позиций ислама общепринятым приветствием у агулов стало общее приветствие мусульманских народов: «Ас-саламу алейкум!» – пожелание мира, на которое всегда следует ответ: «Ва-алейкум салам!», т.е. «И вам (тоже) мир!». Примечательно, что это приветствие в Агуле употребляется исключительно между мужчинами, а женщины же приветствовали на родном языке, либо просто ограничивались добрым словом в их сторону, а то и вовсе не здоровались с мужчинами, молча, проходя мимо, этим подчеркивая застенчивость женщины – горянки.

На родном языке существовало и большое количество приветствий-благопожеланий, которые были образны и разнообразны, в основном они были связаны с обстоятельствами и ситуациями.

Для примера здесь приводятся некоторые традиционные пожелания, записанные со слов информаторов в Агуле, большая их часть находит близкие аналогии в фольклоре других народов Дагестана.

При прощании, расставании произносили: «Сагъди аттурай!» («Оставайся в целости!»); «Саламат акьурай!» («Оставайся основательным!»); «Шадти рукьурай!» («Чтоб в радости доехал!»); «Йагъур хьурай!» («Счастливого пути!»); «Сагъди ккайрай!» («Чтоб здоровым вернулся!»); «Шадти къагурай!» («Чтоб опять увиделся радостным!»).

На свадьбе: «Агъзур йисантар хьурай!» (Чтобы на тысячу

лет была!»); «Мурадарикь къучаттурай!» («Да исполнятся все ваши пожелания!»); «Чве гIуммурди ттук акъурай!» («Пусть ваша жизнь процветает!»).

При соболезновании: «Чве гIуммур иярхе акъурай!» («Чтобы ваша жизнь была долгой!»); «Шад бъалдил бъареф хьурай!» («Чтоб на радости приходил!»); «Суваьбар ликIирай!» («Чтоб зачлось в добрые дела!»).

При рождении ребенка: «ГIуммур къайэф хьурай!» («Чтоб долгожителем стал!»).

Родителям: «Шиникварикес гIаквар агурай!» («Чтобы дети вам светили!»).

Гость, опоздавший на торжество: «Чвас сухIбет ширин хьурай!» (Чтоб вам трапеза была сладкой!). Гостю, опоздавшему на торжество: «Ширинди шав!» («Сладко приходи!).

Выполняющему какое-либо дело: «Кьуват хьурай!» («Сил тебе!»).

При начале какого-либо дела, торжества: «Идже сагIат акьурай!» («В добрый час!»)

При получении приплода, сборе урожая: «Баракат ккиеф хьурай!» («Пусть будет с достатком!»).

Проводившему близких: «Вархаас идже хабарар адирай!» («Чтоб с чужбины получал хорошие вести!»).

В благодарность за услугу: «Ве хилар, лекар сакьурай!» («Пусть у тебя руки, ноги будут здоровы!»), и другие.

Совершенно самостоятельным жанром фольклорных произведений были проклятия. Они представляли собой сгусток, предельную концентрацию гнева, выраженную словестно, в лаконичной форме. По сведениям информаторов, за редким исключением, все проклятия произносили женщины. В качестве примеров, здесь приводятся несколько наиболее оригинальных проклятий:

Вун гьахьдатурай! (Чтоб ты не встал!)

Ве иркар утIурай! (Чтоб твои кости сгнили!)

Ве иджеф кIирай! (Чтоб твой лучший умер!)

Ве магьит аттивуьрай! (Чтоб твой гроб вынесли!)

Ве ккум атӏурай! (Чтоб у тебя дым (очаг) потух!)

Вун агъуй угурай! (Чтоб ты ядом сгорел!)

Вас кӏаре азар ярхъурай! (Чтоб тебя одолела черная болезнь!)

Ве тум кетархьурай! (Чтоб твой род разорился!)

Музыка, музыкальные инструменты, танцы. У агулов была богатая традиция музыкальной культуры. В ней следует, прежде всего, различать вокальное и инструментальное искусство, причем при определенной самобытности ее у агулов в целом, оно имело много общего с музыкальной культурой народов Дагестана, обусловленного историческими связями.

Музыка и хореография агулов многообразна и тематически обширна. Основные их формы зародились в глубокой древности и были непосредственно связаны с трудовой деятельностью человека, с его житейской и ритуальной практикой. Народная музыка горцев развивалась в трех жанрах – песенные мелодии, инструментальные произведения и танцевальная музыка.

Роль песни в жизни агулов была громадной, и ее сила нередко равнялось общественному приговору. Не было для горца большей чести, чем быть прославленным и воспетым в песне, и большего позора, чем быть осмеянным в песне.

Народная музыка исполнялось на разнообразных инструментах, которые были широко распространены по всему Дагестану. Это духовые язычковые: зурна; одно- и двуствольные горские флейты – свирели, изготавливаемые из камышового тростника; мембранные ударные – бубен, дэф и нагара; 4-х струнный щипковый – чунгур. С середины XIX века в музыкальный быт агулов начинают проникать смычковый музыкальный инструмент – каманча; струнный щипковый – тар и пневматический, духовой инструмент фабричного изготовления – русская гармошка, которая постепенно оттесни-

ла другие музыкальные инструменты. Очень популярен был у агулов чунгур, который считался обязательным атрибутом кунацкой.

Многие культовые церемонии, календарные празднества, обряды сопровождались одновременно пением, музыкой и танцами. Их основа – хоровая форма. Особенно широкого размаха достигли песни и танцы на свадьбах и всенародных празднествах по различным поводам, в посвятительных торжествах – в честь рождения сына, возвращения в отчий дом, конца войны, приезда близкого кунака и т. д.

Лирические песни агулов отличались особой исповедальностью и сокровенностью, которые порождали яркие метафорические образы, передающие тонкость и трепетность чувства, бескорыстие и сомоотверженность в любви, чистоту и целомудренность переживаний.

Кроме обрядового цикла, историко-героических песен, агулы обладают значительным количеством своеобразных лирических, шуточных, застольных, колыбельных песен, танцевальных напевов. Известны частушкообразные и диалогические песни, исполняемые в дуэтной или сольной форме девушками и юношами.

Преобладающей формой вокального исполнительства было одноголосое и редко двухголосое пение с инструментальным сопровождениям и без него. Главными хранителями, создателями и распространителями музыкальной культуры у агулов были народные певцы – ашуги.

Танцы – один из самых излюбленных видов искусства агулов. Он создавался и оттачивался веками, вырабатывая множество интересных исполнительских форм и приемов. Самое широкое распространение имел танец на носках – лезгинка, имеющий общий рисунок у всех горских народов. Кроме того, агулы имели свои национальные танцы в основном медленные и плавные, в которых движения рук и всего тела создают общую гармонию грациозности. Если в женских танцах

наблюдается плавность и мягкость движений, грациозное изящество и подчеркнутая скромность, то в мужских танцах больше выражена динамика, ловкость и строгая красота, движения их более резки, порывисты и в то же время в них ярко подчеркнута почтительная обходительность с женщинами.

Как и у всех народов Дагестана, у агулов были распространены парные танцы, носившие более развлекательный характер. Они могли быть или плавными, или быстрыми, темпераментными, требовавшими большого исполнительского мастерства – «къарс», и носили обычно обобщающее название «танец». К местным названиям иногда добавлялись слова, озночающие или характер танца, или место его бытования («авар-кавха», «акушинский» и т. д.).

В танцах агулов, как и в музыке, хорошо заметно влияние лезгинской, табасаранской, лакской и азербайджанской музыкальных культур, с которыми широко были развиты экономические и культурные взаимоотношения, и происходило взаимопроникновение хореографического и музыкального искусства.

БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ МАГИЯ АГУЛОВ.

- К грудному ребенку не пристанут болезни, если его искупать в теплой дождевой воде.
- Ребенок быстро выздоровеет, если под его подушку положить зубец чеснока.
- Если у ребенка болит ухо, то надо закапать в ухо семь капель куриного жира.
- Если у ребенка болит голова, то к ней надо приложить шерстяные нитки красного или синего цвета.
- Ребенок не заболеет, если под подушку положить кусочек хлеба.
- Ребенок не будет болеть, если в его карманы насыпать немного кристалликов соли.

- Кусочек змеиной кожи, пришитый к одежде, избавит ребенка от робости.
- Напуганного ребенка надо уложить на широкой доске и сжечь над ним несколько шерстяных ниток красного цвета.
- Очищенный зубец чеснока в кармане ребенка не позволит его сглазить.
- Чтобы ребенок не стал заикой, будить его нужно осторожно.
- Если перед ребенком поставить сладости и вкусную еду, то он быстро выздоровеет.
- Чтобы ребенок не подвергнулся впоследствии напраслине, нельзя его уложить в чужой колыбели.
- Не раскачивай, пустую колыбель, иначе ребенок заболеет.
- В комнате, где находится новорожденный, всегда должен гореть свет.
- Пеленки ребенка нельзя оставлять на ночь вне дома.
- Нельзя оставлять маленького ребенка дома, одного, а то в него вселится нечистая сила.
- Воду, в которой искупали ребенка нельзя выливать после поступления темноты.
- Нельзя одевать на ребенка до истечения года рубашки, застегивающие на пуговицы – он долго не будет говорить.
- Если у ребенка прорезались сначала зубки в нижней челюсти, то он будет жить долго.
- Если ребенок играется с собственной тенью, то будет страдать недержанием мочи.
- Если ребенок играется с расческой для волос, то у него будут редкие волосы.
- Если ребенок рассматривает свои ладони, то жди несчастья.
- Если ребенок рассматривает тыльные стороны своих рук, последуют радостные события.
- Если ребенок, нагнувшись, смотрит между своих ног, то это к достатку.

- Ребенок быстрее выздоровеет после обрезания крайней плоти, если его мать не будет, есть мясные и жирные блюда.
- Кусочек ржавого железа в комнате ребенка, убережет его от болезней и сглаза.
- Коготь с правой передней ноги волка убережет младенца от сглаза и болей в ушах.
- От глазных болезней убережет младенца коготь ястреба.
- Чтобы жизнь ребенка не была короткой, нельзя его передавать другому человеку через перекладину люльки.
- Люльку с ребенком нужно обязательно обойти со стороны ног.
- Нельзя оставлять пустую люльку не прикрытой – бес ляжет.
- Если ребенка сглазили, надо достать из камина уголек, замочить его в кружке с водой, назвав при этом имя сглазившего человека, затем этим же угольком замарать лоб, уши, щеки ребенка.
- Обрезанную крайнюю плоть ребенка не следует выбрасывать во избежание его импотенции. Его необходимо завернуть в кусочек материи и спрятать в укромное место.
- Чтобы рана ребенка зажила быстро, в доме в эти дни не следует резать скот и птицу, надо отказаться от мясных блюд.
- Если беременную женщину все время тянет ко сну, то родится девочка.
- Если у беременной женщины родовой период затягивается, то должен родиться мальчик.
- Если беременной женщине не дать желаемое блюдо, то тело младенца будет осыпано родинками.
- Если беременная женщина найдет иголку с обломанным острием, то она родит девочку.
- Беременной женщине нельзя есть зайчатину – «губа у ребенка раздвоится, как у зайца».

- Роженица быстро разрешится от бремени, если вылить во дворе воду из кувшина.
- Когда женщина рожает, надо выпускать из сарая скот.
- Роды будут трудными, если в помещении, где находится роженица, имеется платок с узелком, застегнутая пуговица, собранные в узелок волосы, закрытый нож.
- Если бездетная женщина наденет панталоны счастливой матери, то она забеременеет.
- Бездетной женщине, чтобы обрести плодовитость, нужно переступить через кровь жертвенной овцы.
- Если новорожденному при первом кормлении дать молоко из левой груди, то он станет левшой.
- Поданное кушанье надо съесть без остатка, иначе во сне будут преследовать собаки.
- Если приснится, что тебя кто-нибудь толкнул, то знай – на тебя злятся.
- Если приснится, что поднимаешься в гору, будешь богатым, спускаешься с горы – к разорению.
- Если приснится сон, что он или кто-нибудь другой сидел на белой лошади – это знамение близкой смерти.
- Сны, которые снятся на рассвете, обязательно сбываются.
- Увидеть во сне упавшее дерево – к смерти.
- Больной женщине станет легче, если под ее подушку подложить немного снега в шелковом платочке.
- Чихнув, нужно прикоснуться к металлу, иначе заболеешь.
- Чтобы избавиться от бородавок, достаточно увидев на небе метеорит, протереть их шелковой материей.
- Нельзя долго смотреть на пламя – притупится зрение.
- Для предотвращения заболевания, надо зарезать черного ягненка и испить теплой крови.
- Нельзя перешагивать через веник, замучают колики.
- Подметая пол, нельзя касаться веником ног людей, находящихся в доме, иначе сократится их жизнь.
- Нельзя бить детей веником – это не к добру.

- Подметать пол после наступления темноты – не к добру.
- Если наступить на чью-либо тень, то этот человек заболеет.
- Больной не должен смотреться в зеркало, иначе болезнь продлится.
- Нельзя пускать солнечные зайчики в доме – это к несчастью.
- Если человек зевает, то его кто-то вспоминает.
- Если человек чихает, то его кто-то проклинает.
- Если дергается правый глаз – случится что-то приятное, если левый – наоборот.
- Если дергаются мышцы лица, жди неприятность.
- Нельзя приступать к еде, пока не похоронен покойник.
- Нельзя есть стоя или обувшись на одну ногу – еда не пойдет впрок.
- Нельзя ходить по чужим следам, иначе пристанут его болезни.
- Нельзя грызть рыбью голову, иначе можно лишиться счастья.
- Нельзя стричь ногти после наступления темноты – это не к добру.
- Нельзя давать в долг после наступления темноты.
- Нельзя облизывать миску, иначе корова перестанет доиться.
- Нельзя дуть на вареники с молозивом – теленок может стать паршивым.
- Нельзя ковыряться ножом в горящих угольках – это не к добру.
- Нельзя передавать лук из рук в руки – это к ссоре.
- Нельзя есть мозг животного, которому не исполнился год – может возникнуть непреодолимое чувство страха, усиливающееся ночью.
- Нельзя перешагивать через спящего или лежащего человека.

- Если ночью недалеко от села завоет волк, то кто-то умрет.
- Если ночью недалеко от дома закричит сова, то жди неприятностей.
- Если завоет собака, то кто-то умрет.
- Если горят щеки, то кто-то тебя ругает.
- Если споткнешься на ровном месте и упадешь, значит, тебя кто-то проклинает.
- Если першит в горле, то с кем-то поругаешься.
- Если зачешутся подошвы ног – к длительной поездке.
- Если чешутся бока, то придется заночевать в гостях.
- Если петух снесет яйцо, то умрет кто-то из женщин.
- Если вокруг лампы ночью крутится белая бабочка, то это к добру, черная – принесет несчастье.
- Если средь бела дня в село забредет дикое животное, жди несчастья.
- После наступления темноты не свисти, иначе во сне будут преследовать кошмары.
- После наступления темноты не смотрись в зеркало – постигнет несчастье.
- Когда уносят покойника на кладбище, плотно закрой окна и двери своего дома. Если это не удалось сделать, то брось на улицу горсть соли.
- Нельзя кидать зерна в огонь – обеднеешь.
- Нельзя класть хлеб лицевой стороной вниз – грех.
- Красные тряпицы, привязанные к рогам и хвосту дойной коровы, оберегают ее от сглаза.
- Нельзя разжигать очаг, пока покойника не предали земле.
- Увидеть во сне восход солнца – знак к рождению мальчика.
- Увидеть во сне заход солнца или солнечное затмение – к смерти уважаемого мужчины в семье.
- Увидеть во сне выпавший зуб – в семье будет покойник.
- Если во сне умершему родственнику давать деньги – это к несчастью.
- Перед смертью хозяина ржет его лошадь.

- Нельзя ходить по воду после наступления темноты, иначе в доме поселится нечистая сила.
- Если рано утром встретишься на улице с хромым или косым, то в этот день не жди удачи.
- Категорически нельзя ругаться, если на столе лежит хлеб.
- Нельзя месить тесто босиком – иссякнет добро.
- Нельзя наступать на хлеб – это грех.
- Не откусывай от целого хлебца – иссякнет достаток.
- Если из рук выпадает кусок хлеба, жди гостей.
- Приступая к еде, предложи и другим, иначе кусок застрянет в горле.
- Не наступай на скатерть – в доме иссякнет добро.
- Не перешагивай через скатерть – исчезнет достаток.
- Нельзя кроить после наступления темноты – иссякнет достаток.
- Ночью нельзя выносить из дома огонь очага – иссякнет достаток.
- Ночью нельзя занять или отдавать соль – исчезнет достаток.
- Сев за стол не протягивай ноги – это грех.
- Не бери хлеб левой рукой – иссякнет достаток.
- Нельзя вытирать руки о скатерть, иначе иссякнет добро.
- Нельзя считать испеченные хлебцы, иначе иссякнет добро.
- Не ломай хлеб одной рукой – иссякнет достаток.
- Не дуй в горячее блюдо – исчезнет достаток.
- После свадьбы необходимо дно кастрюли обмазать жиром.
- Выходя на сенокос в первый раз, нужно свою косу смазать маслом.
- После приема пищи, кости надо бросать в горящий камин, чтобы они не попали в чужие руки.
- Петуха, кукарекающего не ко времени, нужно зарезать, чтобы он не принес несчастье в дом.
- У того, кто ест из черпака, язык острый.
- Взятую на время у соседа посуду нельзя возвращать назад

пустой, иначе иссякает достаток.

- Не бросай золу в воду – иссякает достаток.
- Нельзя развеять золу по ветру. Иначе исчезнет достаток.
- Не бросай соль в огонь, иначе лицо покроется струпьями.
- Не смотри сквозь решето, иначе умрет кто-то из близких людей.
- Услышать зов, но не увидеть зовущего – к несчастью.
- Если увидеть во сне муллу, то задуманное исполнится.
- Если само собой зазвенит струна чунгура – в доме поселилась нечистая сила. Чунгур следует поломать и выбросить.
- У человека говорящего через порог, не отелится корова.
- Если опалить веточку с листьями на огне, то наступит засуха.
- Чтобы прекратить дождь, надо воткнуть кинжал в землю острием вверх.
- Чтобы прекратить град надо подложить под него перевернутый котел
- Для прекращения затяжных дождей следует поймать ужа или лягушку и закопать в черноземе.
- Если в радуге превалирует красный цвет, жди богатого урожая, если превалирует желтый цвет – это к обильному урожаю ячменя.
- Если семена освятит мулла, то они дадут хорошие всходы.
- Не убивай ящерицу – это грех.
- Тот, кто убьет змею осенью, будет подвержен несчастью.
- Убить кошку – большой грех.
- Видеть ужа – к добру, убивать его – к несчастью.
- В доме, где живет кошка, будет много детей.
- Грех убивать муравья.
- Если в фундамент строительства бросить медную или серебряную монету – дом будет стоять долго.
- Не спрашивай у кого, сколько скота и птицы. Если спросят у тебя, то и ты не отвечай.

- Переселяясь в новый дом, в помещение, в первую очередь, надо внести зажженную лампу.
- Собираясь в соседнее село, положи в карман кусочек железа, а, дойдя до села, зажми его в кулаке.
- Обувайся и разувайся с правой ноги.
- Помогай нагружать, о не снимать груз.
- Мочись, повернувшись к солнцу спиной.
- Ноги моют, начиная с правой.
- При отправлении в дорогу, встреча с лисой и собакой – к удаче, встреча с зайцем – к неудаче.
- При встрече с кошкой, отправляясь в дорогу, нужно не оборачиваясь сделать три шага назад, а затем двигаться вперед.
- Нельзя отправляться в дальний путь в полдень или после обеда во избежание встречи злого, недоброжелательного человека, который смог бы появиться на исход предприятия.
- Не спрашивай у встречного, куда он идет, поинтересуйся с добром ли идет.
- Найденная в дороге подкова – предвещает удачу.
- Если придется, есть лисье мясо, то ешь правую ее половину.
- Нельзя есть мясо животного, убитого молнией.
- Если курицу зарежет женщина, то мясо будет жестким.
- Если обнаружишь в блюде черный волос – будешь жить недолго, седой волос – к долгой жизни.
- Если, зевая, не прикрыть рот ладонью или платком, можно заболеть.
- Если девушка засвистит, то это на руку нечистой силе.
- Нельзя скрипеть зубами, так как это сигнал для вызова нечистой силы.
- Оборачиваясь назад, всегда смотри через правое плечо, так как на нем сидит добрый ангел.
- Вынося покойника, нельзя оборачиваться назад, иначе последует смерть.

- Нельзя подпереть подбородок рукой во избежание несчастья в семье.
- Тот, кто помочится в костер, умрет от вспучивания живота.
- Чтобы заворожить понравившегося парня, нужно раздобыть три волосинки с его головы и, завернув в тряпицу, носить на груди.
- Чтобы подчинить кого-нибудь своей воле, необходимо совершить молитву и трижды проткнуть его папаху и верхнюю одежду иголкой.
- При встрече с медведем, чтобы он не тронул женщине нужно показать ему прядь волос и обнажить грудь.
- Цветение ногтей (появление на них белых точек) – сигнал приближающегося благополучия.
- Если долго смотреть на луну и загадать желание, то оно обязательно исполнится.
- Увидевший метеорит, должен сотворить молитву и раздать милостыню, иначе умрет кто-то из родственников.

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АГУЛА

I. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

№ п/п	Наименование объекта	Дата	Местонахождение
1	Селение Рича	VII-VIII вв.	Агульский район РД
2	Мечеть*	XVII-XVIII вв.	с. Арсуг, центр
3	Мавзолей Суфи-Давуда	1702-1703 гг.	с. Тпиг, рядом со школой
4	Джума-мечеть*	XIII в.	с. Тпиг, центр села
5	Мечеть	XIV в.	с. Буршаг, центр села
6	Минарет	XVII в.	с. Кураг
7	Крепостная стена	XIII в.	с. Тпиг, старая часть
8	Джума-мечеть с минаретом*	XI-XII вв.	с. Рича, центр
9	Мечеть	1915-1916 гг.	с. Чираг, центр
10	Арочный мост	XX в.	с. Хутхул, в центре села
11	Мавзолей Шейха Мухамеда*	1682-1683 гг.	с. Дулдуг, на окраине села
12	Арочный мост*	XVII-XX вв.	с. Тпиг, в черте села, отреставрирован
13	Дом Суфиомаровой	XIX в.	с. Рича, полуразрушен
14	Мавзолей (Пир Мавруча)	XVIII в.	с. Буркихан, южная окраина
15	Ансамбаль мавзолеев	XVIII в.	с. Гоа, на старом кладбище

16	Мавзолей*	1807-1808 гг.	с. Хутхул, в центре села
17	Источник у моста	XVII в.	с. Тпиг, в сторону Рича
18	Мавзолей Малла-Гасана	XVIII в.	с. Гоа
19	Мавзолей	XVII в.	с. Чираг
20	Старое кладбище	XVIII-XIX вв.	с. Кураг, в черте села
21	Мечеть квартальная	XVII-XIX вв.	с. Тпиг
22	Мечеть малая	XVII в.	с. Хутхул
23	Мечеть с годеканом и мавзолеем	XVIII-XIX вв.	с. Худиг
24	Джума-мечеть с минаретом	нач. XIX в.	с. Буркихан
25	Мавзолей Шейха Зада	XVII в.	с. Рича
26	Годекан – площадь села	XVIII в.	с. Буркихан, квартал «Абасарин куча»
27	Ансамбль малой мечети	XVIII-XIX вв.	с. Хутхул
28	Мавзолей (Тайчунарин пир)	кон. XVIII в.	с. Буркихан, южная окраина
29	Мост арочный	XIX в.	с. Буркихан, западная окраина
30	Мавзолей (Пир Амиргамза)	XIII в.	с. Рича, верхний квартал
31	Мечеть	1909 г.	с. Хутхул
32	Мавзолей Рамазана	XVIII в.	с. Гоа
33	«Пира – Пир» – святыня святых	XVIII в.	с. Буркихан, квартал «Махауринкуча»
34	Жилое здание	XVIII в.	с. Буркихан, квартал «Анвайрин куча»
35	Мечеть квартальная	нач. XIX в.	с. Буркихан
36	Мост арочный	XIX в.	с. Буркихан, восточн. окраина
37	Мост арочный	XX в.	с. Рича, в сторону с. Бедюк
38	Мост арочный	XIX в.	с. Буркихан, в местности «Туличир»
39	Мост арочный	XIX в.	с. Буркихан, в местности «Марчак»

40	Мост арочный	XIX в.	с. Буркихан, в местности «Карчарах»
41	Пир	XVIII в.	в 0,5 км. к Ю-В от с. Буркихан
42	Пир	XVIII в.	в 0,3 км. к Ю-В от с. Буркихан
43	Пир	XVIII в.	с. Буркихан, центр
44	«Пир Бедар»	позднее средневековье	с. Тпиг, квартал «Бедар»
45	Жилое здание	XIX в.	с. Тпиг, кв. «Духарин»
46	Жилое здание	XVIII в.	с. Тпиг, кв. «Кьари рушар»
47	Арочный проход	ср. века	с. Тпиг, кв. «Къертик»
48	Жилое здание «Бици багалар»	XVII-XVIII вв.	с. Тпиг, кв. «Чинар»
49	Мост Арочный	XIX в.	с. Тпиг, южная часть
50	Источник крытый	XIX в.	с. Хутхул, средняя часть
51	Пир	XVIII в.	в 6-7 км. на Ю-З от с. Буршаг
52	Пир («Пир Гашима»)	XVIII в.	с. Фите, на берегу ручья «Кур»
53	Пир	нач. XIX в.	с. Фите, на кладбище
54	Кладбище «Шагидрин сурар»	нач. XVIII в.	с. Мисси, южная окраина
55	Мечеть с минаретом	сер. XIX в.	с. Мисси, восточная окраина
56	Пир	XVIII в.	с. Мисси, на западном участке кладбища
57	Мост арочный	нач. XIX в.	в 200 м. к северу от с. Мисси
58	Мост арочный	кон .XIX в.	в 0,5 км. к югу от с. Мисси
59	Мост арочный	XIX в.	в 0,3 км к С от с. Мисси
60	Кладбище с ансамблем пиров	XVII-XIX вв.	с. Мисси, восточная часть
61	«Пир Суфи-Давуд Авлия»	XVIII в.	с. Тпиг, юго-западная часть
62	Пир	XVIII в.	с. Далдуг, сев. конечность

63	Мост Арочный	нач. XIX в.	в 10 км. к С-З от с. Дулдуг
64	Пир	XVIII в.	в 10 км. к С. от с. Дулдуг
65	Пир	XVIII в.	в 300 м. к С. от с. Дулдуг
66	«Пир Малла Эфенди»	XVIII в.	в 0,5 км. к В. от с. Дулдуг
67	«Пир Ибрагима»	XVIII в.	в 0,5 км. к В. от с. Дулдуг
68	«Пир Расула»	XVIII в.	с. Дулдуг, на кладбище
69	«Пир Мухамеда»	XIX в.	с. Дулдуг, южная окраина
70	«Жофуг Пир»	XVIII в.	в 1,5 км. к северу от с. Мисси
71	«Курчьутул Пир»	XIX в.	с. Тпиг, юго-западная часть
72	«Пир Фахра Майрам»	XVIII в.	с. Тпиг, центр
73	«Алярин Пир»	XVIII в.	с. Тпиг, юго-восточная часть
74	Пир «Зулер гуьур»	XIX в.	в 0,5 км. на С-З от с. Тпиг
75	«Адада Пир»	XIX в.	с. Тпиг, в Ю-З части села
76	«Пир Рамазана»	нач. XX в.	с. Тпиг, Ю-В часть, на кладбище
77	«Пир Вагаба»	кон. XIX в.	с. Тпиг, западная часть, на кладбище
78	«Пир Гасана»	XIX в.	с. Тпиг, южная часть, на кладбище
79	«Пир Курбана ибн Шах-бан»	нач.XIX в.	с. Тпиг, в Ю-З части, на кладбище
80	Водяная мельница	XIX в.	с. Рича, на южной окраине
81	Мост арочный	XIX в.	в 1 км. Ю-З от с. Миссии
82	«Магьу Эренлар Пир»	XVII в.	в 8 км. Ю-В от с. Дулдуг
83	Водяная мельница	XIX в.	с. Хутхул, северная окраина
84	Мост арочный	XIX в.	в северной части с. Хутхул
85	Пир	XVIII в.	с. Хутхул, Ю-З окраина
86	Мост арочный	XVIII в.	с. Хутхул, Ю-З окраина

87	Пир	XIX в.	с. Хутхул, Ю-З окраина
88	Мечеть квартальная	XVIII в.	с. Тпиг, кв. «Кулингим»
89	Жилое здание	XVIII в.	с. Тпиг, кв. «Гузулар»
90	Крытый источник	XIX в.	с. Хутхул, средняя часть
91	Водяная мельница	XIV в.	с. Мисси, Ю-З окраина
92	Крытый родник	XIX в.	с. Дулдуг, южная часть
93	Мечеть с минаретом*	XVII-XVIII вв.	с. Хоредж, центр
94	Боевая башня*	XIV в.	с. Хоредж

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ

№ п/п	Наименование объекта	Дата	Местонахождение
1	Гогнацкое городище	раннее среднев.	с. Чираг
2	Чирагское городище*	XI-XIII вв.	в 4 км. Ю-В с. Чираг, левый берег реки
3	Курагское городище	раннее среднев.	с. Кураг
4	Курагский могильник	XI-XII вв.	с. Кураг
5	Ричинское городище	раннее среднев.	в 5 км. севернее с. Рича
6	Бедюкская находка	раннее среднев.	с. Бедюк, в местности «Сарфун»
7	Фитинский могильник*	XIII-XIV вв.	с. Фите
8	Поселение «Куьгьне»	X-XIII вв.	в 7-8 км на С-З с. Буршаг
9	Поселение «Чуру-хъур»	раннее среднев.	в 1,5 км. к югу от с. Мисси
10	Поселение «Халар хъур»	раннее среднев.	в 4 км. к югу от с. Мисси
11	Поселение «Хелдурин хъур»	раннее среднев.	в 7 км. к югу от с. Мисси в местности Шилид
12	Поселение «Джафун хъур»	раннее среднев.	в 6 км. к Ю. от с. Мисси
13	Поселение «Гъамжух хъур»	раннее среднев.	В 3 км. к Ю. от с. Мисси на берегу речки
14	Усугское поселение	раннее среднев.	с. Усуг

15	Хореджский могильник	XIII-XIV вв.	с. Хоредж
16	Крепость	XIII в.	с. Хоредж
17	Хореджское поселение	раннее среднев.	с. Хоредж

I. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ

№ п/п	Наименование объекта	Дата	Местонахождение
1	Кладбище	раннее средневековье	с. Буркихан, северная окраина
2	Старинный квартал «Хъагим»	раннее средневековье	с. Тпиг
3	Старинный квартал «Фукарин»	XII в.	с. Тпиг
4	Старинный квартал «Цирхе»	XII в.	с. Тпиг
5	Старинный квартал «Каре рушар»	средние века	с. Тпиг
6	Кладбище	XVII-XVIII вв.	с. Дулдуг, С-З окраина
7	Местность «Шаххирман» – шахская молотильная	40-е г. XVIII в.	с. Дулдуг, местность «Чеминтарин ратт»
8	Кладбище «Шагьидар»	позд. среднев.	с. Тпиг, южная окраина
9	Кладбище «Некъвари»	позд. среднев.	с. Тпиг, центр
10	Каменная плита с надписью о нашествие монголов	XIII в.	с. Рича, встроена в стену Джума – мечети
11	Кладбище	X-XVIII вв.	с. Хутхул, Ю-З окраина
12	Кладбище «Багъалар»	позд. среднев.	с. Тпиг, Ю-З часть
13	Кладбище «Алар»	сред. века	с. Тпиг, Ю-З часть

II. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ

№ п/п	Наименование объекта	Дата	Местонахождение
1	Надгробные орнаментированные плиты с куфическими надписями	конец XIX в.	с. Буркихан, западная окраина

2	Резные двери, оконные рамы	XVIII в.	с. Тпиг, Джума-мечеть
3	Стела надмогильная	XVIII в.	с. Хутхул, Ю-З окраина, на кладбище
4	Каменная дверь	XI-XIII вв.	с. Мисси, у входа в мечеть
5	Каменное корыто для обмывания покойного	XI-XIII вв.	с. Мисси, у входа в мечеть
6	Группа надмогильных стел	XVIII в.	с. Мисси, на кладбище
7	Стела надмогильная	1820 г.	с. Тпиг, южная часть на кладбище
8	Резное дерево мечети	сер. XIX в.	с. Мисси, мечеть
9	Резное дерево мечети	XI-XII вв.	с. Рича, Джума-мечеть
10	Стела надмогильная	позд. среднев.	с. Хутхул, Ю-З окраина
11	Стела надмогильная	XIX в.	с. Тпиг, в Ю-З части, на кладбище
12	Каменный умывальник	XIII в.	с. Рича, в квартальной мечети

Примечание: Звездочкой – обозначены объекты культурного наследия федерального значения, расположенные на территории исконного расселения агулов.*

ПИСЬМЕННОСТЬ. ОБРАЗОВАНИЕ.

В недалеком прошлом в сознание дагестанцев внедрялась мысль о том, что до революции они не имели своей письменности. Но история упорно отвергала эти утверждения, представляя громадный материал, указывающий на то, что истоки письменности на языках народов Дагестана восходят вглубь времен.

Известный кавказовед Л.И.Лавров отмечал, что обнаруженное богатое эпиграфическое наследие на территории Дагестана требует «пересмотра ходячего представления, будто бы народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными. Правда, письменность эта была не на родных языках, – пишет он, – но и широкое пользование латынью в средневековой Европе само по себе не означало отсутствие у европейских народов письменности» [11/23].

Как отмечает Г. Алхасов: «Многие исследователи предполагали наличие письменности у дагестанских народов в еще более отдаленные времена и связывали это с Кавказской Албанией, для обслуживания нужд которого в 415 году армянским просветителем Месропом Маштоцем на основе гаргарского (удинского) языка была создана письменность... Но проблема заключалась в том, что историческая наука в подтверждение этой гипотезы не могла представить каких-либо прямых доказательств. А все теории, в общем-то, вполне логичные,

строились на косвенных данных». Однако, обнаруженные в селениях Бедюк и Тпиг в 1999 году албанские эпиграфические памятники на удинском языке, «с предположительной датировкой V-VII вв., являются пока единственными, достоверными свидетельствами о древней письменности дагестанцев» [12].

По поводу того, что албанская эпиграфика Агула представляет не свой агульский, а удинский язык, Г. Алхасов справедливо отмечает что, «... письменность в Албании была создана для обслуживания в первую очередь духовенства и государства, а не для обслуживания языков тех народов, которые в состав этого государства входили». А государственным языком в Кавказской Албании был удинский язык.

Таким образом, агулы, как и другие народы, входившие в состав Кавказской Албании, еще в раннем средневековье имели свою письменность на основе удинского языка. Албанской грамоте обучались дети, на албанский язык переводились церковные книги, велось делопроизводство.

Однако, судя по некоторым данным, в Албании и до этого была письменность. Армянский писатель V века, биограф Месропа Маштоца, – Корюн говорит о «возобновлении» им албанского алфавита. Как отмечает М. Давудов: «Но мы располагаем косвенными сведениями о ней. В этой связи интересно вспомнить, что в 65 г. до н.э. царь Албании Оройс обратился к Помпею с письмом, где он просил восстановить мир, а в 260 г. албане, не приняв писем Шапура I, написали письма римским вождям с предложением помощи в деле освобождения Валериана» [20/145].

Говоря о дальнейшей судьбе албанской письменности, А.Г. Шанидзе отмечает что: «Кавказские албанцы, потеряв свой национальный облик и слившись с соседями (главным образом с тюркоязычным населением Азербайджана и армянами,

в меньшей степени с грузинами и другими народами Кавказа), уже не нуждались в созданной веками национальной письменности и она, как никому не нужная, погибла» [XIII, 170].

Начиная с VII века в Дагестан и, особенно, в его южную часть проникает арабский язык. Это связано не только с арабскими завоеваниями непосредственно, сколько с процессом проникновения ислама в Южный Дагестан, в районы лезгинской группы народов, с процессом усиления культурных связей с мусульманским Востоком [14/124].

Выдающийся ученый-кавказовед, филолог П.К. Услар (1816-1875) автор фундаментальных исследований по дагестанским языкам отмечает, что: «За тысячу лет тому назад, когда арабские завоеватели, покорив Дагестан оружием, озаботились покорить его и арабским языком, встретили они менее затруднений, чем мы теперь. Они имели дело с народом неписьменным, мы имеем дело с народом, в котором враждебная нам письменность привита прочно тысячелетними непрерывными усилиями мусульманского духовенства» [17/7].

Характерно, что агулы в лице правящей верхушки и духовенства усвоило арабский язык, стали им пользоваться во многих случаях, но в обиходе всегда оставался агульский язык. В селениях Тпиг, Рича сохранились арабские надписи куфическим письмом, которые свидетельствуют о том, что в XI-XV- вв. в Агуле арабский язык получил заметное распространение.

В XVI-XVIII вв. количество таких надписей заметно увеличивается. Надписи на камнях содержат такие сведения, которые беднее представлены в других письменных источниках: строительная деятельность, дата смерти исторических лиц, имена их предков, имена строителей и прочие. Некоторые из надписей сообщают о важных политических событиях и видных деятелях, почему-либо не попавших на страницы других

письменных документов. Так, например, ричинские надписи XIII в. дают яркую картину борьбы местного населения против монгольских завоевателей. По сути, этот эпиграфический памятник имеет первостепенное значение для разъяснения картины монгольского нашествия на Дагестан. В селении Тпиг полукуфическая надпись XII-XIII вв. сообщает о восстании соседних селений. Другая надпись в селении Рича указывает на военные действия в 1553 году, в которых погиб агульский ученый шейх Али, к ней добавлено двустишие арабского поэта – классика Абул Атахи (VIII – IX вв.): «Могила – дверь, и все люди входят в неё. Смерть – чаща, и все люди пьют из неё», что свидетельствует о довольно широком освоении образованными агулами арабской классичесеой литературы.

Встречаются также эпиграфические памятники, содержащие имена писцов, иногда с нисбой (т.е. указанием на место происхождения), которые подтверждают, что в Агуле грамотными людьми являлись не только выходцы из дальних стран, но и местные жители.

На арабском языке создавались произведения и местных авторов, в частности, исторические. Наибольшей популярностью в Агуле пользовалась хроника, условно названная «История Абу-Муслима» – памятник региональной историографии. До недавнего времени эта хроника ходила во многих списках во многих селах Дагестана. Один из таких списков (список Г) хранился у жителя селения Рича, авторитетного сельского муллы Курбанова Хафиза, который им любезно был передан в ИИЯЛ ДНЦ РАН. Переписчиком другого списка, который хранится в рукописном фонде ИИЯЛ (список 3) является ричинец Малланураддин. В этом селении также был обнаружен хронограф Рамазана из Куштиля, где дается красочная картина событий в южном Дагестане в XIV-XVII вв.

Из мусульманских стран Востока в Агул поступала об-

ширная литература на арабском языке. Она охватывала различные отрасли богословия, мусульманского законоведения, географию, точные науки. Образованные люди того времени не ограничивались изучением религиозной догматики: переписывались арабские грамматики, словари и другая литература, пользовались ими и бережно хранились. Так, например, в 988 году (1589-1590) была переписана книга по арабской грамматике – «Рийадат ан-нафс во тазким ал-ахлак», найденная в Тпиге. В с. Дулдуг, внутри святилища, датируемого XVII веком, хранится Коран большого формата, переписанный в 992/1516-17 г.г. Хасаном, сыном Мухаммеда ар – Раджи. В коллекции Джума – мечети селения Тпиг найден экземпляр Корана, ориентировочно XV века с историческими записями на полях, сделанными в середине XVI века. Среди мечетских книг, хранившихся у жителя Усиша Акушинского района М.-С. Гасанова, «обнаружена рукопись (толкование Корана), переписанная Ахмедом, сыном Магомеда из Агула в 1084 г. хиджры (1672 – 1673 гг.)» [15/99]. Все это, в какой-то мере, косвенно подтверждает наличие в те времена образованных людей в Агуле.

Любопытна история копии комментария к юридическому трактату «Танбих» шейха шафиитской школы Абу Исхака аш-Ширази (ум. в 1225 г.), написанной крупным правоведом XIV в. Али ас-Субки. Копия его была сделана профессиональным переписчиком (катибом) из селения Дулдуг. «Рукопись эта из века в век передавалась из рук в руки и в середине XIX века оказалась в библиотеке Шамиля. На одной из страниц рукописи сделана запись (очевидно, секретарем Шамиля): «Из книг Шамиля». Но прославленный руководитель народно-освободительного движения горцев, щепетильный в подобных случаях, внес исправление: «Это запись ошибочна, Эта книга не принадлежит Шамилю, Она – из книг Дибирилава» [18/141]

Крупные для своего времени библиотеки были при тпигской, ричинской, буркиханской, фитинской мечетях. Есть сведения, что во многих агульских селениях были люди, имевшие богатые частные библиотеки.

Начиная с XVI века, идет процесс создания письменности на агульском языке, основанная на арабской графике (так называемая аджамская система письменности). Сохранившиеся в Агуле записи на полях Корана и других старинных рукописей XVI-XIX вв. являются свидетельствами распространения среди агулов аджамской письменности. Но первая, материально подтвержденная попытка фиксации агульской речи с помощью аджамской системы письма можно отнести к 1762 году, Это фраза на агульском языке на строительной надписи, обнаруженной в стене бывшей оборонительной башни с. Бедюк. Камень в настоящее время хранится в доме М. Шабанова.

На основе аджамской системы письма создавали образцы духовной суфийской лирики ряд агульских поэтов прошлого – Агул Навруз (XVIII в.), Абдулгамид из Дуруштула (конец XIX в.), Замир из Рича (начало XX в.), Гаджи-Сефер из Арсуга и Мешеди из Худига (начало XX в.), и др. [14/34], их произведения уже стали достоянием общественности.

Свои произведения на тюркском языке, пользуясь арабской графикой, создавал агульский поэт второй половины XIX в. Хутхулу Мухаммад. Нет сомнения, что он творил и на родном агульском языке, но по традиции того периода, поэт часто обращался к общедоступному языку общения южных народов [16/33].

К одним из ранних агульских поэтов можно отнести неизвестного автора, чьи стихи (12 куплетов) переведены немецким ученым А.Дирром в 1907 году в своей научной работе «Агульский язык» в качестве поэтических образцов агулов [30/4].

С распространением ислама в Агуле начала функциониро-

вать сеть мусульманских начальных школ («мактаб»). Причем к концу XVIII века не было здесь ни одного селения, где бы ни было примечетских школ. П.К. Услар отмечает, что «Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдутся один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающим учиться можно продолжать свое учение. Можно сказать, что в Дагестанской области нет почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия или муллы не обучались бы арабскому языку от трех до пятнадцати и более учеников. Едва ли в мусульманском населении всего Кавказа до такой степени развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане» [17/4]. Примечетские школы, для открытия которых не требовалось никакого разрешения властей, содержались на средства родителей и пожертвования верующих. Кораническая школа давала умение читать, элементарные навыки письма и знание основных молитв и ритуалов – это был самый необходимый минимум знаний для мусульманина.

Вместе с усвоением ислама, в образовательную традицию агулов вошла школа повышенного типа – медресе, где готовили кадиев, мулл, членов шариатского суда, письмоводителей. Крупные медресе в разные времена существовали в селениях Тпиг, Буркихан, Рича, Арсуг и др. Примечательно, что в 50-х годах XIX века в медресе Буркихана обучался известный дагестанский просветитель и этнограф Абдулла Омаров, который в своих воспоминаниях подробно описал уклад жизни в этом учебном заведении.

В связи с отсутствием письменных источников, установить время открытия первых медресе в Агуле не представляется возможным. Сохранившееся в частных коллекциях большое количество учебных пособий по различным отраслям знаний, предназначенных для учащихся медресе (мутаалимов)

и устная традиция народа дают основание полагать, что этот тип учебного заведения начал функционировать в Агуле не позднее XIII века.

Среди наук, изучаемых в медресе, арабский язык изучался прежде остальных предметов, затем – законоведение и логика. Особое место отводилось религиозным дисциплинам: толкование Корана (тафсир); жизнеописание пророка (сияр); суфизм (тасаввуф); наука о благочестии и газавате (тарикат); хадисы и др. Кроме того, изучались литература и философия, в некоторых медресе, как факультативный цикл, изучались астрономия, математика, стихосложение и другие науки.

Отдельные выпускники медресе выезжали в крупные учебные центры Дагестана – Сограгль, Усиша, Ахты, Кумух, Хунзах, систематически повышая уровень общего образования, путем упорного труда, переходя от одного учителя к другому, добивались заметных успехов, становились знатоками арабского языка, учеными-арабистами (алимами). Их стараниями было проведено в жизнь приспособление арабской письменности к агульскому языку.

Примечетские школы и медресе являлись единственными очагами культуры дореволюционного Агула, которые функционировали до 30-х годов XX века, а духовное сословие в агульском обществе того времени играло роль интеллигенции.

Первые светские школы в Агуле были открыты лишь в первой половине XX века. В 1929 году в сс. Рича, Тпиг, Кураг и Буркихан уже функционировали начальные школы.

НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ; РЕЛИГИЯ

Все народы, в том числе и агулы, в своей вере прошли длинный путь от представлений о множестве богов до понимания, что Бог может быть только один, единственный. Ученые разных школ и разных стран сходятся в одном-нет в истории человечества такого отрезка времени, когда человек не думал о Боге.

В своей ежедневной жизни древние агулы чувствовали, что милость Бога идёт к ним через солнечное тепло (поэтому они поклонялись Солнцу), через животных (поэтому они поклонялись им), через дождь, ветер, облака и т.д. Агулы поклонялись всему, от чего зависела их жизнь, и благодаря чему они жили. Следствием этого явилось наивное очеловечивание всей природы, всеобщая персонификация, «метафорическое» сопоставление природных, социальных, культурных объектов. «На природные объекты переносились человеческие свойства, им приписывались одушевленность, разумность, человеческие чувства, часто и внешняя антропоморфность и, наоборот мифологическим предкам могли быть присвоены черты природных объектов, особенно животных». [26/653]

Языческие верования, связанные с культом предков, животных, небесных тел, природных явлений и т.д. – наиболее древние верования агулов, которые продолжали

доминировать до проникновения к горцам монотеистических религий. О наличии в прошлом доисламских верований в духовной культуре народа свидетельствует сохранившийся богатый материал о пережитках тотемизма. При этом следует учитывать, что под более чем тысячелетним влиянием ислама многие тотемистические представления агулов переосмыслены, другим – духовенство придало со временем мусульманскую окраску. «Можно считать доказанным, – отмечает С.А.Токарев, – что на определенной, и притом ранней ступени исторического развития тотемизм в той или иной форме был знаком всем народам; пережитки его обнаруживаются и у других народов более высокого уровня развития [31/388].

О факте существования в прошлом тотемизма у агулов говорят наименования некоторых тухумов. Так, в селении Рича существовал тухум «джакьвар» (птицы), в селении Дулдуг – «къазар» (гуси). В быту, во всех селениях, часты в употреблении клички, даваемые отдельным людям – «хIуч» (волк), «гIур» (заяц), «багIниш» (медведь), «сул» (лиса) и др. В отношении детей имеются: ласкательные клички – «мудур» (козленок), «ккел» (ягненок), «курцIул» (щенок) и т. п ; ласкательно-ругательные: «букьацин ятум» (сирота свиньи (бедюкск), «тулан ятум» (щенок-сирота) и т.д.

Повсеместно в Агуле широко распространены топонимы (зоотопонимы) по именам животных и птиц. Например: «бецунан хьитанкил» (бычий источник), « хIучан мугул» (волчий хребет), «хIучан гим» (волчий годекан), «бангишин уркI» (медвежья яма), «хIа пеIелан кил» (голова большой птицы). Некоторые узоры на коврах, шерстяных носках также носят названия животных и птиц: «гитанин панджар» – кошачьи лапы, «джакьвалан кIил» – птичья голова и т.п.

У агулов до сих пор сохранилась форма почитания животных (зоолатрия). Многие представители фауны в сазнании

агулов выступали как символы, на основе которых составляются образные картины тех или иных аспектов бытия.

В традициях агулов медведь представляется как тёмная, жестокая, похотливая, жадная и мстительная сила. Он также является символом Луны и воскресения возможно, из-за того, что он впадает в зимнию спячку. По преданиям агулов медведь произошел от человека. Считают, что при встрече женщины с медведем необходимо показать ему прядь волос и обнажить грудь – он не тронет. На мужчин же, по поверьям, медведь нападет в любом случае. Имеются легенды о существовании супружеских отношений между человеком и медведем. Части тела медведя, как заместители реального зверя широко использовались в быту как обереги, в народной медицине. В праздник «Навруз-байрам», чтобы предстоящий сельскохозяйственный год был богатым, рекомендовалось встать рано утром и крикнуть в сторону леса: «Чтоб моя лень перешла на медведя!».

Волк в верованиях агулов имеет двойственную символику: с одной стороны, олицетворяет свирепость, зло, жадность, коварство, а с другой – считается распространенным символом познания через опыт, служит эмблемой воинов.

Учитывая особую свирепость и прожорливость волка, в случае пропажи домашнего скота у агулов существовало таинство «связывания волка». Вот как описывает этот процесс А. Омаров: «...Если у кого-нибудь вечером пропадает, осёл или другая скотина, то прибегают к мулле с просьбой «связать пасть волка», т.е. прочесть молитву, чтобы волк не смог повредить животному, если он и встретился с ним... . В подобных случаях поступают так: мулла обнажает свой кинжал и потом, тихо читая молитву или одну маленькую главу из Корана, медленно вкладывает обнаженный кинжал в ножны. Или же при чтении молитвы берёт шерстяную нитку и связывает на ней узлы... Хозяин пропавшей скотины,

спокойно спит, с полным убеждением, что зверь лишён, возможности повредить его скотине. На другой день, когда скотина отыщется, мулла развязывает свои узлы или обнажает заколдованный кинжал и освобождает зверя от невозможности раздвинуть пасть, чтобы не принять на себя греха, если зверь издохнет от голода» [24/ 62].

Считается, что встреча с волком приносит удачу. Можно предположить, что вставленная в нишу минарета селения Рича, статуя волка из цельного камня служила символом ричинцам, как воинам.

Культ собаки и кошки также имеет истоки, восходящие к тотемизму. Несмотря, в целом, на отрицательное отношение к кошке, убийство ее – большой грех. Коты и кошки символизируют хитроумие, способность перевоплощения, сообразительность, чувственную красоту. У агулов черный кот предвещает неприятности. В поздние времена, в мусульманской традиции, считают, что кот спас пророка Мухаммеда от змеи и, поскольку пророк погладил его по спине, приобрел способность падать исключительно на лапы (тёмные полосы на шкуре полосатых котов, как утверждается,- след пальцев пророка).

В отличие от кошки, собака благожелательна к человеку. В ранних традициях агулов собака олицетворяет преданность, храбрость и бдительность. Символ защиты и самопожертвования. «Кошка хвостом дом поджигает, а собака тушит» – говорят агулы. Части тела собаки (шерсть, клыки) широко использовались в магии агулов. В мусульманской традиции собака – нечистое, жадное животное, которое можно использовать только как сторожа. По исламским представлениям, ангелы никогда не посетят дома, в котором живет собака.

Как и у других народов, лиса – животное, наделенное хитростью, умом. Встреча в пути с лисой, – к удаче. Встреча с зайцем – к неудаче. Беременной запрешается есть зайчатину

– «губа у ребенка раздвоится, как у зайца». Хвост зайца иногда используется как амулет от «сглаза». Существует поверье, что лапка (часть, которая имеет тесный контакт с источником жизни – землёй) приносит её обладателю удачу и процветание и является хорошим средством от подагры и ревматизма.

Особого внимания заслуживает культ коня. Конь почитаемае животное. Происхождение этого культа следует связывать с миром степных индоиранских племён. В дагестанском фольклоре конь выступает в качестве связного между землёй и преисподней: доставляет героя до отверствия в «иной мир». Он советник и помощник, а в необходимых случаях и спаситель своего хозяина. Он способен в одно мгновение обегать землю три раза, летает по воздуху, проникает под воду, доставляет героя на Небо за птицей и т.д. Поэтому их использовали в похоронных обрядах как проводников в загробный мир. К примеру, в селении Рича сохранились так называемые «конские могилы», в которых будто бы воины погребены вместе с конями (традиция Кавказсской Албании).

Белая лошадь – почти всегда солнечный символ света. Она атрибут Пророка в исламе (для которого лошади были символом счастья и благополучия). Найденная подкова лошади, считалась приносящей счастье. Конина употреблялась в пищу лишь в исключительных случаях. Череп коня служил как оберег. Во многих аулах сохранился обряд погружения конского черепа в воду для вызывания дождя.

Символика лошади иногда приобретает мрачную окраску. Считается что, увидеть во сне всадника на чёрной лошади или на «бледном» коне предвещает смерть близкого человека

Бык – очень почитаемое, в ряде случаев жертвенное животное. С образом быка связываются многие представления о вселенной и мироустройству. На ритуальных, священных праздниках в честь бога Солнца быка приносили в жертву, считая, что его кровь и семя символизируют источник

весеннего рассвета жизни. В представлениях агулов считалось, что Земля держится на трех быках. Череп, рога, шкура быка использовались как обереги и символы плодородия. Высушенные конечности и позвоночник животного использовались для приготовления ритуальных блюд на празднике весны. Вол символизирует терпение и благосостояние. Он служил средством и мерой товарного обмена в период до возникновения денег.

Баран – древний культовый символ агулов: воплощение добра (как жертвенное животное), а также эмблема богатства и символ рассвета. Символизирует огонь, солнечную энергию, пылкую страсть, мужество, упрямство. Череп и рога барана, надетые на верхушки опор, жердей или установленные над дверьми, воротами играли роль оберегов.

Змея, в народных представлениях, имеет двойственный символизм: как существо убивающее, означает смерть и уничтожение; как существо, периодически меняющее кожу,- жизнь и воскресение. В негативном плане змея – явный прообраз драконов «аждаха», символизирует множество опасностей, предстерегающих человека в жизни. Имеются предания о змеях, как о причине гибели раннесредневековых поселений агулов – Харикент и Сарикент, жители которых якобы умерли от укусов змей. Здесь, возможно, что под змеями подразумевались враги. И сейчас ненавистного человека называют черной змеей («кьаре илан»), гадюкой («мурдал»).

В позитивном плане, змеиный выползок использовался как лекарство от бесплодия и радикулита. Считали, что если носить змеиный язык при себе, то змеи тебе покоряются. У агулов существовала вера в «домовых змей» – Шагьмар. С ними связывают богатство и благополучие в доме. Человеку ее увидевшему сулило счастье. Звуки, издаваемые жуком-древоточцем, полагали агулы, исходят от «домовой змеи» и свидетельствуют о покровительстве дома. Ее нельзя было трогать,

а также не разрешалось при ее виде восклицать. Тотемный символизм в сочетании с верой, что змеи знают тайны земли и способны видеть в темноте, наделяют змей мудростью или даром прорицания. Считалось, что тот, кто убъёт змею будет подвержен несчастью, а убивать ужа категорически запрещалось.

Паук у агулов ассоциируется с удачей, богатством. Паук, опускающийся сверху на паутине, – знак божественных даров, ожидания гостя. Убить паука – плохая примета. Бабочек считали символами душ умерших родственников. Божья коровка – это символ удачи. Муравей – символ трудолюбия. Пчела олицетворяет усердие, чистоплотность.

Лягушка в представлениях древних агулов ассоциировалась с дождем и водой, являлась символом плодовитости и пробуждения природы. В селении Буркихан для вызывания солнца лягушку, завязанную в мешочек, вешали на водосток мечети, считая, что изолировав ее, расположив между небом и землей, они освобождались от «создателя влаги». А в селении Бедюк для этой же цели лягушку одевали в желтое (цвет Солнца) платье и выпускали и тем самым показывали божеству, что солнца просят не только люди, но и обитатели земноводной стихии.

К домусульманским представлениям агулов относятся обычаи и обряды, связанные с природными явлениями. Важное место занимают обряды вызывания дождя во время засухи, и вызывания солнца в период затяжных дождей.

Распространенным обрядом вызывания дождя является обряд с ряженым («марфапапай», «эбунцай», «бешепей»). Центральным персонажем обряда являлся мальчик, закутанный в ветви и траву или в освобожденный от зерна сноп. Обвязанного веревкой ряженого, специальная группа водила от дома к дому, где его обливали водой, а сопровождающих каждая хозяйка дома наделяла продуктами. При этом, группа

под бубен исполняла песни пожелания, величания. В обрядовых песнях просили о благополучии, изобилии, а сопровождавшие их действия изображали желаемое, чтобы обеспечить его в реальной жизни. Песни и куплеты были примерно следующего содержания:

Эй, ряженый, ряженый!
Ряженому нужен дождь!
Дожди, туманы, сюда,
Солнце, Луна, отсюда!
Дождь – хлебам,
Хлеб – закромам!

Куплеты имели много разных вариантов. Обходы дворов считались делом серьезным и важным. Группа, выполняющая такой обход, выступала коллективом людей, совершающих магический обряд, который должен был вызвать желаемое в грядущем. Ритуал завершался совместной трапезой и разделом собранной ритуальной пищи на окраине села, у реки. Обряд этот в каждом селении имел свои локальные особенности (позднее, с приданием мусульманской окраски).

В селении Рича при затяжной засухе совершали обряд «ирфуран хед», при котором в речке, протекающей за селом, делали запруду и по специальной канаве, прорытой для этой цели, проводили воду по территории населенного пункта.

Интересный обряд вызывания дождя, существовавший в селении Буркихан, описывает в своих воспоминаниях этнограф А. Омаров: «…когда бывает засуха летом, то народ выходит в поле просить у Бога дождя и собирается на одну из гор Агульского ущелья. Там, после совершения некоторых обыкновенных у мусульман обрядов, мужчины и женщины отправляются на покатость горы, затем женщины садятся на колени к мужчинам и таким образом все вместе ползут по земле в сидячем положении до самой подошвы этой горы.

Один ученый в этом магале, по имени Али, убеждал народ в последнее время – оставить этот обычай как богопротивный, но молодые люди стоят за него...» [24/60].

В Буркихане существовал и другой обряд вызывания дождя, при котором пожилые мужчины и женщины, попостившись три дня, в одежде, одетой наизнанку, совершали молебен у святой рощи «Газиярин дар», оттуда возвращались к могиле «мулла Булай», помолившись о дожде, совершали жертвоприношение.

Еще один обряд вызывания дождя, описанный З.К. Тарлановым, заключался в том, что жители селения Буркихан по возвращению вечером стада домой несколько женщин поджидали пастуха у речки и, схватив его, ни о чем не подозревающего, бросали в речку, что вызывало много смеха и шуток собравшейся толпы [23/16].

Жители селения Усуг для вызывания дождя посещали пир шейха Ахмеда, который находился за селением Гельхен, где брали специальный дождевой камень, клали его в мешок и опускали в речку, После благополучного завершения обряда, камень вынимали из воды и возвращали на свое место.

В селении Буршаг для испрошения дождя поднимались на Джуфудаг с черной овцой (олицетворяет дождевую тучу), совершали здесь молебен и обряд жертвоприношения: кровь, ножки и голову жертвенного животного закапывали. Спустившись с горы, раздавали садака у пира «Шахидар»

Во время непрерывных дождей агулы наряжали куклу-идола – («бъаркьунцай», «бугъунчIа»), с которой молодежь села ходила по аулу и просила у божества, чтобы прояснилось и стало сухо. В обряде, связанном с просьбой о прекращении дождя, принимали участия только женщины и девушки и несовершеннолетние мальчики. Они делали из граблей куклу, одевали ее в женскую одежду, ходили процессией по домам и пели:

А кукла, кукла, кукла,
Приди теплое Солнце.
Солнце, Луна – сюда.
Облака, тучи – туда.

В каждом доме им подавали хлеб, сыр, масло, сладости. В конце обряда его участники приходили к «пиру» или на кладбище и устраивали общественную трапезу [6/225].

Своеобразный обряд вызывания солнца, до недавнего времени, существовал в селении Хоредж. Для этого, деревянные грабли наряжали в женскую одежду, и молодежь процессией отправлялась на местность, что напротив соседнего селения Укуз. Прибыв на место, повернувшись лицом в сторону Укуза, они громко произносили магическую формулу с пожеланиями «перенести грязь в соседнее селение, где живет Али», что означало перенос дождя из Хореджа в Укуз. Укузцы, если их замечали, старались воспрепятствовать обряду: отнимали ряженую куклу, а порою и одежду пришельцев. На этой почве возникали крупные ссоры, портились добрососедские взаимоотношения между селениями.

Кроме засухи и затяжных дождей, большой вред сельскому хозяйству приносили град и ливни. При граде во двор выставляли металлический котел или другую посуду, перевернутую вверх дном, стреляли в воздух, забивали в землю гвоздь, устанавливали острием вверх топор либо кинжал. Верили, что как только градинка, попав на острие, распадется на две части – град прекратится.

Издревле кинжалы и мечи у агулов являлись мощными магическими символами. При изготовлении этого оружия использовались тайные знания и навыки, благодаря чему они наделялись сверхъестественными свойствами. Поэтому ими пользовались в ритуалах «связывания волка», прекращения града, и т. д. Считалось, что жертвенное животное обязатель-

но нужно резать кинжалом с поверхностью, разделенной долами. Меч или кинжал между мужчиной и женщиной, считался символом чистоты их отношений, но одновременно и символом запрета близости. Кинжал являлся незаменимым и постоянным атрибутом мужского костюма горца. Сломанный меч символизировал поражение.

Для предупреждения града на села и засеянные поля, прибегали и привентивным мерам. Центральное место в них занимали так называемые «дошечки, предотвращающие град», которые изготавливали из древесины ивы, растущей вдали от села, где уже неслышно было пение петуха. На дошечки с обеих сторон наносились суры из Корана и соответствующие заклинания. Готовые дошечки мулла закапывал под валуны, скалы, на возвышенностях вокруг села и полей.

Дома свои агулы украшали разнообразными знаками, связанными с культом небесных светил и другими символами-оберегами. Наиболее часто изображали солярные знаки: (кресты, звезды, круги, ромбы, свастики); руки и глаза; птиц и животных; «древо жизни».

Почти повсюду в Агуле до сих пор ещё довольно часто встречается оберег-символ: силуэт кисти руки с распростёртыми пальцами. Женщины, обычно оттискивают свою ладонь на сырой глиняной поверхности стен домов, пекарен, каминов.

Знак этот чрезвычайно древний – он восходит к верхнему палеолиту (доледниковому периоду). Это магический символ защиты, отпора, концентрации силы. Поэтому, в более поздние времена он становится своего рода знаком собственности того, чья рука запечатлена на предмете. С приходом ислама древний знак был переосмыслен: народная молва то возводила его к трагической битве при Кербеле (680г.), видя здесь отрубленную руку Хусейна, сына Али, то желала видеть в этом знаке «руку Фатимы» – дочери пророка Мухаммеда,

которая символизирует, пять основ ислама: веру, молитву, паломничество, пост, милосердие. Но в обоих случаях это был символ защиты и покровительства почитаемых в исламе лиц, наделенных высшей силой.

На сохранившихся в Агуле старинных коврах, изделиях из толстостенной лепной керамики, камнях, вставленных в стены домов, мостов и других строений часто можно встретить изображение свастики, который является наиболее древним из графических символов и один из самых распространенных во все времена во всех культурах. Свастика считается неиконическим изображением древнего высшего арийского бога Солнца и Неба. Точное значение этого символа неизвестно.

Известно, что свастика всегда рассматривалась как эмблема жизни и света ввиду своей принадлежности к тем символам, которые, имитируя видимое движение Солнца вокруг Земли, считаются вращающими вокруг своей оси.

Многие поверья агулов связаны с порогом дома, через который в жилище могли проникнуть «злые духи», болезни и другие невзгоды. Запрещалось садиться на порог комнаты; нельзя было на пороге что-либо давать или брать. Для того, чтобы дом оградить от бед, у порога прибивали подкову, стелили у порога шкуры медведя, волка или кабана. Головы этих животных закапывали в сарае как обереги от падежа скота.

Особенно много верований у агулов связано с очагом. Очаг, как и у всех горцев Кавказа, признавался священным и символически выражал семейное единство [22/37]. В очаг нельзя было плевать, бросать мусор. Клятва, даваемая у очага, считалась самой крепкой. Пришедшего в дом гостя усаживали у очага. Невесту также вначале вводили в очажную комнату, что означало приобщение ее к дому, семье. В похоронных обрядах очаг не разжигали до тех пор, пока покойника не предавали земле.

У агулов было широко развито поклонение святым мес-

там, которые называются «пирами» (священные памятники предкам), которые нередко находились непосредственно в самом селении. Как отмечает З.И. Ямпольский: «Каждый пир существует и воспринимается как самостоятельное явление, как отдельный культ… следует считать пиры и подобные им другие современные архаические святилища явлением, основные черты которого зародились и существовали в период локальных общин доклассового общества» [31/31].

Особо почитаемой святыней считается пир на могиле святого Суфи-Давуда (нач. XVIII в.) на старинном кладбище в селении Тпиг. По преданиям Суфи-Давуд обладал даром ясновидения, мог оказывать помощь пострадавшему на расстоянии, поднимался верхом по гребням непроходимых гор. Подобные пиры существуют в селении Рича – шейху Салиху, Къарай-Баде, Суфи-Гусейну, Гьязурар и др. шейху Хашиму в селении Фите, Малла Булаю в селении Буркихан, несколько пиров в селении Бедюк в местности «Сарфун» и во многих других селениях.

У этих пиров больные испрашивали себе исцеления и здоровья, бездетные – детей, бедные – материального благополучия.

Ещё в 1 тысячелетие до н. э. как и другие народы Кавказа, агулы оказались в зоне влияния иранской империи, в том числе и его культуры и религии. Но наиболее ощутимым это влияние становится в сасанидский период. Так, например, «царь царей» Шапур I (242-272), верно оценив огромную роль северных границ в судьбе Ирана и подвластных ему областей, уже в 252 г. совершает экспедицию к Дербентскому проходу. Именно к этому периоду относится и активизация их целенаправленной церковной дипломатии и последовательной, организованной миссионерской деятельности в регионе [27]. Подогревал её верховный жрец зороастризма Кирдэр. Как он рассказывает в одной своей надписи, среди стран, где он

учинил священные огни, назначил жрецов, наряду с Арменией и Грузией числится и Кавказская Албания.

Начала IV в. в Сасанидской империи совпадает с реформами в религиозной среде, среди которых особо значимые – календарные изменения, поощрение культа храмовых огней, создание «пехлевийской» литературы. Зороастрийские миссионеры проводили активную работу на окраинах империи, и поселяли у границ и горных проходов своих единоверцев-огнепоклонников. Огонь как символ божественной сущности и источник жизни – присутствовал во всех ритуалах зороастризма, по этой причине последователей учения часто называли огнепоклонниками.

Влияние на Кавказ усиливается и при Шапуре II (309-379), который в середине IV в. перешел от политических интриг к прямым военным действиям в регионе. Как сообщает об этом источники: «Он (Шапур II) побудил людей всех областей обратиться к богу Ормузду». В целом эти и другие подобные сообщения, безусловно, подчёркивают то, что Дагестан, в том числе и Агул, были непосредственными зонами иранских интересов, где устраивались зороастрийские религиозные центры («Суфийан-шагьар» в местности «Сарфун» и др.) [27].

Несмотря на последующие века христианского, иудейского, мусульманского влияния, в Агуле сохранилось множество фактов, имеющих древнеарийскую основу: в архитектуре, в языке, в петроглифах, в обычаях, традициях, в духовно-нравственных нормах. В настоящее время ученые пришли к твердому убеждению, что древнейший « глубинный исторический пласт» агульского языка составляют древнеиранские слова [23/14]. М.М.Ковалевский отмечает что, «по словам арабских летописцев, до распространения ислама жители Дагестана были «езидами» [22/142], то есть последователями древнеарийского бога Язда». В Агуле жителей селения Хутхул,

и сейчас в просторечии называют «езидами». Наиболее ярким примером является сохранившийся в Агуле обычай разжигания ритуального костра – Эран цабур (арийский костер) в ночь с 20 на 21 марта, то есть в день рождения Заратустры.

В начале V века под влиянием проповедников армянской церкви в Агуле распространяется христианство. У агулов существует предания, что одна часть их была по вере христианами, другая – иудеями. В некоторых агульских селах до сих пор сохранилось проклятие: « Ве дад эрмени хьурай» («чтоб твой отец армянином стал»), свидетельствующий на невосприятие частью населения региона армянской религии – христианства.

Во второй половине VI века персы-сасаниды были вытеснены из Южного Дагестана напором пришлых кочевников – хазар. Территория стала известна как хазарская. С упрочением позиций хазар, сюда усиливается прилив еврейского населения. Объясняется это тем, что новые завоеватели-арабы, покорив Иран и Закавказье (VII-VIII вв.), проводили политику насильственного обращения покоренного языческого, христианского и иудейского населения в лоно мусульманства. В этих условиях многие из покоренных народов, не желая принять ислам, уходили с завоеванных арабами земель Восточного Кавказа в Хазарию [6/213].

В дальнейшем, культурно-экономическая и политическая связь предков горских евреев с хазарами приводила, естественно, к знакомству последних с иудаизмом и заимствованию этой религии.

Иудейство восприняли не только хазары, но и многие из представителей горских народов Дагестана, в том числе и агулы. Однако, следует думать, что прозелиты были поверхностно иудизированы. Новообращенные, вероятнее всего, придерживались обрядовой стороны иудейства, соблюдали обычаи обрезания [6/214].

Арабские источники IX-X вв. сообщают, что в Дагестане мусульманам пришлось столкнуться с враждебными духу ислама горскими племенами, «большинство из которых было язычниками, христианами, иудеями» [12/52].

Еще и ныне многие агулы указывают, что в их среде было много евреев, что в некоторых селах исповедовали иудейскую религию. Примерно в 1,5 километрах от поселения Сарфун, на правом берегу речки и сейчас сохранились останки заброшенного селения – ЖугьутIарин хулар, что означает «еврейские дома». Согласно преданию здесь жили вместе и евреи и мусульмане. Какие-то враги уничтожили поселения, и оставшая часть жителей его переселились частично в Бедюк, частично в Усуг. В Усуге еще в начале XX века существовал тухум «жугьутIар» (евреи). Что интересно, современное агульское селение Фите образовалось путем слияния в раннем средневековье поселений: Жугьутин хуларик, ЛулудинхIана и собственно Фите.

В первой половине VII в. в Аравии в противовес язычеству появилось и распространилось новое религиозное учение – ислам (по-арабски – преданность Аллаху), основоположником которого был житель Мекки Мухаммед. Последователей ислама назвали мусульманами. Священная книга мусульман – Коран («чтение») – одна из самых вдохновенных и поэтических книг человечества. Согласно исламу, Коран не сотворен, существует предвечно, вечно, а его оригинал находится у Аллаха, который частями-сурами в форме откровений передал Коран пророку Мухаммеду через ангела Джабраила.

За двадцать два года (610-632) Мухаммед в создании новой религии прошёл путь, на который христианству понадобилось три столетия (от взятия Иерусалима Титом в 70 году до смерти Константина Великого в 337 году). Несомненно, одной из главных причин триумфа ислама состояла в том, что мусульманство было проще христианства. Главное отличие

ислама от других конфессий заключается ещё и в том, что он является особой социокультурной системой. В этой религии больше, чем в какой бы то ни было другой, гражданско-политических элементов. Шариат, или мусульманское право, представляет собой кодекс законов и правовых норм, регулирующих все стороны земной жизни мусульман. В шариате имеются все указания о том, как должен вести себя мусульманин в молитве, в работе, в обществе, семье и обыденной жизни, до мельчайших подробностей. Среди этих законов особо следует отметить обязательность просвещения, обязанность родителей воспитывать своих детей до совершеннолетия, допустимость гражданского брака после «никагьа», отрицание частной собственности на землю, воду и леса, отрицание суеверий, запрещение колдовства, азартных игр, роскоши, расточительства и др.

После смерти пророка (632 г) его преемники именовались халифами, то есть «преемниками пророка», а государство получило название Халифат. При халифе Омаре год хиджры объявлен началом мусульманского летоисчисления, исходным для него принято 1-е число 1-го месяца (мухаррама) – 16 июля 622 года. Почти одновременно с образованием Арабского Халифата начались его завоевательские походы, в результате которых образовалось обширное государство, простирающееся от Атлантического океана до Индии.

Арабские завоеватели так же, как и персы, придавали большое значение Дербентскому проходу и всему южному Дагестану. Разгромив Сирию, Месопотамию и окончательно разгромив иранскую армию при Негавенде, арабы устремились в пределы Дагестана.

Впервые проповедь ислама прозвучала на земле Дагестана в 642 году. Однако постоянный очаг ислама появился здесь только в 733 году – им стал Дербент. В тот год халифатский наместник на Кавказе Маслама ибн Абдулмалик превратил

Дербент в свою резиденцию, основательно реконструировал и отремонтировал его, населил мусульманами-арабами, А также заложил здесь первую мечеть на земле Дагестана. Арабский энциклопедист Йакут сообщает, что в оборонительной системе Дербента были выделены специальные центры, защита которых была поручена жителям Табасарана, Филана, ал-Лакза, ал-Лайзана, Ширвана.

В среду агулов ислам проникает значительно позже, в IX веке. Однако, местная феодальная знать и мусульманское духовенство, чтобы показать свою родовитость от первых арабских халифов – курейшитов, относят обращение народов лезгинской группы, в том числе агулов, в мусульманство к раннему периоду, ко времени легендарного арабского полководца Абу-Муслима. Более того, вопреки фактам, утверждается, что ислам был принят народами Дагестана добровольно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Агулия – в созвездиях и снегах –
Страна моей тревоги и надежды.
С лугов твоих – с цветной твоей одежды
Сорвав букет, держу в своих руках.

Я ароматом губ твоих пропах.
Суровый край, тебя хулят невежды.
Смотрю в глаза твои, но, как и прежде,
Любовь мою не выразить в словах.

Огнем зари душа твоя цветет
Кровь горных рек питает твои жилы.
Бессмертна ты – бессмертен мой народ.

Гигантский глаз – огромный небосвод –
Влюблен в тебя, мой край родной и милый
И сердце твое манит он в полет

Джамал

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Агул. Суровый и красивый край. К ней привязаны легенды и предания, образы, события и подвиги – всё то, в чем выражена суть и смысл уходящей корнями в века судьбы удивительного, малочисленного этноса Дагестана с гордым названием – агулы.

Агул издревле являлся узловым пунктом на транскавказской транзитной пути, соединявшей цивилизации Передней Азии с Великой степью – дороги жизни, дороги печали и слёз. Наравне с Дербентским проходом эта дорога открывала горцам пути в соседние, культурные миры, но одновременно привлекала многочисленных завоевателей. И то и другое формировало у наших предков определенные черты общественной психологии и поведения: восприимчивость ко всему ценному в соседних культурах и в то же время готовность противостоять натискам врагов.

Через эти земли некогда с огнем и мечом проходили ненасытные, жадные, многочисленные армии сасанидов и арабов, Чингисхана и Тамерлана и других завоевателей, которые всё заливали кровью мирных скотоводов и землепашцев. Но непререкаемая правда истории Агула включает в себе и героическую правду, сопротивления завоевателям, апогеем которой была 27 – дневная защита ричинцев от многократно превосходящих сил монгольских войск.

Что же манило разноплеменных «незваных гостей» в Агул? Что приносили они с собой и что после себя оставили? Были ли им присущи чувства любви, жалости и сострадания? Чем они питались?.. Вопросов больше, чем ответов. Кто бы из нас не хотел знать, что происходило на этой земле, когда нас еще не было? Кто-то бродил тогда по агульским горам, взрывал конскими копытами нивы и сенокосы, строил дома, пел, наполняя горные вершины звучным глубоким голосом. Кто-то жил здесь, оставляя мечети и минареты, строил мосты и крепости.

Кому из нас не знакомо острое желание прикоснуться к своим истокам? Пусть не в ранней юности, но с годами, так или иначе, просыпается жадный интерес к судьбе родителей, дедов, предков. Оттого ли, что начинаешь понимать: ты – не только ты, но и продолжение кого – то. И в этом продолжении – смысл, тайна бытия, предопределенность. Тогда приходит осознание собственного долга за осуществление этой тайны в своих детях, в потомках.

Важно ощутить себя частью кровного братства, которое уходит в толщу веков, – и именно от нас, сегодняшних, зависит, чтобы это братство продолжило свой путь в будущее. Сознание ответственности дает смысл и силу, помогает, преодолеть страх времени. Это называется вечностью, то, что сравнимо с вечностью – это наша земля. Земной путь человека проходит среди горных хребтов и долин, рек и озер. Пространство жизни народов определяет мотивы их песен и тип промысла, особенности жизненного уклада и взгляда на мир. Мир, в котором мы родились, кажется вечным на фоне быстрой смены человеческих поколений.

«Он, как и мы, – часть от общего, часть братства этой земли». Миг понимания этой истины – миг открытия и своей неповторимой вписанности в судьбу края. Когда же не станет нас, нынешних, кто-то придет, чтобы вот так переживать победы и утраты, жить и бесконечно удивляться, откуда же

пошла эта земля, какие тайны хранят отроги Самурского хребта, суровые скалы-изваянья, Чираг-чай – вечный и ежеминутно новый.

Тревожит, волнует это ощущение – ощущение родной крови, неосознанных еще традиций.

Откуда в обычае нашего творчества тяга к ромбам, крестам и квадратам, расположенными рядами – на пересечении или один в другом? Каковы истоки строгой симметрии в композиции агульских минаретов, резных окон и дверей, носков и ковров?

И вот каждый из нас рано или поздно собирается в путь – в поисках своей родословной и родословной своих далеких предков. Как будто там, в начале пути, есть какое-то главное пророчество и о нашей судьбе, и о судьбе наших потомков.

Исторический опыт Агула убеждает, что нельзя рассматривать человеческую личность в полном отрыве от культурного и ментального пространства родного этноса. Духовное самочувствие и, следовательно, общее благополучие конкретного человека в существенной мере зависит от коллективного самочувствия народа, которому он принадлежит генетически.

Может и так. Генетический код будущего этой земли, ее настоящего – в той загадочной тайне, откуда пошло племя агулов. Так хочется заглянуть в самый исток, в самую сердцевину. Но кропотлив путь к постижению правды этой земли. Он соткан из тысяч судеб, бессчетного числа фактов, легенд и преданий, которые и сделали Агул таким, каким мы его знаем.

Земля и люди. И то и другое в любой части мира удивительно разнообразно. Ни то – ни другое, ни в одной части мира не совершено. Секрет – в их сочетании, своего рода «золотом сечении». Здесь – истоки гармонии и ощущения органичности формулы национального характера.

Медленная отливка этой поразительной цельности человека и земли происходит во времени, она зависит от «возраста»

народа, его молодости или зрелости, от его культуры, исторической «спирали» развития и многого другого.

Ярчайшей особенностью агульской «особости», как и других горских народов Дагестана, является социальная норма агульца, которая основой бытия считал не бедность, а зажиточность, обустроенность жизни, равенство в зажиточности. Любое дело агулец выполняет, с гарантией успеха. Во всем старается обеспечить «запас наперед», на случай неблагоприятных стечений обстоятельств. Человеку присуща здесь особая настойчивость, упорство, твердость, предприимчивость, смекалка, находчивость и отвага. В то же время агул руководствуется естественными потребностями и поступками.

Агул – древнейший очаг природной демократии, а в обозримом прошлом агулы жили в мини-республиках, именуемых в российской историографии «вольными обществами». Здесь уже несколько столетий назад было четко сформировавшееся гражданское общество (джамаат), выработавшее высочайшую коммуникативную и нравственную культуру под единым для всей страны гор названием – «намус».

В систему ценностей агулов на первом месте стояли свобода, труд, собственность, «общество», традиции как правовое обеспечение стабильности и преемственности.

Чем более суров край, тем более человек ценит труд и его результативность. Изобилие, достигающееся большим напряжением сил, заставляет ценить его вдвойне.

Одновременно данное сообщество агулов было ценно, высочайшей стабильностью, сохранением обрядов, ритуалов, культурных традиций предков, порядком и гармоничностью отношений, взаимоуважением ее членов. Оно держалось на стабильности «общества», которое для горца было и государством, и своей системой «политической организации» сообщества. Семьи и родственные связи можно представить как «политические организации», обеспечивающие защиту индивидуума, всей «ячейки» в целом и присущих им корпоратив-

ных интересов. На сходе решение вопроса, в основном, зависело, прежде всего, от количественного состава «сообщества родственников» – тухума и их совместной позиции.

Таким образом, в Агуле сформировалось уникальное ценностное явление общественной жизни, гармонично воплотившее в себе как западную, так и восточную систему ценностей. Общество агулов, базировавшееся на стабильности сельской общины, одновременно было открыто для развития и совершенствования. Условием развития были рациональность, практичность и интерес, как индивидуума, так и сообщества в целом.

Индивидуализм агульца неразрывно был связан с высочайшим уважением другого человека, утверждением равноправия. Личность человека стоит в центре его миропонимания. Личность здесь обладает высоким общественным статусом, наличием традиционных прав и обязанностей – адатов, которые были в чем-то различны во всех джамаатах и дополнялись шариатом, – правом, единым для всего мусульманского мира. Индивидуализм порождал соревновательность во всем, касалось ли это труда, обустройства подворья, поведения людей, внешнего вида, образа жизни.

Крестьянская семья и мир воспитывали в агульцах уважение к труду с самого детства. Труд становился естественной потребностью. Оценка по хорошему труду, была равносильна оценке честного, порядочного человека. Общество во всех мелочах оценивало состояние подворья, чистоту и достаток в доме, ухоженность скота, ухоженность пашни, качество полевых работ, запасливость хлебом и кормами для скота, состояние орудий труда, инвентаря, конской сбруи и прочего. Общепринято было занимать у соседа инвентарь, инструмент, но делать это постоянно в течение года – осуждалось.

За настоящую работу признавали только наиболее тяжелые и значимые виды трудовой деятельности: земледельческие работы, сенокос, уборка урожая, строительство дома.

Все остальные работы были на уровне повседневных работ.

Важнейшей добродетелью горца была бережливость. Мотовство осуждалось. Бесчестьем считали покушение на чужую собственность.

Наряду с бережливостью, агульца отличали щедрость, гостеприимство и сострадание. Они готовы помогать бедным, бесприютным. Они мягки, исполнительны при требованиях законных. Они горды своею свободою. Невежеством считалось не принять гостя, плохо его угостить. Почитались качества учтивости, уважительности. Существовал церемониал встречи гостей. Гостю полагалось быть умеренным в еде и питье, благодарить за угощение. При проводах гостей часто было принято снабжать их подарками, дарить «гостинцы».

У агулов важные общественные функции всегда выполняли праздники, которые имели глубокий смысл, в них горец наиболее остро ощущал себя одновременно личностью и членом общины. Внутри праздника осуществлялся контакт и свободное общение, без которого невозможна нормальная жизнедеятельность человека. Наконец, праздник у агулов был проявлением всех видов культуры общества, начиная от принятых форм поведения, кончая демонстрацией нарядов и исполнением традиционных песен.

При заключении брака тонко переплетались чувства и трезвый расчет, взаимоуважение и интерес многочисленных родственников. Агульский мир строго защищал высоконравственные отношения между юношами и девушками, воспитывал чистоту их отношений, уважение к другому человеку. Агульская семья, «старики – совесть общества», традиции воспитывали более чем нравоучения и нотации.

Традиции и моральные законы «общества» обеспечивали устойчивость существования. У агульца не было безысходности, а были четкие представления о дне завтрашнем, о жизни и через месяц, и через год.

«Цена человеку» определялась всем комплексом трудовых,

этических, нравственных качеств. Снисходительно относясь к «чудачествам» разного рода и слабостям, агулы одновременно порицали те качества, что не совмещались со всем укладом общественной жизни и были немыслимы в суровых условиях горного края. Так, не было прохода от насмешек тому, кто постоянно «плакал» жаловался на судьбу, «раскисал» при малейших неудачах.

* * *

Ушел в историю грозный, кровавый и светлый двадцатый век. Человеку, которому судьба дала возможность стать не только свидетелем, но и в какой-то мере, пусть даже самой скромной, участником событий, хоть малой части этой исторической эпохи, трудно охватить воображением размеры свершившегося. За этот период произошел такой переворот в жизненном укладе агулов, который прежде не мог быть, мыслим и за тысячелетия. В то же время, агулы, как и другие народы России и стран содружества, столь часто оказывались в водовороте крутых и болезненных событий, не раз проходили через тяжелые потрясения, революции, голод и войны.

При всех издержках XX века следует признать, что Октябрьская революция в России стала прорывом для народов Дагестана, в том числе и агулов, из средневековья в современность. Социалистическое переустройство принес агулам освобождение от вековой эксплуатации местной знати и царских чиновников, сокрушило многие преграды к сближению культур и жизненных норм всех народов, населяющих государство, создало условия для бурного национального и социального обновления Агула – и русский народ сыграл в этом исключительную роль.

Представители русской интеллигенции внесли огромный вклад в развитии просвещения, улучшения дела охраны здоровья агулов, и, общаясь с местным населением, способствовали развитию его общего кругозора, высвобождению изпод влияния предрассудков и суеверий. Своим гуманизмом

и благородной деятельностью они оставили добрую память у населения.

Русская культура и язык открыли агулам путь к сближению со всеми народами страны, к сближению с цивилизациями Запада. Русский язык стал одним из сплачивающих факторов внутри Дагестана – основным средством внутридагестанского межнационального общения.

Агулы, тяжело пережив крушение Советского Союза, в настоящее время с уверенностью смотрят в завтрашний день, но их оптимизм – не самоуверенность баловней судьбы, Агулы знают: все, что они имеют, создано их собственным трудом, верят в силу труда, верят в свою страну – Великую Россию. И задача агулов – делать всё, чтобы Агул развивался, стараться сделать жизнь здесь не только сносной, но и «соблазнительной», чтобы он оставался местом, где хочется жить, дающим уверенность в завтрашнем дне, славным замечательными людьми и сохранить свою нишу в общей культуре человечества.

Новое тысячелетие часто обращает к мысли, – каким оно будет в Агуле? Наш долг – жить и трудиться так, чтобы каждый из нас мог с гордостью сказать: «Я агулец!»

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ

Абу – Муслим (ок. 727-755гг.) вождь воспитания 747-750гг. в Хоросане против Омейядов, приведшего к власти Аббасидов. Был убит по приказу аббасидского халифа аль-Мансура, опасавшего его влияния. В местных преданиях агулов утверждается, что имя Абу – Муслим, дано выходцу из рода исламского пророка Мухаммеда, и оно было популярно как веха начала приобщения горцев к исламу. Историческая литература отрицает пребывание в Дагестане арабского полководца Абу-Муслима. В действительности, завоевание Дагестана и принятие горцами ислама связано с арабским полководцем Маслама. Под именем же Абу-Муслима, вероятно, известен арабский миссионер XI века.

Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарьевич (1797-1855), князь, генерал-лейтенант российской армии (1845), генерал-адъютант (1848г.). Происходил из грузинских князей Мхардзтели (Долгоруких). Начал службу на Кавказе в 1827г. В чине майора Грузинского гренадерского полка, участвовал в войне с Ираном, в 1832-1839гг. командир Тифлисского гренадерского полка, в 1839-1842гг. военный начальник Ахалцыхской области и командир 1-й бригады Грузинских линейных батальонов; 1842-1853гг. начальник Самурского отряда, в 1847г. Военный губернатор Дербента,

с ноября 1847г. по февраль 1855г. командующий войсками в Прикаспийском крае. Участвовал во многих экспедициях в Дагестане и Чечне, получив от горцев прозвище «Самурский вепрь».

Бакиханов Аббаскули Ага (1794-1847), родился в табасаранской семье, которая в 1802г. переселилась в Кубу. Крупный ученый и общественный деятель. В течение многих лет изучал французский и арабский языки, литературу и философию Востока. В 1819г. он приглашен А. Ермолаевым в Тифлис и назначен на должность переводчика восточных языков. Находясь на российской военной и дипломатической службе в 1826-1829гг. участвовал в войнах России с Ираном и Турцией и в русско-иранских мирных переговорах в Туркменчае. Получил чин полковника. В 1833г. предпринял путешествие по России, посетил Москву, Санкт-Петербург. Побывал в Прибалтике, Польше, на Украине, встречался с видными учеными, поэтами, писателями, деятелями искусства. Свое крупное произведение «Гюлистан Ирам» (Райский цветник»), представляющей обзор истории Восточного Кавказа с древнейших времен до 1813г. завершил в 1841году. В нем собраны богатые сведения о Кавказской Албании, ее государственности, о господстве Сасанидских, арабских, татаро-монгольских завоевателей.

Барятинский Александр Иванович (1815-1879), князь, генерал- фельдмаршал российской армии (1859 г.), член Государственного Совета (1860 г.). В 1845 г. командовал батальоном в Даргинской экспедиции и был ранен 13 июля в бою при Гагатле. В феврале 1847 г.- мае 1850 г. командовал Кабардинским егерским полком. В октябре 1850 г.- март 1851 г. командир Кавказской гренадерской бригады; в апреле 1851 г. – июле 1853 г. командующий 20-й пехотной диви-

зией и начальник левого фланга Кавказской линии, в 1853-1855 начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, участвовал в сражении при Кюрюк-Дара. С 20 июля 1856 г. командир Отдельного Кавказского корпуса и наместник Кавказский, с декабря 1857г.- главнокомандующий Кавказской армией. Завершил основной период Кавказской войны почетным пленением имама Шамиля при ауле Гуниб (25 августа 1859 г.). В апреле 1860 г. покинул Кавказ и в декабре уволен от должности главнокомандующего Кавказской армии.

Батый (Бату) (1208-1255), монгольский хан, внук Чингисхана, предводитель общемонгольского похода в Восточную и Центральную Европу. В 1236-41гг.- завоевание Волжской Болгарии; 1237-40гг.- поход в Северо-Восточную Русь, затяжная война с половцами, аланами, черкесами, завоевание Южной Руси. Одновременно с его походами на Русь, часть его войск, во главе которых стояли крупные военачальники (Субэдей, Джэбэ, Букдай), занимались завоеванием Северного Кавказа, в том числе горной полосы Дагестана. В 1241-42гг. – поход через Польшу, Венгрию и др. к Адриатическому морю. С 1243 года хан Золотой Орды. При нём на Руси установилось монголо-татарское иго.

Воронцов Михаил Семенович (1782-1856), светлейший князь, генерал-фельдмаршал российской армии (1853 г.); генерал-адъютант (1815 г.), член Государственного Совета (1826 г.). Начал службу на Кавказе в 1803 году, в 1804 г. участвовал в боевых операциях против лезгин и персов (в начале русско-иранской войны 1804-1813 гг.). Принимал участие в войне 1806-1807 гг. против Франции, в кампаниях 1809-1811 гг. против Турции, в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813-1815 гг. Был генерал-губер-

натором Новороссии и наместником Бессарабской области; участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг. С декабря 1844 г. по октябрь 1854 года командир Отдельного Кавказского корпуса и наместник Кавказский. В мае-июле 1854 г. командовал войсками Даргинской экспедиции и в 1847 г. лично руководил экспедицией в Дагестане, сопровождавшейся взятием укрепленного аулы Салты.

Головин Евгений Александрович (1782-1858), генерал от инфантерии российской армии (1839г.), генерал-адъютант (1825г.), член Государственного Совета (1848г.), участник войн против наполеоновской Франции в 1805-1807гг., Отечественной войны в 1812г. и заграничных походов, русско-турецкой войны 1828-1829гг. и Польской компании 1931г. С 1837 года командир Отдельного Кавказского Корпуса и главнокомандующий гражданской частью в Грузии, Армении и Кавказской области. В 1839г. лично руководил Дагестанским отрядом. В 1840-1842гг. действовал с переменным успехом, одержал победу на Хубарских высотах, но не смог подавить восстания в Чечне и Нагорном Дагестане.

Ермолов Алексей Петрович (1772 – 1861), генерал от инфантерии, затем генерал от артиллерии (1833г.). Начал военную службу с 1791 г. Участник подавления Польского восстания 1794г., Персидского похода 1796-1797гг. и войн с наполеоновской Францией. В июне 1816 был назначен командиром Грузинского (впоследствии Отдельного Кавказского корпуса), главноуправляющим гражданской частью в Грузии, Кавказском крае и Астраханской губернии и чрезвычайным послом в Иране. Положил начало Кавказской войны 1817-1864гг. Разработал систему постепенного продвижения вглубь горных районов и освоения кавказс-

ких земель; основой успеха считал перенесение существовавшей укрепленной линии к подножию Кавказских гор. С целью расчленения и блокирования отрядов горцев применил вырубку лесов и тактику уничтожения непокорных аулов. Одновременно занимался развитием подвластного ему края, усовершенствовал пути сообшения, устроил лечебные заведения, содействовал в торговле и промышленности. В 1881г. ликвидировал независимость Мехтулинского ханства, основал в Дагестане крепость Внезапную, занял Табасаран и Каракайтаг; В 1820г. ликвидировал Казикумухское ханство и в 1821г. основал крепость Бурную, продолжил Сунженскую линию до Каспийского моря. В 1823-1826 гг. подавил восстания в Имеретии, Мигрелии, Абхазии, Чечне и Кабарде.

Заратуштра (авест.) /**Зардушт** (среднеиран.)/ – пророк и основатель древне – иранской религии, получивший название зороастризм. Большинство учёных признают Заратуштру реальным лицом и относят деятельность пророка к X-VI вв. до н. э. По традиционной пехлевийской хронологии, пророк жил за 258 лет до Александра Македонского (в VII-VI вв. до н.э.). Составил древнейшую часть «Авесты» – священной книги древних иранцев. Главным в проповедях Заратуштры было учение о зависимости миропорядка и торжества справедливости в мировой борьбе добра и зла от свободного выбора человека, его активного участия в этой борьбе на стороне добра.

Мадатов Валериан Григорьевич (1792-1829), князь, генерал-лейтенант российской армии (1828г.). Происходил из армянских князей Карабахского ханства. С 1799г. на русской военной службе. Участник русско-турецкой войны 1806-1812гг., Отечественной войны 1812г. и заграничных

походов 1813-1815гг. В 1816г. по представлению А.Ермолова переведен в Грузинский корпус и назначен командующим войсками в Карабахе; с 1817г. военно-окружной начальник Шехинского, Ширванского и Карабахского ханств. С 1819г. руководил боевыми действиями в Северном Дагестане, установил власть над Табасараном и Каракайтагом, а в 1820г. – над Казикумухским ханством. Участвовал в русско-иранских войнах 1826-1828гг., 1828-1829гг.

Мухаммед (Мохаммед; в европ. литературе часто Магомет, Магомед) (570 – 632), пророк и основатель мировой религии, получивший название ислам. Родился 28 августа в Мекке, в доме своей матери Амины, вблизи храма Каабы. Выходец из знатной, но не богатой семьи рода Бану – хашим арабского племени курейшитов. Начало проповеди новой религии относится примерно к 610 году, первоначально без видимого успеха, но небольшая группа мекканцев встала в ряды его последователей. Не найдя поддержки в Мекке, в сентябре 622 году Мухаммед был вынужден переселиться со своими сторонниками в город Йасриб, который стал впоследствии называться «городом пророка» или просто Мединет-наби (ал – Медина). Переселение Мухаммеда из Мекки в Медину называется хиджрой (буквально «выселение», «эмиграция»). Приверженцев Мухаммеда, эмигрировавших в Медину, впоследствии стали называть «мухаджирами» (совершившие хиджру). А часть населения Медины, которая встала на сторону мухаджиров стала называться «ансарами» (помощниками). Мухаджиры и ансары объединены общим названием «асхабы» (сторонники).

В 630-631 гг. мусульмане под руководством Мухаммеда подчинили Мекку и значительную часть Аравии: Мухаммед стал главой теократического государства. Через двадцать

лет после начала проповеди Мухаммеда «вся Аравия приняла новую религию, признавая не столько убедительность теологических аргументов, сколько вооруженную силу, созданную первоначальным ядром общины мусульман».

Процесс экономической, политической, культурной и этнической консолидации Аравии завершился созданием Халифата, «вооруженного» новой религиозной системой, который при преемниках Мухаммеда вел широкую полосу войн и за распространение ислама, и за захват чужих территорий.

Умер Мухаммед в Медине 8 июня 632 года

Надир – шах Афшар (Тахмас-Кули-хан) (1688-1747), шах Ирана. Пришел к власти после завершения возглавляемой им борьбы за изгнание из Ирана афганцев и турок. Завоевал значительные территории в Индии, Средней Азии, Закавказье. В числе иранских провинций был и Дагестан, но горцы никогда не признавали над собой власти. В 1734г. Надир – шах послал свои войска в Дагестан, горцам грозила опасность подпасть под их иго. Дагестан восстал, и в 1741г. Надир – шах вынужден был лично выступить против восставших во главе 100-тысячной армии. В упорной борьбе горцы нанесли завоевателям ряд поражений. Надир – шаху пришлось вновь и вновь усилить армию, на занятых территориях захватчики устраивали зверские расправы. В декабре 1742г. народы Дагестана, объединившись, наголову разгромили шахские войска под Чохом – шах бежал, и вскоре был убит в результате дворцового переворота.

Нейдгардт Александр Иванович (1784-1845), генерал от инфантерии российской армии (1841г.), генерал-адъютант (1825г.). На воинской службе с 1798г. Участник кампаний 1807г. против Франции и русско-шведской войны

1808-1809гг., Отечественной войны 1812г. и заграничных походов 1813-1814гг. и т.д. В конце 1842г. был назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующим гражданской частью Закавказского края. Весной 1843г. предпринял ряд экспедиций в Чечню и Горный Дагестан. Не сумел предотвратить успешных действий Шамиля в августе-ноябре 1843г.; в 1844г. намеревался предпринять большую экспедицию в Андию, но был вынужден отложить ее.

Орбелиани Георгий Дмитриевич (1800-1883), князь, генерал от инфантерии российской армии (1862г.), генерал-адъютант (1857г.), член Государственного Совета (1866г.). Происходил из знатного грузинского рода. На военной службе с 1816г. Участвовал в русско-иранской войне 1826-1828гг. и русско-турецкой войне 1828-1829гг. В 1838г. вновь перешел в Грузинский гренадерский полк. В 1845г. командовал отдельным отрядом, оборонявшим Шамхальское и Мехтулинское владения, затем участвовал в экспедиции против акушинцев и штурме селения Кутиши. В 1847-1849гг. командир Апшеронского пехотного полка, состоял в Самурском отряде князя М.Аргутинского-Долгорукова. В 1850-1852гг. командир бригады пехотной дивизии, военный начальник Джаро-Белоканского округа и Лезгинской кордонной линии; в 1852-1857гг командующий войсками в Каспийском крае; в 1857-1860гг. состоял при главнокомандующем Кавказской Армии и в 1860-1866гг. занимал должность Тифлисского генерал-губернатора.

Тимур (Тамерлан, Аксак – Темир) (1336-1405) (от перс. «Тимур-ланг» – хромой Тимур). Государственный деятель, полководец. Эмир с 1370 года, создатель в Средней Азии обширного государства со столицей в Самарканде. Будучи

поклонником Чингисхана, он поставил перед собой задачу превзойти Монгольскую империю и создать «мировую империю», которую не удалось создать его предшественникам. Первое десятилетие политической деятельности Тимура прошло в его борьбе с Тохтамышем (1380-1395), ханом Золотой Орды, ставшим им в своё время именно благодаря поддержке и покровительству Тимура. Разгромил Золотую Орду, совершил грабительные походы на Иран, Кавказ, Индию, Малую Азию и др. Поход на Китай, начатый в 1404г., был прерван из-за его смерти.

Хаджи-Мурат (г.р. неизв. – умер 1852г.), один из деятелей нациально-освободительного движения под руководством Шамиля на Кавказе в XIX веке. Родился в Аварии близ Хунзаха, воспитывался в семье аварских ханов. В 1834 году приянл активное участие в убийстве заговорщиками имама Гамзат-бека, предпринявшего поход против аварских ханов.

Поддерживал отношения с русским властями, но в 1836 году был заподозрен в сношениях с Шамилем и арестован, бежал и окончательно перешел на сторону Шамиля. Обладая личной отвагой и энергией, он в совершенстве овладел искусством ведения войны в горах и стал одним из главных предводителей горцев в борьбе против царских колонизаторов.

Шамиль сделал его своим наибом в Аварии. В связи с рядом военных неудач, вследствие конфликта с Шамилем и из опасения преследования с его стороны, в 1851 году Хаджи-Мурат сдался русскому командованию. Прибыв для отправления религиозных обрядов в Нуху, Хаджи-Мурат предпринял последнюю попытку связаться со своей семьей, оставшейся в Дагестане. Потерпев очередную неудачу, видя бесплодность переговоров и то, что русские власти используют его для внесения раскола в среду борющихся за свою

независимость горцев, он решил бежать от русских. 22 апреля 1852 года во время прогулки за городом Хаджи-Мурат и его товарищи напали на казачий конвой, и убив их, двинулись в направлении в Самурского округа. Настигнутые отрядом нухинской и шушинской милиции, после отчаянного сопротивления, Хаджи-Мурат был зарублен.

Чернышев Александр Иванович (1785-1857), светлейший князь (1849г.), генерал от кавалерии российской армии (1827г.), генерал-адъютант (1812г.), член Государственного Совета (1828г.), затем его председатель (1848-1856гг.). На военной службе с 1802 года. Участник кампании 1805 и 1807гг. против французов. В 1810-1812гг. он находился с дипломатическим и разведывательным миссиями во Франции. Участник Отечественной войны 1812г. и заграничных походов 1813-1815гг. С 1828г. управляющий военным министерством и Главным штабом. С 1832 по 1852гг. – военный министр. С 1840 года одновременно председатель комитета, учрежденного для введения за Кавказом нового гражданского устройства. С 1842г. по 1856г. – председатель комитета по предварительному рассмотрению всех дел по управлению Закавказским краем (так называемого «Кавказского комитета»).

Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) (ок.1155-1227), основатель и великий хан Монгольской империи в Центральной Азии. Объединив монгольские племена, около 1190 г. провозглащен ханом с личным титулом «Чингис», а в 1206 г.- всемонгольским ханом. Провел военно-административную реформу, составил свод законов. Покорил енисейских кыргызов, уйгуров, карлуков (1207-11) и др. Завоевал государство Цзынь (Сев.Китай, 1211-15), Среднюю Азию. Вторгся в Иран, Закавказье, на Северный Кавказ, в степи Север-

ного Причерноморья. Походы Чингисхана сопровождались опустошениями, гибелью целых народов и привели к установлению тяжелого монголо-татарского ига в завоеванных странах. После смерти Чингисхана, политическими наследниками стали его внук хан Батый и один из его младших сыновей – Угедэй. Угедэй выступал в роли Верховной главы империи с резиденцией в Каракоруме, а Батый – в роли его реального соправителя.

Шамиль (1797-1871), руководитель национально освободительного движения горцев Дагестана и Чечни направленного против колониальной политики русского царизма и проходившего под флагом мюридизма. Родился в ауле Гимры в семье аварского узденя, воспитывался в среде мусульманского духовенства. В середине 20-х годов XIX века сблизился с проповедниками мюридизма (Магомед Яраггский, Джамалудин Кази-Кумухский и др.) Будучи одним из видных военных и политических деятелей мюридистского движения Шамиль в 1834 году был провозглашен третьим по счету имамом Дагестана и оставался им в течение 25 лет.

С конца 20-х годов освободительная борьба горцев против царских колонизаторов и произвола местных ханов охватила Северный Кавказ. Борьбу горцев за независимость возглавил Шамиль, талантливый организатор и военачальник. В отличие от своих предшественников, включая первых имамов Дагестана и Чечни, Шамиль сумел сделать исламские принципы средством и целью своей практической политики, положив их в основу своей власти. Созданное Шамилем государство называлось Имаматом не случайно, поскольку на деле являлось организацией власти, отводившей исламу главенствующую роль. К 40-м годам территория Имамата включала почти весь горный Дагестан и Чечню.

В это время освободительное движение горцев достигло высшего подъема. На первом этапе Шамиль увлек за собой широкие массы горского населения.

Реформы Шамиля, прежде всего создание Имамата и введение шариата, имели прогрессивное значение. Они способствовали объединению горских обществ, формированию общекавказского самосознания, а главное – утверждение ценностей государственности, порядка и права.

26 августа 1859 года, при штурме аула Гуниб царскими войсками, имам, не видя иного способа спасти женщин и детей от верной гибели, решился выйти к Барятинскому, который обещал почетные условия и безопасность сподвижников и членов семьи имама, сдался в плен. С октября 1859 года по ноябрь 1868 года Шамиль находился в почетной ссылке в г. Калуга. В пути паломничества в Мекку, Шамиль заболел и 4 февраля 1871 года скончался в Медине и был похоронен на кладбище Джаннат аль Бакия, в одном из самых почитаемых и посещаемых паломниками мест.

Магомед Ярагский (шейх Мухаммад Эфенди аль-Яраги), идеолог мюридизма, учитель трех имамов и Гасана Алкадарского. Нурмухамед бек Исмаил Эфенди из рода Мехмудар (впоследствии получивший имя Магомед Ярагский), агулец, его предки выходцы из селения Квардал Курахского района, родился в 1777 году (по другим данным – в 1761г.) в семье ученого-богослова. С детства проявил необычайную тягу к знаниям, очень скоро стал известным алимом, постигшим разнообразные науки.

Приняв рукоположение и звание мюршида от шейха Ордена Накшбанди Исмаила аш-Ширвани, Магомед Ярагский стал главой последователей Накшбандийского тариката в Дагестане. Шейх поначалу проповедовал ненасильственный, духовный газават против дьявола в людских душах.

Он был убежден, что угроза завоевания, нависшая над Дагестаном, – Божья кара за ослабление веры.

К Магомеду Ярагскому стекались люди, жаждавшие ощутить его чудесную духовную силу. Стремительно расло число учеников, становившихся его преданными мюридами. Царские власти, предчувствуя в тарикатистах весьма серьезную угрозу, решили положить конец деятельности шейха. Он был арестован и отправлен в Тифлис. После освобождения шейх отправляется в Табасаран, а затем и в Аварию.

В 1830 году на съезде лидеров народов Дагестана в ауле Унцукуль шейх выступил с пламенной речью о необходимости совместной борьбы против завоевателей и их вассалов. По его предложению Гази-Магомед был провозглашен имамом – верховным руководителем Дагестана. Оставаясь средоточием духовной силы поднявшего на борьбу горцев, после смерти Гази-Магомеда, шейх, чтобы не вселять в душу народа отчаяние, способствовал скорейшему избранию нового имама – Гамзат-бека, в последующем был учителем Шамиля.

Умер шейх в 1848 году (по другим данным – в 1838г.), и похоронен на кладбище аула Согратль. Магомед Ярагский является прототипом героя повести А. Бестужева-Марлинского «Мулла Нур».

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Азан (араб.) – возвещаемый муэдзином религиозный призыв, согласно которому мусульмане должны совершить намаз.

Адат (араб. – обычай) – у мусульманских народов совокупность норм обычного права. Охватывает ритуалы и традиции этносов.

Алим (араб.) – учёный, знаток права.

Бек (бег) (тюрк. – властитель) – феодал-землевладелец.

Будун – помощник кадия.

Вакуф (араб.) – собственность мечети.

Визирь (араб.) – помощник хана, «министр».

Вилаят – административная территория, подвластная наибу.

Газават (джихад) (араб.) – «священная война» против «неверных», т.е. врагов мусульманской религии.

Дере – ущелье, долина.

Джамаат (араб.) – сельский сход, сельская община.

Джума-мечеть – главная мечеть (пятничная).

Десятина – ед. земельной площади равна 1,09 гектара.

Единорог – старинное русское артиллерийское гладкоствольное орудие, сопровождало пехоту в бою, существовало до XIX века.

Зикр – коллективное отправление молитвы.

Зурна – восточный духовой музыкальный инструмент.

Имам (араб. – находящийся впереди) – титул мусульманского духовного и светского правителя.

Кадий (кади) (араб.) – служитель религиозного культа ислама, судья, решавший дела на основе шариата.

Канлы – кровник, убийца.

Калым (тюрк.) – выкуп за невесту.

Коран (араб. кур'ан,букв. – чтение) – главная священная книга мусульман.

Копан – ед. земельной площади равна 0,25 гектара.

Кутан – зимнее пастбище.

Лаг (лукI) – раб.

Магал (магалла) – округ, волость, квартал.

Майсум (араб.) – «чистый, безгрешный». Титул феодального правителя Табасарана.

Мактаб (араб.) – мусульманская школа низшего типа.

Маслаат (маслиат) – мировое соглашение.

Медресе (араб. мадраса, от дараса – изучать) – среднее учебное заведение, готовящее служителей культа.

Мечеть (от араб. масджид – место поклонения) – молитвенный дом мусульман.

Минарет (от араб. манара, букв. – маяк) – башня при мечети, с которого муэдзин призывает верующих к намазу, т.е. возглашает азан.

Мулла (от араб. маула – владыка) – служитель религиозного культа в исламе, выбирается мусульманами из своей среды, общины.

Мюлк (мулк) (араб. – владение) – вид частной земельной собственности.

Мюрид (араб.) – послушник, мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию.

Мюридизм – религиозно-политическое учение, сочетавшее проповедь духовного совершенства с пропагандой газавата.

Мюршид (муршид) (араб.) – руководитель, духовный наставник, проповедник.

Мутаалим – учащийся, ученик медресе.

Муфтий (араб.) – духовное лицо, облечённое правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам.

Намаз (тур.) – обязательная ежедневная пятикратная молитва в исламе.

Намус – моральный кодекс жизни горца (честь, совесть, благородство)

Наиб (араб. – заместитель) – помощник начальника или духовного лица.

Нукер (тур.) – слуга, телохранитель. Нукерами назывались

дружинники феодальных владений Дагестана.

Райат (раят) – крепостной крестьянин.

Сорочинское пшено – рис.

Суфий – религиозный мистик, аскет.

Суфизм (араб) – мистическое течение в исламе, которое придерживается принципов шариата.

Тухум – группа родственников, патронимия.

Уздень (тюрк.) – свободный крестьянин – общинник на Северном Кавказе, у агулов известен как лежбер (нажбар).

Ураза (тюрк.) – 30-дневный мусульманский пост в месяце Рамазан.

Хаджи (араб.) – высокий титул-статус мусульманина, который совершил хадж (поломничество в Мекку)

Хан (тюрк.) – титул феодального правителя.

Хaрадж (араб.) – подать, поземельный налог.

Чанка – сын хана или бека от неравного брака.

Чоуш – сельский глашатай.

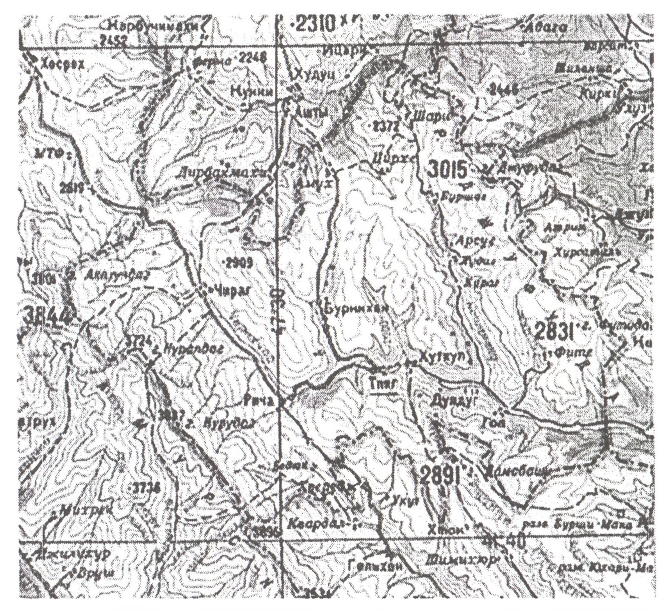
Шариат (араб.) – совокупность религиозных и юридических норм мусульманского права.

Шейх (араб. букв. – старик) – глава мусульманской секты, дервишского ордена, исламской общины.

Эмир (араб. – повелитель) – правитель.

Эфенди (тюрк.) – господин, сударь; сан служителей религиозного культа ислама в Самурской долине и Табасаране.

АГУЛЬСКИЙ РАЙОН
(краткая справка)

Агульский район Республики Дагестан расположен в юго-восточной части среднегорного Дагестана, на северо-восточном склоне Самурского хребта и на его отрогах.

Район был образован в соответствии с Постановлением ВЦИК от 1 сентября 1934 года, куда были переданы из состава Курахского района 7 сельских Советов. Позднее, постановлением ЦИК ДАССР от 26 апреля 1935 года из Дахадаевского района в состав Агульского района передан Амухский сельский Совет.

Площадь Агульского района – 788 кв. км, что составляет 1/64 часть территории Республики Дагестан, численность населения, по данным Государственного Комитета статистики республики на 1 января 2006 года, составляет 11300 человек. Средняя плотность населения в районе – 14 человек на 1 кв.км. По занимаемой площади Агульский район превосходит такие районы республики, как Акушинский,

Гумбетовский, Гунибский, Дахадаевский, Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Кулинский, Хивский, Лакский и др. Район по территории больше таких зарубежных стран, как Бахрейн – 598 кв.км., Сингапур – 584 кв.км., Лихтенштейн – 175 кв.км., Мальта – 316 кв.км., Андорра – 465 кв.км. и др.

Территория Агульского района имеет протяжённость с востока на запад 43 км. с северо-востока на юго-запад 37 км. Граничит с 7 районами республики. С севера территория района граничит с Дахадаевским районом и проходит через хребет Хурга Агли-мухур. С восточной части граничит с Кайтагским, Хивским и Табасаранским районами. С Кайтагским районом граница проходит через хребет Исал-мухур. С Хивским районом – через хребты Аралка-мухур, Гюркидарум, Тахувин. С Табасаранским районом граница проходит через хребты Жюли и Циликъар. С юга территория района граничит с землями Курахского района, и граница проходит по ручейку Цухекъ-рух и по реке Хьибугитдерин-Рух и скотопрогоном КІеррахъ-су. С запада граничит с Рутульским и Кулинским районами. С Рутульским районом граница проходит через хребет Нарансан-мурз, с Кулинским – граница проходит через хребет Кукма и скотопрогон.

В составе Агульского района 18 населённых пунктов. Наиболее крупные сёла: Тпиг, Рича, Буркихан, Худиг, Хутхул. Территория района разделена на 10 сельских администраций. В районе функционировали 8 колхозов и 8 совхозов, которые в настоящее время реорганизованы в муниципальные унитарные предприятия. Все хозяйства животноводческого направления.

В северной части района расположены земли населённых пунктов Буршаг, Арсуг, Худиг, Кураг, Амух, Цирхе, Шари, в южной части – Мисси, Гоа, Дулдуг, в западной части – Чираг, Рича, Бедюк, в центральной части – Тпиг, Хутхул, Буркихан, в юго-восточной части – Яркуг, Фите.

Районным центром является селение Тпиг, расположенное

Основные демографические показатели по Агульскому району на 1 января 2002 года

№ п/п	Населенный пункт	Площадь кв. м	Плотность населения на 1 кв. км	Естественное движение				Население			Число хозяйств, постоян.
				Прибыло	Убыло	Родилось	Умерло	Всего	в т.ч. мужчин	в т.ч. женщин	
1	Чираг	108	4	5	23	9	4	415	197	218	130
2	Рича	73	15	29	34	20	4	1147	558	589	268
3	Бедюк	27	11	12	5	5	2	307	161	146	58
4	Тпиг	64	26	47	58	24	9	1669	860	809	444
5	Хутхул	50	9	12	15	11	4	472	232	240	125
6	Мисси	26	9	8	4	4	5	248	112	136	67
7	Дулдуг	35	11	18	8	5	2	398	195	203	92
8	Гоа	47	8	1	1	11	2	371	197	174	76
9	Яркуг	24	12	—	20	8	2	276	134	142	53
10	Фите	38	13	1	—	12	3	507	249	258	100
11	Кураг	32	12	4	5	8	1	391	164	227	61
12	Худиг	43	12	2	8	7	2	536	226	310	91
13	Буршаг	60	7	1	8	7	3	390	186	204	90
14	Арсуг	30	7	1	3	6	2	210	98	112	40
15	Амух	60	3	1	5	2	1	210	98	112	44
16	Цирхе	14	8	1	6	3	1	110	47	63	19
17	Шари	10	1	—	2	—	1	9	4	5	6
18	Буркихан	47	14	18	30	15	3	669	332	337	161
	По району:	788	15	161	235	157	50	8335	4050	4285	1925

в 248 км. к югу от столицы республики г. Махачкала, с которой связано шоссейной дорогой республиканского значения «Мамраш-Ташкапур». Ближайшей железнодорожной станцией от райцентра является Белиджи, расположенное в 96 км. к северо-востоку от селения Тпиг.

Если попросить человека, впервые побывавшего в Агуле рассказать о главных своих впечатлениях, то он наверняка, прежде всего, вспомнит величественную красоту горных вершин, увенчанных вековыми снегами, которые утром и вечером на закате переливаются в лучах солнца золотыми блестками. Вспомнит как по ущельям гор, играя и пенясь, обтачивая валуны, стремятся ледяные потоки, низвергаясь водопадами на порогах.

Грандиозные горные пейзажи, родники и водопады, изумительные по своей красоте ковры альпийских и субальпийских лугов, серпантины горных дорог, обилие уникальных памятников истории, архитектуры и культуры пленяют своей неповторимостью.

Долины Агула с их будто колдовской красотой и суровым величием, немногочисленным, но исключительно мужественным и прямодушным, народом, домами, словно выросшими из скал, надгробиями горячо почитаемых предков на склонах гор, то расцвеченных душистыми травами, то обернутых искрящимся снежным покровом, постоянно взбудораживает душу каждого, кто хоть раз прикоснулся к прекрасному. И те, кто увидели, почувствовали, поняли Агул, стремятся вернуться сюда вновь и вновь.

Жители этого изумительного края суровы, как и горы, но гостеприимны, смелы и осторожны, высоко ценят дружбу, люто ненавидят своих врагов. Они беспредельно любят свою маленькую, но дорогую родину, где родились, познали истину, окружающий пёстрый мир, годеканы мудрости аксакалов, где воспитывались на прекрасных, оставленных им ушедшими в мир иной поколениями славных предков.

АГУЛЬСКИЙ АЛФАВИТ

Символ	Слово	Перевод	Символ	Слово	Перевод
А	аслан	лев	Р	рагъ	солнце
Б	бармак	папаха	С	сагIат	часы
В	ваз	луна	Т	тупп	мяч
Г	гитан	кошка	Тт	ттур	ложка
Гъ	гъад	молоток	ТI	тIибитI	виноград
Гь	гьудгьудай	удод	У	укьер	трава
ГI	гIюр	заяц	Уь	уьтт	мёд
ГI	гIайна	стекло	Ф	фил	слон
Д	далдам	барабан	Х	хал	дом
Дж	джакъ	птица	Хъ	хъад	звезда
Е	емиш	фрукт	Хь	хьухьал	рукавица
Ё	ёлка	ёлка	ХI	хIуни	корова
Ж	жубрах	скребок	ХI	хIайван	конь
З	замук	замок	Ц	цал	стена
И	илан	змея	ЦI	цIегь	коза
Й	йод	йод	Ч	чакма	сапог
К	калам	капуста	Чч	ччям	масло
Кк	ккел	ягненок	ЧI	чил	лента
Къ	къадакъ	гвоздь	Ш	шар	шар
Кь	кьутI	моркjвь	Щ	щуткка	щетка
КI	кIетIа	лопата	Ъ	—	—
Л	луф	голубь	J	jьул	лето
М	маймун	обезьяна	Ы	—	—
Н	нар	гранат	Ь	—	—
			Э	этажерка	этажерка
П	пагI	курица	Ю	юбка	юбка
Пп	ппартта	парта	Я	якI	топор
ПI	пIипI	чепец			

Динамика численности населения Агульского района (по данным переписи населения)

Наименование населенного пункта	Расст. до рай центра	Постоянное население						
		1959	1970	1979	1989	2002г.		
						Всего	в т. ч	
							мужчин	женщин
Чираг	20	937	1107	782	456	580	262	318
Рича	9	920	1347	1470	924	1291	638	653
Бедюк	15	306	410	304	174	303	160	143
Тпиг	—	1435	1680	1754	1601	2637	1317	1320
Хутхул	2	597	906	788	445	649	329	320
Мисси	3	207	310	325	263	327	155	172
Дулдуг	9	432	617	515	342	522	250	272
Гоа	12	324	296	324	285	475	240	235
Яркуг	14	315	419	339	283	300	156	144
Фите	18	374	582	471	366	713	359	354
Кураг	20	369	505	420	365	449	232	217
Худиг	23	271	427	477	468	640	322	318
Буршаг	30	263	415	449	428	655	324	331
Арсуг	25	184	279	243	217	337	167	170
Амух	20	169	228	244	162	238	119	119
Цирхе	26	87	162	153	92	58	32	26
Шари	37	287	226	17	6	22	10	12
Анклух	23	207	312	287	—	—	—	—
Буркихан	6	657	797	786	588	1094	541	553
ВСЕГО:	—	8342	11026	10148	7315	11298	5613	5677

Динамика
численности крупного и мелкого рогатого скота
в Агульском районе
(тыс. голов)

Годы	Крупный рогатый скот				Мелкий рогатый скот			
	Всего	в т. ч.			Всего	в т. ч.		
		сельхозпредприятия	Личные подсобные хозяйства	Крестьянские, фермерские хозяйства		сельхозпредприятия	Личные подсобные хозяйства	Крестьянские, фермерские хозяйства
1993	11,2	4,8	6,4	—	67,8	36,1	31,7	—
1994	11,5	3,8	7,3	0,4	60,7	23,1	34,5	3,1
1995	11,4	3,8	7,2	1,0	59,3	21,8	34,5	3,0
1996	11,3	3,6	7,3	1,1	58,1	20,5	34,6	3,0
1997	11,0	3,3	7,1	0,5	55,3	17,6	34,3	3,4
1998	9,8	2,6	6,6	0,6	47,5	13,1	30,4	4,0
1999	9,2	2,0	6,6	0,6	43,2	9,8	29,3	4,1
2000	8,6	1,8	6,2	0,6	38,7	8,5	26,1	4,1
2001	9,2	1,7	7,2	0,4	37,8	7,7	27,4	2,7
2002	9,2	1,7	7,3	0,2	47,0	7,4	38,8	0,8
2003	8,4	1,7	6,5	0,2	45,8	7,4	37,2	1,2
2004	7,8	1,5	6,1	0,2	38,3	6,8	30,3	1,2
2005	7,2	0,9	5,6	0,7	42,8	4,0	29,4	9,4
2007	7,8	0,7	6,5	0,6	48,8	3,0	35,8	10,0
2008	7,2	0,5	6,3	0,4	49,5	2,6	29,3	17,6

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ
и анализ землеобеспеченности Агульского района на 1 января 2007 года

№ п/п	Наименования показателей	Количество
1	Общая площадь земель, включая земли кутанов без учета земель Госземфонда (га)	78652
	в т.ч.: а) Сельскохозяйственных угодий	60154
	из них: – пашня	1608
	– многолетние насаждения	181
	– сенокосы	2267
	– пастбища	56098
	б) Приусадебные участки	536
	в) Леса	4834
	г) Кустарники	1296
	д) Под водой	338
	е) Под дорогами	418
	ж) Под дворами, площадями, улицами	103
	з) Под общественными постройками	21
	и) Прочие земли	10952
2	Численность скота в районе (гол.):	
	– крупного рогатого	7200
	– мелкого рогатого	42800
	– лошадей	90
	Итого: в пересчете на овцепоголовье	115700
3	Всего хозяйств (дворов)	1970
4	Всего населения в районе	11300
5	Плотность населения на 100 га земель (чел.)	14
6	Приходится сельхозугодий (га) – на 1 хозяйство	30,0
	– на 1 человека	6,2
7	Приходится пашни: – на 1 хозяйство	0,7
	– на 1 человека	0,2
8	Приходится скота в пересчете на овцепоголовье:	
	– на 1 га сельхозугодий	2,0
	– на 1 га пастбищ и сенокосов	1,8

ИЗ ЭПИГРАФИКИ АГУЛА

Сел. Рича Агульского р-на. Врезная надпись в стене минарета. Обнаружена в 1848 г. Н. В. Ханыковым. Рисунок, текст, русский и французский переводы опубликованы им же[1]. После того как в 1850 г. И. А. Вартоломей доставил Н. В. Ханыкову эстамп этой надписи, последний напечатал новые ее чтение и перевод[2]. Наконец, в дальнейшем Н. В. Ханыков опубликовал исправленные варианты текста и французского перевода вместе с рисунком, сделанным по эстампу И. А. Бартоломея[3]. Подлинник этого рисунка имеется в альбоме Н. В. Ханыкова В 1953 г. В. А. Калоев доставил нам фотографию этой надписи. Несмотря на то что надпись он подрисовал мелом и тем самым затруднил ее чтение, нам все же удалось восстановить подлинные очертания букв и в результате опубликовать прорисовку по этой фотографии, а также новый перевод текста

بسم الله الرحمن الرحيم الله الله الله	[1]	Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Аллах! Аллах! Аллах!
قد جا عسكر تاتار فلا غير حد لهم الله	[2]	Пришло войско татар, — да не будет им от Аллаха большего предела!
في باب القسط رجا الا بقى من شهر	[3]	в Баб ал-Кист Риджу, когда оставалось от месяца
ربيع الاول عشرة ايام فحارب معهم اهل رجا	[4]	раби' ал-аввал десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи
الى نصف ربيع الاخر في سنة سبع و ثلثين	[5]	до середины раби' ал-ахира года тридцать семь
و ستمائة ثم امر ببنا هذه القلعة سباج	[6]	и шестьсот (т. е. шестьсот тридцать седьмого). Потом построить эту крепость приказал Сабадж[4]
بن سليمان في شهر ذ الحجة من شهور سنة	[7]	б. Сулайман в месяце зи-л-хиджжа, [одном] из месяцев года
ثمانية و ثلثين و ستماية	[8]	шестьсот тридцать восьмого».

20 («когда оставалось... 10 дней») раби' ал-аввала 637 г. х. = 20.X.1239 г. Середина раби' ал-ахира 637 г. х. = ок. 15.XI.1239 г.

Зи-л-хиджжа 638 г. х. = 13.VI—11.VII.1241 г.

---

[1] Ханыков, *Археологическое известие*, № 53, надпись 4; Khanykoff, *Sur quelques*, MA, pp. 243, 244, ab., ill. 1 (= BCS, pp. 25, 26, ab., ill. 1).

[2] Ханыков, *Археологическое известие*, № 53, надпись 5.

[3] Khanikoff, *Mémoire*, pp. 126, 125, fig. (= отд. изд., pp. 71, 70, fig.); Шихсаидов, *О пребывании*, стр. 6, 7.

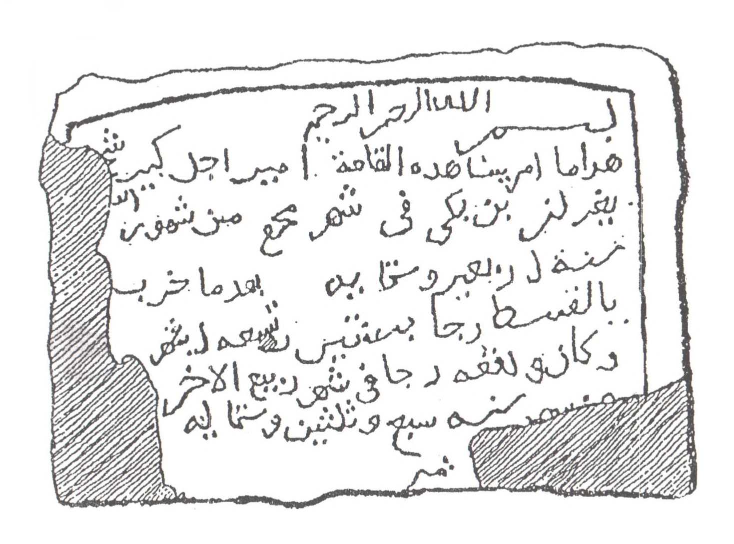
Там же. На стене той же мечети. Врезная надпись почерком *насх*, сфотографированная в 1953 г. Б. А. Калоевым. Фотография была несколько трудна для чтения, так как, подобно предыдущей надписи, оказалась подрисована мелом. Прорисовка по фотографии, текст и перевод изданы нами [1].

بسم الله الرحمن الرحيم	[1]	«Во имя Аллаха милостивого, милосердного.
هذا ما امر يبنا هذه القلعة امير اجل كبير شا[يخ (؟)]	[2]	Это то, что приказал построить эту крепость эмир, прославленный, великий ш[ейх?].
يغرلز [2] بن بكى فى شهر محرم من شهور	[3]	*И-г-р-л-з* [3] б. Бек (?) в месяце мухарраме, одном из месяцев
سنة اربعين و ستماية بعد ماخرب (باب)	[4]	шестьсот сорокового года, после того как была разрушена [Бāб]
بالقسط رجا بقين من تسعة ايام شهر [ربيع الاوّل]	[5]	ал-Кист Риджā, когда оставалось девять дней от месяца [рабӣ' ал-аввал]
و كان واقعه رجا فى شهر ربيع الاخر	[6]	и сражалась Риджā в месяце рабӣ' ал-аҳир
[من شهور] سنة سبع و ثلثين و ستماية	[7]	[одном из месяцев] шестьсот тридцать седьмого года
،	[8]	Конец».

21 («когда оставалось 9 дней») рабӣ' ал-аввал 637 г. х. = 21.X.1239 г.
Рабӣ' ал-аҳир того же года хиджры = 31.X—28.XI.1239 г.
Мухаррам 640 г. х. = 1.VII—30.VII.1242 г.

---

[1] Лавров, СМАЭ, т. XVIII, стр. 332, 333
[2] Или يغرلن.
[3] Или *И-г-р-л-н*.

Сел. Рича. На стене бывшей мечети. Почерком *насх*, врезная. Сфотографирована Б. А. Калоевым в 1953 г. Опубликована нами[1] и не полностью А. Р. Шихсаидовым (текст, перевод первых шести строк и фотография)[2]. Перевод перепечатан Г. Н. Любимовой[3].

هذ المسجد الجامع باب القسط رجا قد خرب	[1]	«Эту соборную мечеть Бāб ал-Кист Риджи разрушило
عسكر تاتار حين قد خرب كورد رجا فى شهر	[2]	татарское войско [в то время], когда разрушило [и] Кӯрд-Риджу в месяце
ربيع الاخر من شهور سنة سبعة و ثلثين و ستماية ثم ان	[3]	рабӣ' ал-аḫир, [одном] из месяцев шестьсот тридцать седьмого года. Потом, поистине,
امير اجل كبير مويد مظفر مجاهد مرابط تاج الدنيا	[4]	эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира
و الدين ادم بن عبد الملك بن محمد ادام الله علو	[5]	и религии Адам б. 'Абд ал-Малик б. Мухаммад,— да продлит всевышний Аллах [его правление]! —
قد امر بعمارة هذ المسجد فى شهر ربيع الاول من شهور سنة ثمانية	[6]	приказал построить эту мечеть в месяце рабӣ' ал-аввал, [одном] из месяцев года
و اربعين و ستماية و صلى الله على محمد و اله اجمعين و رحم الله من ترحم	[7]	шестьсот сорок восьмого, и да благословит Аллах Мухаммада и весь его род и да помилует Аллах того, кто помолится о милосердии к нему
بعد وفاته	[8]	после его смерти».

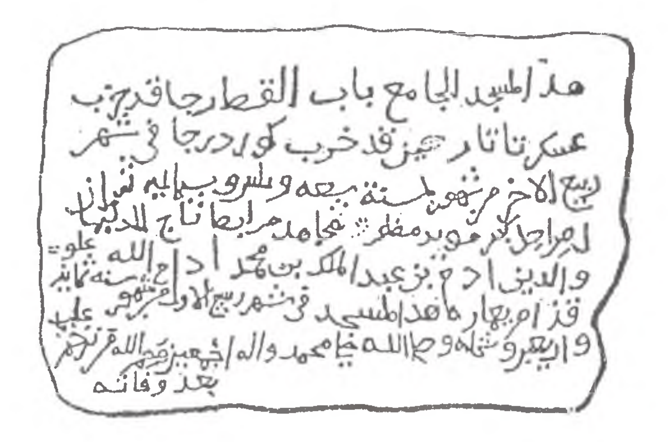
Рабӣ' ал-аḫир 637 г. х. = 31.X—28.XI.1239 г.
Рабӣ' ал-аввал 648 г. х. = 3.VI—2.VII.1250 г.

---

[1] Лавров, СМАЭ, т. XVIII, стр. 333, 334.

[2] Шихсаидов, *О пребывании*, стр. 7; его же, *Арабские строительные надписи*, стр. 110, рис. 8; Атаев и Шихсаидов, *История Дагестана*, рис. на стр. 20.

[3] Любимова, *Культовые постройки*, стр. 11, 12.

Сел. Тпиг Камень с надписью, хранящийся в средней школе. Фотография доставлена в 1954 г. Б. А. Калоевым. Прорисовка и перевод изданы А. Р. Шихсаидовым[1].

فقام علينا جميع المسلمين	[1]	«Поднялись против нас все мусульмане.
فقد خرب هذ القرية و جعل	[2]	Затем было разрушено это селение и сделана
هذ القلعة	[3]	эта крепость[2]».

[1] Шихсаидов, *Когда и как*, стр. 8; его же, *Арабские строительные надписи*, стр. 120, 121

[2] По А. Р. Шихсаидову: И вот было разрушено это селение, затем была построена эта крепость».

Там же. А. Р. Шихсаидов пишет: «Примерно в 2,5 *км* к западу от сел. Тпиг, ... на правом берегу Чираг-чая, местность называется «Зулеран-хуьр» ... Здесь сохранились куфические надписи (сообщение Бугаудднова Багадая, жителя сел. Тпиг)»[1].

[1] Шихсаидов, *Новые данные*, стр. 150.

Сел. Арсуг того же р-на. Г. П. Любимова опубликовала фотографию резного окна в мечети. В окно вставлен камень (возможно, надгробный памятник) с врезной надписью. Почерк близок куфическому[1].

[1] Любимова, стр. 20

Сел. Рича. На северной стене мечети, справа от входа. Прорисовка и перевод опубликованы А. Р. Шихсаидовым[1].

В центре:

الله	«Аллах»

Справа:

قد بنا هذ المسجد	[1]	«Построил эту мечеть
مرحدل ابن	[2]	*М-р-х-д-л*[2] б.
بساج و امر	[3]	Бассāдж, а приказала
ه ... بنت	[4]	ему... дочь
حسام رحمة ا	[5]	Ḥусāма, да будет милость А-
[ال]له عليهما	[6]	ллаха им обоим!»

Слева:

سنة ثما	[1]	«Год во-
نية سبعين	[2]	семь и семьдесят
و ستة مية	[3]	и шестьсот
من هجرة ال	[4]	хиджры и-
الامى [3] صلى الله	[5]	мāма[4], да благословит Аллах
عليه و سلم	[6]	его и приветствует!»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты Кавказской археологической комиссии. Тифлис
АЖ – Антропологический журнал
ВА – Вопросы антропологии
ВДИ – Вестник древней истории
ВИД – Вопросы истории Дагестана
ВИЭД – Вопросы истории и этнографии Дагестана
вып. – выпуск
ДНЦ – Дагестанский научный центр
РАН – Российская Академия Наук
ИГЭД – История, география и этнография Дагестана. Махачкала, 1958.
КСИЭ – Краткое сообщение Института этнографии АН
КЭС – Кавказский этнографический сборник
МС – Мифологический словарь
пер. – перевод
РФ – Рукописный фонд
сер. – серия
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СЭ – Советская этнография
УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы ДНЦ РАН
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
Э – Этнографическое обозрение
РДО – Русско-дагестанские отношения

БИБЛИОГРАФИЯ
к вступлению:

1. И.Х.Абдуллаев, К.Ш. Микаилов. К истории дагестанских этнонимов. Этнография имен. М., 1971.
2. А.М. Дирр. Современные названия кавказских племен. СМОМПК. вып. 40, т. 1909. от. III. стр. 17.
3. Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.
4. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971.
5. Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Пер. с араб. З.М.Буниятова. Баку, 1981.
6. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер. с араб., комментарии, исследования Н.Велихановой. Баку, 1986.
7. Масуди Муруджж ад-Дзахаб. Пер. с араб. В.Ф.Минорского; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X- XI веков. М., 1963.
8. М.О.Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. КЭС, 1955, 1958, 1962, т. I, II, III.
9. Материалы по истории Дагестана и Чечни (1801-1839). Махачкала, 1940.
10. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сб. документов. Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. Махачкала, 1959.
11. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. Сост. В.Г.Гэджиев, Д-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, Ф.З.Феодаева, Р.С.Шихсаидова. М., 1988.
12. Б.А. Калоев. Из истории земельных отношений у агулов в XIX-нач. XX вв. КСИЭ. вып. XX, 1954.
13. Б.А. Калоев. Поселения и жилища агулов. КСИЭ, вып. XXIII, 1955
14. Б.А. Калоев. Агулы (историко-этнографичекий очерк). КЭС. вып. III., М. 1962.
15. А.Р.Шихсаидов. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008.
16. Л.И.Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. ч. I. М.,1966, ч.II, М., 1968, ч.III, М., 1983.
17. А.Р.Шихсаидов. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.

18. Х.Х.Рамазанов, А.Р.Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.
19. М.М.Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
20. Ш.М.Ахмедов, А.Г.Булатова, А.И.Исламмагомедов. Агулы. Махачкала, 1973.
21. М.А.Агларов. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – XX вв. М.,1978.
22. С.С.Агаширинова. Материальная культура лезгин в XIX – начале XX вв. М., 1978.
23. Б.М.Алимова. Табасаранцы. Махачкала, 1992.
24. А.Г.Булатова. Лакцы. Махачкала, 1971.
25. С.Ш.Гаджиева. Кумыки. М., 1961.
26. М-З.О.Османов. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – XX вв. М., 1990.
27. История народов Северного Кавказа. т.I. М., 1988.
28. М.Г.Гаджиев, О.М.Давудов, А.Р.Шихсаидов. История Дагестана. Махачкала, 1996
29. С.О.Хан-Магомедов. Агульская архитектура. М., 2001.
30. Р.М.Магомедов. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. М., 1957.
31. З.К.Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.

к главе «Этногенез»:

1. Н.Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык. т. 1., Л. 1933.
2. Этнографический состав населения. ИГИА ГР. ф. 229 оп. 1 ед. хр. 874, л. 37.
3. Е.П. Алексеев. Поздне-кобанская культура. УЗ ЛГУ № 85, 1949.
4. Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
5. З.К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.
6. Р.И. Гайдаров, С.Н. Гасанова. Арабский пласт лексики агульского языка. Махачкала, 1996.
7. М.Р. Рамазанов. Этнокультурное развитие агулов. Журнал «Народы Дагестана», №2, 2002.
8. И.А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказского языков. Тбилиси, 1927.
9. А.С.Чикобава. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965.

10. Г.А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тбилиси, 1959.
11. У.А. Мейланова. О генетическом единстве дагестанских языков // Тезисы доклада на научной сессии по сравнительному историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965.
12. К.М. Курдов. К антропологии лезгин. Кюринцы. АЖ. 1903, № 3,4.
13. А Г. Гаджиев. К этнической антропологии народов Дагестана. ВА, вып. 12, 1962.
14. В.П. Алексеев. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа. УЗ ИИЯЛ, т. 13, Махачкала, 1961.
15. Армянская география VII века. Пер. К.П. Патканова. СПб, 1877.
16. М.Р. Гасанов. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала, 1997.
17. Ф. Джамалов. Заратустра родился в Агуле. В книге «Поэма Агула», Дербент, 1988.
18. Г.А. Алхасов. К вопросу об этимологии агульских ойконимов // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. Вып. II. Махачкала, 2004.
19. Г.А. Алхасов. Локализация средневекового общества Филан на основе лингвистических данных // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып. II. Махачкала, 2004.
20. История Дагестана: в 4 т. М., 1967, т. 1.
21. Хамза Исфагани. См. ИсторияДагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.
22. К.В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в до н.э. М. – Л, 1959.
23. Ш.М. Ахмедов, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов. Агулы. Махачкала, 1973.
24. В.Г. Котович. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. РФ ИИЯЛ ДНЦ РАН, ф. 3 оп. 3 ед. хр. 258 л. 165.
25. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С.П. Кондратьева, М. 1950.
26. Страбон. География. XI, 4, 1 ВДИ, 1947 №4.
27. Г.А. Алхасов. Этимология агульских топонимов. // Вопросы языков и фольклора народов Дагестана, вып. II. Махачкала, 2003.

28. Г.А. Алхасов. Об идентификации агванского языка. Обзор версий. // Вопросы языков и фольклора народов Дагестана, вып. I. Махачкала, 2003.
29. М. Каганкатвацн. История Агван. Пер. К. Патканова, СПб, 1861.
30. Корюн. Жизнеописание Месропа. Пер. Эмина. Париж, 1869.
31. Г.А. Абдурагимов. Кавказская Албания – Лезгистан. СПб, 1995.
32. М. Хоренский. История Армении. М., 1851.
33. Егише. О Вардане и войне Армянской. Ереван, 1971.
34. История Азербайджана. Институт истории АН АЗССР ч. I, Баку, 1958.
35. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнегрузинского, предисловие и комментарии В.Г.Цулая. М.,1979.
36. Ф.Д. Мамедова. Политическая история и историческая география Кавказской Албании III в. до н.э. – VIII в.н.э.. Баку, 1986.
37. М.Г. Гаджиев, О.М.Давудов, А.Р.Шихсаидов. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. изд. ДНЦ РАН. Махачкала, 1996.
38. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
39. З.М. Буниятов. О деятельности пребывания хазар в Албании в VII-VIII вв. // Изв. АН АЗССР, №1 1961.
40. История народов Северного Кавказа. М., Наука. 1988.
41. ат-Табари. См. А.Р.Шихсаидов. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата VII –VIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
42. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта М., 1971
43. Киракос Гандзакеци. История Армении. Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976.
44. Рашид ад – дин. Сборник летописей. т. I, кн. 2. М. – Л., 1952.
45. Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камил. Пер. П. Жузе. Баку, 1940.
46. А.Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. УЗ ИИЯЛ, I, IV. Махачкала, 1956.
47. Л.И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. т.I. М., 1966.
48. Шараф-ад-Дин Йезди. Сочинения. СПб, 1877, т. 1.

49. Р.М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1998.
50. В.Г.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., т. II. 1884.
51. Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
52. В. Джонс. История Надиршаха. Лондон, 1770.
53. А.Р. Шихсаидов. Новые данные по средневековой истории Дагестана. УЗ ИИЯЛ, т. IX. Махачкала, 1961.
54. РКМ, папка № 255, гр. «к»
55. АКАК, т. IX
56. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6471, л. 1-15
57. Р.М. Магомедов. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 2001.
58. В.Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963.
59. Баладзори. Книга завоеваний стран. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку,1927.
60. Р.М. Магомедов. Вековые ценности Дагестана. Махачкала, 2005.
61. М.М. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
62. Е.А.Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
63. А.К.Бакиханов. Гюлистан – и Ирам. Баку, 1991.
64. М.Г.Гаджиев. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.,1991.
65. Х.А.Амирханов. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987.
66. Масуди Мурудж ад-Дзахаб. Пер. с араб. В.Ф.Минорского; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963.
67. Якуби. История. Текст и пер. П.К.Жузе. Баку, 1927.
68. Гасан Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Пер. и комм. А.Гасанова. Махачкала, 1929.
69. Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Пер с араб. З.М.Буниятова. Баку,1981.
70. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер. с араб., комм., исследов. Н.Велихановой. Баку, 1986.
71. Б.Г.Алиев. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988.
72. Страбон. География, XI, IV // Известия древних писателей (гре-

ческих и латинских) о Скифии и Кавказе. Т.1 Пер. В.В.Латышева. СПб., 1990.
73. Ю.В.Мизун, Ю.Г.Мизун. Тайны богов и религий. М., 2007.
74. Б.К.Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. УЗ ИИЯЛ ДНЦ. Махачкала, 1965.
75. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII- XVIII вв./ Составл. Введение, вступительная статья к текстам и примечания В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992.
76. Г.Х.Ичалов. В глубь столетий: Народы Дагестана в борьбе за независимость в XII – XV вв. Махачкала, 1988.
77. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. Составители В.Г.Гаджиев, Д-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, В.З.Феодаева, Р.С.Шихсаидова. М.,1988.
78. АКАК. Т.5. Тифлис, 1873.
79. АКАК. Т.6. Тифлис, 1875.
80. Ш.М.Ахмедов. История сельского общества Рича. Рф. ИИЯЛ, фз. Оп.1.,д.184. Махачкала, 1969.
80. В.Г.Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
81. Г.Н.Любимова. Культовые постройки агульских селений горного Дагестана.//Памятники культуры. Вып.3. М., 1961.

к главе «Социально-экономические отношения»:

1. В.Г. Котович. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего Дагестана. М., 1982.
2. А.М. Агларов. Террасное земледелие в зоне демистикации растений. (Народное хозяйство Дагестана в XIX-XX вв.). Махачкала, 1979.
3. Агроклиматический словарь по Дагестанской АССР. Ленинград, 1975.
4. Ш.М. Ахмедов, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов. Агулы. Махачкала, 1973.
5. С.Ш.Гаджиев, М.О.Османов, А.Г.Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала. 1967.
6. Г.Н. Любимова. Культовые сооружения агульских селений Дагестана. Сб. «Памятники культуры», т. 3. М., 1961.
7. Б.К. Малачиханов. К истории Дагестана. Рукописный фонд ИИЯЛ ДНЦ РАН, д. 1167.
8. Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

9. История народов Северного Кавказа. М.1988 т. I.
10. ЦГА РД ф. 21. оп.5 д.87.
11. Б.А. Калоев. Агулы. КЭС вып. III, М, 1962.
12. М.М. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
13. Л.И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М. 1966.ч 1.
14. А.Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. УЗ ИИЯЛ, Махачкала, 1956.
15. А.Р. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана. Махачкала.
16. «Дагестанский сборник» вып.I. Темир-Хан-Шура, 1902.
17. Б.А. Калоев. Из истории земельных отношений агулов в XIX –начале XX вв. Сообщения Института этнографии» вып. XX.
18. Г. Триантафилов. Дагестанское пчеловодство. (Дагестанские областные ведомости) № 4, 1915.
19. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., М., 1958.
20. М.А. Полиевктов. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. IV, Тблиси, 1937.
21. С.С. Агаширинова. Материальная культура лезгин XIX – начало XX вв. М. 1978.
22. Е.И. Козубский. Дагестанский сборник т.1. Темир-Хан-Шура, 1902.
23. Ученые записки ИИЯЛ ДНЦ РАН, т. IX.
24. Ал. Беккер. Поездка по Южному Дагестану. ССКГ, IX.
25. А.Р. Шихсаидов. Новые данные по средневековой истории Дагестана. Махачкала, 1961.
26. ЦГА РД, ф.90 оп.1 д. 18.
27. Феодальные отношения в Дагестане XIX – начале XX вв. Махачкала, 1969.
28. Н.И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. Известия императорского географического общества т.49, СПб, 1913.
29. ЦГА РД, ф. 2 оп.3 д. 142-б.
30. Дагестанская область Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья.
31. М.Воронов. Из путешествий по Дагестану. ССКГ. вып.3. Тифлис, 1780г.
32. Е.М.Шиллинг. Ковроткачество в Дагестане. СЭ. 1934. № 4,5.

33. Ш.М.Ахмедов. История сельского общества Рича. рф. ИИЯЛ. Ф.3 оп.1., д.184. Махачкала, 1969.
34. ЦГА РД, ф. 150. оп. 1, д. 4 «б»

к главе «Семейный и общественный быт»:

1. З.К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.
2. С.А. Азизов. Южно-дагестанская патронимия (тухум) второй половины XIX –начале XX вв. Махачкала, 1997.
3. Ш.М. Ахмедова, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов. Агулы. Махачкала, 1973.
4. М.М. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
5. А. Омаров. Воспоминания мутаалима. ССКГ. вып. I. Тифлис, 1868.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. т.1. М., «Наука», 1988.
7. Б.М. Алимова, Б.Б. Булатов, Р.И. Сефербеков. Из истории духовной культуры табасаранцев. Махачкала, 2000.
8. И.Н. Гроздова. Народы британских островов. М., 1978.
9. Ф.Джамалов. Заратустра родился в Агуле. В книге «Поэма Агула». Дербент, 1988.
10. А.Г. Трофимова. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем. «СЭ», 1961.
11. Адаты южно-дагестанских обществ Кайтаго-табасаранского округа. ССКГ. вып. VIII. 1875.
12. Н.И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. Изв. Императ. географического общества. СПб, т.X., 1913.
13. Л.Лилов. Очерк быта Кавказских горцев. СМОМПК. Тифлис, 1892, вып XIV.
14. А.В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868.
15. Р.М. Магомедов. Вековые ценности Дагестана. Махачкала, 2005.
16. Из горской криминалистики. ССКГ. вып.III. Тифлис, 1870

к главе «Материальная культура»:

1. С.С. Агаширинова. Материальная культура лезгин XIX –начало XX вв. М., «Наука», 1978.

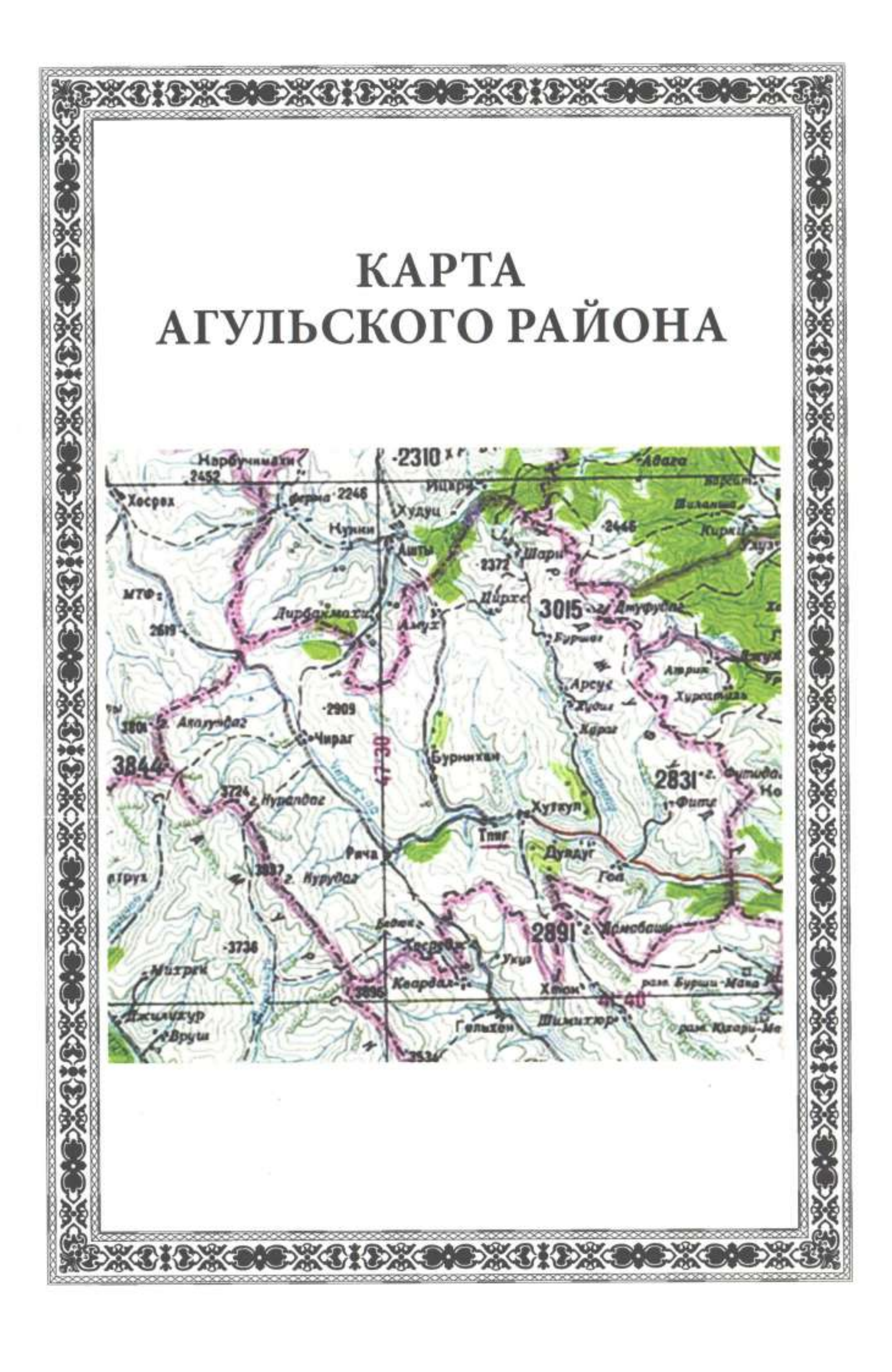
2. Ш.М. Ахмедов, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов. Агулы Махачкала, 1973.
3. См. Масуди. Луга золота и родники драгоценных камней. Пер. С араб. СМОМПК, 1908. вып. 38, с. 42. В. Тизенгаузен. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды т. М.-Л., 1941, стр.123.
4. Н. Абельдяев. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. – Кавказ, 1857. № 50-51.
5. Рапорт ген. Головина кн. Чернышеву от 06.05.1842г. АКАК, т.IX. Тифлис, 1873.
6. Рапорт ген. майора Хатунцева Ртищеву от 13.08.1815г. АКАК, т.V. Тифлис, 1873.
7. Б.А. Калоев. Агулы. КЭС. вып. III. М., 1962.
8. С.О. Хан-Магомедов. Оборонительные сооружения Южного Дагестана. «Архитектурное наследство», № 18. М. 1969.
9. Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
10. А.Омаров. Воспоминания мутаалима. ССКГ. вып. I. Тифлис, 1869.

к главе «Духовная культура»

1. А.Р. Шихсаидов. Арабские строительные надписи (XI-XVII вв.) УЗ ИИЯЛ т.13. Махачкала, 1964.
2. Б.А. Калоев. Поселения и жилища агулов. КСИЭ, вып. XXIII, 1955.
3. Г.Н. Любимова. Культовые постройки агульских селений горного Дагестана. Сб. «Памятники культуры» т.3. М., 1961.
4. История Дагестана в 4т. т.1. М., 1964.
5. История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII в.) М. «Наука», 1988.
6. М.М. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
7. Н.И. Пирогов. Собрание сочинений т.5. М., 1961.
8. М. Рамазанов. Этнокультурное развитие агулов. Журнал «Народы Дагестана» № 2. 2002.
9. Мифологический словарь. М., «СЭ», 1991.
10. Г.А. Алхасов. Золотой апогей. Махачкала, 2006.

11. Л.И.Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII – XX вв. т. II, М., 1968.
12. Г.А.Алхасов. У истоков письменности Дагестана. Газета «Даг. правда».
13. А.Г.Шанидзе. Язык и письмо Кавказских албанцев. Вестник АН Груз. ССР №1, 1960.
14. Х.Х.Рамазанов, А.Р.Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
15. В.Г.Алиев. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала , 1988.
16. Ш.А. Мазанаев. Духовная лирика агульского поэта XIX в. Хутхулу Мухаммада. /Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана/. Вып. I. Махачкала, 2003.
17. П.К. Услар. О распространении грамотности между горцами. ССКГ. Вып. III.Тифлис. 1870.
18. А.Р. Шихсаидов. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008
19. П.М. Дебиров. Художественная резьба по камню в Дагестане. М. 1966
20 М. Г.Гаджиев, О.М..Давудов, А.Р.Шихсаидов. История Дагестана с древнейших времен до XV века. Изд. ДНЦ РАН. Махачкала, 1996.
21. С.А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1990.
22. М.М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. М. 1890.
23. З.К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.
24. А.Омаров. Воспоминание мутаалима. ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868.
25. Р.М. Магомедов. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 2001
26. Мифологический словарь. М., «СЭ», 1991.
27. Г.Алхасов. Об ойконимах Сарфун и Суфиян-шахар. Махачкала, 2008.
28. П.М.Дебиров. Резьба по дереву в Дагестане. М. 1982.
29. С.О.Хан-Магомедов. Агульская архитектура. М. 2001.
30. Ш.А.Мазанаев, Г.А.Алхасов / Расул Гамзатов и агульская поэзия. Журнал «Народы Дагестана», №4, 2003.
31. З.И.Ямпольский. Древняя Албания. III – I вв. Баку, 1963.

КАРТА АГУЛЬСКОГО РАЙОНА

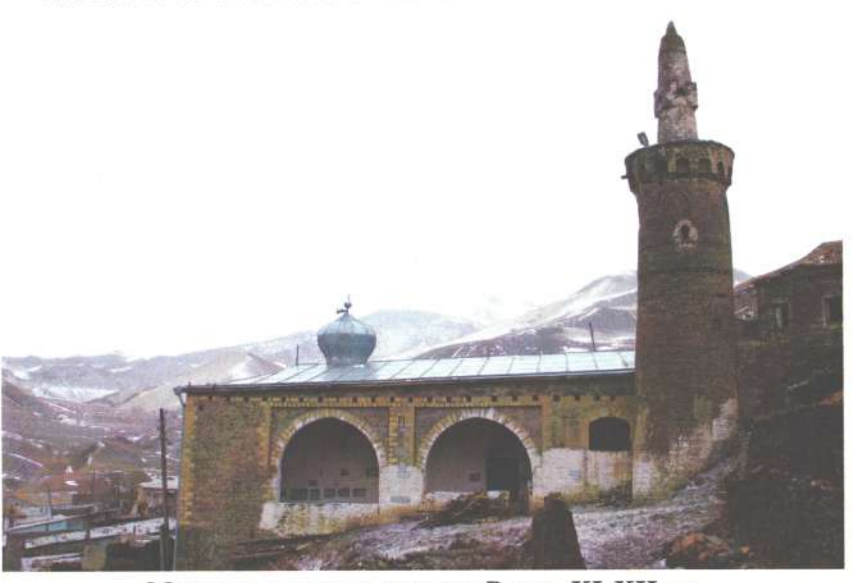
Гора Курудаг (3837 метров над уровнем моря), покрытая вечным снегом

Албанские надписи. с. Бедюк

Надпись из сел. Рича о нашествии монголов в 1239 г.

Мечеть с минаретом с.Рича. XI-XII вв.

Горцы в походе

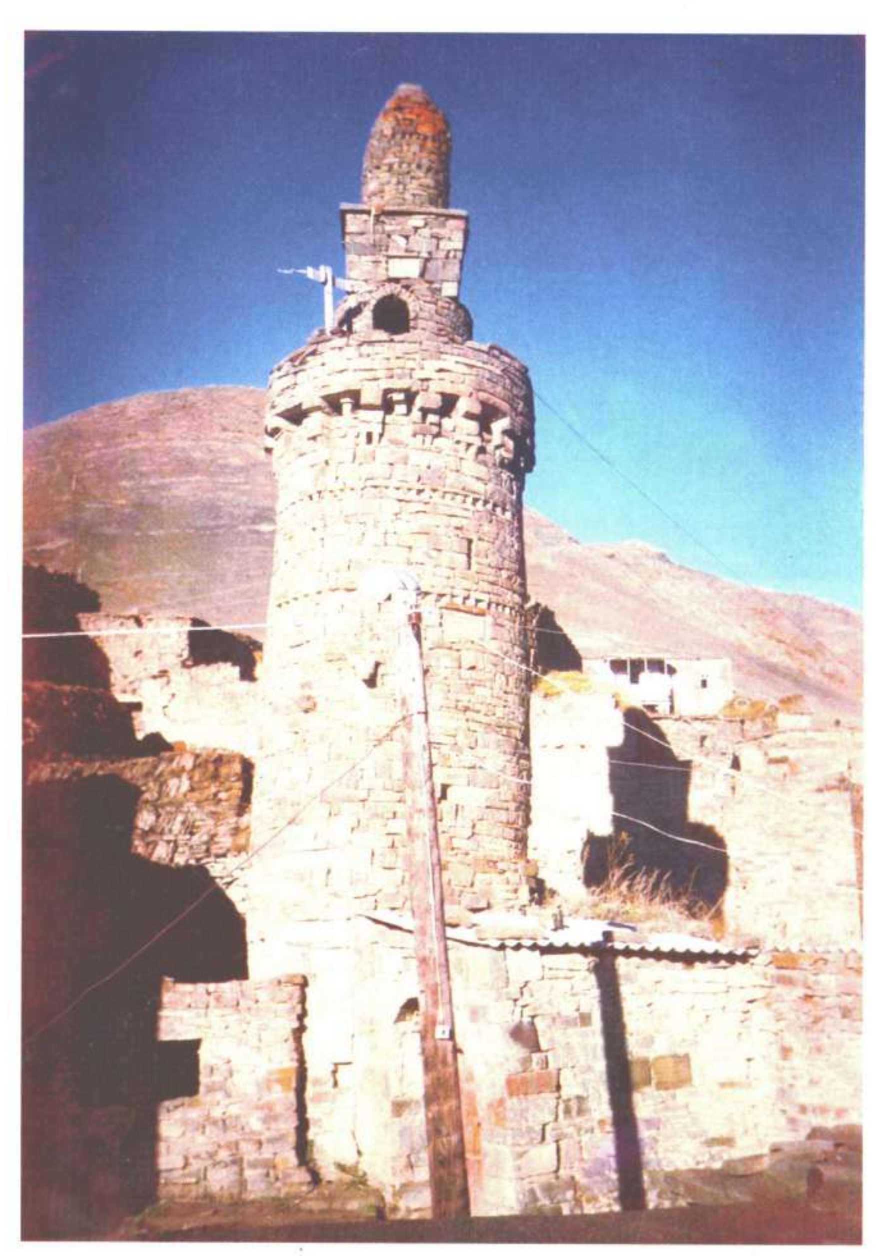
Седой Агул

Агульский майдан

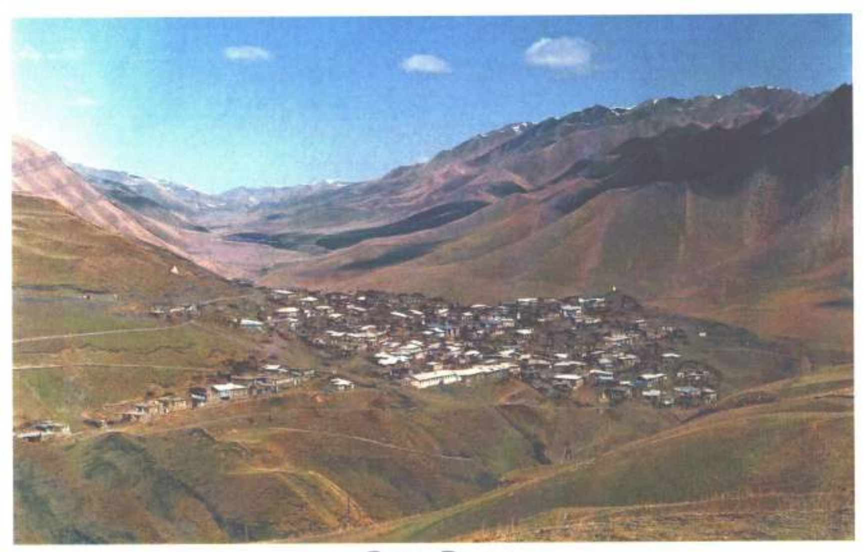
Крепость в с.Тпиг. XII-XIII вв.

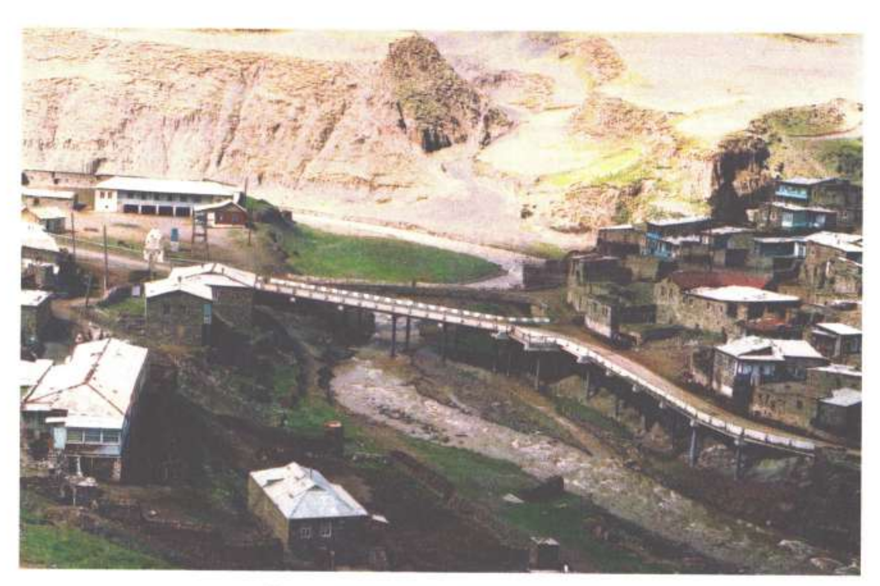
Минарет сел. Хоредж. XVII век

с. Хоредж

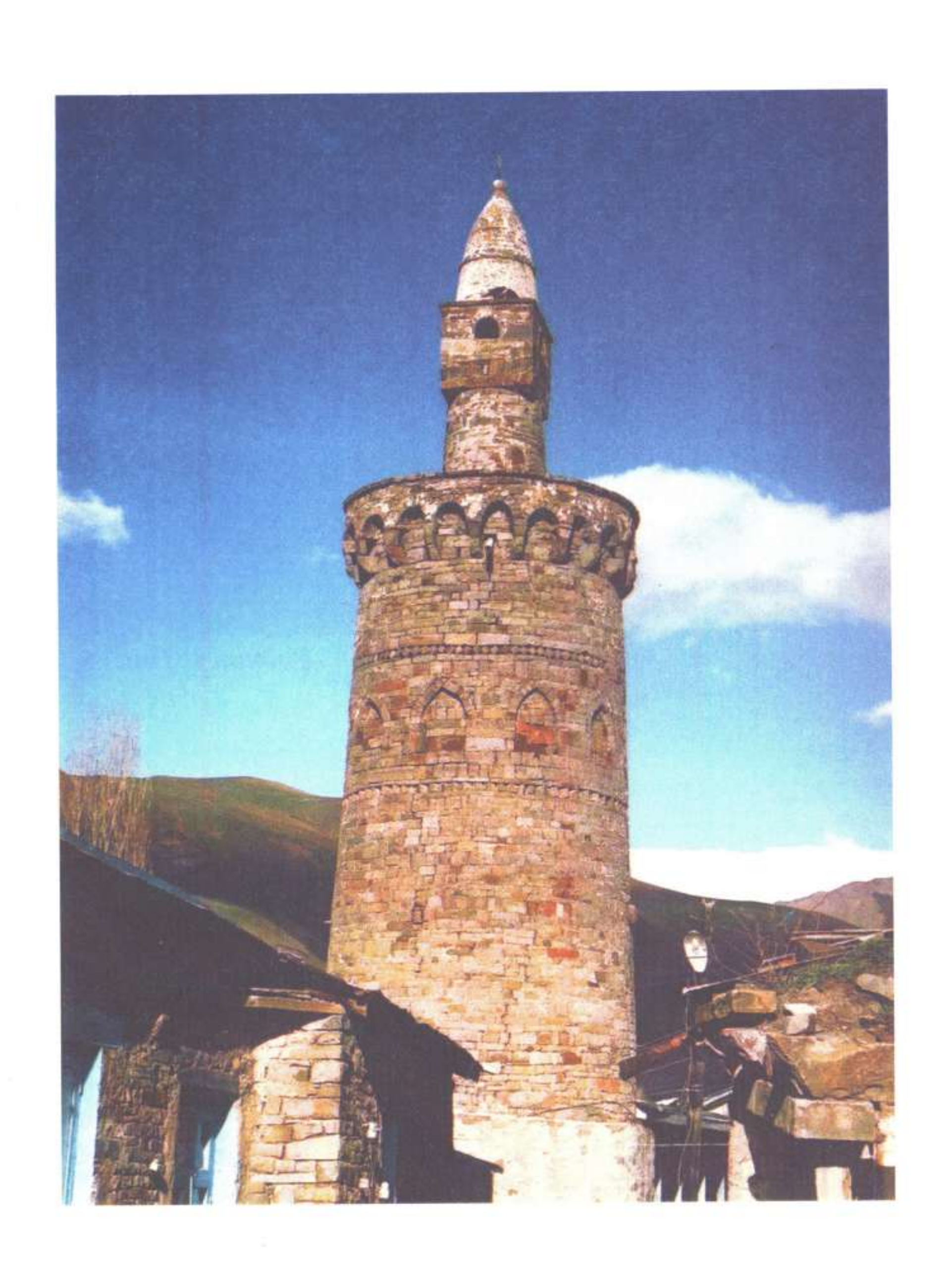
Село Рича

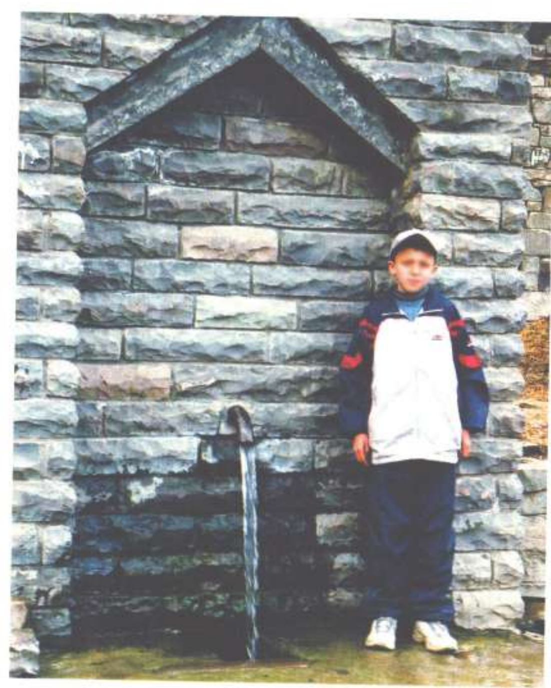
Сел. Хутхул. Новый мост

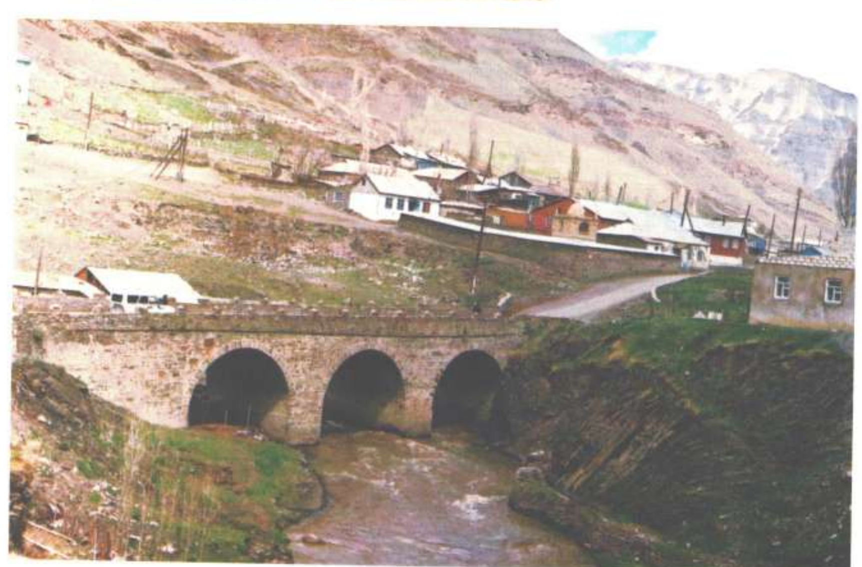
Сел. Хутхул

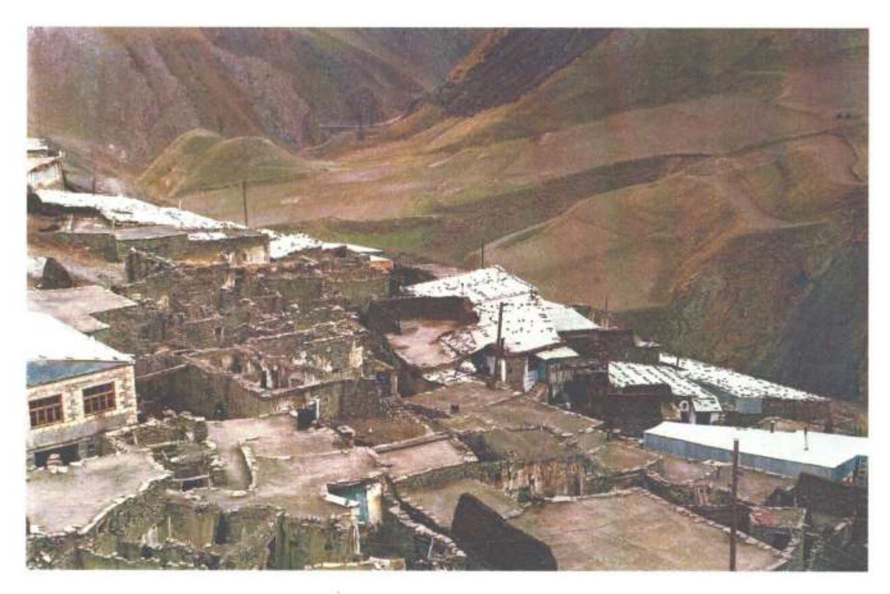
Минарет с. Тпиг

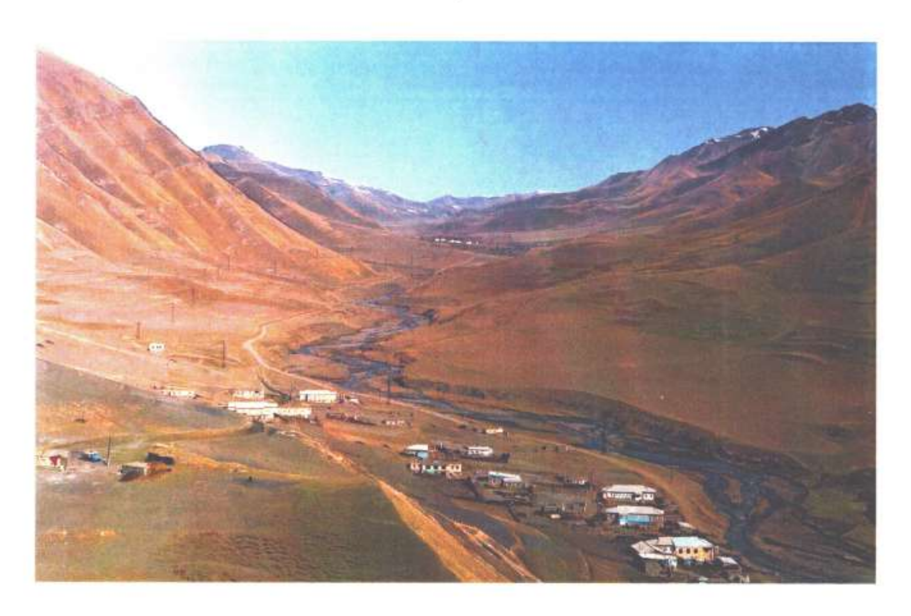
Родник с. Тпиг

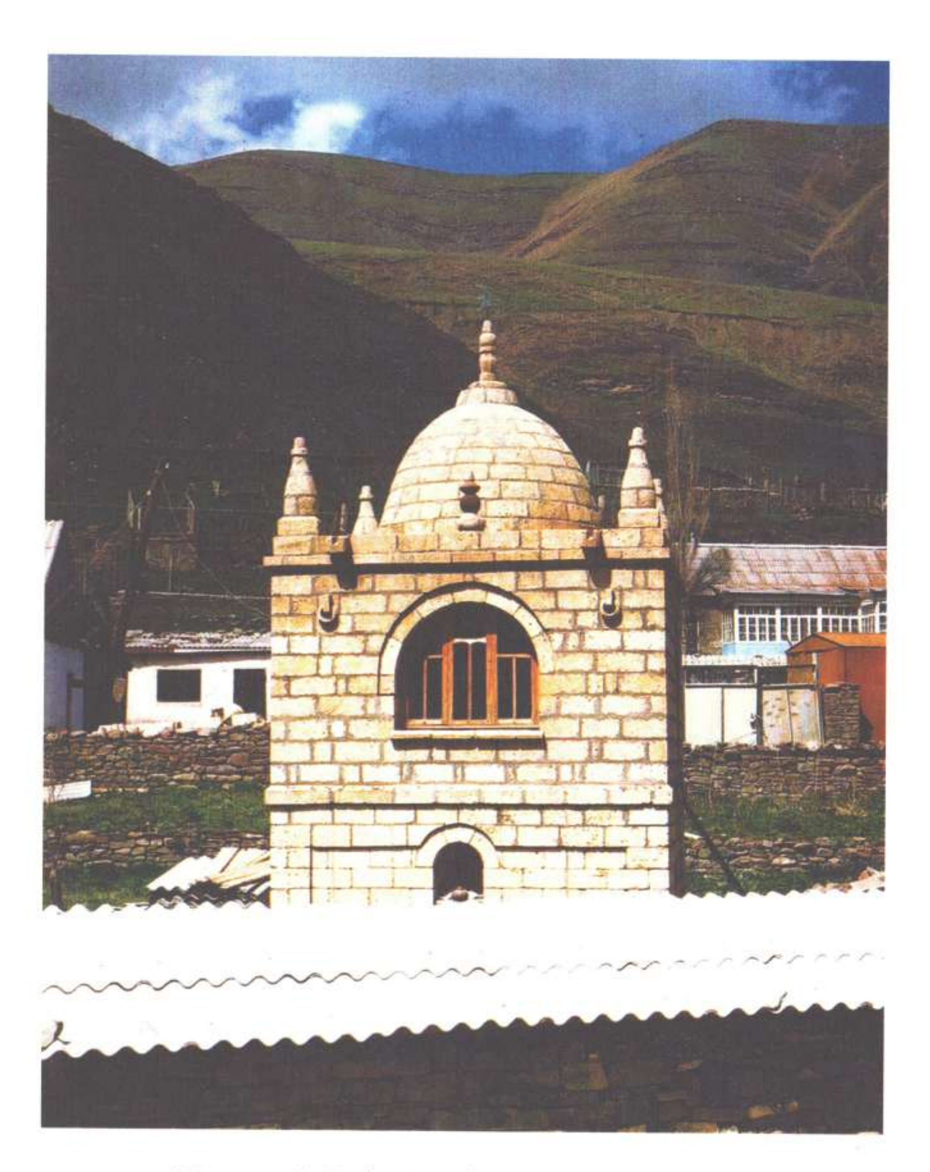
Мост в с.Тпиг

Нижний квартал с.Рича

Долина реки Чирах-чай

Мавзолей Суфи Давуда 1702-1703 гг. Тпиг

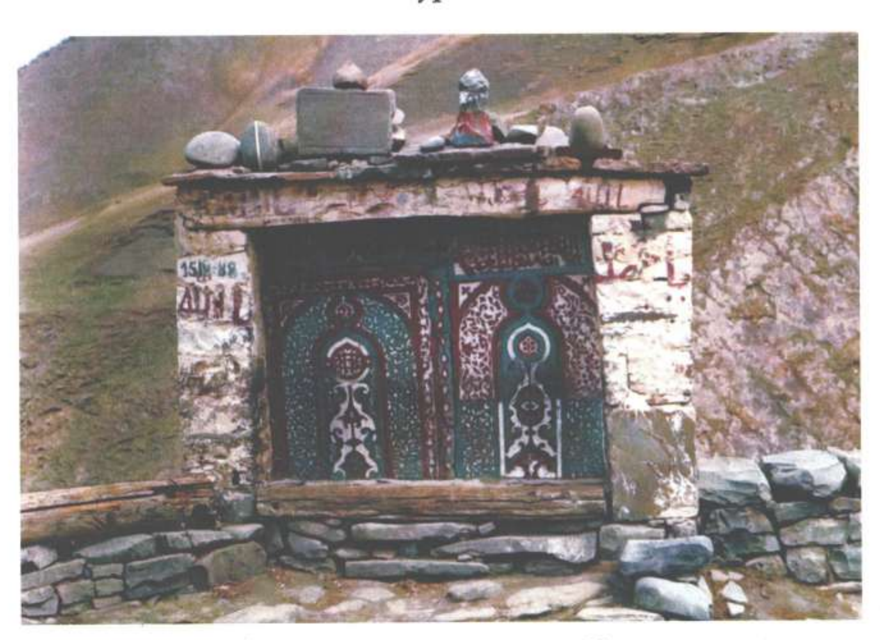
Опорный столб мечети с.Рича

Квартальная мечеть сел. Рича XVI в.

с. Буршаг

Культовое сооружение с. Рича

Интерьер соборной мечети с. Рича

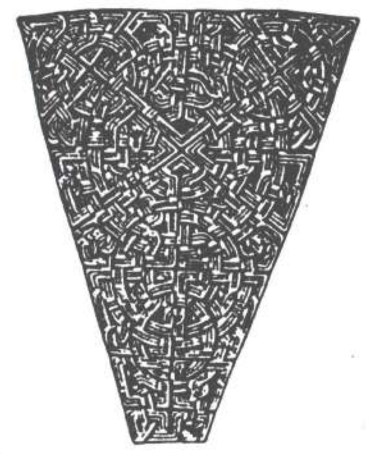

Вид входной двери

Вращающийся резной деревянный столб соборной мечети с. Рича

Слева – столб мечети сел. Дуруштул. XVI-XVII вв. (П.Дебиров); справа – капитель столба мечети сел. Рича (прорисовка Дебирова)

Опорный столб мечети с.Рича

Албанские надписи

Орнаментальные мотивы деревянных столбов мечети XI-XII вв. из сел. Рича (полевые зарисовки П.Дебирова)

Фрагмент рисунка на двери мечети с. Тпиг. XII-XIV вв. (прорисовка П. Дебирова).

ОБРАЗЦЫ РЕЗЬБЫ ПО КАМНЮ. НАДМОГИЛЬНЫЕ ПЛИТЫ

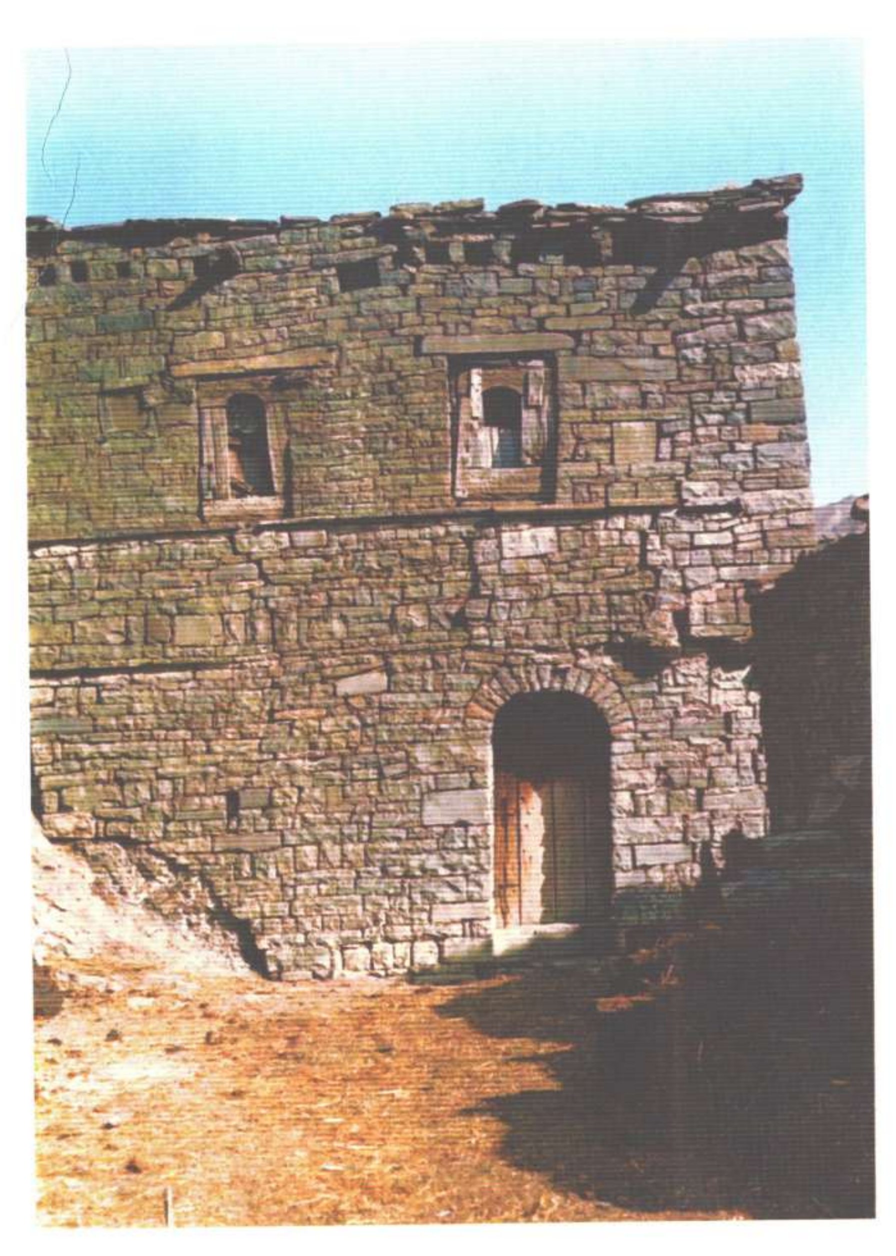

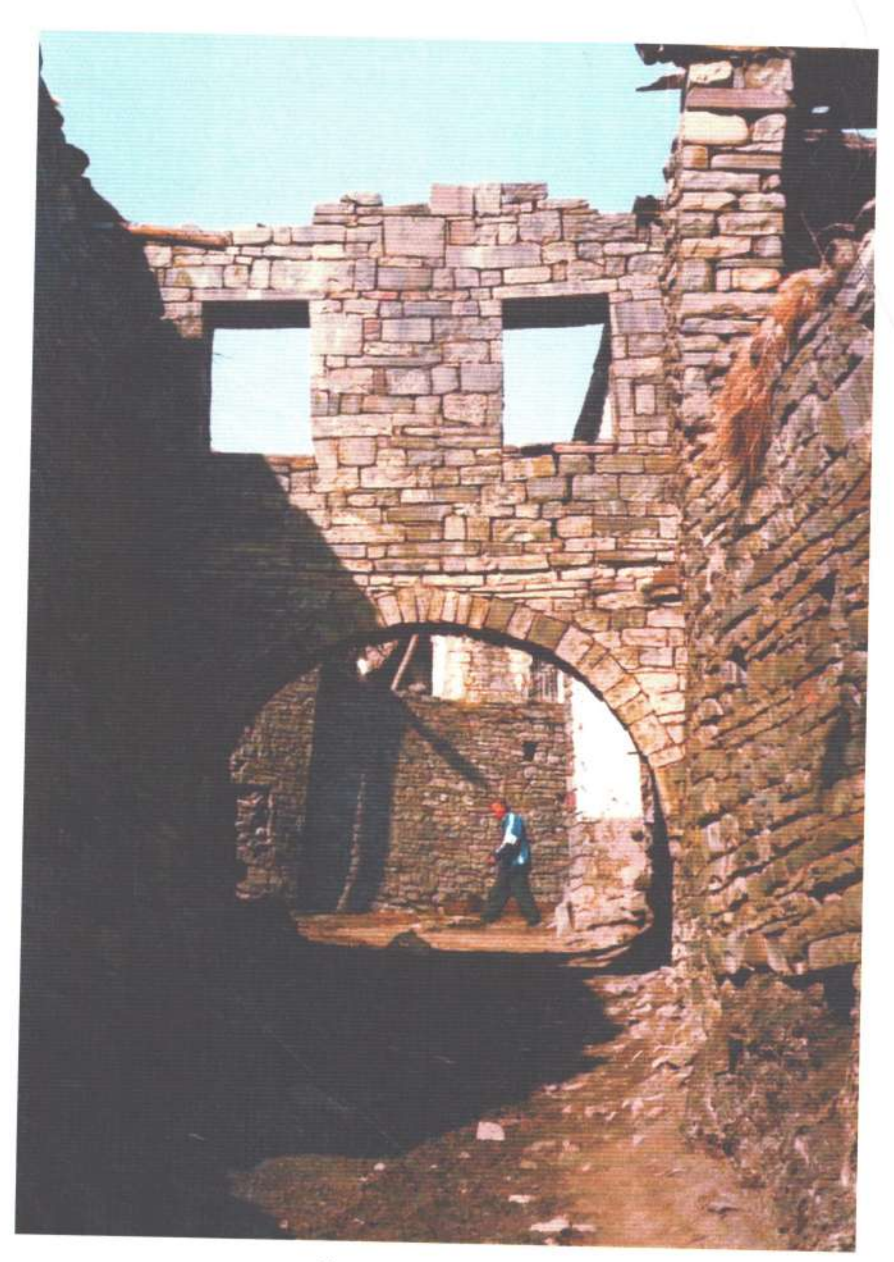
Жилой дом в с. Тпиг

Жилой дом в с. Хутхул

Старинный дом в с.Рича

Старый переулок

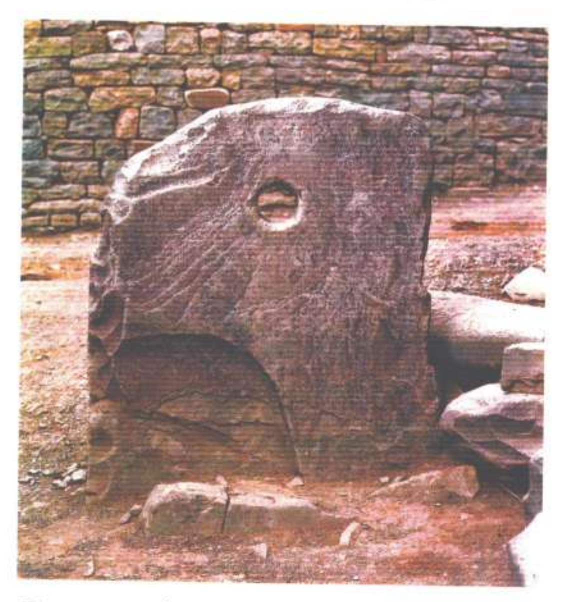
Агульская пекарня «хьар»

Ручные жернова «хилин рахь»

Деревянный поставец «ттураккен»

Приспособление для обработки кожи

Женские серебряные серьги

Ворсовый ковер

Деревянная ступа с пестиком

Водоносный кувшин «гвар»

Светильник «чирагъ»

Хлебница

Женское украшение

Горское оружие. Кинжал и шашка

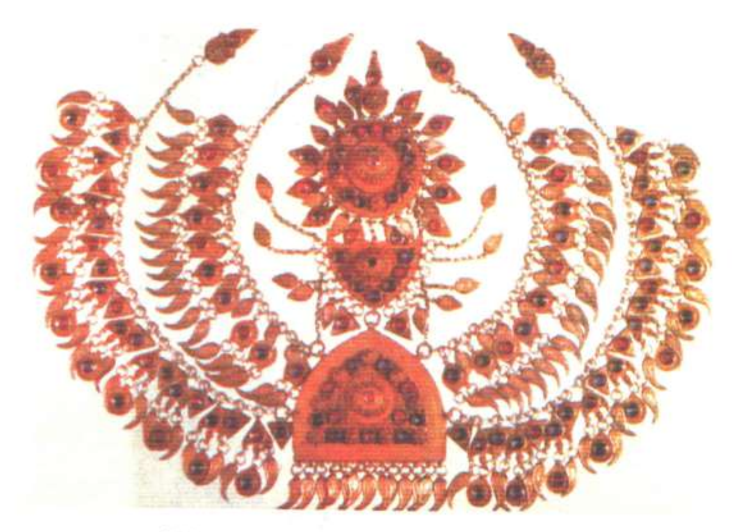
Серебряный пояс «камар»

Чесалка шерсти «рагь»

Женский браслет «куниш»

Женские головные украшения

Серебряные крючки «чапрасар»

Вязаные носки и джурабы

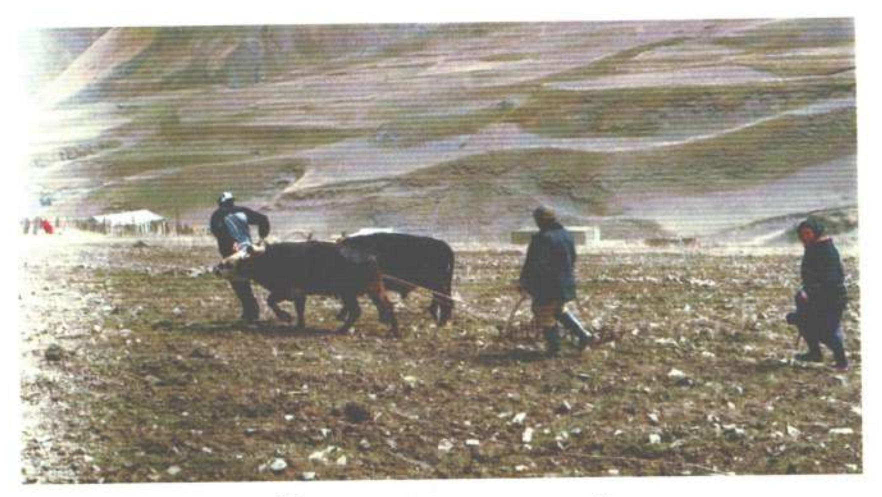
Агульский хлеб «тIувечай»

Агулы на этнографическом фестивале

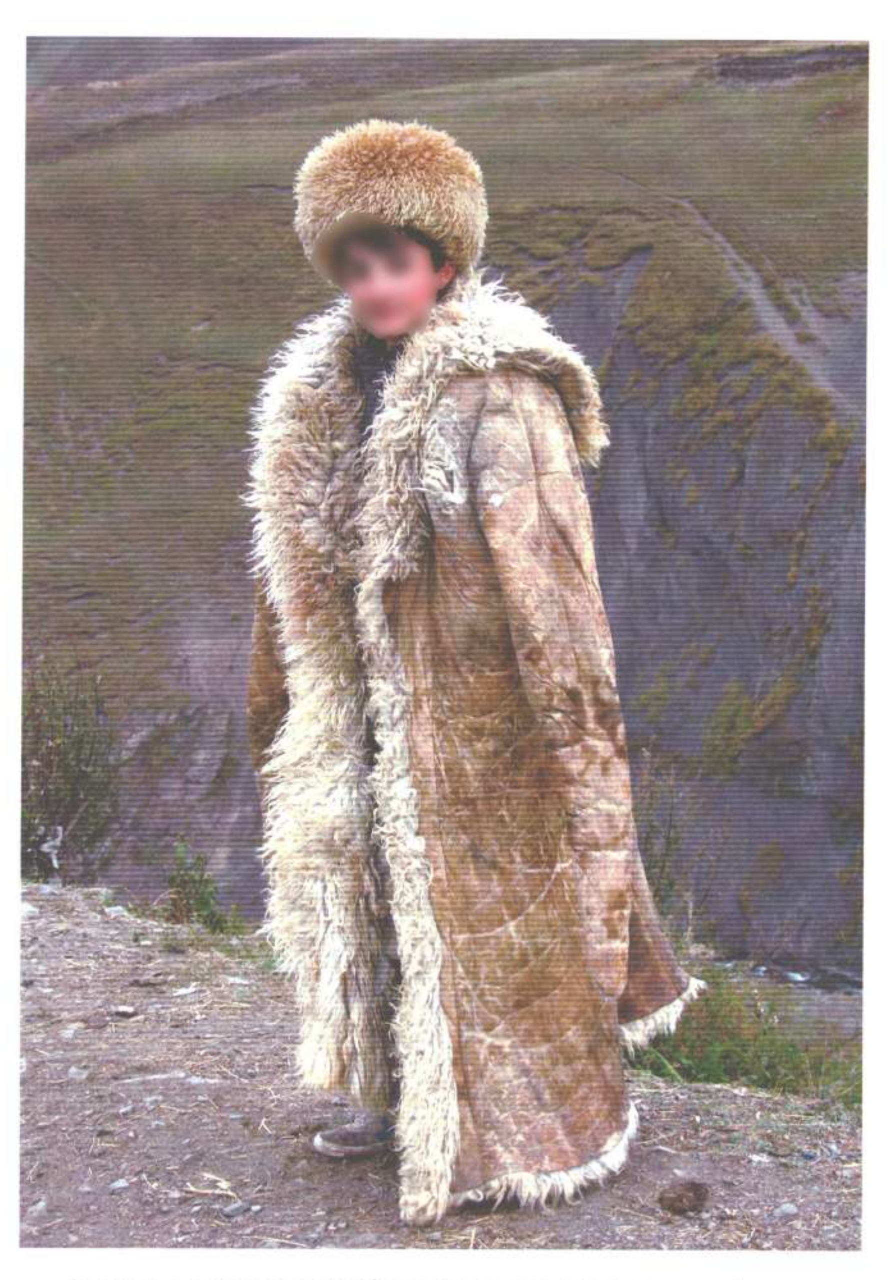
Из традиционной кухни агулов

На севе яровых культур

Сеновал «мухъ»

Агулец в папахе и шубе с ложными рукавами «хIякул»

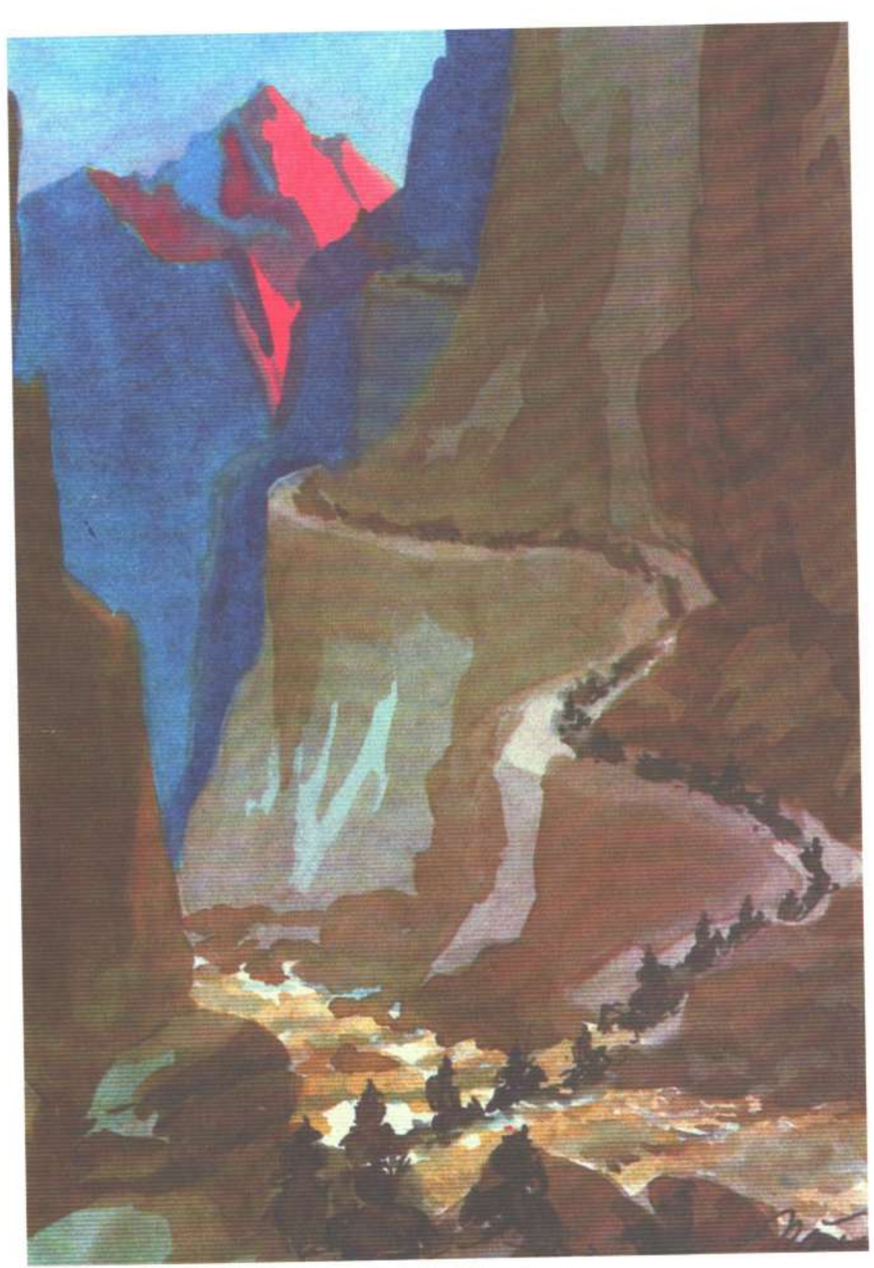
Свадебный наряд агулки

На празднике «День Агула»

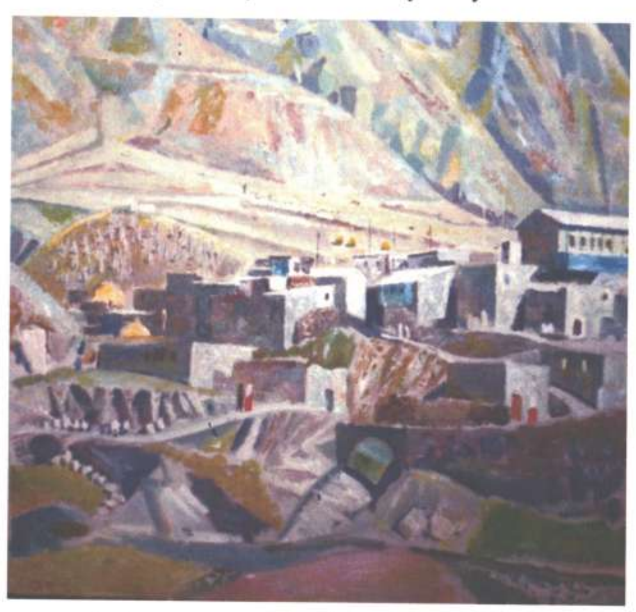
Музыканты из с.Фите

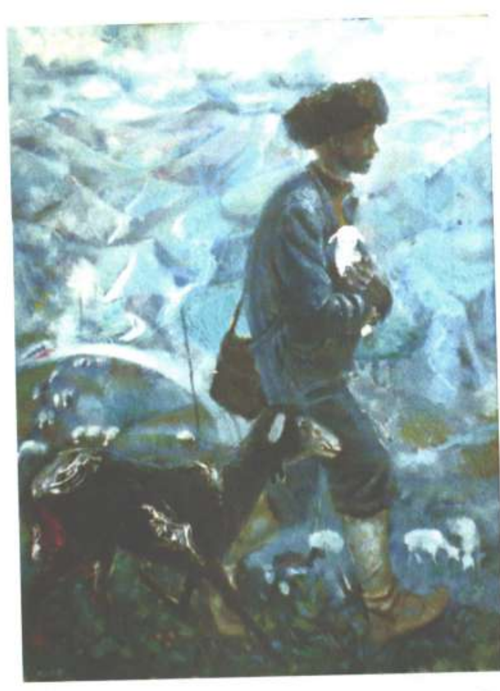
«Чингисхан». Художник Г.Петров

Агулы. Художник Агул Муса

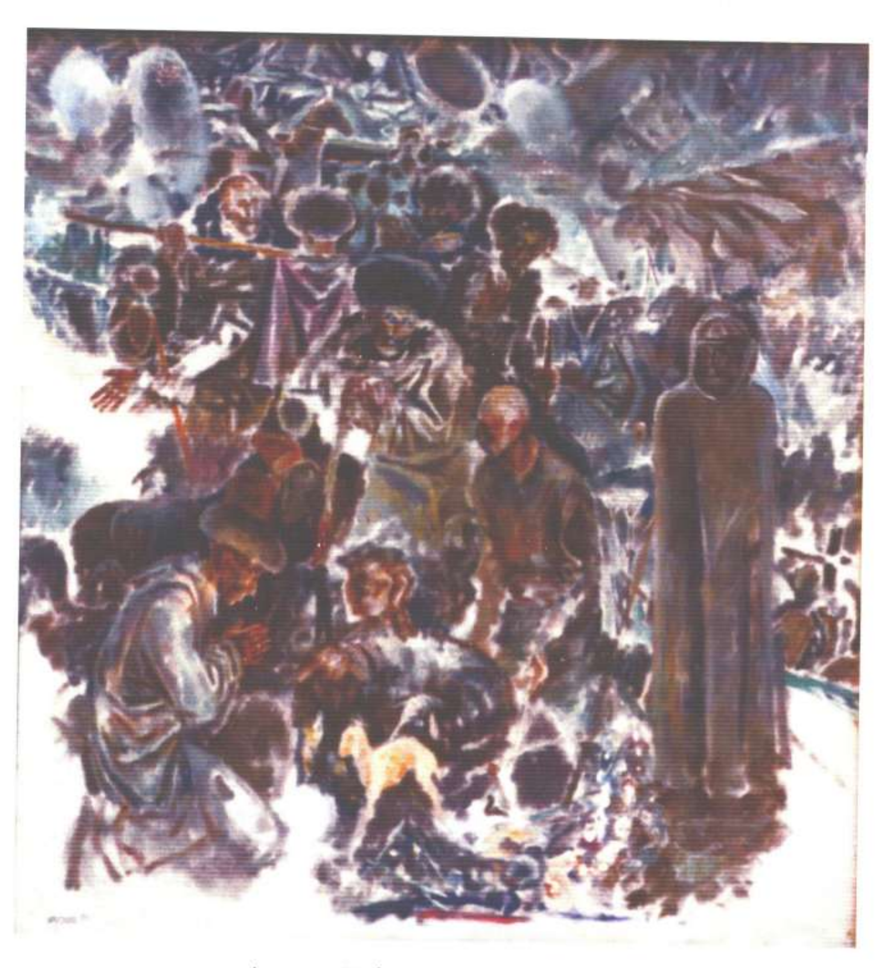
С. Хутхул. Худ. Агул Муса (х.м.)

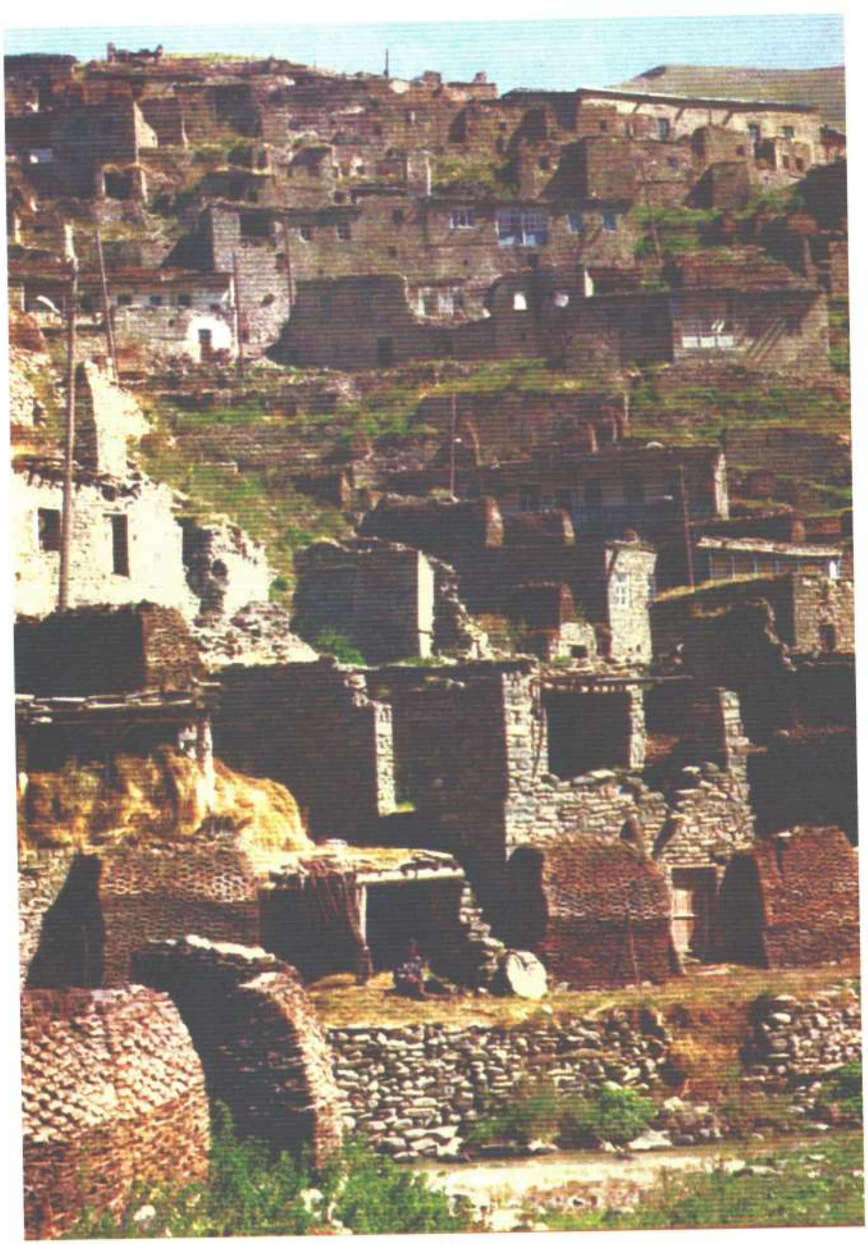
Сакманщик.
Художник Агул Муса

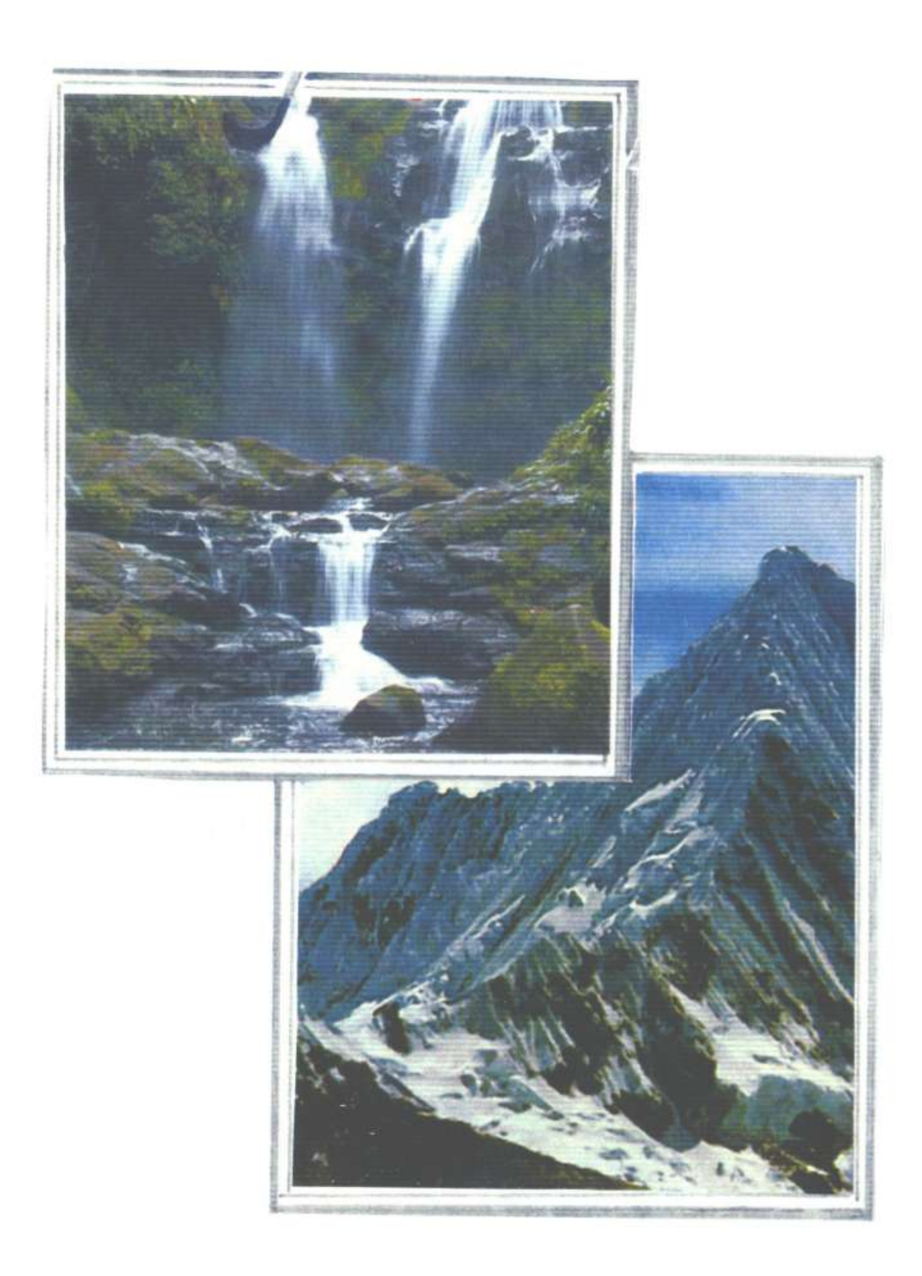
Село Усуг. Художник Агул Муса

Агнец. Художник Агул Муса

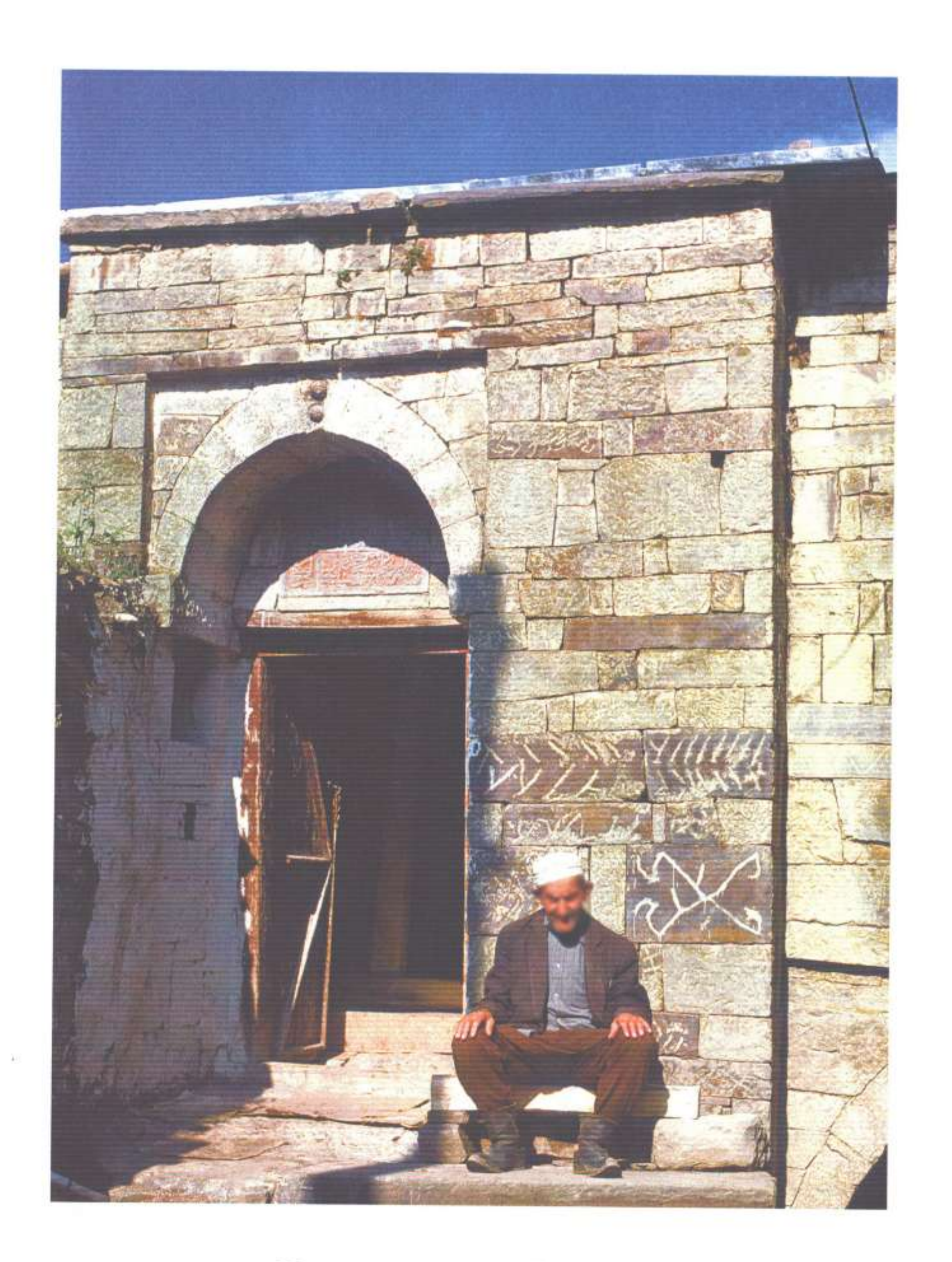

Село Чираг

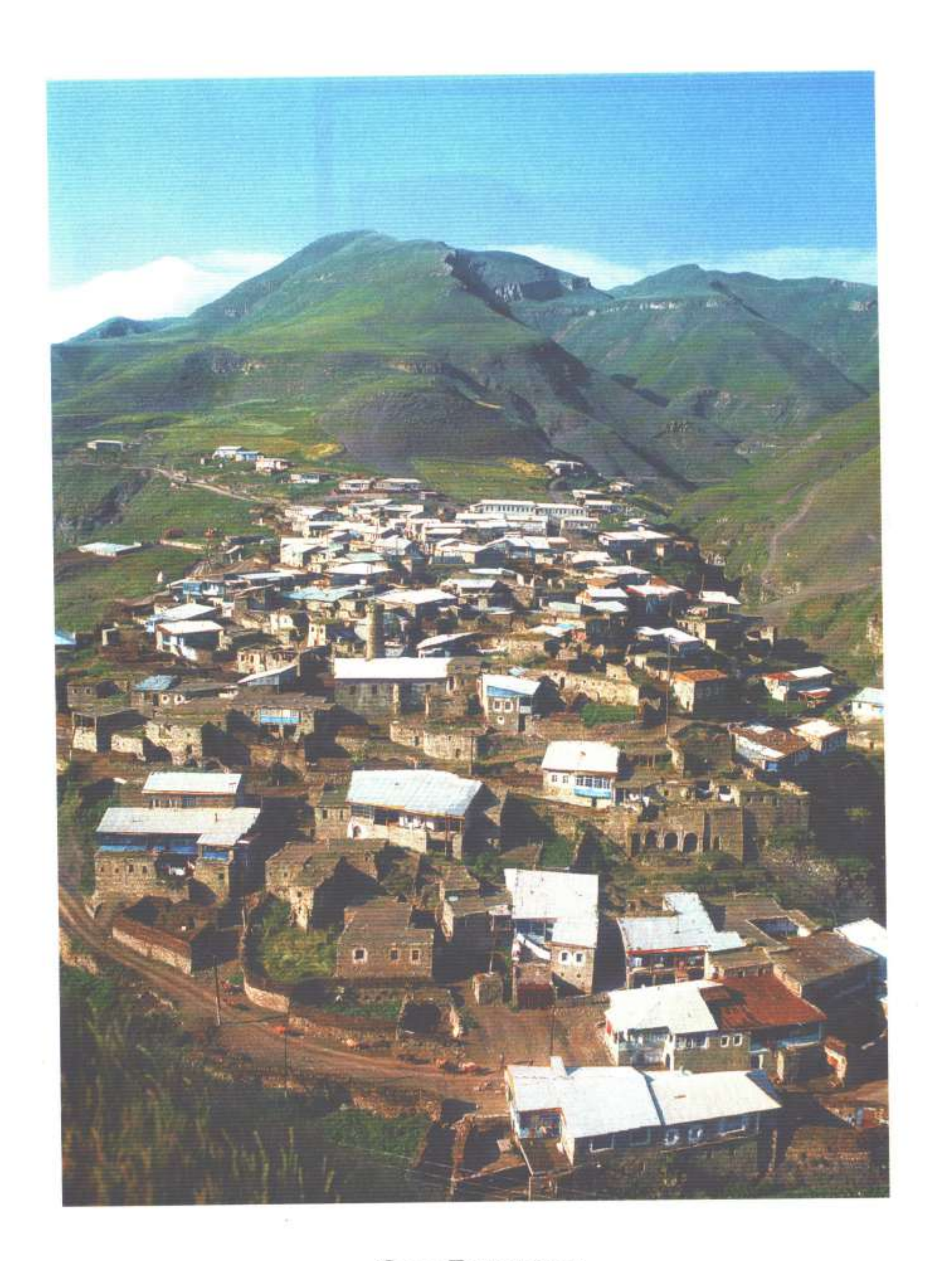

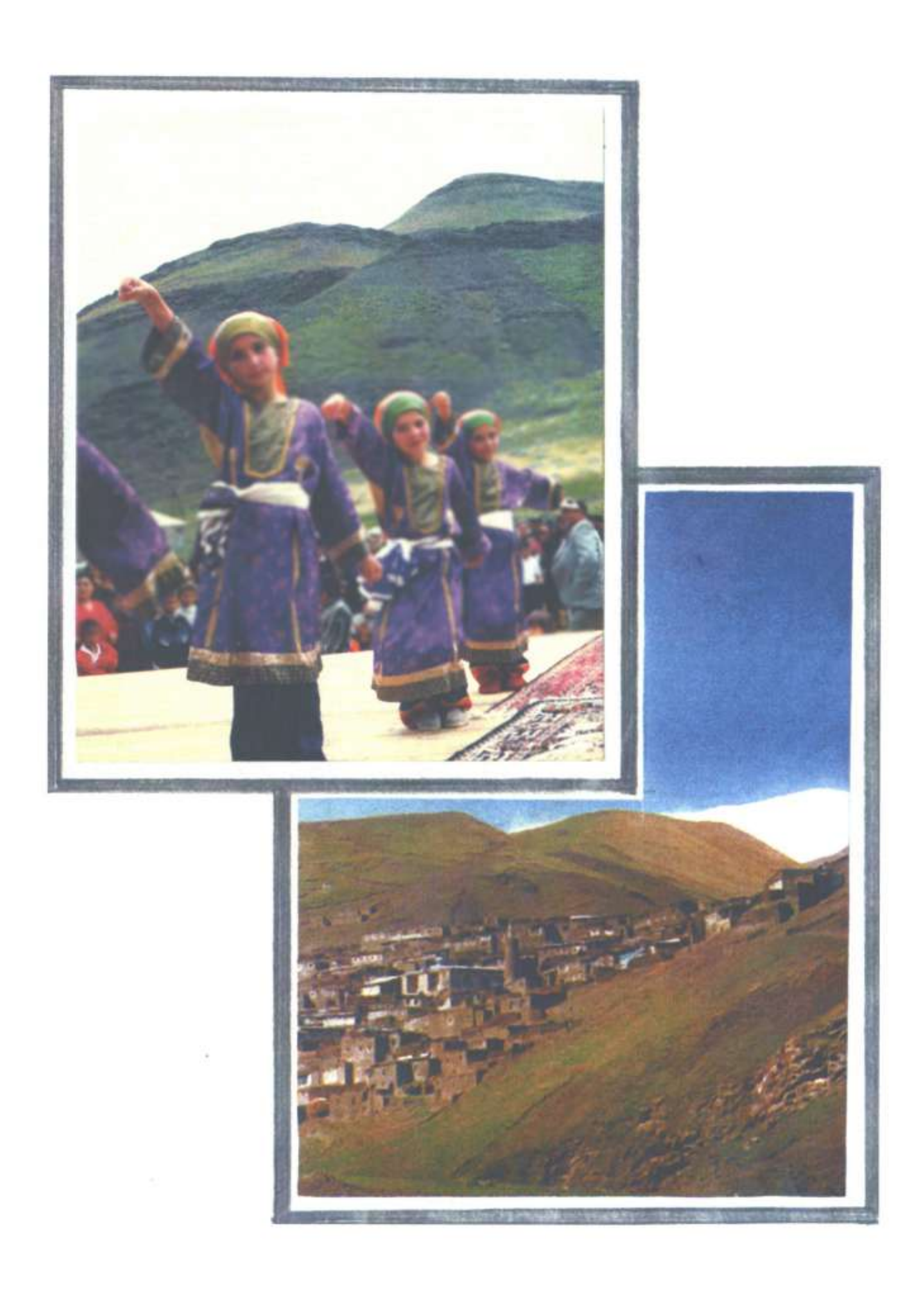
Зиярат (пир) Шейх Зада. с. Рича

Джума-мечеть с. Буркихан

Село Буркихан

Село Яркуг

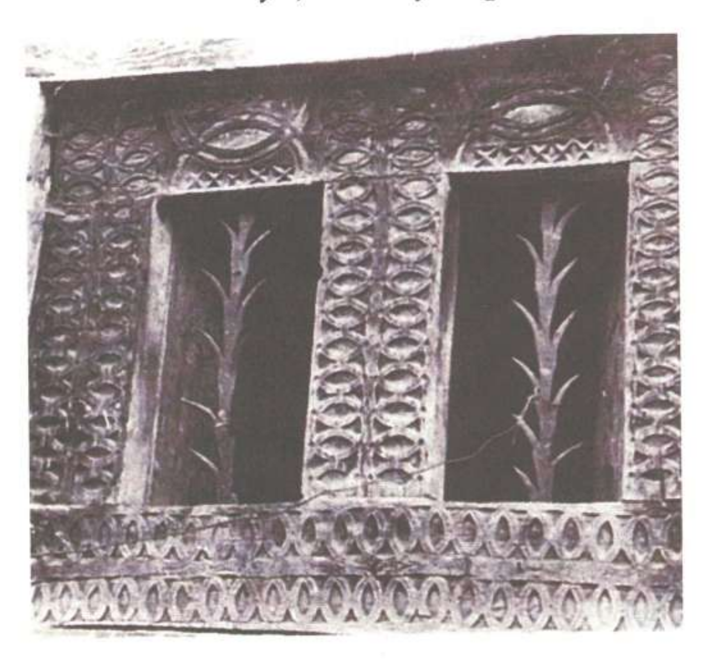
Село Кураг

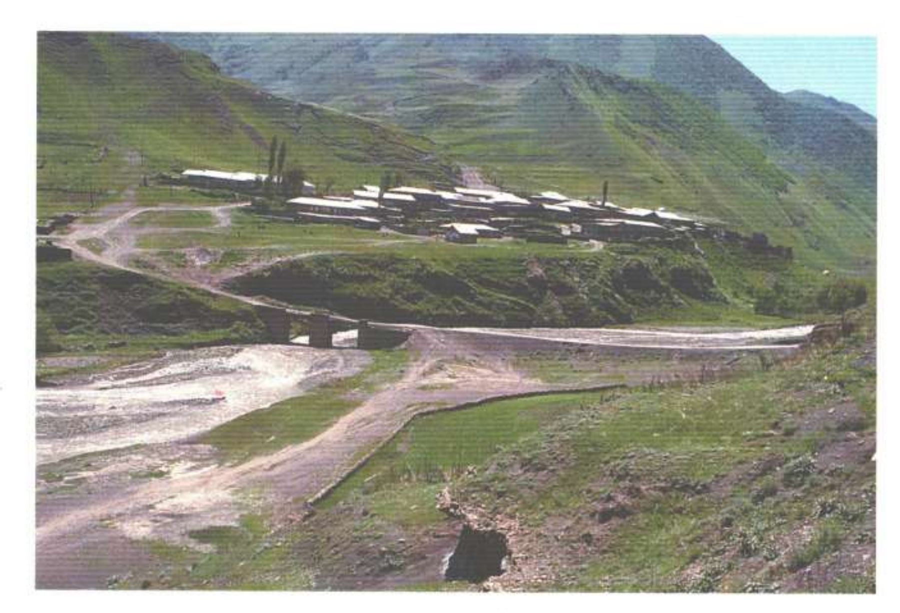

Рича. Старое и новое села

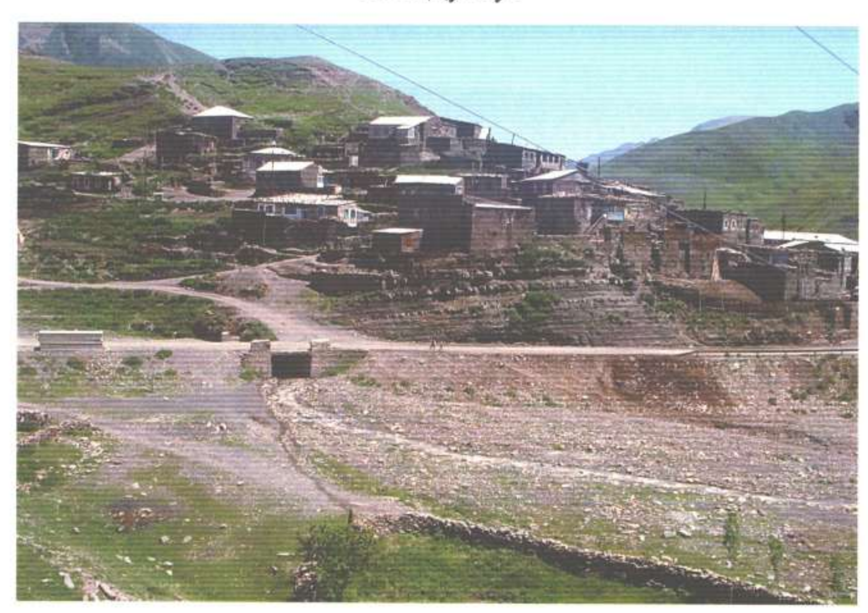

Вид на ущелье «Агул-дере»

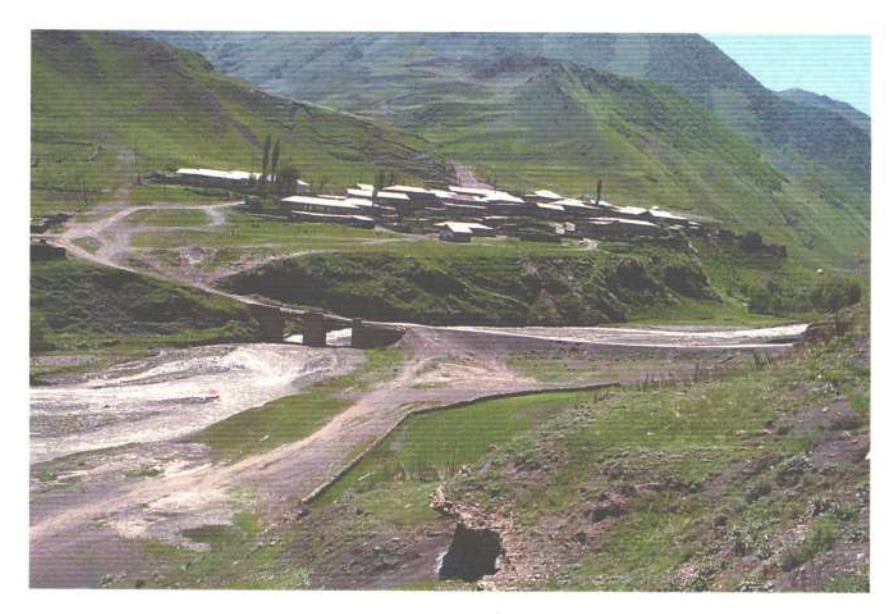

Село Дулдуг

Село Гоа

Село Дулдуг

Село Гоа

ИЗ ФАУНЫ И ФЛОРЫ АГУЛА

Насруллаев Алай Рамазанович

АГУЛЫ — АЛЬФА И ОМЕГА

Подписано в печать 12.10.2009.
Формат 60х84/16.
Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз.
Заказ № 35.

Оптовая торговля книгами Издательского дома «Эпоха»:
со склада в Махачкале: тел. (8722) 93-24-12,
E-mail: idepoha@mail.ru

Вся продукция доступна в Интернет-магазине
Издательского дома «Эпоха» на сайте www.epokha.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах, журналах и на сайте
Издательского Дома «Эпоха» обращаться в отдел продаж
по тел: (8722) 93-24-12.

ООО «Издательский дом «Эпоха»»
367003 Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Ушакова, 3 «в».
Тел./факс +7(8722) 67-55-56;
www.epokha.ru
E-mail: idepoha@mail.ru

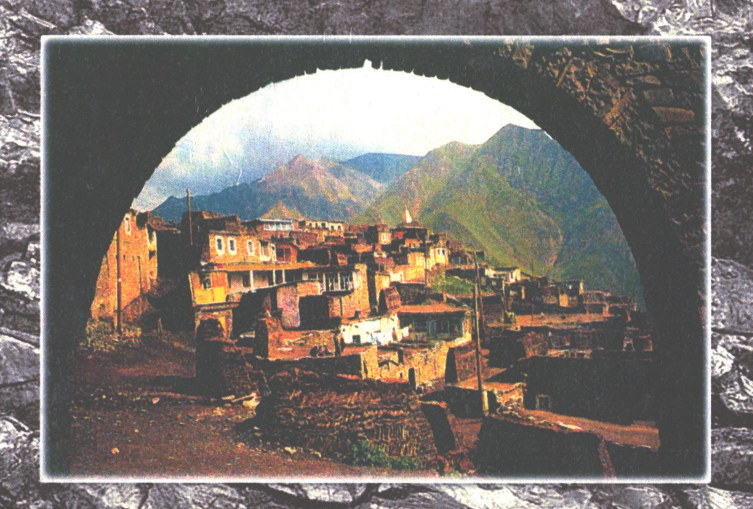

Человек своими действиями, поступками, поведением утверждает себя в жизни. И тут все зависит от его нравственного мира, духовных качеств, помыслов. Из поступков, привычек, склада ума, мыслей и переживаний складывается человеческий характер, а, в конечном счете, жизнь человека. И у каждого человека, прошедшего определенный жизненный путь, есть своя биография. Порой она насыщена интереснейшими событиями и свершениями, порой бедна, однообразна, так что к исходу жизни и вспоминать-то не о чем. Но, кроме этой событийной, внешней биографии, у каждого из нас есть и внутренняя, духовная биография. Чаще всего и то и другое неразрывно связано. Духовная биография - история внутреннего становления и развития личности, ее постоянного роста и обогащения, поиска путей своей сопричастности к судьбе своего народа.

Алай Насруллаев – член Союза журналистов России.

А. Р. НАСРУЛЛАЕВ

АГУЛЫ – АЛЬФА И ОМЕГА

*

Махачкала 2009